БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ПОД РЕДАКЦИЕЙ М. ГОРЬКОГО

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:
М. ГОРЬКИЙ, И. А. ГРУЗДЕВ,
Б. Л. ПАСТЕРНАК, В. М. САЯНОВ, А. П. СЕЛИВАНОВСКИЙ,
Н. С. ТИХОНОВ, Ю. Н. ТЫНЯНОВ

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ · 1935

801-15
1132

СУМАРОКОВ

СТИХОТВОРЕНИЯ

9 49/252
3 вкл +1 порог

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
АКАД. А. С. ОРЛОВА

ПРИ УЧАСТИИ
А. МАЛЕИНА, П. БЕРКОВА
и Г. ГУКОВСКОГО

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ · 1935

2010388024

ВСЕСОЮЗНАЯ
ЛЕНИНА

35-28754

СТИХОТВОРЕНИЯ

О Д А

К М. М. ХЕРАСЬКОВУ

Среди игры, среди забавы,
Среди благополучных дней,
Среди богатства, чести, славы,
И в полной радости своей,
Что все сие как дым преходит,
Природа к смерти нас приводит,
Воспоминай, о человек!
Умрешь, хоть смерть и ненавидишь,
И все, что ты теперь ни видишь,
Исчезнет от тебя на век.

Покинешь матерню утробу
Твой перьвый глас есть горький стон,
И исходя отсель ко гробу
Исходишь ты стеня и вон;
Предписано то смертных части,
Чтоб ты прошел беды, напасти,
И разны мира суеты,
Вкусил бы горесть ты и сладость,
Печаль, утеху, грусть и радость,
И все бы то окончил ты.

Во всем на свете сем премена,
И все непостоянно в нем,
И все составлено из тлена:
Не зрим мы твердости ни в чем;
Пременой естество играет,
Оно дарует, отбирает;
Свет только образ колеса.
Не грянет гром и ветр не дохнет,

Земля падет, вода иссохнет,
И разрушатся небеса.

Зри, как животных гибнут роды,
На собственный свой род воззри,
Воззри на красоты природы,
И коловратность разбери:
Зимой луга покрыты снегом,
Река спрягается со брегом,
Творя из струй крепчайший мост:
Прекрасны, благовонны розы
Едины оставляют лозы,
И обнаженный только грозд.

Почтем мы жизнь и свет мечтою;
Что мы ни делаем, то сон,
Живем, родимся с суетою,
Из света с ней выходим вон,
Достигнем роскоши, забавы,
Великолепия и славы,
Пройдем печаль, досаду, страх,
Достигнем крайнего богатства,
Преодолеем все препятства,
И после превратимся в прах.

Умерим мы страстей пыланье;
О чем излишне нам тужить?
Оставим лишнее желанье;
Не вечно нам на свете жить.
От смерти убежать не можно,
Умрети смертным неотложно,
И свет покинуть навсегда.
На свете жизни нет миляе,
И нет на свете смерти зляе;
Но смерть последняя беда.

ОДА

Все в пустом лишь только цвете,
Что ни видим, суета:
Добродетель, ты на свете,
Нам едина красота!
Кто страстям себя вверяет,
Только время он теряет,
И ругательство влечет;
В той бесчестие забаве,
Кая непричастна славе;
Щастье с славою течет.

Чувствуют сердца то наши,
Что природа нам дала;
Строги стоики! не ваши
Проповедую дела.
Я забав не отметаю;
Выше смертных не взлетаю,
Беззакония бегу,
И когда его где вижу,
Паче смерти ненавижу
И молчати не могу.

Смертным слабости природны,
Трудно сердцу повелеть,
И старания бесплодны,
Всю природу одолеть,
А неправда с перва века,
Никогда для человека,
От судьбины не дана;
Если честность мы имеем,
Побеждать ее умеем,
Не вселится в нас она.

Не с пристрастием, но здраво
Рассуждайте обо всем:
Предпишите оно право,
Утверждайтеся на нем:
Не желай другому доли,
Ни какой, противу воли,
Тако будто бы себе:
Беспорочна добродетель,
Совести твоей свидетель,
Правда судия тебе.

Не люби злодейства, лести,
Сребролюбие гони:
Жертвуй всем, и жизнью, чести,
Посвящая все ей дни:
К вечности наш век дорога;
Помни ты себя и бога,
Гласу истины внемли;
Дух не будет вечно в теле;
Возвратимся все отселе
Скоро в недра мы земли.

ГИМН СОЛНЦУ

Светило гордое, всего питатель мира,
Блистающее к нам с небесной высоты!
О, если бы взыграть могла моя мне лира
Твои достойно красоты!

Но трудно на лице твое воззрети оку;
Трудняе нам еще постигнути тебя;
Погружено творцом ты в бездну преглубоку,
Во мраке зря густом себя.

Вострепетала тьма, лишь только луч пустился:
Лишь только к высоте подвигнулся с небес,
Горящею стрелой дом смертных осветился,
И мрак перед тобой исчез.

О солнце, ты живот и красота природы,
Источник вечности и образ божества!
Тобой жива земля, жив воздух, живы воды,
Душа времен и вещества!

Чистейший бурный огнь, лампада перед вечным,
Пылающе пред ним из темноты густой,
Волнующаяся стремленьем быстротечным,
Висяща в широте пустой!

Тобою всякое дыханье ликовствует,
Встречает радостно лицо твое вся тварь,

Пришествие твое вседневно торжествует;
Небесных дел ты вождь и царь!

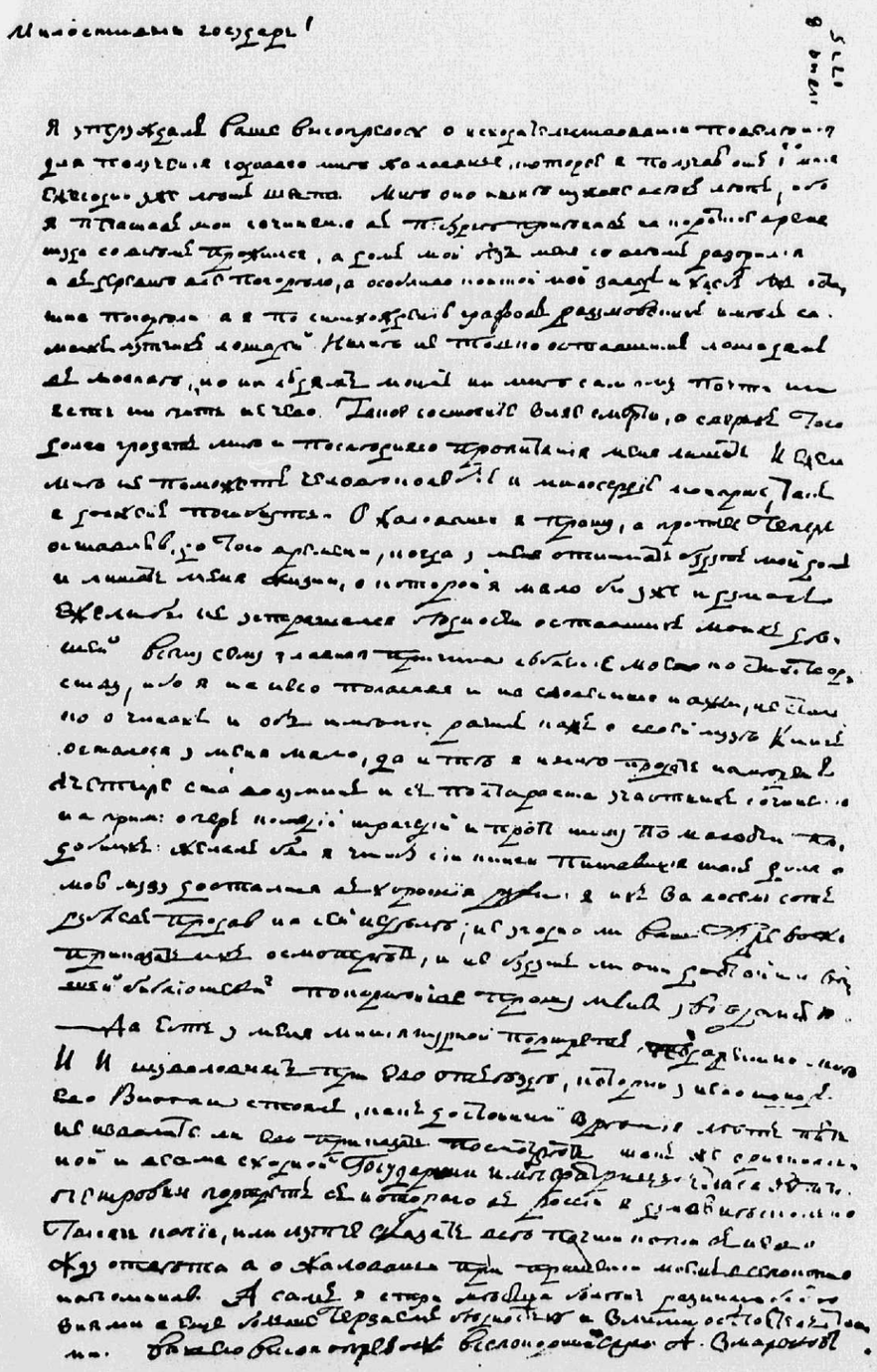
Объемля взором всю пространную державу,
Во веки бодро бдя, не дремля николи,
Великолепствуя, вещаешь божью славу,
Хваля творца по всей земли.

ПРОТИВУ ЗЛОДЕЕВ

На морских берегах я сижу,
Не в пространное море гляжу,
Но на небо глаза возвожу.
На врагов, кои мучат нахально,
Стон пуская в селение дально.
Сердце жалобы взносит печально.
Милосердие мне сотвори,
Правосудное небо, воззри
И все действа мои разбери!
Во всей жизни минуту я кажду
Утесняюсь гонимый и стражду,
Многократно я алчу и жажду.
Иль на свет я рожден для того,
Чтоб гоним был, не знав для чего,
И не трогал мой стон никого?
Мной тоска день и ночь обладает,
Как змея мое сердце съядает,
Томно сердце всечасно рыдает.
Иль не будет напастям конца?
Вопию ко престолу Творца:
Умягчи, боже, злые сердца!

ПРОТИВУ ЗЛОДЕЕВ

Ты ямбический стих во цвете,
Жестоких к изъясненью дел
Явил, о Архилох, на свете,
И первый славно им воспел!
Я, зляся, воспою с тобою,
Не в томной нежности стеня;
Суровой возглашу трубою;
Трохей, сокройся от меня!
О нравы грубые! о веки!
Доколе будут человеки,
Друг друга мучить и губить,
И станут ли когда любить,
Не внемля праву мыслей злобных,
Свой род и всем себе подобных,
Без лести почитая в них,
Свой образ и себя самих?
В пустынях диких обитая,
Нравоучений не читая,
Имея меньшие умы,
Свирепы звери, нежель мы,
Друг друга больше почитая,
Хотя не мудро говорят,
Все нас разумняе творят:
Ни страшный суд, ни мрачность вечна,
Ни срам, ни мука бесконечна,
Ни совести грозящей глас
Не могут воздержати нас.
Злодеи, бойтесь, бойтесь бога
И всемогущего творца:
Страшитеся судьи в нем строга,
Когда забыли в нем отца!



Автограф Сумарокова

ЧАСЫ

Суетен будешь
Ты, человек,
Если забудешь
Краткий свой век.
Время проходит,
Время летит,
Время проводит
Все, что ни льстит.
Счастье, забава,
Светлость корон,
Пышность и слава,
Все только сон.
Как ударяет
Колокол час,
Он повторяет
Звоном сей глас:
Смертный, будь ниже
В жизни ты сей;
Стал ты поближе
К смерти своей.

ИЗ ГЛАВЫ III СИРАХА

Колико будешь вознесен,
Толико буди ты смирен;
Бог души горды ненавидит
И, зря с небесной высоты
На нашу жизнь и суеты,
Все действо здешне ясно видит.

Хотя б ты выше всех восшел,
И судиею мира сел,
Всея вселенной на престоле;
Не помня жизни сей конца,
И щедра б разгневил творца,
Тебя бог свержет и оттоле.

То помни, что твой краток век,
Что ты и славясь, человек,
Что, наг пришедший из утробы
И насыщаясь здешних благ,
Опять отсель отъидешь наг;
Богатства не берут во гробы.

Тогда погибнет та хвала,
Котору грубо лесть плела
И плоть червям отдастся в пищу.
Взносися; только не забудь,
Что всем необходим сей путь,
Царю, рабу, богату, нищу.

ИЗ 3—16—63 ПСАЛМОВ

В СИХ ТРЕХ ПСАЛМАХ ПО НАЧАЛЬНЫМ ЛИТЕРАМ ТРИЖДЫ О БОЖЕ, ПОМИЛУЙ

О боже, боже мой, внемли мою молитву!
Безмерно множество врагов имею я:
Острят они язык против меня как бритву;
Жизнь, господи, от них смутилася моя.

Единым только ты грусть тяжку уменьшаешь;
Поборствуя ты щит во слабости моей:
Отрадой ум бодришь и сердце утешаешь:
Мученье отвратить ты можешь доли сей.

Исторгни зубы их, из сей влеча мя муки!
Лукавые сердца томят несчастну грудь;
Услышь моление! к тебе взвожу я руки!
И покровителем моей ты жизни будь!

О боже, боже мой! ты злобу ненавидишь;
Божественной твоей она мерзка судьбе:
Открыто все тебе; мое ты сердце видишь:
Желания мои стремятся все к тебе.

Единственно мой дух питается тобою:
Путем иду прямым, и ноги не склизят:
Отврата в кривизну не вижу пред собою;
Меня мои враги безвинно поразят.

Избавь от них меня, ко гибели влекущих,
Лиши, о господи, их вредных людям сил:

Удари по пути кривом их яд несущих,
И сделай, чтобы я спокойствие вкусил!

О боже, боже мой, спаси меня от злобы:
Бесстыдну прекрати врагов моих ты речь,
Отринь зияющи их лютые утробы!
Желчь носят во сердцах, в устах их острый меч

Елико совесть их, грызя, ни уличает,
Пылают на меня они всегда как ад:
От лука крепка дух мой стрелы примечает:
Минуту каждую кропит их стрелы яд.

И если б мя тобой спасенье не держало;
Ловила бы всегда мя смерти злой коса:
Увял бы я на век: а сердце бы дрожало,
И до последнего терзало мя часа

ИЗ 4 ПСАЛМА

ТОЧНО КАК НА ЕВРЕЙСКОМ

Когда взываю я к тебе оправдающий мя боже,
Творящий мне в тесноте пространство;
Помилуй мя и услыши молитву мою!
О вельможи! доколе честь моя ставится мне
бесчестием:
Доколе любите суетные вымыслы?
Уведите, яко творит господь чудеса над своим
преподобным,
И слышит его взывающа.
Бойтеся и не согрешайте!
Буди слово его, во время ваших совещаний,
в сердцах ваших.
А вы успокойтеся!
Жертвуйте, жертвою праведною,
И уповайте на господа!
Многие глаголют тако: кто явит нам время лучше
сего времени:
Ты, о господи, явиши, светом лица твоего:
Ты дашь веселие сердцу моему,
Паче изобилия пшеницы и вина.
Засну спокойно;
Ибо тобою жилище мое безопасно будет.

ИЗ 17 ПСАЛМА

Разгневанный всевышний мещет
Во ярости на землю взор;
Мятутся основанья гор,
Дрожат, и вся земля трепещет.

Вся сфера бурно распаленна,
И пламень огненный шумит,
Подсолнечная вся гремит,
И воздымляется вселенна.

Он небо преклонив нисходит,
На крыльях ветра он летит,
И херувимский лик блестит,
Подножье в воздух мрак низводит.

Чертог его из тьмы составлен,
И из густых угрюмых туч,
Которы рассекает луч,
Каким день жаркий воспрославлен.

Те тучи пламенем блистают,
Ревет от сильной бури лес,
И грады сыплются с небес.
Гром грянул, молнии летают.

Смятенный во свои пределы,
Бежит воюющий народ,
Гоним огнем и током вод:
С небес на них пущенны стрелы.

Со стоном со стыдом и горем,
Бегут; прогневан ими бог:
Низломлен гордости их рог:
Их путь покрыт на суши морем.

Их гибла память, кровь их мерзла,
Рок смертный был сопутник им:
За ними огнь, пред ними дым,
Земля им пропасти разверзла.

ИЗ 35 ПСАЛМА

Скажу, что страха нет в сердцах таких людей,
Которы истине ни в чем не отвечают,
И злодеянием себя не уличают:
И мерзок предо мной злодей.

С утра до вечера они сплетают ложь
И где не сеяли снимают тамо жатвы,
Клянутся, никогда не помнят оной клятвы,
Творя злодейство то ж и то ж.

Проснутся в мыслях сих, в сих мыслях и заснут,
И злой привычкою ко аду привлеченны
Со добродетелью на веки разлученны,
Забыли страшный божий суд.

Во преисподнюю отверсты им врата:
Туда низверженны падут и не восстанут:
Исчезнет корень их и терния увянут:
Как тень, минется суета.

А мы хранители твоих, о боже, слов,
Которым памятна твоя велика слава,
И сильная твоя в подсолнечной держава,
Преклонимся под твой покров.

ИЗ 61 ПСАЛМА

точно как на еврейском языке

Молчи, душа,
И только к одному ты богу обращайся;
Мне помощь от него единого приходит!
Твердейший камень он и помощь он моя,
И место крепкое; так тяжко не паду:
Против единого доколе крик военный,
Вы будете вздымати,
И обще сокрушать уже висящу стену,
К падению готову!
Советуют они как им из высоты,
Низвергнути его.
Им ложь угодна:
Устами,
Они благословляют,
А в сердце,
Клянут они.
Молчи, душа,
И к богу обращайся!
Мне помощь от него единого приходит;
Твердейший камень он и помощь он моя,
И место крепкое; так тяжко не паду.
Спасение и честь моя врученны богу:
Мне бог непобедимый камень,
Прибежище мое;
Надейся на него, народ, во всяко время!
Рассыпьте сердце перед ним;
Прибежище он наше:
А человеки
Суть легкие из уст и кратки дыхновенья,
Вельможам ради лести.

Когда возложишь их на вес;
Так лишь ничто одно подымется на верьх.
Не уповай никто на силу и на наглость!
Брегитесь сами вы с неправедным именьем,
Подобно чаду разлететься!
Коль вас пременный бег вещей когда снабжает;
Не слишком вы в имение вперяйтесь.
Я слышал то:
Единожды бог рек:
Исполнилось то дважды;
Господь бо силен.
О господи! с тобою милость;
Ты кажда по делам достойно награждаешь.

ИЗ 80 ПСАЛМА

Возрадуйтесь богом и силой его,
Воскликните к богу с веселием вы,
Взыграйте на цитрах, тимпанах и арфах,
Ударьте в тимпаны, трубите в трубы!
Се новое лето и нова луна,
И скоро последует листвия праздник,
Как мы украшали свои шалаши,
Израиль назначенны дни оржествует;
Иакова богом нам дан сей устав,
Кагда шел Иосифов род из Египта,
И слышали сей мы от гóспода глас.
Я скинул ныне ваше бремя,
От ига вас освободил,
Свободы радостное время,
И ваше благо учредил.
Лучи светила померькают,
И мрачны тучи кроют вас:
Се, страшны молнии сверькают:
Внимайте мой во громе глас,
Я бог и вещества создатель,
Мне вся моя подвластна тварь,
Я всей вселенной обладатель,
И вечно властвующий царь:
Храните все вы те уставы,
Которы изреку я вам,
И исправляйте ими нравы,
А я за то блаженство дам.

ИЗ 145 ПСАЛМА

Не уповайте на князей,
Они рожденны от людей,
И всяк по естеству на свете честью равен,
Земля родит, земля пожрет:
Рожденный всяк, рожден умрет,
Богат и нищ, презрен и славен.

Тогда исчезнут лести те,
Которы данны суете,
И чем гордилися бесстыдно человеки:
Скончаются их кратки дни
И вечно протекут они,
Как гордые, шумя, текущи быстро реки.

Когда из них изыдет дух,
О них пребудет только слух,
Лежащих у земли бесчувственно в утробе:
Лишатся гордостей своих,
Погибнут помышленья их,
И пышны титла все сокроются во гробе.

ОДА

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ [1] В ДЕНЬ ЕЯ ВСЕВЫСОЧАЙШЕГО РОЖДЕНИЯ ТОРЖЕСТВУЕМОГО 1755 ГОДА ДЕКАБРЯ 18 ДНЯ

Благословенны наши лета;
Ликуй, блаженная страна;
В сей день тебе Елисавета
Всевышним и Петром дана.
Источник празднуя судьбине,
Возрадуйтесь народы ныне,
Где сей царицы щедра власть.
О день, исполненный утехи!
Великого Петра успехи,
Тобою славят нашу часть.

Ты наше время наслаждаешь
Тобою Россов век цветет,
Ты новы силы в нас раждаешь,
Тобой прекрасняе стал свет.
Презренны сих времен морозы,
Нам мнятся на полях быть розы,
И мнится, что растут плоды;
Играют реки с берегами,
Забвен под нашими ногами
Окаменелый ток воды.

Богиня красотою тела;
Души подобно красотой
Богатством своего предела,
И обладанья широтой.

[1] Елизавете Петровне.

Ты наше счастье вожделенно,
Ты нами царствуешь смиренно,
Ты нам владычица и мать:
К тебе в любви Россия тает,
Вселенна трон твой почитает,
Враги страшатся восставать.

Не ищешь ты войны кровавой,
И подданных своих щадишь,
Довольствуясь своею славой,
Спокойства смертных не вредишь.
Покойтесь, Русских стран соседы;
На что прославленной победы,
И грады превращати в прах?
Седящия на сем престоле
Нельзя хвалы умножить боле,
Ни света усугубить страх.

Императрица возвещает,
Уставы истинны храня:
Кто в сердце дерзость ощущает
Восстать когда против меня;
Смирю рушителей покою,
Сломлю рог гордый сей рукою:
Покрою войском горизонт:
Отверстое увидит вскоре,
Петровой дщери силу, море:
Покрою в гневе флотом понт.

Над ними будешь ты царица,
Наложишь на противных дань.
Воздвигни меч, императрица,
Когда потребна будет брань!
Пред войском твой штандарт увидев,
Мы, тихий век возненавидев,
Забудем роскошь, род и дом:
Последуя монаршей воле,
Наступим на Полтавско поле.
Бросай из рук девичьих гром.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЯ
СОЧИНЕНІЯ
КЪ ПОЛЬЗѢ И УВЕСЕЛЕНІЮ
СЛУЖАЩІЯ.
Генварь, 1755 года.
ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
при Императорской Академіи Наукъ.

Титульный лист журнала
«Ежемесячные сочинения»

Тогда сей год возобновится,
В который в чреве ты была,
И паки пламень возгорится,
Против на нас восставша зла.
Ужасна ты была во чреве;
Ужасняй будешь ты во гневе:
Ты будешь верность нашу зреть.
Восстаньте, разных стран народы,
Бунтуйте, воздух, огнь и воды;
Пойдем пленить или умреть.

Пожжем леса, рассыплем грады,
Пучину бурну возмутим.
Иныя от тебя награды
За ревность мы не восхотим,
Чтоб ты лишь перстом указала,
И войску своему сказала:
Достойны Россами вы слыть.
О дщерь великому Герою!
Готовы мы итти под Трою,
И грозный океан преплыть.

Внимаю звуки я тогдашни:
Се бомбы в облака летят,
Подкопы воздымают башни,
На воздух преисподню мчат:
Куда ни хочет удалиться,
Не может неприятель скрыться;
На суше смерть и на водах:
Несется страх в полках смятенных,
Уже Россиян разъяренных
На гра́дских вижу я стенах.

Но днесь, народа храбра племя,
Ты в мысли пребывай иной:
Забудь могущее быть время
И наслаждайся тишиной.
Вспевайте, птички, песни складно,
Дышите, ветры, вы прохладно,
Цалуй любезную, Зефир,

Она листочки преклоняет,
Тебя подобно обоняет,
Изображая сладкий мир.

На нивах весело порхает
И в жирных пелепел травах,
И земледелец отдыхает,
На мягких лежа муравах;
Не слышны громы здесь Беллоны,
Не делают тревоги стоны,
Нет плача вдов и бед сирот.
Драгой довольствуяся частью,
Живя под милосердой властью,
О коль ты счастлив, Россов род!

С разверзтием свирепа зева
Бежит из рощей алчный зверь,
За ним стремится храбра дева,
Дияна иль Петрова дщерь:
Девица красотою блещет,
И мужественно стрелы мещет.
Но кое здание зрю там!
И что, мои пленяя взоры,
Мне тамо представляют горы?
Дияна, твой Ефесский храм.

Покойся, града удаленна,
В прекрасных зданиях ты сих
И, тьмою дел отягощенна,
Покойся по трудах своих.
Полночны ветры отлетайте,
Луга вседневно процветайте,
А ты тверди наш, эхо, глас:
Мы счáстливые человеки;
Златые возвращенны веки
Елисаветой ради нас.

Оттоль, монархиня, взираешь,
На град Петров, на свой престол
И как ты взоры простираешь,

Твои слова сей слышит дол:
В сем месте было прежде блато,
Теперь сияет тамо злато,
На башнях счастия творца,
Нева средь пышна града льется,
И с нею во весь мир несется
Шум славы моего отца.

В сем твой родитель вертограде
Для нас науки насадил:
В великолепном сем он граде
Жилище Музам учредил.
Премудрость отворила двери
Петру и для Петровой дщери,
Во храм сокровищей своих.
Ступайте, Россы, просвещайтесь,
Ея дарами насыщайтесь,
Вкушайте к пользе сладость их.

Елисавет, Москва страдала,
В прехвальной зависти своей,
Наук подобно ожидала,
В покрове милости твоей.
Уже Российская столица,
Воспомнила императрица,
Твое довольствие начать.
О матерь своего народа!
Тебя произвела природа
Дела Петровы окончать.

Дивится грому вся вселенна,
Твое оружие внемля,
Победа нам определенна,
Тебя страшится вся земля.
Промчится в превеликих звуках
О наших слава так науках
И всю Европу удивит.
Твоя сияюща корона,
В России Лока и Невтона,
И всех премудрых оживит.

Смешайтесь, токи Иппокрены,
Вы с чистой гордою Невой,
Плещите вы в Московски стены,
Смесившися с ея водой.
В далекие пределы света,
Как царствует Елисавета,
Гласи, Российский Геликон:
Сего тебе довольно слова,
Вещай лишь только: дочь Петрова,
Велика, такова, как он.

ОДА

ГОСУДАРЫНЕ ИМПЕРАТРИЦЕ ЕКАТЕРИНЕ ВТОРОЙ, НА ДЕНЬ ЕЯ ТЕЗОИМЕНИТСТВА, 1762 ГОДА НОЯБРЯ 24 ДНЯ

Во все пространные границы,
К Екатерининым сынам,
Воззри с горящей колесницы,
Воззри с небес, о солнце, к нам:
Будь нашей радости свидетель,
И кая ныне добродетель,
Российский украшает трон:
Подобье види райску крину,
Красу держав, красу корон,
Премудрую Екатерину.

И луч пуская раскаленной,
Блистая, прогоняя тень,
Лети и возвещай вселенной,
Сей полный радостию день!
О день, день имени преславна!
Да будет радость наша явна,
Везде где солнце пролетит:
Куда ни спустит быстры взоры,
И где оно ни осветит,
Моря, леса, долины, горы!

Ликуй, Российская держава:
Мир, наше счастие внемли:
А ты, Екатерины слава,
Гласись во век по всей земли!
Чего желать России боле?
Минерва на ея престоле,

Щедрота царствует над ней!
Астрея с небеси спустилась
И в прежней красоте своей
На землю паки возвратилась.

И се, фортуна обновляет
Спокойствие и тишину,
Златые дни восстановляет,
Зло вержет в адску глубину.
Законы тверды ныне стали,
Грабители вострепетали:
Исчезнет лихоимства труд;
В порфире правосудье блещет;
Страшна вина, не страшен суд:
Судим невинный не трепещет.

Лучем багряным землю кроя,
Судьба являет чудеса:
Разверзлось небо, зрю Героя,
Восшедшего на небеса:
Российский славный обладатель
И града Невского создатель
Уставы чтет судьбины там:
Богиня таинство вверяет:
Монарх ту тайну сим местам
В восторге духа повторяет.

Среди осмьнадесята века,
Россия ангела найдет:
А он во плоти человека,
На славный трон ея взойдет:
И в образе жены прекрасной
Возвысится хвалой согласной
И действом до краев небес:
Екатериной наречется.
Бог ангела на трон вознес,
По всей вселенной слух промчется.

Нагая правда не зардится
В природной пышной красоте,

Невежество не возгордится
Во грубой, наглой простоте,
В учение народы вникнут,
Великолепствовать обыкнут
Красою только хвальных дел,
И Росский, пользу умножая,
Наполнят радостьми предел,
Императрице подражая.

Горят и верностью пылают,
Пылают наши к ней сердца:
Уста молитвы воссылают
Ко трону господа творца:
Благословляй Екатерину!
Я сей молитвы не отрину,
Вещает царь небесных стран:
Природа бурей восшумела,
Потрясся вихрем окиян,
Подсолнечная возгремела.

ОДА
ГОСУДАРЫНЕ ИМПЕРАТРИЦЕ ЕКАТЕРИНЕ ВТОРОЙ НА ДЕНЬ ЕЯ РОЖДЕНИЯ, 1768 ГОДА АПРЕЛЯ 21 ДНЯ

Возыграйте, струны лиры;
Возбуждает Феб от сна:
Вейте тихие Зефиры;
Возвращается весна:
День предшествует огромный,
Оживляя воздух томный,
Флора царству твоему:
Как тебе, богиня, крины,
Так дела Екатерины,
Счастье северу всему.

Ты в сей день, императрица,
Зрела в перьвый раз на свет,
И всевышняя десница,
Орошала райский цвет:
Злоба челюсти терзала,
Как судьбина отверзала,
Двери во Фортуны храм:
Растворились двери пышны:
В небе восклицанья слышны:
Россы, дар сей бог дал вам.

Тако возвещали духи,
Трон носящи на крылах,
Ниспуская Россам слухи,
Восклицая в небесах:
И оттоле многи лета
Глас сей чрез пределы света
Резче к нам стрелы летел:

Внемлют оно Невски воды,
И исполнили народы,
Нам чего творец хотел.

Бог пречудно помогает
Нам во злейши времена
И с отчаянных слагает
Возложенны бремена;
Тако бурю ненавидя,
Мореплаватель увидя
Пристань и покойный брег,
Сколько в море он тоскует,
Столько в пристани ликует,
Окончав опасный бег.

Разум мой восторжен ныне,
Любопытствие пленя:
В сердце зря Екатерине,
Извещает он меня,
Что она на троне мыслит,
Как часы владенья числит,
Жертвуя своей судьбе.
Душу зря необычайну
Я сию, Россия, тайну
Открываю днесь тебе.

Мыслит так о славе трона:
Мне обширная страна
К исправлению закона
От небес поручена:
Я во дни моей державы,
Не ищу иной забавы,
Кроме счастия людей:
Все что можно в них исправлю,
Пользу им и честь оставлю
Диядиме я своей.

Окияна ветром волны
Взносятся превыше гор:
Мысли общей пользы полны,

Всесоюзная Библиотека имени В. И. Ленина

Нашей высоты подпор;
Скипетр дело не велико,
Если оного владыко,
Благом ставит только блеск;
Царско имя устрашает:
Коль оно не утешает,
Тщетен и народный плеск.

Мне сие в трудах отрада:
Сей хочу я плеск примать,
Что в России все мне чада,
Что в России всем я мать.
О мои любезны дети!
То ласкает мя владети:
Что вы любите меня:
В чем вам польза, то мне славно;
Вас и я люблю вам равно,
Должность матери храня:

Се, что сердце в ней находит,
В утро, в вечер, в день и в ночь
На минуту не отходит
Мысль от ней такая прочь.
В нашем ты внемли ответе:
Для тебя мы жить на свете,
Для тебя умреть хотим.
За свою мы мать любезну,
В пламень, в пропасти и в бездну,
Яко Курций полетим.

Ты, Россия, побеждала,
Неприятелей своих,
Тверды грады осаждала,
Претворяя в пепел их.
Кровь тогда лилась реками,
Дым казался облаками,
Воздух выл и трясся понт,
Стрелы Зевсовы летали,
Молнии во мгле блистали,
Колебался горизонт.

Вся с победами та слава,
Во блаженной сей судьбе,
При рушении устава,
Ах! не пользует тебе;
Слава с стоном не согласна,
Если жизнь небезопасна,
И имение и честь:
Где мздоимство обитает
Яко снег, там правда тает,
Тщится суд неправду плесть.

В томну грудь бия руками,
В горести вседневно бдя,
С распущенными власами,
Очи к трону возводя,
К нижней трона пад ступени,
Пред богиней на колени,
Се империя падет.
Зри мои потоки слезны,
Дай законы мне полезны:
Так Россия вопиет.

Соответствуй общей доле,
Сонм достойнейших людей,
И монаршей мудрой воле,
К наставлению судей.
О сладчайше упованье,
Соверши скоряй желанье
Наших алчущих сердец:
Украси сию державу,
Вознеси богини славу,
Выше Солнца на конец!

ОДА
ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ ГОСУДАРЫНЕ ЕКАТЕРИНЕ АЛЕКСЕЕВНЕ ИМПЕРАТРИЦЕ И САМОДЕРЖИЦЕ ВСЕРОССИЙСКОЙ НА ДЕНЬ ВОСПЕШЕСТВИЯ ЕЯ НА ВСЕРОССИЙСКИЙ ПРЕСТОЛ, ИЮНЯ 28 ДНЯ 1768 ГОДА

Гоня с престола Росска тень,
Богиня скипетр украшает;
В сей радостный великий день
Главу Россия возвышает.
И щедролюбием небес
Поля и нивы, горы, лес
Ужасну темноту отмещут;
Ликует северный народ,
И волны быстрых Невских вод
В веселии играя, плещут.

Я вижу тот блаженный час,
И в нову радость он мя вводит,
Я слышу сей приятный глас:
На трон Екатерина всходит.
Весь воздух восклицаньем полн:
Из утренних Аврора волн,
Во светлой летней багрянице,
Сияя морю и лугам,
По чистым Бельтовым брегам
Предшествует императрице

Страшася, сильный Зевса брат
Едва к Неве воззреть дерзает:
Из растворенных моря врат,
Которы бездна разверзает:

Смущается полночный ветр:
Во образе Паллады Петр
Отъемлет область от Эола,
Устав Нептуна пременит:
Он, крояся в пучине, мнит:
Лишуся паки я престола.

Места, ей коими итти,
Сугубо процветать желают:
Прекрасны нифмы по пути
Зелены ветви подстилают.
Восходит Феб на высоту
И, множа лета красоту,
Лучи пускает раскаленны.
Взирая, слава к сим местам,
Поставила трубу к устам,
Помчится во края вселенны.

О матерь наша! на тебя,
Страна в надежде пребывала,
А ты, отечество любя,
Тогда на бога уповала.
К тебе усердная любовь,
Велела Россам лити кровь,
Коль рок благой препятствен части.
И зря она твой дух геройск,
Пред сонмом наших храбрых войск,
Вручается премудрой власти.

Торжественный повсюду плеск:
Народ до облак восклицает,
И громче нежель Зевса треск,
Когда весь воздух проницает.
И се, плененная тобой,
Богиня со златой трубой
Взирает на твою порфиру
И с воздуха страны сея
Начало власти твоея,
Гремяща, возвещает миру.

Коснувшись высшия чреды,
Иной одно богатство числит;
Иной не зная что́ труды,
Лишь только о забавах мыслит;
Того нагое имя честь,
Коленопреклоненье, лесть,
К восторжной гордости приводит;
Тот волей начинает бой
И, слыша вдов и сирых вой,
Свое величие находит.

Екатерина все сие,
Душ малых счастье презирает:
Одну в бессмертие свое
Народу пользу собирает.
Еще во окияне свет,
Она уже с одра встает
И гласу царска долга внемлет;
И у покоя своего
Россия ради твоего,
Всегда велику честь отъемлет.

Законов и царей где нет,
Простри туда свою державу!
Обрящешь тамо новый свет
И новую России славу.
Спряги со западом восток!
Эол, колико ни жесток,
Тобою можем мы спастися,
И, отделяя горизонт,
Не воспрепятствует нам понт
Из мира к миру пронестися.

С Курильских мелких островов
Устави нам торги с Нифоном
И буди подданным покров,
Богатство собирать во оном!
А ты не праздно ль, гордый Дон,
Бежишь из стран Российских вон,
Вливаяся в Евксинско море?

Визáнтия, Архипелаг
Увидят ли Российский флаг?
О если бы то было вскоре!

Увидев росски корабли,
Америка не ужасайся:
Из праотеческой земли,
В пустыни бегством не спасайся!
Под видом праведных богов,
Встречала ты своих врагов,
Кропити кровью вашей крины:
А мы по утренним водам,
Пристанем к вашим берегам
Со именем Екатерины.

О буди образец царей,
Князей, вельмож и человека,
Жена, достойна олтарей,
Для памяти златого века!
Кровавая исчезни брань,
Дающа беспокойству дань,
И с нею скройтесь дни гневливы!
А ты, божественной рукой
Держа и скипетр и покой,
Храни и орошай оливы!

ОДА

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ ГОСУДАРЮ ЦЕСАРЕВИЧУ И ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ ПАВЛУ ПЕТРОВИЧУ, НАСЛЕДНИКУ ПРЕСТОЛА, В ДЕНЬ ЕГО ТЕЗОИМЕНИТСТВА, ИЮНЯ 29 ЧИСЛА 1771 ГОДА

Взойди, багряная Аврора,
Спокойно в тихи небеса!
В лугах цветы рассыпли, Флора,
Цветами украси́ леса!
Победоносных войск успехом
Раздайся по долинам эхом,
Приятный вожделенный глас:
Что брань судьбина окончала,
И новым лавром увенчала,
Монархиню и с нею нас!

Ея оружья Музы славу
Возмогут ли позабывать
Хотя и кроткую державу
Всечасно будут воспевать.
Трофеем Бендер вечным будет:
Перикла Росска не забудет.
Вспомянется Российский флаг;
Дней наших слава не увянет
Доколе сушею не станет,
Попранный днесь Архипелаг.

Се, князь, войны преславны виды,
Ужасны Порте времена:
Герои наши, как Алькиды,
Святят Российски племена.
Но я победу оставляю;

Портрет А. П. Сумарокова.
(Гравюра с портрета Лосенко)

Не тем Россию прославляю;
Тебя воспети я хощу.
Петрополь, буди мне свидетель:
Бессмертну в смертном добродетель,
Я ныне свету возвещу.

Ко должности монарша сана,
Внимает он о божестве
И, слыша нова Феофана,
Зрит бога он во естестве.
С законом басен не мешает
И разум правдой украшает,
Пренебрегая сказки жен:
Не внемля наглу лицемерству,
Не повинуясь суеверству,
Которым слабый дух возжен.

Пряма в Эдем сия дорога,
Сии довольны чудеса.
Люби ты ближнего, что бога,
Бог создал землю, небеса.
В едином том ищи блаженства,
Достойный муж первосвященства,
Ему на всяк вещает день,
Зимы не емля вместо лета,
И вместо полудневна света,
Не выйдет полуночна тень.

А Ментор то же утверждает,
Что́ божий нам твердит закон:
Страстей волненье побеждает,
Во Телемаке Фенелон.
Мужей толь мудрых и избранных
И Павлу к наставленью данных
С почтением Россия зрит.
Великая Екатерина!
Тебя за такового сына,
Россия вся благодарит.

Прешли младенчеству уроки,
Для будущих геройству дел:
Не прикоснулися пороки
И дух божественно созрел.
Сквозь тьму незнания, князь, ночи
В небесны круги взводит очи—
Премудрости не зрит конца:
Он видит малость человека
И в человеке краткость века,
А в боге мудрого творца.

Планеты, шар земной, пылинки,
Колышемся и мы как прах:
Империи кусочки глинки;
Но как он мыслит о царях,
Вселенна коих величает.
Не сим царь титло отличает,
Что льзя разити и пленять,
Что все пред ним стоят со страхом,
Что властвует людьми как прахом
И что он может жизнь отнять.

Когда монарх насилью внемлет,
Он враг народа, а не царь;
И тигр, и лев живот отъемлет,
И самая последня тварь;
Змея презренья не умалит,
Когда кого, ползя, ужалит:
Пребудет та ж она змея.
Вот так о венценосцах мыслит,
Которым гневом божьим числит,
Великая душа сия.

И что на троны возведенны,
Не для себя цари одних:
Хотя и для себя рожденны,
Но для и подданных своих.
Нестройный царь есть идол гнусный,
И в море кормщик неискусный.
Его надгробье: был он яд.

Окончится его держава,
Окончится его и слава;
Исчезнет лесть, душа во ад.

Не сносят никогда во гробы
Цари сияния венца;
Сиянье царския особы
Есть имя подданных отца.
Прейдут шумящи вечно реки:
Дела останутся на веки,
И честь до Солнца вознесут.
Преходят лета скоротечны,
Но души в нас конечно вечны,
Как вечен правый божий суд.

На пременяй сея ты мысли,
Так будешь нам покров и щит,
И дни свои щедротой числи,
Как числил оны щедрый Тит.
Прострешь по северу зеницу
И на морях свою десницу,
Главу возвысишь яко кедр:
Прекрасняй будешь райска крина,
Таков как нам Екатерина
Или каков Великий Петр.

Российская Фетида вскоре,
Восколебала горы, лес,
Подвигла Средиземно море;
Ты будь российский Ахиллес,
Но только к нужной обороне:
В други дни будь Сократ на троне,
Ко счастью полуночных стран.
Тогда явишься ты в порфире,
Как солнце среди лета в мире,
Таков велик, каков твой сан.

ОДА
ГОСУДАРЫНЕ ИМПЕРАТРИЦЕ ЕКАТЕРИНЕ ВТОРОЙ, НА ДЕНЬ ЕЯ ВОСШЕСТВИЯ НА ВСЕРОССИЙСКИЙ ПРЕСТОЛ, ИЮНЯ 28 ДНЯ 1772 ГОДА

На вас мои стремятся взгляды,
О нимфы быстрыя реки!
Ликуйте, Невские наяды,
Нева, в веселии теки!
Под областью Екатерины
Брега покройте, райски крины,
И нежный дуй на них, зефир!
Сокройся брань от нас кровава:
Произрасти покой нам, слава,
И возвратися, сладкий мир!

Взыграйте ныне, Росски земли
И их кропящия моря!
А ты, Москва, главу подъемли,
Монархиню благодаря;
В стенах твоих не слышно стона,
Падет к Аверне Тизифона,
И алчна смерть отсель бежит:
Гражданя бедства забывают,
И паки Грации вспевают:
Никто от страха не дрожит.

Мегеры наглости бесстыдны
Героем утишенны здесь;
Лишь только пустошений видны
Остатки Тизифоны днесь.
Ко вящшу суеверства сраму,
Касалась Алектона храму,
Куда святый нисходит дух:

Святилище ломать дерзала,
Первосвященника терзала,
И разносился страшный слух.

Страдали мы бесчеловечно
И жали смертоносный плод.
Предайся ты забвенью вечно,
Несчастнейший минувший год!
Исчезните, злы нильски яды!
О день Российския отрады,
Сложивший с Россов бремена,
Начни такие же нам лета!
Царица северного света,
Дай нам те прежни времена!

Да возвратятся дни покою
И жизнь пойдет нам паки та,
Твоей затворятся рукою
Разверсты Яновы врата:
Сплетутся с лаврами оливы,
Преобратятся дни гневливы
В Сатурнов отдаленный век.
Премудрость будет насаждаться,
Мы станем ею наслаждаться:
К тому созижден человек

Исчезнут мерзки лицемеры
И все их с ними чудеса.
О слабоумны суеверы,
Воззрите только в небеса!
Сего пространства обладатель
И мира нашего создатель
Не выше ль разума всего?
А вы, наполненны отравы,
Не зря его огромной славы,
Во баснях ищете его.

Вам басня басню производит
И мысли здравые мрачит.
Сим ложь за ложью происходит,

Святая истина молчит.
Не раздражается ль содетель,
Когда почтенна добродетель
Преобращена в ханженство,
Творяще злобные привязки,
Приемлюще святыней сказки,
Творца забыв и естество?

В сей книге все изображенны
Премудрые его дела,
А вы, тщетою зараженны,
Котору глупость вам дала.
Прославят ли его безделки,
Толь кои, как вы сами, мелки!
Ваш толк и глух, и слеп, и хром;
Простерта сколь его держава,
Пространна так его и слава:
Он мещет молнию и гром.

Наместница господней власти,
Исторгни сей злочестья яд
И от него рожденны страсти
Низвержи вечно в темный ад;
Не терпит истинна примесу;
Сорви от разума завесу
И суеверство порази,
Да нас премудрость напояет
И свет божествен воссияет,
В невежество киньжал вонзи!

Не будет воображенье лепо
И постижимо естество,
Коль мыслим мы о боге слепо
И уменьшаем божество.
Престаньте, тщетные народы,
Болотны пити грязны воды,
Ступайте к чистому ключу;
Струи в воде болотной мрачны,
А те и чисты, и прозрачны!
Сего России я хочу.

СТАНС ГРАДУ СИНБИРСКУ НА ПУГАЧЕВА

Прогнал ты Разина стоявшим войском твердо,
Синбирск, и удалил ты древнего врага,
Хоть он и наступал с огнем немилосердо
На Волгины брега!

А Разин нынешний в твои падет оковы
И во стенах твоих окованный сидит:
Пристойные ему возмездия готовы;
Суд злобы не щадит.

Москва, и град Петров, и все российски грады,
Российско воинство, и олтари, и трон
Стремятся, чтоб он был караем без пощады,
Гнушается им Дон.

Сей варвар не щадил ни возраста ни пола:
Пес тако бешеный что́ встретит, то грызет;
Подобно так на луг из блатистого дола
Дракон шипя ползет.

Но казни нет ему довольныя на свете:
Воображенье он тиранством превзошел,
И все он мерзости, и в силе быв и цвете,
Во естестве нашел.

Рожденна тварь сия на свет бессильной выдрой,
Но ядом напоясь, который рыжет Нил,
Сравняться он хотел со баснословной гидрой:
Явился крокодил.

Сей дерзостный Икар ко Солнцу возлетает
И тщится повредить блаженный жребий Росск:

Под солнце подлетев, жжет крылья он и тает,
И растопился воск.

Осетил Пугачев себе людей безумных,
Не знающих никак ни мало божества;
Прибавил к ним во сеть людей пиянством шумных,
Изве́ргов естества.

Такой разбойничьей толпою он воюет,
Он шайки ратников составил из зверей
И, как поветрием, во все страны он дует
Во наглости своей.

Противен род дворян ушам его и взору:
Сей враг отечества ликует, их губив,
Дабы повергнути престола сим подпору,
Дворянство истребив.

Они мучения, стеня, претерпевали,
Но он от верности возмог ли их оттерть!
Младенцов Ироду терзати предавали,
Чад видя злую смерть.

Падут родители и сами им губимы,
Предшествующую терпев в домах боязнь;
Но в верности своей они неколебимы,
Вкушают люту казнь.

Покрыты сединой главы со плеч валятся;
Он тигра превозшел и аспида, ярясь:
Не тако Фурии во преисподней злятся,
Во исступленьи зрясь.

Убийца сей, разив, тираня благородных,
Колико погубил отцев и матерей!
В замужество дает за ратников негодных
Почтенных дочерей.

Грабеж, насилье жен, пожары там и муки,
Где, гнусный, ты себя, разбойник, ни яви!

И обагряются мучительские руки
В невиннейшей крови.

Но сколько всех сердцам ты, новый Разин, мерзок,
Колико духом подл и мужеством ты мал,
И сколько страшен был, нежалостлив и дерзок,
Толь сильно свержен стал.

Тебе ль укрыться льзя от глаз того Героя,
Который взять возмог и неприступный град?
Трепещешь ты теперь, лицо во мраке кроя,
Готовяся во ад.

Граф Панин никогда пред войском не воздремлет,
И сбросил он тебя взлетевша с высоты.
И силой и умом мучителя он емлет;
Страдай теперь и ты!

Уже геенна вся на варвара зияет,
И Тартар на тебя разверз уже уста,
А Панин на горах вод Волгиных сияет,
Очистив те места.

Ликует под венцем российская Астрея,
Скончав несчастье чад державы своея
И злое пиршество свирепого Атрея
В местах страны тоя.

Восходит веселяй из моря солнце красно,
По днях жестокости, на Волгин оризонт:
Взыграли Дон, Яик со Волгою согласно,
И с ней Каспийский понт.

Народы тамошни гласят Екатерине:
О матерь подданных! спасла от зол ты нас.
Она рекла: всегда готова я, как ныне,
Спасати, чада, вас.

СТИХИ НА ПУГАЧЕВА

Ты подлый, дерзкий человек,
Незапно коего природа
Извергла на блаженный век
Ко бедству многого народа,
Забыв и правду и себя
И только сатану любя,
О боге мыслил без боязни
И шел противу естества,
Отечества и божества,
Не помня неизбежной казни:
Не знал ни малой ты приязни,
В разбой стремясь людей привлечь,
Но днесь отбросил ты свой меч
И в наши предан ныне руки:
То мало, чтоб тебя сожечь,
К отмщению невинных муки!
Но можно ль то вообразить,
Какою мукою разить
Достойного мученья вечна!
Твоей подобья злобы нет,
И не видал до ныне свет
Злодея, толь бесчеловечна.

JEMELJA or EMELKA PUGATSCHEW.

A Rebel in Rusia under the asumed name of Czar Peter III. in the Government of Oldenburgh: His Rebellion commenced about the End of the Year 1773. He was apprehended at the Conclusion of the Year 1774, & carried in an Iron Cage to Moscow; where he was Executed the 21st day of January 1775

Пугачев в клетке.
Гравюра XVIII века

ГИМН ВЕНЕРЕ

САФИЧЕСКИМ СТОПОСЛОЖЕНИЕМ

Не противлюсь сильной, богиня, власти;
Отвращай лишь только любви напасти.
Взор прельстив, мой разум ты весь пленила,
Сердце склонила.

Хоть страшимся к жизни прейти мятежной,
Произвольно жертвуем страсти нежной.
Ты пространной всею вселенной правишь,
Праздности славишь.

Кои подают от тебя успехи,
Можно ль изъяснить сии утехи:
Всяк об оных, ясно хоть ощущает,
Темно вещает.

Из сего мне века не сделай слезна;
Паче мне драгая всего любезна:
Я для той единой лишь кем пылаю
Жизни желаю.

Дух мой с нею, радуясь, обитает,
Кровь моя возлюбленным взором тает.
Я живу подвластен в такой неволе
Счастливым боле.

Все тогда как с ней, веселясь, бываю,
Удаленный шума позабываю.
В восхищеньи чувствую жизни сладость,
Крайнюю радость.

Кем горю, я мышлю о ней единой,
И доволен ныне своей судьбиной;
Сердце полно жаром к кому имею
Тою владею.

ВТОРАЯ ОДА САФЫ,

СОЧИНЕННАЯ ПО РУССКОМУ ПЕРЕВОДУ Г. КОЗИЦКОГО

Разных, Афродита, царица тронов,
Дщерь Зевéса, просьбу мою внемли ты:
Не тягчи мне пагубной грустью сéрдца,
Чтимая всеми!

Если глас мой ты со приятством слышишь,
Как ты прежде часто его внимала,
И оставив дом свой ко мне сходила,
Сниди и ныне!

На златой ко мне колеснице ездя,
Ты впряжéнных гнала к полету птичек,
В быстром беге скоростью сéкла воздух,
Шествуя с неба.

Птички отлетали, а ты, богиня,
Щедрым видом спрашивала с улыбкой,
Что тебе теперь за нещастье сталось?
Сказывай Сáфа.

Объяви мне, сердце чего желает,
Чьей ты сердцу склонности ищешь ныне,
И кого ты сетью поймать стремишься?
Кто востревожил?

Коль бежит тебя, за тобой побéгнет;
Коль даров твоих не берет, он сам даст;
Коль не любит, станет любить как душу,
Слушать приказа.

Прииди, богиня, избавь напасти
И желанье сердца исполни ныне!
Возлагаю всю на тебя надежду;
Дай ты мне помощь!

ОДА САФИЧЕСКАЯ

Долго ль мучить будешь ты, грудь терзая?
Рань ты сердце сильно, его пронзая,
Рань меня ты, только не рань к несчастью,
Пленного страстью.

Зрак твой в мысли, властвуя, обитает,
Непрестанно сердце тобою тает;
Весь наполнен ум мой тобой единой,
Му́ки причиной.

Будь причиной, вместо того, утехи,
Воздыханьи ты преврати мне в смехи,
Люты преврати мне печали в радость,
Горести в сладость!

Дай надежды сердцу, драгая, болс,
Облегченье тяжкой моей неволе.
Иль надежды тщетно себе желаю,
Тщетно пылаю.

Отгони ты прочь беспокойно время,
Сбрось с меня тобой возложе́нно бремя,
Премени, сложив сей тяжелый камень,
Хлад свой ты в пламень!

Будь хоть мало жару сему причастна,
Будь хоть меньше мной, как тобой я, страстна,
Тай, моей ты нежности отвечая,
Взоры встречая.

Нет терпети больше страданья мочи;
Обрати ко мне дорогие очи,
И введи меня ты из жизни слезной,
В мысли любезной!

ОДА ГОРАЦИЯНСКАЯ

Скажи свое веселье, Нева, ты мне,
Что сталося за счастие сей стране?
Здесь молния, играя, блещет,
Радостны громы селитра мещет.

Глашу по всем местам, разнося трубой
Вселенной нову весть, о Нева, с тобой:
Простерлося Петрово племя,
Россам продлится блаженно время.

Петров, Екатерина, умножить род
России принесла предражайший плод:
Ликуй супруг, ликуй супруга,
Радуйтесь, жители полукруга.

А ты, Елисавет, от земных сих мест
Благодарение воссылай до звезд;
Родитель твой остался с нами,
Царствовать Русскими в век странами.

Благослови сей дар с небеси наш бог,
Возвысь России чад славы в веки рог,
Взнеси Российскую корону,
Ближе еще к своему ты трону!

Россия, торжествуй и хвали сей день:
Он превысокая для тебя степень;
Взлетай на верьх огромной славы,
С скипетром пышной твоей державы.

И ныне только ты рассмотри себя,
Увидишь ты, как Петр украсил тебя.
Хоть дни Петровы скоротечны,
Только заслуги пребудут вечны.

Взлетай полночных стран в облака, орел;
Враждебные народы, страшитесь стрел,
Которы Россов защищают,
И дерзновение отомщают.

Оружие свое, через горы, лес,
Чрез степи и моря, Петр отсель пренес:
Разите с именем Петровым,
Новою молнией, громом новым.

Посеянные им, возрастайте вы,
Науки, на брегах чистых вод Невы,
Труды Петровы процветайте,
Музы на севере обитайте.

Рости, порфирородный младенец, нам,
Рости, надежду вечну подай странам,
Рости в объятиях Елисаветы,
Вечной надежды сверши обеты.

Внимай родителей к наставленью глас,
Елисаветин ты исполняй приказ,
Читай Петрово ты владенье;
Будешь империи услажденье.

ОДА

В разлуке мучася тоской,
Тебя я в мысли лобызаю,
И тень трепещущей рукой,
В любви сгарая, осязаю,
На миг забавою такой,
Я радость получить дерзаю;
Не зрю отрады никакой,
Лишь пуще грудь мою пронзаю,
Лишь больше рушу тем покой,
И больше сердце угрызаю;
Пролью потоки слез рекой
И на себе власы терзаю.

Мне рок везде гласит, трубя,
Твои мне очи вспоминая.
На что ни зрю — мне все, грубя,
Твердит, разлуку проклиная.
Я вздохи, жалобы губя
И больше, что чинить, не зная,
Крушу по всем местам себя,
По всем местам хожу стоная.
Прелестный мне твой вид любя,
Других любить не начиная,
Вещаю: я люблю тебя,
И не пленит никто иная.

Подвержен области твоей,
Во граде я, в лесу и в поле:
Подвержен горести моей,
Везде страдаю в злой неволе.
Лишен уже надежды всей,

Не зрю отрады ни отколе.
В мучительной напасти сей
Я жизни не желаю боле.
И ты ко мне любовь имей:
Взгляни сюда, взгляни оттоле:
Хоть каплю слез о мне пролей,
Пожертвуй мне в несчастной доле.

СТАНС

Сам себя я ненавижу,
Отлучившися всего;
Окончания не вижу
Я страданья моего:
Сердце стонет,

Взор мой тонет,
Во слезах и день и ночь.
Дух томится,
Солнце тмится,
В полдень убегая прочь.

Скройся, Солнце, ты на веки,
Скройся, Солнце, от меня!
Проливайтеся, слез реки,
Горький ток из глаз гоня!
Я несчастен,

Всем причастен
Мукам, кои в свете есть.
Все имею,
Не умею,
Более терзанья несть.

Разрываются все члены
И теснится грудь моя:
Я не зрю бедам премены,
И не жду уже ея.
И такою

Злой тоскою,
Во отчаянье введен,

Что я люту
Ту минуту
Проклинаю, как рожден.

Во стенании и плаче
Я еще тужу о том,
И тужу всего я паче,
Что родился не скотом;
Кроме славы,

Все б забавы
Были в области моей:
Гнанный псами,
Я б лесами
Сокрывался от людей.

Ах! а ныне где сокрыться
От злодеев я могу!
Разве в землю мне зарыться!
Лишь туда их убегу.
Иль, о горе!

Б бурно море
Мне низвергнуться с тобой!
И в пучине,
В сей кручине,
Обрести конец судьбой!

Что во славе, коль покою
Я не вижу никогда,
И несносною тоскою
Я терзаюся всегда!
Что в отраду

Мне в награду
Вечной славы ожидать:
Тмы в утробе,
Мне во гробе,
Коей вечно не видать!

Поспешай, драгая вечность,
Узы ты мои претерть:
И в покойну бесконечность,
Воведи меня ты, смерть!
Сердцу больно.

Так довольно
Злому счастию служить,
Если в скуке
Жить и в муке,
Так на что на свете жить?

ОДА АНАКРЕОНТИЧЕСКАЯ

Пляскою своей, любезна,
Разжигай мое ты сердце,
Пением своим приятным
Умножай мою горячность.
Моему, мой свет, ты взору
Что ни делаешь, прелестна.
Все любовь мою питает
И мое веселье множит.
Обольщай мои ты очи,
Пой, пляши, играй со мною.
Бей в ладони и, вертяся,
Ты руками подпирайся.
Руки я твои прекрасны
Цаловал неоднократно:
Мной бесчисленно цалован
Всякой рук твоих и палец.

ОДА АНАКРЕОНТИЧЕСКАЯ

Завидны те мне розы,
Которы ты срываешь.
К чему тебе уборы:
Прекрасняй быть не можешь!
Хотя не украшайся,
Дурняй ты быть не можешь!
Да что в твоем пригожстве,
Когда любви не знаешь,
И знать ее не хочешь?
На то ль ты мне знакома,
Чтоб я любил так слепо,
А ты б была сурова,
А ты бы презирала
Того, который любит
Тебя всего на свете
И самой жизни боле?

ОДА АНАКРЕОНТИЧЕСКАЯ

Люблю тебя, Филлида,
Люблю тебя как душу;
Эротовой я власти
Давно не покорялся;
А он за то сердился,
И, выняв из колчана
Он стрелу саму остру
И ядом напоенну,
Напряг он лук и в сердце
Мне стрелу эту бросил,
Мое спокойство отнял
И вечно без надежды
Любить меня заставил.
А я и днем и ночью,
Все мышлю о Филлиде:
С сей мыслью засыпаю,
С сей мыслью пробужаюсь;
Засну — перед очами
Любезная Филлида;
Во сне Филлиду видя,
Целую, обнимаю;
Проснуся и лишаюсь
Филлиды и утехи.

ОДА АНАКРЕОНТИЧЕСКАЯ

Ежели бы можно было
Откупиться мне от смерти,
О стихах бы я не думал,
О богатстве бы я думал:
Стихотворство стихотворца
От могилы не избавит,
А своей он вечной славы
Вечно чувствовать не станет;
Но, стихи дая народу,
Людям делаю забаву,
А богатство собирая,
Им не делаю забавы;
Так богатого почтенняй,
Многократно стихотворец.
Плюну я на все богатство,
Дай мою, Эрата, лиру,
Буду пети о Кларисе
И гласить ее заразы,
Вкорененные мне в сердце.
Дай, слуга, ты рюмку полну
Виноградного мне соку;
Выпью это за здоровье
Я возлюбленной Кларисы.
Как умру, уж пить не стану
За Кларисино здоровье:
Здравствуй долго, дорогая,
И люби меня, Клариса,
Сколько я люблю Кларису.

ОДА АНАКРЕОНТИЧЕСКАЯ
К ЕЛИСАВЕТЕ ВАСИЛЬЕВНЕ ХЕРАСЬКОВОЙ

Прелетите ко Московским
Вы, сии стихи, селеньям,
В дом Хераськова войдите,
И предстаньте вы пред очи
Стихотворице Московской.
Не сердитеся вы, Музы,
Что дерзну, стихи слагая,
Подражать Анакреонту,
Сладкому Анакреонту,
И писать его словами,
И его писати складом,
И его писати духом.
Грации его учили
Украшаться простотою.
О прекрасные богини,
Три прелестные девицы!
И меня вы научите
Простотою украшаться.
А Московскому Парнассу
Вы Хераськовой устами
От меня скажите это:
Чисти, чисти сколько можно
Ты свое стопосложенье,
И грамматики уставы
Наблюдай по крайней силе.
Чувствуй точно, мысли ясно,
Пой ты просто и согласно.
Я не критике касаюсь,
Не к тому мои слова,
Только то другим вещаю,

Что вещаю я себе.
Совершенство тщуся видеть
Древних греков и у нас
И, подобный их Парнассу,
В Петровой области Парнасс.
А ты, Хераськова, сему внимая слову,
Увидети в себе дай Россам Сафу нову.
Когда воспеть героев,
Когда гласить победы
Другому оставляешь,
Поди в луга зелены,
Поди к потокам водным,
Гуляй в приятных рощах
И слушай песни птичек,
Когда они Аврору
Согласно воспевают,
Воспой весну прекрасну
И сладкую свободу,
Воспой любви заразы,
Которы ощущаешь,
Любезного имея
И верного супруга,
Которому вручила
Свое ты нежно сердце,
Свою цветущу младость,
С тобой игры и смехи,
С тобой веселье, радость,
Имей в любви успехи
И чувствуй в ней утехи.

СОНЕТЫ

СОНЕТ

Когда вступил я в свет, вступив в него вопил,
Как рос, в младенчестве влекомый к добру нраву,
Со плачем пременял младенческу забаву,
Ростя быв отроком наукой мучим был.

Возрос, познал себя, влюблялся и любил,
И часто я вкушал любовную отраву,
Я в мужестве хотел имети честь и славу;
Но тщанием тогда я их не получил.

При старости пришли честь, слава и богатство;
Но скорбь мне сделала в довольствии препятство.
Теперь приходит смерть и дух мой гонит вон.

Но как ни горестен был век мой, я стонаю,
Что скончевается сей долгий страшный сон:
Родился, жил в слезах, в слезах и умираю.

СОНЕТ

Не трать, красавица, ты времени напрасно,
Любися; без любви все в свете суеты,
Жалей и не теряй прелестной красоты;
Чтоб после не тужить, что век прошел несчастно.

Любися в младости, доколе сердце страстно:
Как младость пролетит, ты будешь уж не ты.
Плети себе венки, покаместь есть цветы:
Гуляй в садах весной, а осенью ненастно.

Взгляни когда, взгляни на розовый цветок
Тогда, когда уже завял ее листок:
И красота твоя подобно ей завянет.

Не трать своих ты дней, доколь ты не стара,
И знай, что на тебя никто тогда не взглянет,
Когда как розы сей пройдет твоя пора.

СОНЕТ

О существа состав без образа смешенной,
Младенчик, что мою утробу бременил
И, не родясь еще, смерть жалостно вкусил
К закрытию стыда девичества лишенной!

О ты нещастный плод, любовью сотворенной!
Тебя посеял грех, и грех и погубил:
Вещь бедная, что жар любви производил:
Дар чести горестно на жертву принесенной!

Я вижу в жалобах тебя и во слезах:
Не воображайся ты толь живо мне в глазах,
Чтоб меньше беспокойств я плачуща имела.

То два мучителя старались учинить:
Любовь, сразивши честь, тебе дать жизнь велела,
А честь, сразив любовь, велела умертвить.

СОНЕТ НА ОТЧАЯНИЕ

Жестокая тоска, отчаяния дочь!
Не вижу лютыя я жизни перемены:
В леса ли я пойду или в луга зелены,
Со мною ты везде и не отходишь прочь.

Пугаюся всего, погибла сердца мочь:
И дома, где живу, меня стращают стены:
Терзай меня, тоска, и рви мои ты члены,
Лишай меня ума, дух муча день и ночь!

Препровождаю дни единою тоскою;
К чему ж такая жизнь, в которой нет покою:
И можно ли тогда бояться умереть.

Я тщетно в жалобах плоды сыскать желаю;
К тебе, о боже мой, молитву воссылаю:
Не дай невинного в отчаянии зреть!

ЕЛЕГИИ

Престанешь ли моей докукой услаждаться?
Могу ли я когда твоей любви дождаться?
Я день и ночь горю, я мучуся любя,
И где бы я ни был, мне скучно без тебя.
Всегда зрю тень твою и в страсти осязаю,
И всякой час тебя я в мысли лобызаю.
Со взором мысль моя твоим сопряжена:
Неисходимо ты мне в сердце вложена.
Мне твой прелестен вид, прелестны разговоры,
И все влечет мои к тебе, драгая, взоры.
К несчастию тебя, суровая, спознав,
Лишился я тобой спокойства и забав.
Я сердца твоего смягчить не уповаю,
Тревожусь и мятусь, грущу и унываю,
Я время, мысли, ум и все тобой гублю:
Скажи, драгая, мне: и я тебя люблю.

Уже ушли от нас играние и смехи;
Предай минувшие забвению утехи!
Дай власть свирепствовать жестоким временам·
Воспоминание часов веселых нам,
Часов, которые тобой меня прельщали
И красотой твоей все чувства восхищали,
В глубокой горести сугубит муки те,
Которы ты нашла в несчастной красоте.
Пусть будет лишь моя душа обремененна
И жизнь на вечные печали осужденна:
Пусть буду только я крушиться в сей любви,
А ты в спокойствии и в радостях живи.
О в заблуждении безумное желанье!
Когда скончается тех дней воспоминанье
И простудит твою пылающую кровь,
Где денется тогда твоя ко мне любовь!
Но что мне помощи, что ты о мне вздыхаешь
И дни прошедшие со плачем вспоминаешь!
В претемном бедствии какую мысль приять!
Чего несчастному в смущении желать?
Мне кажется, как мы с тобою разлучились,
Что все противности на мя вооружились:
И ото всех сторон, стесненный дух томя,
Случаи лютые стремятся здесь на мя
И множат сердца боль в неисцелимой ране:
Так ветры шумные на гордом океане
Ревущею волной в корабль пресильно бьют
И воду с пеной, злясь, в него из бездны льют.
Терпи, о сердце, днесь болезнь неисцеленну!
Сноси, моя душа, судьбину непременну!
Теките из очей, потоки горьких слез!
Все ваши радости сердитый рок унес.
Вздыхай о мне, вздыхай, возлюбленная, ныне;

Но ах! покорствуя случаям и судьбине,
Всегдашнюю тоску как можешь умеряй
И в сокрушении надежды не теряй!
Претерпевай тоску, напасть и время скучно:
Мы либо и опять жить будем неразлучно.
Смягчись, жестокий рок, стенанье сократи,
И взяты радости несчастным возврати!

Терпи, моя душа, терпи различны муки,
Болезни, горести, тоску, напасти, скуки,
На все противности отверзлось сердце днесь,
Хоть разум омрачен и огорчен дух весь!
Веселой мысли нет, все радости сокрылись.
Все злые случаи на мя вооружились,
Великодушие колеблется во мне.
К которой ни воззрю, тоскуя, стороне,
Я помощи себе не вижу ни отколе,
От всех сторон беды, и нет надежды боле.
И сон, дражайший сон, страдающих покой,
От глаз моих бежит, гоним моей тоской.
Дни красные весны природу обновляют,
И очи жителей земных увеселяют:
Не веселятся тем мои глаза одни:
Мне всех времен равны мучительные дни.
Противная судьба повсюду мной владает,
И яд моей крови всю внутренну съядает.
На что ты кажешься жизнь в радостях кратка,
И долговременна кому не так сладка?
Когда велит судьба терзаться неотложно;
Сноси печали дух, сноси их сколько можно!
И если их уже ничто не отвратит;
Отваживайся! смерть их вечно прекратит.

Другим печальный стих рождает стихотворство,
Когда преходит мысль восторгнута в претворство,
А мне стихи родит случай не ложно злой,
Отъята от меня свобода и покой.
В сей злой, в сей злейший час любовь мой дух тревожит
И некий лютый гнев сие смятенье множит.
Лечу из мысли в мысль, бегу из страсти в страсть,
Природа над умом приемлет полну власть;
Но тщетен весь мой гнев, кого я ненавижу!
Она невинна в том, что я ее не вижу.
Сержусь, что нет в глазах: но кто виновен тем!
Причина днесь случáй в несчастии моем.
Напрасно на нее рождается досада,
Она бы всякий час со мной быть купно рада.
Сержусь и думаю, почто не изберет
К тому удобна дня, а ей в том воли нет.
Но как во многих днях не сыщет дня такова,
Сулит увидеться, сулит, не держит слова,
А я в обмане сем мучение терплю:
Сержусь, но гневом тем лишь пуще я люблю.
Нельзя престать любить; я ею уж уверен,
Что мне она верна; и я быть должен верен.
Я верен; ах! но что имею из того!
Я днесь от беспокойств, терпенья моего,
Лишенный всех забав ничем не услаждаюсь:
С утра до вечера в вздыханьи упражняюсь.
В отчаяньи, в тоске, терпя мою беду,
С утра до вечера покойной ночи жду:
Хожу, таская грусть, чрез горы, долы, рощи,
И с нетерпением желаю темной нощи:
Брожу по берегам и прехожу леса:
Нечувственна земля, не видны небеса;

Повсюду предо мной моей любезной очи:
Одна она в уме. Дождавшись тихой ночи,
Хочу замкнуть глаза и проводить часы
В забвении и сне; но ах! ея красы
И сомкнуты глаза сквозь веки проницают,
И мя среди ночи с постели подымают:
Проснувшися, ловлю ее пустую тень
И, осязая мрак, желаю чтоб был день.
Лишаясь сладка сна и мояся слезами,
Что видел, ничего не вижу пред глазами.
О мысль! о тяжка мысль, бродяща по всему,
Найди убежище и ах! пристань к чему!
О страсть! о люта страсть! погибни иль умалься!
О сердце, отдохни на час и не печалься!
Бегу без памяти, везде ее ищу,
Бегу во все страны, во всех странах грущу.
Озлюсь и стану полн лютейшия досады;
Но только вспомяну ея приятны взгляды,
В минуту я, когда ярюсь, как лютый лев,
В нежнейшую любовь преходит пущий гнев.
Ты в верности ко мне в уме моем летаешь,
Как таю я тобой, ты мной взаимно таешь.
Но если гнев мой прав, увы! когда то так;
Моя любезнейша мне стала злейший враг.
Какое следствие мы нежности имеем!
Ты ах! злодейка мне, мне быть твоим злодеем.
Злодействуй, только я не буду твой злодей:
Ты будешь завсегда жить в памяти моей.
Хоть и не хочешь уж меня ты больше видеть,
Но мне тебя нельзя, мой свет, возненавидеть.
Нельзя престать любить, хотя бы я хотел;
Великое число приятств твоих имел,
Из коих хоть одно на ум когда приходит,
Опять меня в любовь и в прежню мысль приводит.
От лютыя тоски скрываюсь от людей,
Но, скрывшися, еще страдаю больше в ней,
Когда печальных дум никто не разрушает,
И зрака твоего от глаз не отымает.
Во множестве людей, в весельях, меж красот,
Когда часы летят, мне час не час, но год;

Лучшайша красота очей не притягает,
И хочется уйти, ничто мя не прельщает.
О дни! каких я дней доныне не имел!
От вас днесь гибнет жизнь и дух мой весь омлел
Часы, которые в утехах пролетали,
Вы сделали мне скорбь и вечной мукой стали!
Мой дух воспламенен и вся пылает кровь:
Несчастлив человек, кто чувствует любовь.

В болезни страждешь ты: в моем нет сердце мочи,
Без крайней горести воззрети на тебя.
Восплачьте, вы, мои, восплачьте, смутны очи,
Пустите токи слез горчайших из себя!
Рок лютый, умягчись, ты паче мер ужасен,
Погибни от моих отягощенных дум
И сделай, чтобы страх и трепет был напрасен!
Пронзенна грудь моя и расточен весь ум.
О яростны часы! жестокой время муки!
Я всем терзаюся, что в мысли ни беру.
Стерплю ли я удар должайшия разлуки,
Когда зла смерть!.. и я, и я тогда умру.
Такою же сражусь, такою же судьбою,
В несносной жалости страдая и стеня:
Умру, любезная, умру и я с тобою,
Когда сокроешься ты вечно от меня.

Отчаянье мой дух как фурия терзает,
Тоска моя на все, на саму смерть дерзает,
Вся кровь тревожится, смущается мой зрак,
И в чувствах и в уме дымится адский мрак:
Все мысли он мои, все сердце он тревожит,
И муки всякий час мои стократно множит.
О состояние несчастнейшей души!
Хотя мне, смерть, уже способствуй и спеши
С отягощенного снять сердца злое бремя!
Пересеки мне жизнь и прекрати мне время!
Я рвуся и стеню, я стражду день и ночь,
И не отходит грусть ни на минуту прочь;
Не можно больше жить с толикою тоскою;
Подай мне руку, смерть, и приведи к покою!

Страдай, прискорбный дух, терзайся грудь моя;
Несчастливее всех людей на свете я!
Я счастья пышного сыскать себе не льстился,
И от рождения о нем не суетился;
Спокойствием души одним себе ласкал:
Не злата, не сребра, но Муз одних искал.
Без провождения я к Музам пробивался,
И сквозь дремучий лес к Парнассу прорывался.
Преодолел я труд: увидел Геликон;
Как рай моим очам вообразился он.
Эдемским звал его я светлым вертоградом;
А днесь тебя зову, Парнасс, я мрачным адом;
Ты мука фурий мне, не Муз ты мне игра:
О бедоносная, противная гора,
Подпора моея немилосердой части,
Источник и вина всея моей напасти,
Плачевный вид очам и сердцу моему,
Нанесший горести бесчисленны ему!
Несчастен был тот день, несчастнейша минута,
Когда по строгости и гневу рока люта,
Польстив утехою и славою себе,
Ногою в первый раз коснулся я тебе:
Крылатый мне там конь был несколько упорен;
Но после стал Пегас обуздан и покорен.
Эрата перьва мне воспламенила кровь;
Я пел заразы глаз и нежную любовь:
Прелестны взоры мне сей пламень умножали:
Мой взор ко взорам сим, стихи ко мне бежали.
Стал пети я потом потоки, берега,
Стада и пастухов и чистые луга.
Ко Мельпомене я в последок обратился,
И, взяв у ней кинжал, к театру я пустился,
И Музу лучшую к несчастью полюбя,

Я сей, увы! я сей кинжал вонзу в себя,
И окончаю жизнь я прежнею забавой,
Довольствуясь одной предбудущею славой,
Которой слышати не буду никогда,
Прожив на свете век я сетую всегда.
Когда лишился я прекрасной Мельпомены,
И стихотворства стал искати перемены,
Делафонтен, Эсоп, в уме мне были вид.
Простите вы, Расин, Софокл и Еврипид;
Пускай, Расин, твоя Монима жалко стонет:
Уж нежная любовь ея меня не тронет.
Орестова сестра пусть варвара клянет,
Движения, Софокл, во мне ни мало нет.
С супругом, плача, пусть прощается Альцеста,
Не сыщешь, Еврипид, в моем ты сердце места.
Аристофан и Плавт, Терентий, Молиер,
Любимцы Талии и комиков пример,
Едва увидели меня в парнасском цвете;
Но все уж для меня кончается на свете;
Не буду драм писать, не буду притчей плесть,
И на Парнассе мне противно все, что есть:
Не буду я писать! но о несчастна доля!
Во предприятии моя ли этом воля!
Против хотения мя Музы привлекут
И мне решение другое изрекут.
Хочу оставить Муз и с Музами прощаюсь,
Прощуся с Музами и к Музам возвращаюсь:
Любовницею так любовник раздражен,
Который многи дни был ею заражен,
Который покидать на век ее печется,
И в самый оный час всем сердцем к ней влечется.
Превредоносна мне, о Музы! ваша власть.
О бесполезная и пагубная страсть,
Которая стихи писать меня учила:
Спокойство от меня ты вечно отлучила!
Но пусть мои стихи презренье мне несут,
И Музы кровь мою, как Фурии, сосут:
Пускай похвалятся надуты оды громки:
А мне хвалу сплетет Европа и потомки.

К Г. ДМИТРЕВСКОМУ НА СМЕРТЬ Ф. Г. ВОЛКОВА

Котурна Волкова пресеклися часы.
Прости, мой друг, на век, прости, мой друг любезный
Пролей со мной поток, о Мельпомена, слезный,
Восплачь и возрыдай и растрепли власы!
Мой весь мятется дух, тоска меня терзает,
Пегасов предо мной источник замерзает.
Расинов я театр явил, о Россы! вам;
Богиня! а тебе поставил пышный храм;
В небытие теперь сей храм перенесется,
И основание его уже трясется.
Се смысла моего и тщания плоды,
Се века целого прилежность и труды.
Что, Дмитревский, зачнем мы с сей теперь судьбою!
Расстался Волков наш со мною и с тобою,
И с Музами на век. Воззри на гроб его,
Оплачь, оплачь со мной ты друга своего,
Которого как нас потомство не забудет!
Переломи кинжал; театра уж не будет.
Простись с отторженным от драммы и от нас:
Простися с Волковым уже в последний раз,
В последнем как ты с ним играний прощался,
И молви, как тогда Оскольду извещался,
Пустив днесь горькие струи из смутных глаз:
Коликим горестям подвластны человеки!
Прости, любезный друг, прости, мой друг, навеки!

* * *

Сокрылись те часы, как ты меня искала,
И вся моя тобой утеха отнята:
Я вижу, что ты мне неверна ныне стала,
Против меня совсем ты стала уж не та.

Мой стон и грусти люты
Вообрази себе,
И вспомни те минуты,
Как был я мил тебе.

Взгляни на те места, где ты со мной видалась,
Все нежности они на память приведут.
Где радости мои! где страсть твоя девалась!
Прошли и в век ко мне обратно не придут.

Настала жизнь другая;
Но ждал ли я такой!
Пропала жизнь драгая,
Надежда и покой.

Несчастен стал я тем, что я с тобой спознался;
Началом было то, что муки я терплю,
Несчастняе еще, что я тобой прельщался,
Несчастняе всего, что я тебя люблю.

Сама воспламенила
Мою ты хладну кровь;
За что ж ты пременила
В недружество любовь?

Но в пенях пользы нет, что я, лишась свободы,
И радостей лишен едину страсть храня.
На что изобличать; бессильны все дово́ды,
Коль более уже не любишь ты меня.

Уж ты и то забыла,
Мои в плен мысли взяв,
Как ты меня любила,
И время тех забав.

Мы друг друга любим, что ж нам в том с тобою?
Любим и страдаем всякой час,
Боремся напрасно мы с своей судьбою,
Нет на свете радостей для нас.
С лестною надеждой наш покой сокрылся,
Мысли безмятежные отняв:
От сердец разженных случай удалился,
Удалилось время всех забав.

Зрю ль тебя, не зрю ли, равну грусть имею,
Равное мучение терплю;
Уж казать и взором я тебе не смею,
Ах! ни воздыханьем, как люблю.
Все любовны знаки в сердце заключённы,
Должно хлад являти и гореть:
Мы с тобой, драгая! вечно разлучённы;
Мне тебя осталось только зреть.

Жизнь мою приятну пременил рок в злую,
Сладость обращённа в горесть мне;
Только ныне в мыслях я тебя цалую,
Говорю с тобою лишь во сне.
Где любови нашей прежния успехи,
Где они девалися, мой свет!
О печально сердце! где твои утехи!
Все прошло, и уж надежды нет.

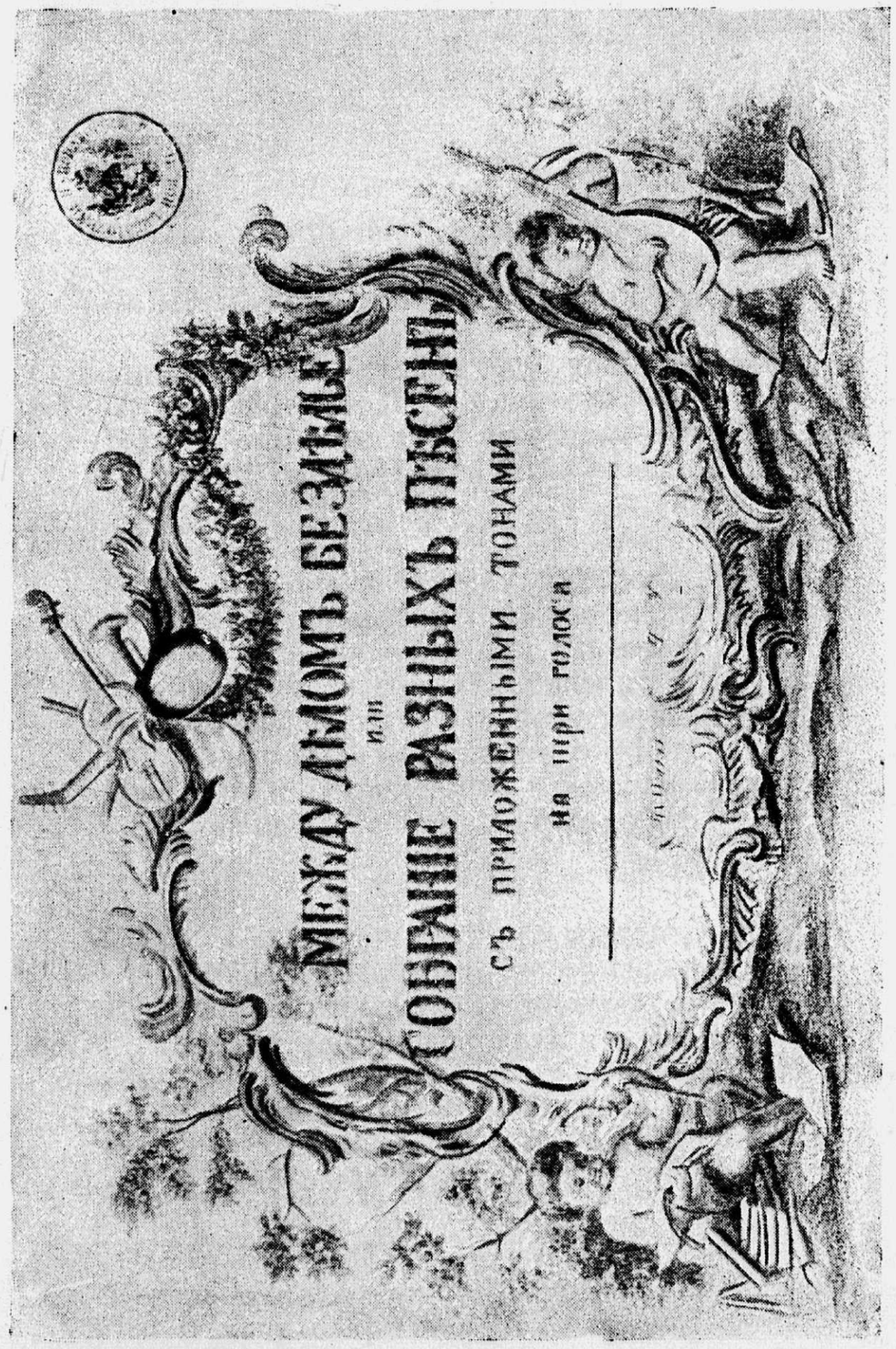
Уж прошел мой век драгой,
Миновался мой покой
И веселье скрылось.
Мне противна жизнь и свет.
Для меня забавы нет,
Все переменилось;
Уж не мной горишь любя,
Я тобой забвенна,
А лишившися тебя,
Я всего лишенна

В те часы, как рок виню,
Воздыхаю, и стеню,
И прегорько плачу:
Ты среди своих утех,
Все приемлешь только в смех,
Как я жизнь ни трачу.
Сносно ль мне, что ты зовешь
Не меня драгою
И, склонив меня, живешь
Ты в любви с другою!

Славься, что, мой ум пленя,
Обмануть ты мог меня,
И любим стал мною.
Я винна в том пред собой;
Только ты меня какой
Обличишь виною?
В час несчастный ты, любовь,
В сердце мне вселилась;
И во злу минуту кровь
Ты воспламенилась.

Чувствуй радости свои,
Ты чрез жалобы мои
В жалость не приходишь;
Веселясь моей тоской,
Провожденных дней со мной
В память не приводишь.
Нестерпим мне сей удар;
Как ты дух мой в теле!
О любовь! о вредный жар!
Что сего тяжеле!

Коль привел меня ты в страсть.
Умножай мою напасть,
За любовь сердечну,
Счастье ты мое унес,
И влечешь потоки слез
За горячность вечну.
Хоть увидь меня во сне
В сей моей неволе;
Но не хочешь обо мне
Ты и слышать боле!



Титульный лист сборника песен с нотами. в котором помещены песни Сумарокова

Тщетно я скрываю сердца скорби люты,
Тщетно я спокойною кажусь:
Не могу спокойна быть я ни минуты,
Не могу, как много я ни тщусь.
Сердце тяжким стоном, очи током слезным,
Извлекают тайну муки сей:
Ты мое старанье сделал бесполезным:
Ты, о хищник вольности моей!

Ввергнута тобою я в сию злу долю;
Ты спокойный дух мой возмутил,
Ты мою свободу пременил в неволю,
Ты утехи в горесть обратил:
И к лютейшей муке ты, того не зная,
Может быть вздыхаешь о иной;
Может быть, бесплодным пламенем сгорая,
Страждешь ею так как я тобой.

Зреть тебя желаю, а узрев мятуся,
И боюсь, чтоб взор не изменил:
При тебе смущаюсь, без тебя крушуся,
Что не знаешь, сколько ты мне мил:
Стыд из сердца выгнать страсть мою стремится,
А любовь стремится выгнать стыд:
В сей жестокой брани мой рассудок тмится,
Сердце рвется, страждет и горит.

Так из муки в муку я себя ввергаю;
И хочу открыться, и стыжусь,

И не знаю прямо, я чего желаю,
Только знаю то, что я крушусь:

Знаю, что всеместно пленна мысль тобою
Вображает мне твой милый зрак;
Знаю, что вспаленной страстию презлою,
Мне забыть тебя нельзя никак.

ПЕСНЯ

Успокой смятенный дух,
И крушась не сгорай!
Не тревожь меня пастух,
И в свирель не играй!
Я и так тебя люблю, люблю мой свет
Ничего тебя миляй, ничего лучше нет,

Мысли все мои к тебе
Всеминутно хотят;
Сердце отнял ты себе,
Очи к сердцу летят.
Ты из памяти моей не ходишь вон;
Всякую тебя мне ночь представляет и сон.

Но в мечте, не с сей судьбой,
Представляется мне;
Я цалуяся с тобой,
Обнимаюсь во сне,
Я во сне тебя в шелаш сама зову:
Успокой смятенный дух; будет то на яву!

Ты сердце полонила,
Надежду подала,
И то переменила,
Надежду отняла:
Лишаяся приязни,
Я все тобой гублю:
Достоин ли я казни,
Что я тебя люблю?

Я рвусь изнемогая:
Взгляни на скорбь мою,
Взгляни, моя драгая,
На слезы, кои лью!
Дня светла ненавижу,
С тоскою спать ложусь,
Во сне тебя увижу,
Вскричу и пробужусь.

Терплю болезни люты,
Любовь мою храня;
Сладчайшие минуты
Сокрылись от меня.
Не буду больше числить,
Я радостей себе,
Хотя и буду мыслить
Я вечно о тебе.

ПЕСНЯ ПОДРАЖЕННАЯ ГОРАЦИЮ

Не терзай ты себя,
Не люблю я тебя;
Полно время губить;
Я не буду любить;
Не взята тобой я,
И не буду твоя.

Не терзаю себя:
Не люблю я тебя;
Дни на что мне губить;
Я не буду любить:
Не пленюсь тобой я;
Тщетна гордость твоя.

А когда пременюсь,
И к тебе я склонюсь;
Так полюбишь ли ты,
И сорвешь ли цветы?
Я хранить их могла:
Для тебя берегла.

Так и я пременюсь
И всем сердцем склонюсь:
Мне мила будешь ты,
И сорву я цветы:
Ты хранить их могла:
Для меня берегла.

Я покорна судьбе,
И вручаюсь тебе;
Я напрасно дни тмил,

Как душа стал ты мил.
Перестань ты тужить!
Будем дружно мы жить.

Я покорен судьбе,
И вручаюсь тебе:
Я напрасно дни тмил,
Коль и я столько ж мил,
Перестань ты тужить!
Будем дружно мы жить.

О места, места драгие!
Вы уже не милы мне.
Я любезного не вижу
В сей прекрасной стороне.
Он от глаз моих сокрылся,
Я осталася страдать,
И стеня не о любезном,
О неверном воздыхать.
Он игры мои и смехи
Превратил мне в злу напасть,
И отнявши все утехи
Лишь одну оставил страсть.

Из очей моих лиется
Завсегда слез горьких ток,
Что лишил меня свободы
И забав любовных рок.
По долине сей текущи
Воды слышали твой глас,
Как ты клялся быть мне верен.
И зефир летал в тот час.
Быстры воды пробежали,
Легкой ветер пролетел.
Ах! и клятвы те умчали,
Как ты верен быть хотел.

Чаю взор тот, взор приятный,
Что был прежде мной прельщен,
В разлучении со мною
На иную обращен;
И она те ж нежны речи
Слышит, что слыхала я.
Удержися, дух мой слабый,

И крепись, душа моя.
Мне забыть его не можно,
Так, как он меня забыл;
Хоть любить его не должно,
Он однако все мне мил.

Уж покою томну сердцу
Не имею никогда;
Мне прошедшее веселье
Воображается всегда.
Весь мой ум тобой наполнен,
Я твоей привыкла слыть
Хоть надежды я лишилась,
Мне нельзя престать любить.
Для чего вы миновались,
О минуты сладких дней!
А минув, на что остались
Вы на памяти моей.

О свидетели в любови
Тайных радостей моих!
Вы то знаете, о птички,
Жители пустыней сих!
Испускайте глас плачевный,
Пойте днесь мою печаль,
Что лишась его, я стражду,
А ему меня не жаль!
Повторяй слова печальны,
Эхо, как мой страждет дух;
Отлетай в жилища дальны,
И трони́ его тем слух.

Прости, мой свет, в последний раз,
И помни, как тебя любил;
Злой час пришел мне слезы лить;
Я буду без тебя здесь жить.
О день! о час! о злая жизнь!
О время, как я счастлив был!
Куда мне в сей тоске бежать?
Где скрыться, ах, и что начать?
Печальна мысль терзает дух,
Я всех утех лишаюсь вдруг,
И помощи уж нет.
Прости, прости, мой свет.

Не будет дня, во дни часа,
В часе минуты мне такой,
Чтоб тень твоя ушла из глаз,
Я буду плакать всякой час.
Когда придут на мысль часы,
В которые я был с тобой:
Утехи прежни вспомнятся,
Глаза мои наполнятся
Потоками горчайших слез,
Что рок драгую жизнь унес,
Одну оставя страсть,
И лютую напасть.

Места! места дражайшие!
Свидетели утех моих!
Любезная страна и град,
Где сердце мне пронзил твой взгляд,
Вы будете в уме моем
Всегда в моих печалях злых,
И станете изображать,

Чего уже мне не видать.
О как я днесь несчастлив стал!
О рок! какой удар ты дал.
Возможно ли снести
Прости мой свет, прости.

Ах! За что тобой, жестокой, я обманута была?
Для чего вы льстили мысли мне, что я ему мила?
Дух мой, ты того не чаял
Что в другой любви он таял,
И играл лишь только мной!
В те часы, как я вздыхала,
И очей его искала,
Мнил обманщик о иной.

Чаю, в саму ту минуту, как меня сей варвар зрел,
Мнил он, что он тратил время и ее в уме имел,
Сносно ль то вообразити!
Чем ты можешь уразити
Больше, злая часть, меня?
Ныне лесть его открылась;
Только я уже лишилась
Воли, сердце возманя.

Не узнав твоей неправды, как ты злой меня губил,
Я несчастна услаждалась, мня, что ты меня любил;
О на что я то узнала,
Что я тщетно им вздыхала?
Пусть бы льстилась я пустым.
Бедство б счастьем я имела,
И не зная б не жалела,
Что обманута я им.

Из чего меня ты ввергла, и во что, о люта страсть?
Из надежды, из веселья во отчаянье, в напасть.
Положен на сердце камень,

Чем ты мой толь яркий пламень,
О мучитель, заплатил?
Знаю, что мне мстити должно,
Знаю; только невозможно;
Ты обманом столь мне мил.

Я любовью жажду,
Я горю и стражду,
Трепещу, тоскую, рвуся и стонаю:
Побежденна страстью,
Чту любовь напастью,
Ах и то что мило к муке вспоминаю.
Утоли злу муку и бедство злобно,
Дай отраду сердцу, люби подобно:
Скончай судьбину мою зловратну,
Дай жизнь приятну,
Сними железы,
Отри мне слезы;
Я их лишь трачу,
И в страсти плачу,
Тщетно, день и ночь.
Ты мой жар сугубишь,
А меня не любишь,
В жалость не приходишь, видя как страдаю.
О судьбина люта!
Ах приди, минута,
Я которой долго, мучась, ожидаю!
Иль моя надежда меня обманет,
Он меня во веки любить не станет?
Колико сердце мое не стонет,
Его не тронет.
Мои злы печали
Покой умчали.
Куда деваться?
Иль вечно рваться,
Тщетно, день и ночь.

Часть моя мне дивна:
Я тебе противна,

Ты всего мне в свете, и души, миляе.
Ты ко мне как камень,
Я к тебе как пламень.
Есть ли сей судьбины что на свете зляе?
Мне во всей ты жизни всего дороже;
Распались подобно, почувствуй то же.
Скончай судьбину мою зловратну,
Дай жизнь приятну,
Сними железы,
Отри мне слезы;
Я их лишь трачу,
И в страсти плачу,
Тщетно день и ночь.

В радостях всегдашних я тобой была,
А теперь престала быть тебе мила.
Иль меня за верность ныне ненавидишь,
Как я ни смущаюсь, ты того не видишь,
И не видишь слез моих.

Ты прельщен другою, ей подвластен стал,
И забыл то вечно, как о мне вздыхал.
Ты меня не ищешь, я тебя ищу,
И не сожалеешь, сколько ни грущу,
Отлученна дней драгих.

Ты меня покинул: счастлив будь с иной;
Но часы те вспомни, как ты был со мной,
С каковым приветством я люблю, сказала,
Сколько много ласки я тебе казала,
Как и ты меня любил.

Рок не милосердый все то вдруг пресек,
Все то миновалось, все прошло на век,
Хоть в груди пронзенной зрак остался твой, —
Но из сердца выгнан прежний им покой;
Ты мне без надежды мил.

Как в любви ты новой получишь успех,
Тень мою увидишь средь своих утех.
Пред тебя предстану в горести слезяща,
В жалобах и пенях стон произносяща:
Буду всем изобличать:

Как ты обещался в век меня любить,
И другой клянешься вечно верен быть.
Чувствуешь ли искру совести в себе?

Но какой искати жалости в тебе!
Мне тобой живот скончать.

Тяжкой сей напасти не удобно снесть:
Ощущаю муки сколько их ни есть.
То любя сгараю, то я каменею:
Вот какую плату за любовь имею.
Вот мне следство от любви.

От моих ты волей убегаешь, глаз,
Для чего ж я плачу по тебе всяк час;
Все сердечны скорби от тебя терплю:
Знаю; но как душу я тебя люблю,
Чьим ты ныне ни слыви.

Кто мне мил, в тебе, дуброва,
Тот бывает завсегда:
Молвил ли хотя три слова
Он, в тебе о мне когда?
Иль притворно он вздыхает,
И меня пересмехает,
Видя слабости мои,
И успехи в них свои?

Для чего ему я дерзко
Показала склонный вид?
Ну, когда в нем сердце зверско,
И тиранска кровь кипит!
Я увяну в лучшем цвете:
Только может ли на свете
Быть мучитель таковой,
Кто б разил и звал драгой!

Я не вижу в нем тирана:
Иль лишь кажется мне так?
Нет, он любит без обмана:
Мой ему приятен зрак.
Любит он меня конечно:
Отчего же я сердечно
Днесь мучение терплю?
От того, что я люблю.

Счастья нет без огорченья,
Как на свете ни живи.
Нет любови без мученья,
Нет утехи без любви.

Воспряв любви уставы,
Так и скуки, как забавы
Чуствуй ты, моя душа,
Сердце теша и круша.

Я в разлуке, жил в тоске, в сердце жар любви
храня;
И за то ль ты прочь бежишь и не хочешь знать меня?
Как тебя жестокий рок из очей моих унес,
Я наполнил стоном луг, горы, долы, темный лес.
О плачевные места,
В сей печальной стороне!
Вы свидетели в том мне,
Как здесь грусть была часта!

Мне вверялася она на твоих, река, брегах,
Ликовала тут весна, и цветы цвели в лугах.
Наступили хладны дни, и увянули цветы,
Наступил потом мороз и, река, замерзла ты.
Знать, что тех цветов с красой
Свила нежная любовь
И драгой кипяща кровь
Знать замерзла ах! с тобой.

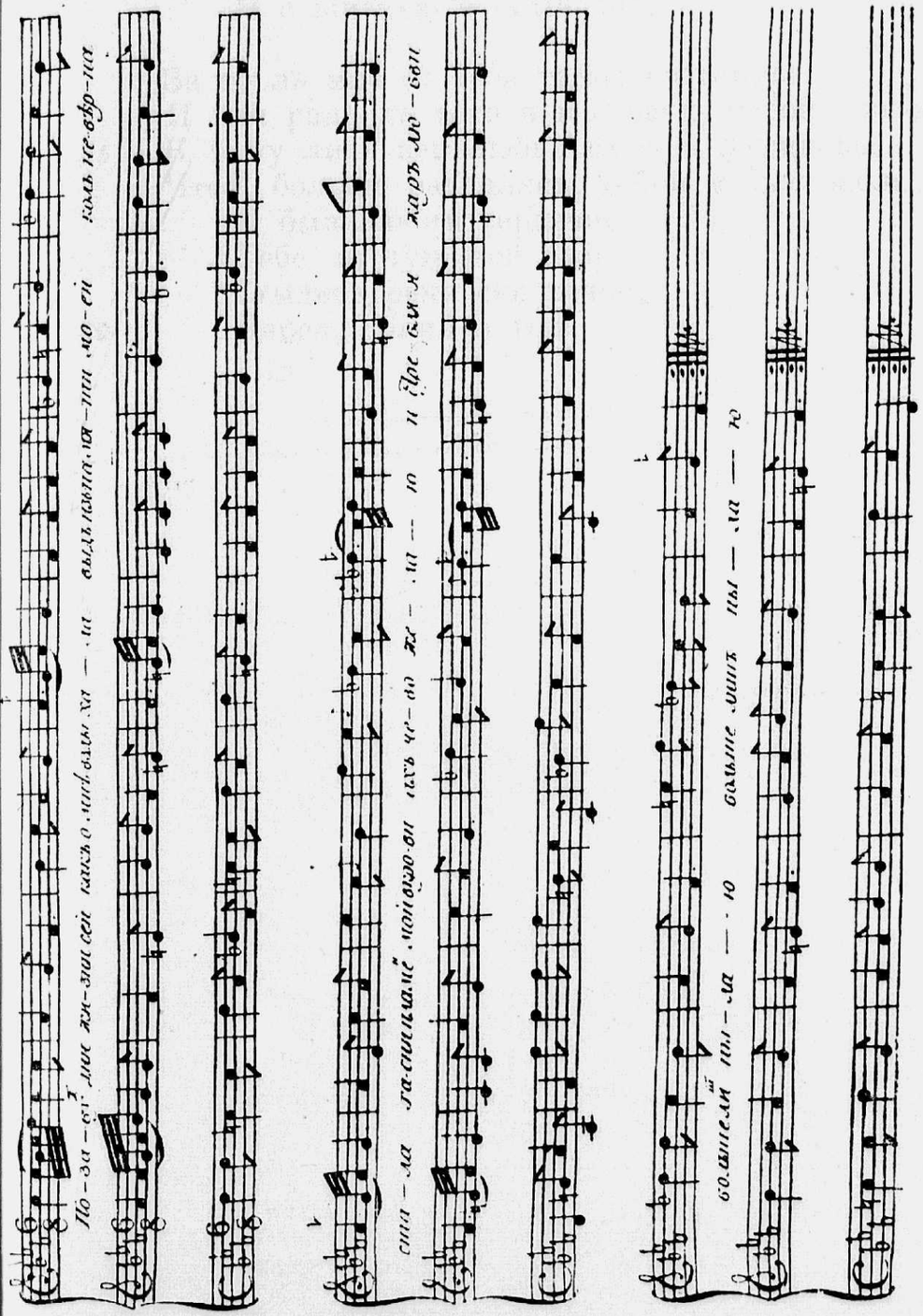
Лед растаял, снег сошел, луг опять травой покрыт,
Ах! А я, мой свет, уже навсегда тобой забыт.
Прежни дни прошли как сон, возвратилася весна;
Только я уже лишен невозвратно сладка сна.
Роза в тернии цветет,
Воды в берегах шумят;
Но в твоей крови все хлад,
И в очах приветства нет.

Прекрасная весна на паство возвратилась,
И слышится опять свирелей нежный глас;
Но часть моя еще и больше огорчилась.
О радости мои, со всем лишен я вас!
Когда я был в разлуке,
Я день и ночь вздыхал;
Теперь я в пущей муке,
Тебя увидя, стал.

На сей реки брегах ты клятвой утверждала,
Что будешь мне верна, доколе станешь жить:
Сим прежде течь струям обратно предвещала,
Ах! нежели меня возможешь ты забыть;
Но клятвы все попранны;
Неверность ты нашла.
Взгляни в луга пространны;
Вода идет как шла.

Куда ни поглядишь, всем будешь обличенна;
Колико ты винна в любви передо мной:
Там страсть твоя ко мне быть стала откровенна.
Там часто средь утех видался я с тобой:
Там ты со мной рассталась:
В твоих мерк свет глазах.
Как ты со мной прощалась,
В каких была слезах!

Когда разлуки дни к нам стали приближаться,
Наполнил все места я жалобой своей:
Не знал тогда, куды от грусти мне деваться:
Свидетель ты сама была тоски моей.
Как я тебя лишался,
И зрел последний раз,



Ноты к песне Сумарокова «Позабудь дни жизни сей...»

Мне мнилось, разлучался
Я с жизнью в оный час.

За то ль мне от тебя такое воздаянье,
И для ради ль того я в страсть тобой влечен?
К тому ли в век любви имел я обещанье,
Чтоб, больше распалясь, тобой я был забвен?
Я был любим сердечно:
Тебе ли чуж мой взор!
Стыдись, реки сей вечно,
Дерев, долин и гор.

Не плачь так много, дорогая,
Что разлучаюсь я с тобой:
И без того изнемогая,
Едва владею я собой.
Ничем уже не утешаюсь,
Как вображу разлуки час,
И сил и памяти лишаюсь,
Твоих, мой свет, лишаясь глаз.

Терпя сию разлуку люту,
Всечасно буду я стонать.
На всякую тебя минуту
К страданию воспоминать.
И ты по горьком разлученьи,
Не позабудь прошедших дней;
И облегчай мои мученьи,
Драгая, верностью своей.

Когда на токи вод ты взглянешь
Текущих в сих долинах рек,
Иль в рощах сих гулять ты станешь,
Вздохни, воспомнив сладкий век;
Скажи: уж нет того со мною,
Кто в сих местах меня любил,
Уж он расстался с той страною,
Где, зря меня, любим он был.

Скрываются сердец утехи,
От глаз моих отъемлют свет:
Кончаются игры и смехи,
Окончились, их больше нет.

Не все часы еще промчались,
Пребыти мне в очах твоих:
Но только те лишь не скончались,
Которые для мук одних.

Когда бесстрастна ты, мой свет, в очах другова,
Он смотрит на тебя с почтением одним,
Пусть тот из уст твоих не слышит жарка слова,
Не мучит то его, не властвуешь ты им.
Но ах, моей душею,
Не твой ли взор владел,
Как звать тебя своею,
Я счастие имел?

Владеешь и теперь равно ты мной, как прежде,
Равна в моих глазах, и страсть моя нова,
Где вы протекши дни в утехах и надежде?
Куда девались вы и нежные слова?
Без чувствия внимаешь
И речь мою и стон,
Все хладно принимаешь,
Прошел мой сладкий сон.

Воспомни те часы, в которы, сердцем тая,
Желала проводить весь век свой ты со мной,
В которы средь забав минуты, пролетая,
Казались коротки, когда я был с тобой.
И очи то казали,
Как я тобой любим,
Ни разу не сказали,
Что мил не буду им.

Возмог ли б о тебе заочно я поверить,
Что ты против меня так стала холодна,
Но мне мои глаза не могут лицемерить;
Моя лишь только кровь горит теперь одна.
Не только разговоров
Лишился я твоих,

Щеголиха XVIII века.
Современная гравюра

Лишен твоих я взоров,
Не вижу страсти в них.

Доныне думал я, что мне твой нрав известен,
Ан нет, известно то, что суетно люблю.
Колико мне твой взор, дражайшая, прелестен,
Толико я теперь мучения терплю.
Но слово хоть и ложно,
И жар твой ныне лжив,
Забыть тебя не можно,
Доколе буду жив.

Пременились рощи, чистые луга,
Возмутились воды, стонут берега.
С гор ключи не бьют,
Дождик тучи льют,
Гром гремит из туч,
Скрыло Солнце луч.

Красно Солнце скрыло луч не навсегда;
Я утех не буду видеть никогда:
Воспорхнет зефир,
Дух мой будет сир:
Птички будут петь,
Мне тоску терпеть.

Повторяй ты, эхо, горькие слова!
Окропись слезами, мягка мурава!
И под тьмой небес,
Стонь со мною, лес;
Стонь и вод поток,
Мой глася злой рок!

Сама злейша мука без утех любовь:
Лейся без порядка в жилах, жарка кровь!
Мною, рок, играй!
Сердце замирай!
Нет уж больше дней
Радости моей.

Развалися в роще на лужку шалаш!
Был любви всегдашний ты свидетель наш:
Здесь лишь ты и я,
И печаль моя,
Коя сердце рвет,
А другого нет.

Прошли те дни, как был я волен;
Но я их не могу жалеть.
Неволей я своей доволен,
И сердцу не пречу гореть.
Твой взор со мной, мой дух питая,
Хоть где твоих не вижу глаз,
Люблю тебя, люблю, драгая,
И мышлю о тебе всяк час.

Взаимным жаром ты пылаешь;
Мне в радостях препятства нет:
Как страстен я тобой, ты знаешь,
Я знаю о тебе, мой свет.
Играй, о сердце, сердцем нежно
И взором, что взор мой привлек!
Теки, о время, безмятежно
В забавах через весь мой век!

Будь мне верна и не пременна:
Люби, как зачала любить!
А ты не будешь мной забвенна,
Доколе буду в свете жить.
Чтоб скучил я когда тобою,
Того ты никогда не мни.
Пленен твоею красотою
В минуту: но на все я дни.

Ничго не может больше мне в моей тоске утехи дать
Твой зрак по всем местам со мной,
И мысль моя всегда с тобой,
Ни в день, ни в ночь из глаз нейдешь, ты рушишь сон, лишь стану спать,
Проснусь, ловлю пустую тень,
Вскричу, приди, ах, светлый день,
И день придет, я все грущу,
Не знаю сам чего хощу.
Нет помощи нигде,
Я слезы лью везде.

Я мил тебе, ты мне мила, но случай нам обоим лют.
Разрушил радостны часы,
Унес из глаз твои красы,
И только те минуты злы в мою печальну мысль впадут.
Когда ударил в нас рок злой.
И разлучил меня с тобой,
Во мне смятенный дух замрет,
Несносна горесть сердце рвет,
И стану вне себя,
Что уж не зрю тебя.

Судьба, престань терзать меня, дай видеть мне тот милый град,
Где я с своей любезной жил
И чтоб опять в нем с нею был;
О время! о драгие дни! придите вы скоряй назад,
Дай мне мою беду скончать,
Представь любезну мне опять.
Иль в век любить, и в век не зреть,
Возможно ль то кому стерпеть,
Но чем переменить?
Нельзя ее забыть.

Ты рушишь покой, свободу отнявши,
А повод сама мне к любви подала,
Ты, мне надежду подавши,
Опять взяла.
Почто было влечь, когда не склоняться,
Или то забавно, чтоб дух мой терзать.
Уж ты можешь смеяться,
Нельзя отстать.
Или ты, брав в плен, того лишь желала,
Чтоб кровь моя тобою пылала,
А я б, влюбясь, всеместно грустил,
Жестокий ты нрав и зверский имеешь;
Что, введши в грусть, о мне не жалеешь,
Довольна ль ты, уже я полюбил.

Довольствуйся ныне вздыханьем моим,
Я вечно подвластен очам стал твоим,
Свирепствуй как хочешь, я все то терплю,
Нельзя мне покинуть, я очень люблю,
Лишь только помысли, достойно ль губить,
Кому дала повод сама ты любить,
Престань меня,
К любви взманя,
Не видючи пользы, всечасно терзать;
Склонися, склонися, коль так ты мила,
Цели мою рану, что ты мне дала,
Или нельзя,
Мне грудь пронзя,
Стесненному духу отрады подать?

Я часто видал, что было приятно,
Где вместе случалось бывать мне с тобой:
А ныне то все превратно,
Где ты со мной;

Не хочешь взглянуть и прочь отбегаешь,
Какая причина тебя отвела,
За что ты презираешь,
Иль что мила?
Ах сжалься и дай опять быть в надежде,
Имей тот взор, как видел я прежде,
А я тебя своей почитал,
Спокой мысль мою, за что ты взгордилась,
За что, любя, ты вдруг рассердилась,
Того ли я себе ожидал?

Проходи скоро, светлый день,
Вы, о вы минуты, времена покою,
Поспешайте скоро с темнотой драгою,
И покрой здесь в роще мрачна тень.
Здесь я видеть чаю
То, о чем вздыхаю,
Здесь увижу друга своего;
Реки, вы в долинах тихо протекайте;
Ветры, ветры больше во́ды не смущайте,
Дайте мне чувства усладить,
Я хочу с возлюбленным здесь быть.
Здесь тебе то я объявлю,

Что я в сердце слышу, как тобой я таю,
И с какой охотой зреть тебя желаю,
И сказать яснее, как люблю,
Сократи мне скуку,
Я, скрывая муку,
Много слез горчайших пролила,
В тихой и приятной рощи в сей пустыне,
Я уж отлучаю прежню гордость ныне,
И тогда поступь премену,
Узришь, что тебе я не маню.

Как тебя здесь я буду зреть
Радость все скончает грусти несказанны,
Приятны веселья будут невозбранны;
Полно нам без пользы уже тлеть,
Несть несносно бремя,
И теряти время,
Пользы я не вижу никакой,

Как наступит старость, дни не возвратятся,
Кои без забавы в горести промчатся;
Веселись, сердце, веселись,
И своей весною насладись.

Отчего трепещет сердце, отчего пылает кровь,
Иль пришло уже то время, чтобы чувствовать любовь?
Коль не пламень то любовный, что ж за скорбь меня зажгла,
А когда любовь вселилась, ах любовь, ах как ты зла!
Вся природа обновленна,
Неприятна мне весна,
Я свободы всей лишенна,
В день забавы, ночью сна.

То любовь, любовь, конечно час пришел, любить должна.
И уж мне моя свобода ныне больше не нужна,
Тай, мое печально сердце, вольность я совсем гублю,
Нрав мой весь переменился, я постигла, что люблю;
Все пастух на мысли странной,
А как мышлю, вся горю,
И в любови несказанной,
И во сне его все зрю.

Распустилися деревья, на лугах цветы цветут,
Веют тихие зефиры, с гор ключи в долины бьют,
Воспевают сладки песни птички в рощах на кустах,
А пастух в свирель играет сидя при речных струях;
Я ничем не веселюся,
Я во всех местах тиха,
И повсюду лишь крушуся,
Где не вижу пастуха.

Что ты мил, стыжуся молвить, ты, пастух, дознайся сам,
И приди под тень сплетенных древ, к прекрасным сим местам,

Буду здесь часы с тобою в нежных я утехах гнать,
Стану петь тебе свой пламень, ты в свирель будешь играть,
Премени печаль мне в радость,
И ко мне почувствуй страсть,
Я свою цветущу младость
Отдаю тебе под власть.

Летите, мои вздохи, вы к той, кого люблю,
И горесть опишите, скажите, как терплю;
Останьтесь в ея сердце, смягчите гордый взгляд,
И после прилетите опять ко мне назад;
Но только принесите приятную мне весть,
Скажите, что еще мне любить надежда есть:
Я нрав такой имею, чтоб долго не вздыхать,
Хороших в свете много, другую льзя сыскать.

Уже восходит Солнце, стада идут в луга,
Струи в потоках плещут в крутые берега,
Любезная пастушка овец уж погнала,
И на вечер сего дня в лесок меня звала.

О темные дубравы, убежище сует!
В приятной вашей тени мирской печали нет;
В вас красные лужайки природа извела,
Как будто бы нарочно, чтоб тут любовь жила.

В сей вечер вы дождитесь под тень меня свою,
А я в вас буду видеть любезную мою;
Под вашими листами я счастлив уж бывал,
И верную пастушку без счету целовал.

Пройди, пройди скорее, ненадобный мне день,
Мне свет твой не приятен, пусть кроет ночи тень;
Спеши, дражайший вечер, о время, пролетай!
А ты уж мне, драгая, ни в чем не воспрещай.

Любовь, любовь, ты сердце к утехам взманя,
Любовь, ты уж полонила меня;
Тобою стал мой взор прельщен
И весь мой ум:
Мой гордый дух совсем разжен
От сладких дум.

Можно ль противиться мне тебе в младости,
Ты, страсть приличная летам моим!
Рази, рази ты слабу грудь,
Кто мил, того ищу,
Коль разно с ним я где-нибудь,
Везде грущу.

Любовь, любовь, ты сердце к утехам взманя,
Любовь, ты уж полонила меня;
Но я еще явить боюсь,
Что я люблю,
Хочу открыть, но все стыжусь,
И скорбь терплю.

Кто это выдумал, будто порочно то,
Ежели девушка любит кого?
Винна ли я, что тот мне мил,
Кому и я мила;
А если б он не так любил,
Горда б была.

Любовь, любовь, ты сердце к утехам взманя,
Любовь, ты уж полонила меня,
Любезный мой по всем местам
Пускает стон,

Но что моим так мил очам,
Не знает он.

Я притворяюся, взоры свирепствуют,
Поступь упорная мучит его:
Но полно мне его терзать,
Пора печаль пресечь.
Пора престати дух смущать
И сердце жечь.

Любовь, любовь, ты сердце к утехам взманя,
Любовь, ты уж полонила меня;
Внимай, мой свет, внимай мой глас,
Ты мил мне сам,
Не разлучит никто уж нас,
Кто злобен нам;

Пусть разрываются, кто позавидует
Жару любовному наших сердец;
А я влюбясь, на зло им всем
Пребуду в век верна,
Коль в сердце буду я твоем
Всегда одна.

Ты сердце распалила,
И кровь во мне зажгла;
Ты дух мой весь смутила,
И в плен меня взяла.
Любишь ли ты меня, любишь ли хоть мало.
Ты драгая? драгая, иль я тебе не мил?

Твои, драгая, очи
Нашли мне в сердце путь:
Ах нет ни дня ни ночи,
Чтоб мог я отдохнуть.
Любишь ли ты меня, любишь ли хоть мало,
Ты драгая? драгая, иль я тебе не мил?

Другие веселятся,
А я грущу всегда;
То сны мне злые снятся
К мученью иногда.
Любишь ли ты меня, любишь ли хоть мало;
Ты драгая? драгая, иль я тебе не мил?

Что я ни зачинаю,
Ни в чем отрады нет,
Тебя лишь вспоминаю;
Тебя одну, мой свет.
Любишь ли ты меня, любишь ли хоть мало,
Ты драгая? драгая, иль я тебе не мил?

Ни в чем, ах! нет отрады,
Покою нет нигде,
Твои приятны взгляды
Терзают мя везде.

Любишь ли ты меня, любишь ли хоть мало,
Ты драгая? драгая, иль я тебе не мил?

Где нет тебя со мною,
Там темен мне и свет;
Мой дух всегда с тобою,
Твой взор с ума нейдет.
Любишь ли ты меня, любишь ли хоть мало,
Ты драгая? драгая, иль я тебе не мил?

Ты в мыслях непрестанно,
Драгая, у меня;
Мила мне несказанно,
Мой дух красой пленя.
Любишь ли ты меня, любишь ли хоть мало,
Ты драгая? драгая, иль я тебе не мил?

Щеголь XVIII века.
Современная гравюра

Негде, в маленьком леску,
При потоках речки,
Что бежала по песку,
Стереглись овечки.
Там пастушка с пастухом
На брегу была крутом,
И в струях мелких вод с ним она плескалась.

Зацепила за траву,
Я не знаю точно,
Как упала в мураву,
В правду иль нарочно.
Пастух ее подымал,
Да и сам туда ж упал,
И в траве он щекотал девку без разбору.

Не шути так молодец,
Девка говорила;
Дай мне встать пасти овец;
Много раз твердила:
Не шути так молодец,
Дай мне встать пасти овец;
Не шути, не шути, дай мне па́сти стадо.

Закричу, стращает вслух;
Дерзкий не внимает
Никаких речей пастух,
Только обнимает.
А пастушка не кричит,
Хоть стращает, да молчит:
Для чего же не кричит, я того не знаю.

И что сделалось потом,
И того не знаю.
Я немного при таком
Деле примечаю;
Только эхо по реке,
Отвечало вдалеке,
Ай, ай, ай! знать они дралися.

Не гордитесь, красны девки,
Ваши взоры нам издевки,
Не беда.
Коль одна из вас гордится,
Можно сто сыскать влюбиться
Завсегда.
Сколько на небе звезд ясных,
Столько девок есть прекрасных:
Вить не впрям об вас вздыхают;
Все один обман.

Прости, моя любезная, мой свет, прости,
Мне сказано назавтрее в поход ийти;
Не ведомо мне то, увижусь ли с тобой,
Ин ты хотя в последний раз побудь со мной.

Покинь тоску, иль смертный рок меня унес,
Не плачь о мне, прекрасная, не трать ты слез.
Имей на мысли то к отраде ты себе,
Что я оттоль с победою приду к тебе.

Когда умру, умру я там с ружьем в руках,
Разя и защищаяся, не знав, что страх;
Услышишь ты, что я не робок в поле был,
Дрался с такой горячностью, с какой любил.

Вот трубка, пусть достанется тебе она!
Вот мой стакан, наполненный еще вина;
Для всех своих красот ты выпей из него,
И будь по мне наследницей лишь ты его.

А если алебарду заслужу я там,
С какой явлюся радостью к твоим глазам;
В подарок принесу я шиты башмаки,
Манжеты, опахало, щегольски чулки.

Не грусти, мой свет, мне грустно и самой,
Что давно я не видалася с тобой.
Муж ревнивый не пускает никуда;
Отвернусь лишь, так и он идет туда.

Принуждает, чтоб я с ним всегда была;
Говорит он, отчего не весела:
Я вздыхаю по тебе, мой свет, всегда,
Ты из мыслей не выходишь никогда.

Ах! несчастье, ах! несносная беда,
Что досталась я такому молода;
Мне в совете с ним во веки не живать,
Никакого мне веселья не видать.

Сокрушил злодей всю молодость мою;
Но поверь, что в мыслях крепко я стою;
Хоть бы он меня и пуще стал губить,
Я тебя, мой свет, во век буду любить.

Где ни гуляю, ни хожу,
Грусть превеликую терплю;
Скучно мне, где я ни сижу,
Лягу, спокойно я не сплю;
Нет мне веселья никогда,
Горько мне, горько завсегда,
Сердце мое тоска щемит,
С грусти без памяти бегу;
Грудь по тебе моя болит,
Вся по тебе я не могу;
Ты завсегда в моих глазах,
Я по тебе всегда в слезах:
То ли не лютая беда!
То ль не увечье мне младой!
Плачу я, мучуся всегда,
Вижу тебя я и во сне:
Ты мою молодость круша,
Сделался мил мне как душа;
Ты приволок меня к себе,
Ты и любить меня взманил,
Так ли мила я и тебе,
Так ли ты тужишь обо мне;
Весел ли ты когда со мной,
Рад ли, что виделся с младой.
Сем-ка сплету себе венок
Я из лазуревых цветов,
Брошу на чистый я поток,
Сведать, мой миленькой каков,
Тужит ли в той он стороне,
Часто ли мыслит обо мне.
Тонет ли, тонет ли венок,
Или он по верьху плывет:
Любит ли, любит ли дружок,

Иль не в любви со мной живет:
Любит ли он как я его;
Меньше иль вовсе ничего;
Вижу, венок пошел на дно,
Вижу, венок мой потонул:
Знать на уме у нас одно,
Знать, о мне миленький вздохнул;
Стала теперь я весела:
Знать, что и я ему мила.

В роще девки гуляли.
Калина ли моя, малина ли моя.
И весну прославляли.
Калина *и пр.*
Девку горесть морила.
Калина *и пр.*
Девка тут говорила.
Калина *и пр.*
Я лишилася друга.
Калина *и пр.*
Вянь, трава чиста луга.
Калина *и пр.*
Не всходи месяц ясный.
Калина *и пр.*
Не свети ты день красный.
Калина *и пр.*
Не плещите вы воды.
Калина *и пр.*
Не пойду в короводы.
Калина *и пр.*
Не нарву я цветочков.
Калина *и пр.*
Не сплету я веночков.
Калина *и пр.*
Я веселья не знаю.
Калина *и пр.*
Друг, тебя вспоминаю.
Калина *и пр.*

Я и денно и ночно.
Калина *и пр.*
В день и в ночь сердцу тошно.
Калина *и пр.*
Я любила сердечно.
Калина *и пр.*
И любить буду вечно.
Калина *и пр.*
Сыщешь ты дорогую.
Калина *и пр.*
Отлучився, другую.
Калина *и пр.*
Сыщешь милу прекрасну.
Калина *и пр.*
И забудешь нещастну.
Калина *и пр.*
Та прекрасняе будет.
Калина *и пр.*
Да тебя позабудет.
Калина *и пр.*
Ах, а я не забуду.
Калина *и пр.*
Сколько жить я ни буду.
Калина *и пр.*
Не пойдут быстры реки.
Калина *и пр.*
Ко источнику в веки.
Калина *и пр.*
Так и мне не удобно.
Калина *и пр.*
Быть неверной подобно.
Калина *и пр.*

О ты крепкой, крепкой Бендер град,
О разумный храбрый Панин граф
Ждет Европа чуда славного,
Ждет Россия славы новыя,
Царь Турецкой и не думает,
Чтобы Бендер было взяти льзя;
Петр Великий, храбрый мудрый Петр,
Дал Петру свой ум и мужество,
И устами самодержицы,
Щедрой, мудрой и великия,
Говорит он графу Панину:
Не был город Бендер взят никем;
Вижу града стены крепкие,
Вижу множество Турецких войск,
Здесь число войск Русских малое,
Да в тебе душа великая,
Покажите вы величество
Чад и матери империи,
Будьте славой самодержицы,
Будьте пользою отечества. —
Панин на это ответствует
От Невы пришедшу голосу:
Я клянуся перед воинством,
Град возьму или умру под ним;
Увенчаемся здесь лаврами,
Иль падем под кипарисами.
Слышан голос войска храброго:
Град возьмем, иль все помрем с тобой.
Наступил уже решенья день,
Приближается ночь темная,
Скрылось солнце в море бурное,
Из-за леса не взошла Луна
Не мешает небо мрачное,

Войско двигнулось ко Бендеру,
Загремели громы страшные,
Заблистали светлы молнии,
Зашумели войски Русские,
Затряслися стены градские,
Зажигается селение,
Разгораются все здания.
Панин, Панин, то исполнил ты:
В чем ты клялся перед воинством;
Стонут, стонут побежденные,
Торжествуют победители.

Благополучны дни,
Нашими временами;
Веселы мы одни,
Хоть нет и женщин с нами:
Честности здесь уставы,
Злобе, вражде конец,
Ищем единой славы,
От чистоты сердец.

Гордость, источник бед,
Распрей к нам не приводит,
Споров меж нами нет,
Брань нам и в ум не входит;
Дружба, твои успехи
Увеселяют нас:
Вот наши все утехи,
Благословен сей час.

Мы о делах чужих
Дерзко не рассуждаем,
И во словах своих
Света не повреждаем;
Все тако человеки,
Должны себя явить,
Мы золотые веки
Тщимся возобновить.

Ты нас, любовь, прости,
Нимфы твои прекрасны,
Стрелы свои внести
В наши пиры не властны;
Ты утех не умножишь,
В братстве у нас любовь,

Только лишь востревожишь
Ревностью дружню кровь.

Только не верь тому,
Что мы твои злодеи:
Сродны ли те уму,
Чистым сердцам затеи?
Мы, приобщая мира
Сладости дар себе,
Только пойдем из пира,
Подданны все тебе.

Кто хулит франмасонов
За тайный их устав,
Что те не чтут законов,
Своих держатся прав:
Когда бы ты спросился,
Как верен франмасон,
В котором он родился,
Тот держит и закон.

Быть должно людям в власти,
И так веру любить,
Чтоб, все презрев напасти,
И кровь свою пролить,
Святую честь хранити,
Не руша ни черты,
И имя чести чтити
Превыше суеты.

Любить людей как должно
И бедным помогать,
И сколько где возможно,
Беды им отвращать.
Словом, тебе сказати,
Он честный человек,
А тайну их спознати
Нельзя тебе во век.

Лжи на свете нет меры,
То ж лукавство да то ж,
Где ни ступишь, тут ложь;
Скроюсь вечно в пещеры,
В мир не помня дверей,
Люди зляе зверей.

Я сокроюсь от мира,
В мире дружба лишь лесть
И притворная честь;
И под видом зефира
Скрыта злоба и яд,
В райском образе ад.

В нем крючок богатится,
Правду в рынок нося
И законы кося,
Льстец у бар там лестится,
Припадая к ногам,
Их подобя богам.

Там Кащей горько плачет,
Кожу, кожу дерут,
Долг с Кащея берут;
Он мешки в стену прячет,
А лишась тех вещей,
Стонет, стонет, Кащей.

ПЕСЕНКА

Савушка грешен,
Сава повешен.
Савушка, Сава!
Где твоя слава?

Больше не падки
Мысли на взятки.
Савушка, Сава!
Где твоя слава?

Где делись цуки,
Деньги и крюки?
Савушка, Сава!
Где твоя слава?

Пруд в вертограде,
Сава во аде.
Савушка, Сава!
Где твоя слава?

Пойте, птички, вы свободу,
Пойте красную погоду;
Но когда бы в рощах сих,
Ах! несносных мук моих
Вы хоть соту часть имели,
Больше б вы не пели.

Мчит весна назад прежни красоты,
Луг позеленел, сыплются цветы.
Легки ветры возлетают,
Розы плен свой покидают.
Тают снеги на горах,
Реки во своих брегах
Веселясь струями плещут.
Все пременно, только мне,
В сей печальной стороне,
Солнечны лучи не блещут.

О потоки, кои зрели радости мои,
Рощи и пещеры, холмы, все места сии!
Вы то видели тогда, как я веселился,
Ныне ах! того уж нет, я тех дней лишился:
Вы то знаете одни,
Сносно ль без Кларисы ныне,
Пребывать мне в сей пустыне,
И иметь такие дни.

Земледелец в жаркий полдень отдыхает;
И в тени любезну сладко вспоминает:
В день трудится над сохой,
Ввечеру пойдет домой,
И в одре своей любезной,
Засыпает по трудах;

Без Филисы очи сиры,
Сиры все сии места:
Отлетайте вы, зефиры,
Без нея страна пуста;
Наступайте вы, морозы,
Увядайте, нежны розы.

Пожелтей, зелено поле,
Не журчите вы, струи,
Не вспевайте ныне боле
Сладких песней, соловьи:
Стонь со мною, эхо, ныне
Всеминутно в сей пустыне.

С горестью ль часы ты числишь
В отдаленной стороне?
Часто ль ты, ах! часто ль мыслишь,
Дорогая, обо мне?
Тужишь ли, воспоминая,
Как расстались мы стоная?

В час тот, как ты мыться станешь,
Хоть немного потоскуй,
И когда в потоки взглянешь,
Молви ты у ясных струй:
Зрима я перед собою:
Но не зрима я тобою.

Ах! а мне в сей жизни слезной
Не видать в своих руках
Дорогой Кларисы боле,
Только тень ее здесь в поле.

Древеса, я в первый раз,
Жар любви познал при вас;
Вы мне кажетеся сиры,
К вам уж сладкие зефиры,
С смехами не прилетят,
Грации в листах сплетенных,
Глаз лишася драгоценных,
Завсегда о них грустят.

Ах, зачем вы приходили,
Дни драгие, ах, зачем!
Лучше б вы мне не манили
Счастием в жилище сем.
За немногие минуты,
Дни оставши стали люты,
И куда я ни пойду,
Ни в приятнейшей погоде,
Ни в пастушьем караводе,
Я утехи не найду.
Где ты, вольность золотая,
Как Кларисы я не знал,
А когда вздыхати стал,
Где ты, где ты, жизнь драгая!

Не смотрю я на девиц,
Не ловлю уже силками
Я, прикармливая, птиц,
Не гоняюсь за зверями,
И не у́жу рыб; грущу,
Ни на час не испущу
Больше в сих местах незримой
Из ума моей любимой.

ЕКЛОГИ

КЛАРИСА

С высокия горы источник низливался
И чистым хрусталем в долине извивался.
По белым он пескам и камышкам бежал.
Брега потоков сих кустарник украшал.
Милиза некогда с Кларисой тут гуляла,
И седши на траву ей тайну объявляла:
«Кустарник сей мне мил», она вещала ей,
«Он стал свидетелем всей радости моей.
В нем часто Палемон скотину напаяет,
И мниму в нем красу Милизину вспевает.
Здесь часто сетует он, в сердце жар храня,
И жалобы свои приносит на меня.
Здесь именем моим все место полно стало,
И эхо здесь его стократно повторяло.
О если б ведала ты, как я весела:
Я вижу, что его я сердцу впрям мила.
Селúнте Палемон меня предпочитает;
Знак склонности ея к себе уничтожает
Мне кажется, душа его ко мне верна.
И ежели то так, так, знать, я не дурна.
Намнясь купаясь я в день тихия погоды,
Нарочно пристально смотрела в ясны воды;
Хотя казался мне мой образ и пригож;
Но знать, что он в водах еще не так хорош».
Клариса ничего на то не отвечала;
Несмысленна была, любви еще не знала.
Милиза говорит: «Под этою горой
Незапно в первый раз он свиделся со мной:
Он, сшед с верьхов ея с своим блеящим стадом,
Удержан был в долу понравившимся взглядом,
Где внятно слушала свирелку я его,

Не слыша никогда про пастуха сего,
Когда я, сидючи в приятной сей долине,
Взирала на места лежащи в сей пустыне
И, величая жизнь пастушью во уме,
Дивилась красотам в прелестной сей стране.
Любовны мысли в ум еще мне не впадали,
Пригожствы сих жилищ мой разум услаждали,
И веселил меня пасомый мною скот.
Не знала прежде я иных себе забот.
Однако Палемон взложил на сердце камень.
Почувствовала я влиянный в жилах пламень,
Который день от дня умножился в крови
И учинил меня невольницей любви;
Но склонности своей поднесь не открываю,
И только ныне тем себя увеселяю,
Что знаю то, что я мила ему равно.
Уже бы с ним в любви открылась я давно;
Да только приступить к открытию стыжуся,
А паче от него измены я боюся.
Я тщуся, чтоб пастух любил меня такой,
Который б не на час, на целый век был мой.
Кто ж подлинно меня Клариса в том уверит,
Что будет он мой ввек? теперь нелицемерит,
Всем сердцем покорен став зраку моему,
Но, может быть, склонясь прискучуся ему.
Довольно видела примеров я подобных:
Как волки, изловя когда овец беззлобных,
Терзают их, когда из паства унесут,
Так часто пастухи сердца пастушек рвут».—
«Богине паств, тебе, Милиза, я клянуся,
Что я по смерть свою к тебе не пременюся».
Пастух перед нее представши говорил.
Колико он тогда пастушку удивил!
Ей мнилося, что куст в него преобратился,
Иль он из облака перед нее свалился.
А он, сокрывшися меж частых тут кустов,
Был всех свидетелем ея любовных слов.
Она со трепетом и в мысли возмущенной,
Вскочила с муравы долины наводненной,
И к жительницам рощ, к прелестницам сатир,

Когда препархивал вокруг ея зефир
И быстрая вода в источнике журчала,
Прискорбным голосом вздыхаючи вещала:
«Богини здешних паств, о нимфы рощей сих,
Ступайте за леса, бежа жилищ своих!
Зефир, когда ты здесь вокруг меня летаешь,
Мне кажется, что ты меня пересмехаешь,
Лети отселе прочь, оставь места сии,
Спокой журчащие в источнике струи,
Чтоб я осмелилась то молвить, что мне должно:
Открывшися уже таиться невозможно!»
Скончалась на брегах сих горесть пастуха;
Любезная его престала быть лиха.
Стократно тут они друг другу присягают,
И поцалуями те клятвы утверждают.
Клариса, видя то, стыдиться начала,
И, зря, что тут она не надобна была,
Их тающим сердцам не делает помехи,
Отходит; но, чтоб зреть любовничьи утехи,
Скрывается в кустах сплетенных и густых,
Внимает милый взгляд и разговоры их.
Какое множество прелестных видит взоров!
Какую слышит тьму приятных разговоров!
Спор, шутка, смех, игра, все тут их веселит,
Все тут, что мило им, и свет от них забыт,
Несмысленна, их зря, Клариса изумелась,
Ожглась, их видючи, и кровь ея затлелась.
Отходит скот пасти, но тех часов уж нет,
Как кровь была хладна: любовь с ума нейдет.
Луга покрыла ночь: пастушке уж не спится,
Затворит лишь глаза: ей то же все и снится.
Лишается совсем рабяческих забав,
И применяется пастушкин прежний нрав.
Подружкина любовь Кларису заражает:
Клариса дней чрез пять Милизе подражает.

ДАМОН

Еще густая тень хрустально небо крыла,
Еще прекрасная Аврора не всходила,
Корабль покоился на якоре в водах,
И земледелец был в сне крепком по трудах,
Сатиры по горам лесов не пребегали,
И нимфы у речных потоков почивали,
Как вдруг восстал злой ветр и воды возмущал,
Сердитый вал морской долины потоплял,
Гром страшно возгремел, и молнии сверкали,
Дожди из грозных туч озера проливали.
Сокрыли небеса, и звезды, и луну,
Лев в лес бежал густой, а кит во глубину,
Орел под хворостом от страха укрывался,
Подобно и Дамон сей бури испужался,
Когда ужасен всей природе был сей час;
А он без шелаша свою скотину пас.
Дамон не знал куда от беспокойства деться:
Бежал найти шелаш обсохнуть и согреться:
Всех ближе шелашей шелаш пастушкин был,
Котору он пред тем недавно полюбил,
Котора и в него влюбилася подобно,
Хоть сердце поступью к нему казалось злобно;
Она таила то, что чувствовал в ней дух;
Но дерзновенный вшел в шелаш ея пастух;
Однако, как тогда погода ни мутилась,
Прекрасная его от сна не пробудилась
И, лежа, в шелаше на мягкой мураве,
Что с вечера она имела в голове,
То видит и во сне: ей кажется, милует,
Кто въяве в оный час, горя, ее цалует.
Сей дерзостью ей сон еще приятняй был,

Дамон ей истину с мечтой соединил;
Но ясная мечта с минуту только длилась,
Излишества ея пастушка устрашилась
И пробудилася. Пастушка говорит:
«За чем приходишь ты туда, где девка спит?»
Но привидением толь нежно утомилась,
Что за проступок сей не очень рассердилась.
То видючи, Дамон надежно отвечал,
Что он ее любя в вину такую впал
И, часть сея вины на бурю возлагая,
«Взгляни», просил ее, «взгляни в луга, драгая,
И зри потоки вод пролившихся дождей!
Меня загнали ветр и гром к красе твоей;
Дожди из грозных туч вод море проливали,
И молнии от всех сторон в меня сверкали.
Не гневайся, восстань и выглянь за порог!
Увидишь ты сама, какой лиется ток».
Она по сих словах смотреть потоков встала,
А что цалована, ему не вспоминала,
И ничего она о том не говорит;
Но кровь ея, но кровь бунтует и горит.
Дамона от себя обратно посылает,
А чтоб он побыл с ней, сама того желает.
Не может утаить любви ея притвор,
И шлет Дамона вон и входит в разговор,
Ни слова из речей его не примечает,
И на вопрос его другое отвечает.
Дамон прощения в вине своей прося
И извинение любезной принося,
Разжен ея красой, себя позабывает,
И в новую вину, забывшися, впадает:
«Ах! сжалься», говорит, но говорит то вслух.
«Ах! сжалься надо мной и успокой мой дух,
Молвь мне: люблю — или отбей мне мысль печальну
И окончай живот за страсть сию нахальну!
Я больше уж не мог в молчании гореть,
Люби иль от своих рук дай мне умереть».
«О чем мне говоришь толь громко ты, толь смело,
Дамон, опомнися, какое это дело,
Она ему на то сказала во слезах,

«И вспомни, в каковых с тобою я местах!
Или беды мои, Дамон, тебе игрушки;
Не очень далеко отсель мои подружки;
Пожалуй не вопи! или ты лютый зверь?
Ну если кто из них услышит то теперь
И посмотреть придет, что стало с их подружкой?
Застанет пастуха в ночи с младой пастушкой.
Какой ея глазам с тобой явлю я вид,
И ах, какой тогда ты сделаешь мне стыд!
Не прилагай следов ко мне ты громким гласом,
И что быть хочешь мил скажи иным мне часом.
Я часто прихожу к реке в шалаш пустой,
Я часто прихожу в березник сей густой,
И тамо от жаров в полудни отдыхаю:
Под сею иногда горой в бору бываю.
И там ищу грибов: под дубом на реке,
Который там стоит от паства вдалеке,
Я и вчера была: там место уедненно;
Ты можешь зреть меня и тамо несумненно.
В пристойно ль место ты склонять меня зашел?
Такой ли объявлять любовь ты час нашел?»
Дамон ответствовал на нежные те пени,
Перед любезной став своею на колени,
Цалуя руку ей, прияв тишайший глас:
«Способно место здесь к любви, способен час,
И если сердце мне твое не будет злобно;
То все нам, что ни есть, любезная способно.
Пастушки, чаю, спят, избавясь бури злой,
Господствует опять в часы свои покой,
Уж на небе туч нет, опять сияют звезды,
И птицы стерегут свои без страха гнезды,
Орел своих птенцов под крыльями согрел,
И воробей к своим яичкам прилетел:
Блеяния овец ни в чьем не слышно стаде,
И все что есть, в своей покоится отраде».
Что делать ей; Дамон идти не хочет прочь?
Возводит к небу взор: «О ночь, о темна ночь,
Усугубляй свой мрак, мой разум отступает,
И скрой мое лице!» вздыхаючи вещает.
«Дамон! мучитель мой! я мню, что и шелаш

Смеется зря меня и слыша голос наш.
Чтоб глас не слышен был, шумите вы, о рощи,
И возвратись нас скрыть, о темность полунощи!»
Ей мнилось, что о них весть паством понеслась,
И мнилось, что тогда под ней земля тряслась,
Не знаючи любви, люблю сказать не смеет;
Но, молвив множество забав она имеет,
Которы чувствует взаимно и Дамон;
Сбылся, пастушка, твой, сбылся приятный сон.
По сем из волн морских Аврора выступала,
И спящих в рощах нимф, играя, возбуждала,
Зефир по камышкам на ключевых водах
Журчал и нежился в пологих берегах.
Леса, поля, луга сияньем освещались,
И горы вдалеке Авророй озлащались.
Восстали пастухи, пришел трудов их час,
И был издалека свирельный слышен глас.
Пастушка с пастухом любезным разлучалась;
Но как в последний раз она поцеловалась,
И по веселостях ввела его в печаль,
Сказала: «Коль тебе со мной расстаться жаль;
Приди ты под вечер ко мне под дуб там дальный,
И успокой, Дамон, теперь свой дух печальный,
А между тем меня на памяти имей,
И не забудь, мой свет, горячности моей».

ДЕЛИЯ

Заря вечерняя оставит небо вскоре;
Спустилося уже прекрасно солнце в море:
Из ветров лишь одни зефиры на лугах,
И шуму струй речных не слышно в берегах.
Тревога больше чувств ничьих уже не тронет:
Едина Делия, едина только стонет,
А стóня говорит: «Затмись, противный свет!
К чему ты мне уже, когда Аминта нет!
Возьми оставшие лучи на горизонте
И погрузися ты хоть вечно с ними в понте;
Не терпит уж тебя смущенный больше зрак;
На век перемени сиянье мне во мрак,
Когда, клянясь тобой, Аминт переменился!
Покинул он меня, покинул и женился.
Где делись клятвы те! где делась та любовь,
Которая мою зажгла взаимно кровь!
О рощи, о луга, о реки, долы, горы!
Вы часто слышали те с клятвой разговоры,
Которыми меня обманывал мой льстец:
Никак нельзя войти во внутренню сердец.
Роз семя в лютый час садовник зарывает,
Которого цветник репейник покрывает:
Почто плодом любви прельщался ты, мой взгляд?
Рябина родилась, посеян виноград.
Стени, стени со мной на пастве, эхо, ныне
И разноси мой глас плачевный по пустыне:
Тронú стенанием дубровы ты сии,
И воздыханием в источниках струи!
А вы, о ветры, сим неверного троните,
И в обличение ему напомяните,
Что нет подобия жестокости его,

И нет подобия мученья моего:
Не столько злой Борей, когда реветь дерзает,
Не столько жесток волк, как овцу он терзает,
Каков ко мне Аминт за верность ныне лют;
Не помнит более прошедших трех минут,
Которые, его доволя сей страною,
Всяк день и всякий час увеселяли мною.
Известно сим рекам, горам, долине сей
О нежности к нему и верности моей:
И рощи и луга его изобличают:
И тропки все, что он изменник, отвечают.
Твердит источник сей: я часто его зрел,
Каким ты пламенем, Аминт, любя горел:
На брег, где Делия во мне мывала ноги,
Протоптаны тобой и выбиты дороги.
Твердят сии луга, где я цветы рвала:
Любовница тебе из них венки плела.
Твердит кустарник: ты здесь ягоды рывала,
И с поцелуями Аминту отдавала.
Свидетельница мне вот эта мурава,
Какие говорил он нежные слова,
Не дожидаяся себе достойной пени,
Когда клал голову любезной на колени.
А ты был, темный лес, свидетелем сея
К нему горячия любови моея!
Но ныне жалобных свидетель ты стенаний,
И горестных моих о нем воспоминаний!»
Продлила бы она стенание свое;
Но вдруг залаяла собака близь нее.
Не волк ли на овец подкравшися алкает?
Не волк идет, не тать; собака умолкает
И стала ластиться, Аминта тут, узрев,
«Не волк идет ко мне, идет жестокий лев!
На что ты, ах! на что, собака, замолчала»,
Смятенна Делия в досаде закричала.
Приближился Аминт и к Делии подшел;
Но вот какую речь в устах ея нашел:
«Когда, злодей, тобой я все спокойство рушу,
Свирепствуй, варварствуй, терзай мою ты душу». —
«Но в чем виновен я?» — «Но в чем виновен ты!

Злодействия твои не сны и не мечты.
Смутитесь, чистые реки сея потоки,
Как горести меня смутили прежестоки,
И покажите вы смущение ему,
Какое приключил он сердцу моему!
О Солнце, был ли день без слез о сем неверном:
Луна, была ли ночь мне в боли не чрезмерном:
И без стенания могла ли я заснуть,
Или смыкая взор о нем не вспомянуть!» —
«О Солнце, о Луна, вы видели подобно,
Как мучился и я, и в день и ночью злобно:
И можно ли сие страданье превзойти,
Или где равное страдание найти!» —
«Ты в новой до́быче имел себе успехи,
И прежние не мог воспомянуть утехи:
А если вспоминал, так помнил только то,
Не тронут жалостью, что я тебе ничто;
Не мил уже цветок, когда в лугу засохнет,
Ни той лицо, о ком любовник уж не вздо́хнет:
Не горько вспоминать о прежней той любви,
Которая навек застыла во крови:
Приятна та весна, которая ликует,
И та любовница, котора не тоскует:
Приятен летний день, когда дождя в нем нет,
И та любовница, котора слез не льет».
Во прежней нежности Аминт любовной тает,
И руку Делии в горячности хватает;
Но Делия уже не ту имеет мысль,
И говорит: «Меня безумною не числь;
Уж поздно предо мной Аминту извиниться;
Женившися нельзя уж больше разжениться;
Поди отсель, поди, к любезной поспешай:
А бедной Делии стонати не мешай!»
Он ей ответствует: «Тебя ли я забуду!
Тебя любил, люблю, тебя любити буду». —
«Когда женился ты, на что уж эта лесть?» —
«Прошла на пастве здесь неправедная весть;
Но слух тебя хотя со мною и поссорил;
Однако я отца в последок переспорил
И помощью любви я все преодолел;

Отец мой склонности мне следовать велел;
Хотя и принуждал жениться на богатой;
Спряжемся: буди мне за жар мой сердцу платой».
Вещает Делия: «Спрягай ты, Гимен, нас,
О радостнейший день! о преблаженный час!»
Тушил горячность Феб средь моря тьмою нощи:
Аминт и Делия среди густыя рощи.
Выходит Феб из волн опять на горизонт,
Свежае, как он был, когда спускался в понт:
Аминт и Делия, как горы осветились,
Из рощи темныя свежае возвратились.

ЮНИЯ

Багреют небеса сиянием Авроры,
И освещаются луга, леса и горы:
Встречает пением богиню соловей,
И Флора нежится, зефир ликует с ней.
Прекрасна Юния, восстав от сна, не дремлет;
Но песен соловья она уже не внемлет.
Ей все одно твердит и бдение и сон:
В крови пастушки жар, на мысли Коридон.
«О как бы», говорит, «я ныне утешалась,
Когда б я лучшия забавы не лишалась!
К чему на ниве сев, коль нивы кто не жнет,
А девке красота, когда любови нет?
И сочный виноград не праздно ль лето греет,
Когда ни для кого сей сладкий плод созреет?»
Выходит на луга: увидела того,
Кто ей на свете сем любезняе всего.
Окончились часы на пастве темной ночи,
И видят пастуха ея влюбленны очи.
Свое он стадо гнал к потоку чистых вод:
Пастушка погнала туда ж поити скот:
Пришла и как струя во бреги зыбко плещет,
И сердце, зыбляся, подобно в ней трепещет.
Переменялся в ней ежемгновенно вид:
Присутствует любовь, присутствует и стыд.
Открыти таинство стремится, унывает,
Отваживается, безмолвна пребывает.
Пременна пред весной погода такова,
Освобождается когда от уз трава,
Когда на вышках гор еще снега не тают,
И в рощах жавронки единые летают.
«Не знаешь ты, пастух, в чем мысль теперь моя:

Не знаешь, Коридон, что тщуся молвить я.
В молчании моем довольно я терпела:
Мной кровь твоя кипит, моя тобой вскипела».
Не столько мураве приятствует роса,
И нимфам по зиме весенняя краса,
Ни лебедю струи во озере прозрачны,
Колико пастуху часы сии удачны.
Во восхищении не может он молчать:
Не знает и того, какую речь начать.
«Источник! моего ты счастия содетель;
Так будь и радости моей теперь свидетель!
Погибшие ко мне часы возвращены;
Стократно муки все мои заплачены.
Я чаял, возростил на пастве я кропиву;
Но крупное пшено обогатило ниву.
Стократны мне плоды терпение дает,
И день, желанный день, сей жатвы настает.
В густой пойдем сей лес, по мыслях мы смятенных,
Под ветвие древес, покровом соплетенных,
И в нежном пламени там станем мы гореть,
Что будет купидон единый только зреть.
О предражайший день, колико ты утешен!»—
«Куда... зачем... ах! нет... о как ты толь поспешен!»
Взяв за руку ее, являет он пути:
Пастушке хочется самой туда ийти.
Но сколько Коридон дорогу ни являет,
Любовь ее ведет, а стыд остановляет.
До соплетенных древ доходят наконец,
Где нет ни пастухов, пастушек, ни овец,
Где солнечны лучи прохладе не мешают.
И там любовники желанье разрешают.
Эрот сопряг их часть и к матери летел,
Доставив пастуху, чего пастух хотел.
Любовники уже во полном жаре тают
И поцелуями минуты исчитают.
Утехи множатся, кровь тухнет и горит.
А Юния, горя, сквозь зубы говорит:
Кто нежную любовь, стыдяся, умеряет,
Колико счастия и сладостей теряет!

ПАРФЕНИЯ

Взаимственно любовь пастушка ощущала,
И некогда она любовнику вещала:
«Любезный мой Астрат! Парфении ты мил;
Однако моея ты мысли не затмил:
Владеешь мною ты, владею я тобою;
Однако я при том владею и собою;
Так дерзкой девушки во мне не находи,
И впредки в сумерки ко мне не приходи:
О том Парфения Астрата ныне просит:
Во время темноты и волк овец уносит:
Уединение и мрак и тишина,
И девке рытвина иль паче глубина,
И быстро озеро, шумяще в бурю злобно,
Отколе иногда и выплыть не удобно.
Несчастна лодка та, которая плывет,
Куда ее мчит ветр, куда не путь зовет.
Несчастна птичка та, котора попадет,
Где горестно ея свобода пропадет,
И помня завсегда минувшие часы
Не чувствует уже весенния красы,
Когда она была одним покрыта небом,
И, не томимая, она питалась хлебом.
Поборствуй сам мне дни невинности хранить;
Дни страшно мне сии во винны променить.
Вчера, с тобой я быв, едва едва сдержалась
От винности моей, и столько испужалась,
Что весь мой дух тогда от страха трепетал,
Когда ты, дерзостно играя, щекотал.
Не делай этого, коль любишь ты, напредки!
Не прилетит назад чиж, вылетев из клетки,
Не разорвет силка, хоть крыльями он бей,

Попавший во силки свободный воробей:
Не вóйдут во ведро пролиты с земли воды,
Ни сорванны плоды жиреть во огороде.
Доколе я еще могу себя беречь,
Я сердца своего не дам Астрату сжечь;
Но сердце пусть мое хотя и пламенится,
Во пепел никогда оно не пременится.
Мне должно отвращать колико льзя удар
И искрам не давать произвести пожар:
А если я тобой излишно разгорюся,
Из непорочныя в бесстыдну претворюся.
Не приходи ко мне ты ночи в темноту:
Котору любишь ты, взирай ты в день на ту:
А если ты себя не можешь премогати;
Я буду от тебя дрожаща убегати». —
«Не стану в сумерки к Парфении ходить,
И буду инде я беседу находить:
Как Солнце, отошед отселе, погрузится,
Я к Лаўре в те часы...» — «Моя сим грудь разится;
Так лучше у меня попрежнему бывай;
Да только ты себя в жару не забывай». —
«Ни разу более себя не позабуду,
И Лауру щекотить едину только буду». —
«Так лучше ты меня, не Лаўру, щекоти;
Да только более чего не захоти!»—
«А более хотеть от Лаўры только стану». —
«Так я тобой, Астрат, былинкою увяну
И истощу себя весной как тает снег,
И потону в тоске как половодью брег».
«Когда, Парфения, толико ты хлопочешь,
Прости...» — «Ин делай ты со мною что ты хочешь!»

ДВЕ ЕПИСТОЛЫ

В ПЕРЬВОЙ ПРЕДЛАГАЕТСЯ О РУССКОМ ЯЗЫКЕ, А ВО ВТОРОЙ О СТИХОТВОРСТВЕ

ЕПИСТОЛА I

Для общих благ мы то перед скотом имеем,
Что лучше, как они, друг друга разумеем,
И помощию слов пространна языка,
Все можем изъяснить, как мысль ни глубока.
Описываем все, и чувствие и страсти,
И мысли голосом делим на мелки части.
Приняв драгой сей дар от щедрого творца,
Изображением вселяемся в сердца.
То, что постигнем мы, друг другу сообщаем,
И в письмах то своих потомкам оставляем.
Но не такие так полезны языки,
Какими говорят Мордва и Вотяки:
Возьмем себе в пример словесных человеков:
Такой нам надобен язык, как был у Греков,
Какой у Римлян был и, следуя в том им,
Как ныне говорит Италия и Рим,
Каков в прошедший век прекрасен стал Французский,
Иль наконец сказать, каков способен Русский.
Довольно наш язык в себе имеет слов;
Но нет довольного числá на нем писцов.
Один, последуя несвойственному складу,
Влечет в Германию Российскую Палладу
И, мня, что тем он ей приятства придает,
Природну красоту с лица ея берет.
Другой, не выучась так грамоте, как должно,
По-русски, думает, всего сказать не можно,
И, взяв пригоршни слов чужих, сплетает речь,

Языком собственным, достойну только сжечь.
Иль слово в слово он в слог Русский переводит,
Которо на себя в обнове не походит.
Тот прозой скаредной стремится к небесам
И хитрости своей не понимает сам.
Тот прозой и стихом ползет, и пи́сьма оны,
Ругаючи себя, дает писцам в законы.
Хоть знает, что ему во мзду смеется всяк;
Однако он своих не хочет видеть врак.
«Пускай, он думает, меня никто не хвалит.
То сердца моего нимало не печалит:
Я сам себя хвалю: на что мне похвала?
И знаю то, что я искусен дозела».
Зело, зело, зело, дружок мой, ты искусен,
Я спорить не хочу, да только склад твой гнусен.
Когда не веришь мне, спроси хотя у всех:
Всяк скажет, что тебе пером владети грех.
Но только ли того? не можно и помыслить,
Чтоб враки мне писцов подробно все исчислить.
Кто пишет, должен мысль прочистить наперед,
И прежде самому себе подать в том свет;
Но многие писцы о том не рассуждают,
Довольны только тем, что речи составляют.
Несмысленны чтецы, хотя их не поймут,
Дивятся им и мнят, что будто тайна тут,
И разум свой покрыв, читая темнотою,
Невнятный склад писца приемлют красотою.
Нет тайны никакой безумственно писать.
Искусство, чтоб свой слог исправно предлагать,
Чтоб мнение творца воображалось ясно,
И речи бы текли свободно и согласно.
Письмо, что грамоткой простой народ зовет,
С отсутствующими обычну речь ведет:
Быть должно без затей и кратко сочиненно,
Как просто говорим, так просто изъясненно.
Но кто не научен исправно говорить,
Тому не без труда и грамотку сложить.
Слова́, которые пред обществом бывают,
Хоть их пером, хотя язы́ком предлагают,
Гораздо должны быть пышня́е сложены́,

И риторски б красы в них были включены́,
Которые в простых словах хоть необычны;
Но к важности речей потребны и приличны
Для изъяснения рассудка и страстей,
Чтоб тем входить в сердца и привлекать людей.
Нам в оном счастлива природа путь являет
И двери чтение к искусству отверзает.
Посем скажу, какой похвален перевод:
Имеет в слоге всяк различие народ.
Что очень хорошо на языке Францу́зском,
То может в точности быть скаредно на Ру́сском.
Не мни переводя, что склад в творце готов;
Творец дарует мысль, но не дарует слов.
В спряжение речей его ты не вдавайся,
И свойственно себе словами украшайся.
На что степень в степень последовать ему?
Ступай лишь тем путем, и область дай уму.
Ты сим, как твой творец письмом своим ни славен,
Достигнешь до него, и будешь сам с ним равен.
Хотя перед тобой в три пуда лексикон,
Не мни, чтоб помощь дал тебе велику он,
Коль речи и слова́ поставишь без порядка,
И будет перевод твой некая загадка,
Которую никто не отгадает в век;
То даром, что слова все точно ты нарек.
Когда переводить захочешь беспорочно;
Не то, творцов мне дух яви и силу точно.
Язык наш сладок, чист, и пышен, и богат;
Но скупо вносим мы в него хороший склад;
Так чтоб незнанием его нам не бесславить;
Нам должно весь свой склад хоть несколько поправить.
Не нужно, чтобы всем над рифмами потеть,
А правильно писать потребно всем уметь.
Но льзя ли требовать от нас исправна слога?
Затворена к нему в учении дорога.
Лишь только ты склады́ немного поучи;
Изволь писать Бову, Петра Златы ключи,
Подьячий говорит: писание тут нежно,
Ты будешь человек, учися лишь прилежно.

И я то думаю, что будешь человек;
Однако грамоте не станешь знать во век.
Хоть лучшим почерком с подьяческа совета,
Четыре литеры сплетай ты в слово «лета»
И вычурно писать научишься «конец»
Поверь, что никогда не будешь ты писец.
Перенимай у тех, хоть много их, хоть мало,
Которых тщание искусству ревновало,
И показало им, коль мысль сия дика,
Что не имеем мы богатства языка.
Сердись, что мало книг у нас, и делай пени:
Когда книг Русских нет, за кем итти в степени?
Однако больше ты сердися на себя,
Иль на отца, что он не выучил тебя.
А если б юность ты не прожил своевольно,
Ты б мог в писании искусен быть довольно.
Трудолюбивая пчела себе берет
Отвсюду то, что ей потребно в сладкий мед,
И посещающа благоуханну розу,
Берет в свои соты частицы и с навозу.
Имеем сверх того духовных много книг:
Кто винен в том, что ты псалтыри не постиг,
И бегучи по ней, как в быстром море судно,
С конца в конец раз сто промчался безрассудно.
Коль, *аще*, *точию* обычай истребил;
Кто нудит, чтоб ты их опять в язык вводил?
А что из старины поныне неотменно,
То может быть тобой повсюду положéнно.
Не мни, что наш язык не тот, что в книгах чтем,
Которы мы с тобой не Русскими зовем.
Он тот же, а когда б он был иной, как мыслишь,
Лишь только от того, что ты его не смыслишь,
Так что ж осталось бы при Русском языке?
От правды мысль твоя гораздо в далеке.
Не знай наук, когда не любишь их, хоть вечно,
А мысли выражать знать надобно конечно.

ЕПИСТОЛА II

О вы! которые стремитесь на Парнасс,
Нестройного гудка имея грубый глас,
Престаньте воспевать! песнь ваша не прелестна,
Когда музы́ка вам прямая неизвестна.
Но в нашем ли одном народе только врут,
Когда искусства нет, или рассудок худ?
Прадон и Шапелен, не тамо ли писали,
Где в их же времена стихи свои слагали
Корнелий и Расин, Депро и Молиер,
Де ла Фонтен и где им следует Волтер.
Нельзя, чтоб тот себя письмом своим прославил,
Кто грамматических не знает свойств ни правил,
И правильно письма не смысля сочинить,
Захочет вдруг творцом и стихотворцем быть.
Он только лишь слова на рифму прибирает;
Но соплетенный вздор стихами называет.
И что он соплетет нескладно без труда,
Передо всеми то читает без стыда.
Стихи слагать не так легко, как многим мнится,
Незнающий одной и рифмой утомится.
Не должно, чтоб она в плен нашу мысль брала,
Но чтобы нашею невольницей была.
Не надобно за ней без памяти гоняться:
Она должна сама нам в разуме встречаться
И, кстати приходив, ложиться где велят.
Невольные стихи чтеца не веселят.
А оное не плод единыя охоты;
Но прилежания и тяжкия работы.
Однако тщетно все, когда искусства нет;
Хотя творец, трудясь, струями пот прольет,
А паче если кто на Геликон дерзает,

Противу сил своих, и грамоте не знает.
Он мнит, что он, слепив стишок, себя вознес
Предивной хитростью до самых до небес.
Тот, кто не гуливал плодов приятных садом,
За вишни клюкву ест, рябину виноградом
И, вкус имея груб, бездельные труды
Пред общество кладет за сладкие плоды.
Взойдем на Геликон, взойдем, увидим тамо
Творцов, которые достойны славы прямо.
Там царствует Гомер, там Сафо, Феокрит,
Ешилл, Анакреон, Софокл, и Еврипид,
Менандр, Аристофан, и Пиндар восхищенный,
Овидий сладостный, Виргилий несравненный,
Терентий, Персий, Плавт, Гораций, Ювенал,
Лукреций, и Лукан, Тибулл, Проперций, Галл,
Мальгерб, Русо, Кино, французов хор реченный,
Мильтон и Шекеспир хотя непросвещенный,
Там Тасс, и Ариост, там Камоенс и Лоп,
Там Фондель, Гинтер там, там остроумный Поп.
Последуем таким писателям великим.
А ты, несмысленный, вспеваешь гласом диким
Все то, что дерзостно невежа сочинит,
Труды его ему преобращает в стыд.
Без пользы на Парнасс слагатель смелый всходит,
Коль Аполлон его на верьх горы не взводит.
Когда искусства нет иль ты не тем рожден,
Не строен будет глас и слог твой принужден.
А если естество тебя тем одарило;
Старайся, чтоб сей дар искусство украси́ло.
Знай в стихотворстве ты различие родов,
И что начнешь, ищи к тому приличных слов,
Не раздражая Муз худым своим успехом:
Слезами Талию, а Мельпомену смехом.
Пастушка за сребро и злато на лугах,
Имеет весь убор в единых лишь травах.
Луг камней дорогих и перл ей не являет:
Она главу и грудь цветами украшает.
Подобно каковой всегда на ней наряд,
Таков быть должен весь в стихах пастушьих склад.
В них гордые слова, сложения высоки

В лугах подымут вихрь и возмутят потоки.
Оставь свой пышный глас в идиллиях своих,
И в паствах не глуши трубой свирелок их.
Пан скроется в леса от звучной сей погоды,
И нимфы у поток уйдут от страха в воды.
Любовну ль пишешь речь или пастуший спор:
Чтоб не был ни учтив ни груб их разговор,
Чтоб не был твой пастух крестьянину примером,
И не был бы опять придворным кавалером.
Вспевай в идиллии мне ясны небеса,
Зеленые луга, кустарники, леса,
Биющие ключи, источники и рощи,
Весну, приятный день и тихость темной нощи.
Дай чувствовати мне пастушью простоту,
И позабыть, стихи читая, суету.
Плачевной музы глас быстряе проницает,
Когда она в любви власы свои терзает.
Но весь ея восторг свой нежный склад краси́т,
Единым только тем, что сердце говорит;
Любовник в сих стихах стенанье возвращает,
Когда Аврорин всход с любезной быть мешает.
Или он воздохнув часы свои клянет,
В которые в глазах его Ири́сы нет.
Или жестокости Филисы вспоминает,
Или своей драгой свой пламень открывает.
Иль с нею разлучась, представив те красы,
Со вздохами твердит прешедшие часы.
Но хладен будет стих и весь твой плач
притворство
Когда-то говорит едино стихотворство:
Но жалок будет склад, оставь и не трудись;
Коль хочешь то писать, так прежде ты влюбись.
Гремящий в оде звук как вихорь слух пронзает,
Хребет Рифейских гор далеко превышает.
В ней молния делит на полы горизонт,
То верьх высоких гор скрывает бурный понт.
Эдип гаданьем град от Сфинкса избавляет,
И сильный Геркулес злу Гидру низлагает,
Скамандрины брега богов зовут на брань,
Великий Александр кладет на Персов дань,

Великий Петр свой гром с брегов Бальтийских мещет
Российский меч во всех концах Вселенной блещет.
Творец таких стихов, вскидает всюды взгляд,
Взлетает к небесам, свергается во ад,
И мчася в быстроте во все края вселенны,
Врата и путь везде имеет отворенны.
Что в стихотворстве есть, всем лучшим стих крася́,
И глас эпический до неба вознося,
Летай во облаках, как в быстром море судно,
Но, возвращаясь вниз, спускайся лишь рассудно.
Пекись, чтоб не смешать по правам лирным дум;
В эпическом стихе порядочен есть шум.
Глас лирный так как вихрь порывами терзает,
А глас эпический не дерзостно взбегает,
Колеблется не вдруг и ломит так, как ветр
Бунтующ многи дни восшед из зе́мных недр.
Сей стих есть полн претворств, в нем добродетель
смело
Преходит в божество, приемлет дух и тело.
Минерва мудрость в нем, Дияна чистота,
Любовь то Купидон, Венера красота.
Где гром и молния, там ярость возвещает
Разгневанный Зевес, и землю устрашает.
Когда встает в морях волнение и рев,
Не ветер то шумит, Нептун являет гнев.
И эхо есть не звук, что гласы повторяет,
То нимфа во слезах Нарцисса вспоминает.
Эней перенесен на Африка́нский брег,
В страну, в которую имели ветры бег,
Не приключением; но гневная Юнона
Стремится погубить остаток Илиона.
Эол в угодность ей средьземный понт терзал,
И грозные валы до облак воздымал.
Он мстил Парисов суд за выигрыш Венеры,
И ветрам растворил глубокие пещеры.
По сем рассмотрим мы свойство́ и силу драм,
Как должен представлять творец пороки нам,
И как должна цвести святая добродетель:
Посадской, дворянин, маркиз, граф, князь,
владетель

Восходят на театр: творец находит путь,
Смотрителей своих чрез действо ум тронуть.
Когда захочешь слез, введи меня ты в жалость,
Для смеху предо мной представь мирскую шалость.
Не представляй двух действ, к смешению мне дум;
Смотритель к одному свой устремляет ум.
Ругается смотря единого он страстью,
И беспокойствует единого напастью:
Афины и Париж, зря красну царску дщерь,
Котору умерщвлял отец как лютый зверь,
В стенании своем единогласны были,
И только лишь о ней потоки слезны лили.
Не тщись глаза и слух различием прельстить,
И бытие трех лет мне в три часа вместить:
Старайся мне в игре часы часами мерить,
Чтоб я, забывшися, возмог тебе поверить,
Что будто не игра то действие твое,
Но самое тогда случившесь бытие.
И не бренчи в стихах пустыми мне словами,
Скажи мне только то, что скажут страсти сами.
Не сделай трудности и местом мне своим,
Чтоб мне театр твой зря имеючи за Рим,
Не полететь в Москву, а из Москвы к Пекину;
Всмотряся в Рим, я Рим так скоро не покину.
Явлениями множь желание, творец,
Познать, как действию положишь ты конец.
Трагедия нам плач и горесть представляет,
Как люто, например, Венерин гнев терзает.
В прекрасной описи, в Расиновых стихах,
Трезенский князь забыл о рыцарских играх,
Воспламенение почувствовавши крови
И вечно быть престав противником любови,
Пред Арисиею стыдяся говорит,
Что он уже не стал сей гордый Ипполит,
Который иногда стрелам любви ругался
И сим презрением дел нежных величался.
Страшатся Греки, чтоб сын Андромахин им,
По возрасте своем не стал отцом своим.
Трепещут имени Гекто́рова народы,
Которые он гнал от стен Троянских в воды,

Как он с победою по трупам их бежал
И в корабли их огнь из рук своих метал.
Страшася, плод его стремятся погубити,
И в отрасли весь корнь Приамов истребити:
Пирр хочет спасть его: защита немала!
Но чтоб сия вдова женой ему была.
Она в смятении низверженна в две страсти,
Не знает, что сказать при выборе напасти.
Богинин сын против всех Греков восстает,
И Клитемнестрин плод под свой покров берет.
Нерон прекрасную Июнью похищает,
Возлюбленный ея от яда умирает:
Она, чтоб жизнь ему на жертву принести,
Девичество свое до гроба соблюсти,
Под защищение статуи прибегает,
И образ Августов слезами омывает:
И после таковых свирепых ей судьбин,
Лишася брачных дум, вестальский емлет чин.
Мониме за любовь приносится отрава.
Аталья Франции и Мельпомене слава.
Меропа без любви тронула всех сердца,
Умножив в славу плеск преславного творца:
Творец ея нашел богатство Геликона.
Альзира наконец Вольтерова корона.
Каков в трагедии, Расин был и Вольтер,
Таков в комедиях искусный Молиер.
Как славят, например, тех Федра и Меропа,
Не меньше и творец прославлен Мизантропа.
Мольеров лицемер, я чаю, не падет
В трех первых действиях, доколь пребудет свет.
Женатый Философ, Тщеславный, воссияли,
И честь Детушеву в бессмертие вписали.
Для знающих людей ты игрищ не пиши;
Смешить без разума дар подлыя души.
Не представляй того, что мне на миг приятно;
Но чтоб то действие мне долго было внятно.
Свойство́ комедии, издевкой править нрав.
Смешить и пользовать, прямой ея устав.
Представь бездушного подьячего в приказе,
Судью, что не поймет, что писано в указе.

Представь мне щеголя, кто тем вздымает нос,
Что целый мыслит век о красоте волос:
Который родился, как мнит он, для амуру;
Чтоб где-нибудь к себе склонить такую ж дуру.
Представь латынщика на диспуте его,
Который не соврет без *ерго* ничего.
Представь мне гордого, раздута как лягушку,
Скупого, что готов в удавку за полушку.
Представь картежника, который, снявши крест,
Кричит из-за руки, с фигурой сидя, рест,
О таинственник Муз! уставов их податель!
Разборщик стихотворств и тщательный писатель,
Который Франции Муз жертвенник открыл,
И в чистом слоге сам примером ей служил,
Скажи мне, Боало, свои в Сатирах правы,
Которыми в стихах ты чистил грубы нравы!
В Сатирах должны мы пороки охуждать,
Безумство пышное в смешное превращать,
Страстям и дуростям играючи ругаться;
Чтоб та игра могла на мысли оставаться,
И чтобы в страстные сердца она втекла:
Сие нам зеркало сто раз нужняй стекла.
Тщеславный лицемер святым себя являет,
И в мысли ближнему погибель соплетает.
Льстец кажется, что он всея Вселенной друг,
И отрыгает яд во знак своих услуг.
Набитый ябедой прехищный душевредник
Старается, чтоб был у всех людей наследник,
И что противу прав заграбив получи́т,
С неправедным судьей на части то делит.
Богатый бедного невинно угнетает
И совесть из судей мешками выгоняет,
Которы богатясь, страх божий позабыв,
Пекутся лишь о том, чтоб правый суд стал крив.
Богатый в их суде не зрит ни в чем препятства:
Наука, честность, ум, по их, среди богатства.
Охотник до вестей, коль нечего сказать,
Бежит с двора на двор и мыслит что солгать.
Трус, пьян напившися, возносится отвагой.
И за робятами гоняется со шпагой.

Такое что-нибудь представь, сатирик, нам.
Рассмотрим свойство мы и силу эпиграмм:
Они тогда живут красой своей богаты,
Когда сочинены остры и узловаты:
Быть должны коротки, и сила их вся в том,
Чтоб нечто вымолвить с издевкою о ком.
Склад басен должен быть шутлив, но благороден,
И низкий в оном дух к простым словам пригоден,
Как то де ла Фонтен разумно показал
И басенным стихом преславен в свете стал.
Наполнил с головы до ног все притчи шуткой
И, сказки пев, играл все тою же погудкой.
Быть кажется, что стих по воле он вертел,
И мнится, что писав ни разу не вспотел.
Парнасски девушки пером его водили,
И в простоте речей искусство погрузили.
Еще есть склад смешных геро́йческих поэм,
И нечто помянуть хочу я и о нем:
Он в подлу женщину Дидону превращает,
Или нам бурлака Энеем представляет,
Являя рыцарьми буянов, забияк;
И так таких поем шутливых склад двояк.
В одном богатырей ведет отвага в драку,
Парис Фетидину дал сыну перебяку.
Гекто́р не на войну идет, в кулачный бой,
Не воинов, бойцов ведет на брань с собой.
Зевес не молнию, не гром с небес бросает,
Он из кремня огонь железом высекает,
Не жителей земных им хочет устрашить,
На что-то хочет он лучинку засветить.
Стихи, владеющи высокими делами,
В сем складе пишутся пренизкими словами.
В другом таких поэм искусному творцу,
Велит перо давать дух рыцарский борцу.
Поссорился буян, не подлая то ссора;
Но гонит Ахиллес прехраброго Гекто́ра.
Замаранный кузнец в сем складе есть Вулькан,
А лужа от дождя, не лужа — океан.
Робенка баба бьет: то гневная Юнона.
Плетень вокруг гумна: то стены Илиона.

В сем складе надобно, чтоб Муза подала
Высокие слова на низкие дела.
В епистолы творцы те речи избирают,
Какие свойственны тому, что составляют:
И самая в стихах сих главна красота,
Чтоб был порядок в них, и в слоге чистота.
Сонет, рондо, баллад: игранье стихотворно;
Но должно в них играть разумно и проворно.
В сонете требуют чтоб очень чист был склад.
Рондо безделица, таков же и баллад.
Но пусть их пишет тот, кому они угодны,
Хороши вымыслы и тамо благородны.
Состав их хитрая в безделках суета:
Мне стихотворная приятна простота.
О песнях нечто мне осталося представить;
Хоть песнописцов тех никак нельзя исправить,
Которые, что стих, не знают, и хотят
Нечаянно попасть на сладкий песен лад.
Нечаянно стихи из разума не льются,
И мысли ясные невежам не даются.
Коль строки с рифмами: стихами то зовут.
Стихи по правилам премудрых Муз плывут.
Слог песен должен быть приятен, прост и ясен,
Витийств не надобно; он сам собой прекрасен;
Чтоб ум в нем был сокрыт и говорила страсть;
Не он над ним большой: имеет сердце власть.
Не делай из богинь красавице примера,
И в страсти не вспевай: «Прости, моя Венера,
Хоть всех собрать богинь, тебя прекрасняй нет»,
Скажи прощаяся: «Прости теперь, мой свет!
Не будет дня, чтоб я не зря очей любезных,
Не источал из глаз своих потоков слезных.
Места, свидетели минувших сладких дней,
Их станут воображать на памяти моей.
Уж начали меня терзати мысли люты,
И окончалися приятные минуты.
Прости в последний раз, и помни как любил».
Кудряво в горести никто не говорил:
Когда с возлюбленной любовник расстается,
Тогда Венера в мысль ему не попадется.

Ни ударения прямого нет в словах,
Ни сопряжения малейшего в речах,
Ни рифм порядочных, ни меры стоп пристойной
Нет в песне скаредной, при мысли недостойной.
Но что я говорю: при мысли? да в такой
Изрядной песенке нет мысли никакой:
Пустая речь, конец не виден, ни начало;
Писцы в них бредят все, что в разум ни попало.
О чудные творцы, престаньте вздор сплетать!
Нет славы никакой несмысленно писать.
Во окончании еще напоминаю
О разности стихов, и речи повторяю:
Коль хочешь петь стихи, помысли ты сперьва,
К чему твоя, творец, способна голова.
Не то пой, что тебе противу сил угодно:
Оставь то для других: пой то, тебе что сродно,
Когда не льстит тебе всегдашний града шум
И ненавидит твой лукавства светска ум,
Приятна жизнь в местах, где к услажденью взора,
И обоняния, ликует красна Флора,
Где чистые струи по камышкам бегут
И птички сладостно Аврорин всход поют,
Одною щедрою довольствуясь природой,
И насыщаются дражайшею свободой;
Пускай на верьх горы взойдет твоя нога,
И око кинет взор в зеленые луга,
На реки, озера́, в кустарники, в дубровы:
Вот мысли там тебе по склонности готовы.
Когда ты мягкосерд и жалостлив рожден
И ежели притом любовью побежден;
Пиши элегии, вспевай любовны узы,
Плачевным голосом стенящей де ла Сюзы.
Когда ты рвешься, зря на свете тьму страстей,
Ступай за Боалом и исправляй людей.
Смеешься ль, страсти зря, представь мне их
примером
И, представляя их, ступай за Молиером.
Когда имеешь ты дух гордый, ум летущ,
И вдруг из мысли в мысль стремительно бегущ,
Оставь идиллию, элегию, сатиру

И драммы для других: возьми гремящу лиру
И с пышным Пиндаром взлетай до небеси,
Иль с Ломоносовым глас громкий вознеси:
Он наших стран Мальгерб: он Пиндару подобен:
А ты, Штивелиус, лишь только врать способен.
Имея важну мысль, великолепный дух,
Пронзай воинскою трубой Вселенной слух:
Пой Ахиллесов гнев иль, двигнут Русской славой,
Воспой Великого Петра мне под Полтавой.
Чувствительняй всего трагедия сердцам,
И таковым она вручается творцам,
Которых может мысль входить в чужие страсти,
И сердце чувствовать других беды, напасти.
Виргилий брани пел, Овидий воздыхал,
Гораций громкий глас при лире испускал
Или из высоты сходя страстям ругался,
В которых Римлянин безумно упражнялся.
Хоть разный взяли путь, однако посмотри,
Что, сладко пев, они прославились все три.
Все хвально, драмма ли, эклога или ода:
Слагай, к чему тебя влечет твоя природа;
Лишь просвещение писатель дай уму:
Прекрасный наш язык способен ко всему.

ЕПИСТОЛА К НЕПРАВЕДНЫМ СУДЬЯМ

О вы, хранители уставов и суда,
Для отвращения от общества вреда,
Которы силою и должностию власти,
Удобны отвращать и приключать напасти,
И не жалеете невинных поражать!
Случалось ли себе вам то воображать,
Колико тягостно вам кланяться напрасно,
Молитвы принося как богу повсечасно,
Против вас яростью по правости кипеть,
И в сердце то скрывать, сердиться и терпеть?
Иль вы не помните, в ожесточеньи тверды,
Что вышний справедлив, а вы немилосерды?
Иль вы не верите, что бог неправду мстит,
И вам стенание невинных отплати́т?
Иль вы забыли то, что время скоротечно,
И что и на земли нам счастие не вечно?
Неправду видит бог и внемлет бедных стон,
Что вы ни мыслите, о всем известен он,
А что творите вы, так то и люди знают,
Которые от вас отчаянно стонают.

ЕПИСТОЛА
ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ ГОСУДАРЮ ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ ПАВЛУ ПЕТРОВИЧУ В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ЕГО 1761 ГОДА СЕНТЯБРЯ 20 ЧИСЛА

Любовь к отечеству есть перьва добродетель,
И нашей честности неспоримый свидетель:
Не только можно быть героем без нея,
Не можно быть никак и честным человеком.
Премудрая судьба довольствует мя веком,
Чтоб жил и приносил народу пользу я:
Член члена помощи ежеминутно просит,
И всяки тягости все тело обще носит.
Всем должно нам любить отечество свое,
А царским отраслям любити должно боле;
Благополучие народа на престоле.
Известно, государь, на свете нам сие,
Что счастье инако от стран не убегает,
Как только если царь свой долг пренебрегает.
Кто больше носит сан, тот пользы и вреда,
Удобняй обществу соделати всегда:
Крестьянин, сея хлеб, трудится и не дремлет,
К тому родился он, и гласу долга внемлет;
Но польза оная со всем не такова,
Какую учинит венчанная глава!
Оратель дремлющий, имея мысль лениву,
Со небрежением посеяв семена,
Убыток понесет утратя времена;
Но небрежением одну испортит ниву,
И лягут на него те только бремена:
А если государь проступится, так горе
Польется на народ, и часто будто море.
Сия причина есть венчанныя крови,

Имети более к отечеству любви.
Вторая важная любви сея причина,
Что вашего уж нет на свете больше чина,
Отечество дает утехи больше вам;
Так долг его любить вам больше, нежель нам
Причина первая из должности единой,
А в воздаяние вам мы и наш живот:
Из благодарности другая вам причиной.
За приношенье жертв любити свой народ.
Судьбами таковы порядки учрежденны,
Рожденны мы для вас, а вы для нас рожденны:
Благополучными одним нельзя вам быть
Коль любите себя; вы должны нас любить.
Льстецы не обществу работать осужденны,
Льстецы боготворят ласкательством царей:
О пользе не его пекутся о своей;
Не сын отечества, ласкатель, но злодей.
Коль хочет наказать царя когда создатель;
Льстецами окружит со всех сторон его:
Не зрит он верного раба ни одного,
И будет он врагам своим щедрот податель,
Которые за тьму к себе его наград,
Ругаяся ему влекут его во ад,
И разверзая всю геенскую утробу,
Сынам отечества влекут его во злобу.
В ласкательстве сию имеет пользу он.
Таков Кали́гула был в Риме и Нерон:
Все жители земли гнушаются их прахом.
Царь мудрый подданных любовию, не страхом,
Имея истинну единую в закон,
К повиновению короны привлекает.
И сходны с естеством уставы изрекает.
Елисавета мать, а Петр нам был отец:
Они правители душ наших и сердец.
Правительствовати едины те довлеют,
В сердца которые повиновенье сеют,
Чьи собственны сердца наполненны щедрот,
Которы жалости в себе плоды имеют,
И больше как карать нас миловать умеют,
То помня, сколько слаб и страстен смертных род;

Но с слабостию я злодейства не мешаю,
И беззаконников я сим не утешаю:
Рождаются они ко общему вреду
И подвергаются строжайшему суду.
Муж пагубный грешит от предприятья злаго,
Царь праведный грешит ему являя благо:
И тако тяжкий грех злодея извинить,
Но тяжче грех еще за слабости казнить.
Который человек преступку непричастен?
Един бесстрастен бог: кто смертен, тот и страстен.
Не мог Тит слез своих во оный час отерть,
Когда подписывал сей муж великий смерть.
Владычица сих стран родившися беззлобна,
На оно и руки подняти не удобна.
Блажен такой народ, которому приязнь
Соделать может то, что сделать может казнь:
И счастлив будешь ты, когда тебя порода,
Возвысит на престол для счастия народа.

ПИИТ И ДРУГ ЕГО

Д. Во упражнении расхаживая здесь,
Вперил конечно ты в трагедию ум весь;
В очах, во всем лице теперь твоем премена,
И ясно, что в сей час с тобою Мельпомена.

П. Обманываяся, любезный друг, внемли!
Я так далек от ней, как небо от земли.

Д. Еклогу...

П. Пастухи, луга, цветы, зефиры
Толико ж далеки; хочу писать сатиры;
Мой разум весь туда стремительно течет.

Д. Но что от жалостных тебя днесь драм влечет?

П. В Петрополе они всему народу вкусны,
А здесь и городу и мне подобно гнусны:
Там съедутся для них внимати и молчать,
А здесь орехи грызть, шумети и кричать,
Благопристойности не допуская в моду,
Во своевольствие преобратя свободу:
За что ж бы, думают, и деньги с нас сбирать,
Коль было бы не льзя сраміться и орать;
Возможно ль автору смотреть на то спокойно:
Для зрителей таких трудиться не достойно.

Д. Не всех мы зрителей сим должны обвинить:
Безумцов надобно одних за то бранить:
Не должно критики употреблять строго.

П. Но зрителей в Москве таких гораздо много:
Крикун, как колокол, единый оглушит,
И автора всего терпения лишит;
А если закричат пять дюжин велегласно,
Разумных зрителей внимание напрасно.

Д. Сатиры пишучи ты можешь досадить,
И сею сам себя досадой повредить:
На что мне льстить тебе? я в дружбе не таюся.

П. А я невежества и плутней не боюся,
Против прямых людей почтение храня:
Невежи как хотят пускай бранят меня;
Их тесто никогда в сатиру не закиснет:
А брань ни у кого на вороте не виснет.

Д. Не брань одна вредит: побольше брани есть,
Чем можно учинить твоей сатире месть:
Лжец вымыслом тебя в народе обесславит,
Судья соперника не праведно оправит,
Озлобясь межевщик полполя отрядит,
А лавочник не даст товару на кредит,
Со съезжей поберут людей за мостовую,
Кащей тебе с родней испортит мировую.

П. Когда я истинну народу возвещу
И несколько людей сатирой просвещу,
Так люди честные, мою зря миру службу,
Против бездельников ко мне умножат дружбу:
Невежество меня ни чем не возмутит,
И росская меня Паллада защитит;
Не малая статья ея бессмертной славы,
Чтоб были чищены ея народа нравы.

Д. Но скажет ли судья, винил не право он?
Он будет говорить: винил тебя закон.

П. Пускай винит меня, и что мне он ни скажет
Из дела выписки он разве не покажет?

Д. Из дела выписки, во четверти земли,
Подьячий нагрузит врак целы корабли,
И разум в деле том он весь переломает;
Поймешь ли ты, чего он сам не понимает?
Удобняй проплясать, коль песенка не в такт,
Как мыслям вобразить подьяческой экстракт.
Экстракт тебя одной замучит долготою:
И спросят: выпиской доволен ли ты тою:
Ты будешь отвечать: я дела не пойму;
Так скажут: дай вину ты слабому уму,
Которым ты с толпой вралей стихи кропаешь,
И деловых людей в бесчестии купаешь.
А я даю совет: ты то предупреди,
Или сатирствуя ты по миру ходи.

П. Где я ни буду жить, в Москве, в лесу иль поле
Богат или убог, терпеть не буду боле
Без обличения презрительных вещей.
Пускай злодействует бессмертный мне Кащей,
Пускай Кащеиха со всем меня ограбит,
Мое имение и здравие ослабит,
И крючкотворцы все и мыши из архив
Стремятся на меня, доколе буду жив,
Пускай плуты попрут и правду и законы:
Мне сыщет истинна на помощь обороны;
А если и умру от пагубных сетей,
Монархиня по мне покров моих детей.

Д. Бездельство на тебя отраву усугубит:
Изморщенный Кащей вить зеркала не любит.
Старухе, мнящейся блистати как луна,
Скажи когда-нибудь: изморщилась она
И что ея краса выходит уж из моды:
Скажи слагателю нестройной самой оды,
Чтоб бросил он ее, не напечатав, в печь:
Скоряе самого тебя он станет жечь.
Неправедным судьям сказать имей отвагу,
Что рушат дерзостно и честность и присягу,
Скажи откупщику жаднейшему: он плут,
И дастся орденом ему ремённый жгут.
Скажи картежнику: он обществу отрава, —
Не плутня де игра, он скажет, но забава.
Спроси, за что душа приказная дерет,
Он скажет, то за труд из чести он берет.
За что ханжа на всех проклятие бросает,
Он скажет: души их проклятием спасает.
Противу логики кто станет отвечать,
Такого никогда нельзя изоблачать:
А логики у нас и имя редким вестно;
Так трудно доказать, бесчестно что иль честно.

П. Еще трудняй того бездельство зря терпеть
И, видя ясно все, молчати и кипеть.
Доколе дряхлостью иль смертью не увяну,
Против пороков я писать не перестану.

О БЛАГОРОДСТВЕ

Сию сатиру вам, дворяня, приношу!
Ко членам перьвым я отечества пишу.
Дворяня без меня свой долг довольно знают;
Но многие одно дворянство вспоминают,
Не помня, что от баб рожденным и от дам,
Без исключения всем праотец Адам.
На то ль дворяня мы, чтоб люди работали,
А мы бы их труды по знатности глотали?
Какое барина различье с мужиком?
И тот и тот земли одушевленный ком.
А ес ли не ясняй ум барской мужикова,
Так я различия не вижу ни какого.
Мужик и пьет и ест, родился и умрет,
Господской так же сын, хотя и слаще жрет
И благородие свое не редко славит,
Что целый полк людей на карту он поставит.
Ах! должно ли людьми скотине обладать?
Не жалко ль? может бык людей быку продать?
А во учении имеем мы дороги,
По коим посклизнуть не могут наши ноги:
Единой шествуя, в дали увидя дым,
Я твердо заключу, что там огонь под ним.
Я знаю опытом, пера тяжеле камень,
И льда не вспламенит и жесточайший пламень:
По счету ведаю, что десять пять да пять;
Но это не верста; едина только пядь:
Шагнуть и без наук искусно мы умеем;
А всей премудрости цель дальную имеем,
Хотя и вечно к ней не можем мы дойти;
Но можем на пути сокровищи найти.
Перикл, Алькивияд наукой не гнушались,

Начальники их войск наукой украшались:
Великий Александр и ею был велик,
Науку храбрый чтит венчанный Фридерик;
Петром она у нас Петрополь услаждает,
Екатерина вновь науку насаждает.
Не можно никогда науки презирать:
И трудно без нее нам правду разбирать.
Мне мнится на слепца такой судья походит,
Младенец коего куда похочет водит.
На то ль кому судьба высокий чин дала,
Чтоб он подписывал, подьячий вел дела?
Такою слабостью умножатся нам нищи,
Лишенны им на век своей дневныя пищи.
Подьячий согрешит или простой солдат:
Один из мужиков, другой из черни взят:
А во дворянстве всяк, с каким бы ни был чином,
Не в титле, в действии быть должен дворянином:
И не простителен большой дворянской грех.
Начальник, сохраняй уставы больше всех!
Дворянско титло нам из крови в кровь лиется;
Но скажем: для чего дворянство так дается.
Коль пользой общества мой дед на свете жил;
Себе он плату, мне задаток заслужил:
А я задаток сей, заслугой взяв чужею,
Не должен класть его достоинства межею:
И трудно ли сию задачу разрешить,
Когда не тщимся мы работы довершить,
Для ободрения пристойный взяв задаток,
По праву ль без труда имею я достаток?
Судьба монархине велела побеждать,
И сей империей премудро обладать:
А нам осталося во дни ея державы
Ко пользе общества в трудах искати славы.
Похвален человек не ищущий труда,
В котором он успеть не может никогда.
К чему способен он, он точно разбирает:
Пиитом не рожден, бумаги не марает.
А если у тебя безмозгла голова,
Пойди и землю рой или руби дрова:
От низких более людей не отличайся,

И предков титлами уже не величайся.
Сей Павла воспитал достойного корон;
Дабы подобен был Екатерине он;
С Спиридовым валы Орловы пребегают,
И купно на водах с ним пламень возжигают:
Голицын гонит рать, Румянцов наш Тюрен,
А Панин Мальборуг у неприступных стен:
Подобно Еропки́н в час бдения не дремлет,
И силу дерзкия Мегеры он отъемлет.
А ты, в ком нет ума, безмозглый дворянин,
Хотя ты княжеский, хотя господский сын,
Как будто женщина дурная не жеманься,
И что тебе к стыду, пред нами тем не чванься!
От Августа пускай влечен твой знатный род;
Когда прекрасна мать, а дочь ея урод,
Полюбишь ли ты дочь, узришь ли в ней заразы,
Хотя ты по уши зарой ее в алмазы?
Коль только для себя ты в обществе живешь,
И в поте не своем ты с маслом кашу ешь,
И не собой еще ты сверьх того гордишься,
Не дивно ли, что ты, дружечик мой, не рдишься?
Без крылья хочешь ты летети к небесам.
Достоин я, коль я сыскал почтенье сам:
А если ни к какой я должности не годен,
Мой предок дворянин, а я не благороден.

О ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Взрощен дитя твое и стал уже детина:
Учился, научен, учился, стал скотина:
К чему, что твой сынок чужой язык постиг,
Когда себе плода не собрал он со книг?
Болтать и попугай, сорока, дрозд умеют;
Но больше ни чего они не разумеют.
Французским словом он в речь русскую плывет:
Солому пальею, обжектом вид зовет.
И речи русские ему лишь те прелестны,
Которы на Руси вралям одним известны.
Коль должно молвити о чем или о ком:
На основании со всем не на таком;
Он бредит безо сна, и без стыда и смело:
Не на такой ноге я вижу это дело.
И есть родители желающи того,
По русски б дети их не знали ничего.
Французски авторы почтенье заслужили,
Честь веку принеся, они в котором жили.
Язык их вычищен, но всяк ли Молиер,
Между французами, и всяк ли в них Вольтер?
Во всех земля́х умы великие родятся;
А глупости всегда ж и более плодятся:
И мода стран чужих России не закон:
Мне мнится все равно, присядка и поклон.
Об этом и́нако Екатерина мыслит:
Обряд хороший нам она хорошим числит:
Стремится нас она наукой озарить,
А не в Французов нас не кстати претворить.
И неоспо́риму дает на то надежду,
Сама в российскую облекшися одежду.
Безмозглым кажется язык российский туп:

Похлебка ли вкусняй, или вкусняе суп?
Иль соус, просто сос, нам по́ливки вкусняе?
Или уж наш язык мордовского гнусняе?
Ни шапка, ни картуз, ни шляпа, ни челма
Не могут умножать нам данного ума.
Темноволосая равно и белокура,
Когда умна, умна, когда глупа, так дура.
Не в форме истинна на свете состоит;
Нас красит вещество, а не по моде вид;
По моде ткут тафты, парчи, обои, штофы;
Однако люди те ткачи, не филосо́фы.
А истинна ни где еще не знала мод:
Им слепо следует безумный лишь народ.
Разумный моде мнит безделкой быть покорен,
В длине кафтана он со прочими бесспорен,
А в рассуждении он следует себе,
Оставив дурака предписанной судьбе;
Кто русско золото французской медью медит,
Ругает свой язык и по французски бредит.
Языки чужды нам потребны для того,
Чтоб мы читали в них, на русском нет чего;
Известно, что еще книг русских очень мало,
Колико их перо развратно ни вломало.
Прекрасен наш язык единой стариной;
Но глупостью писцов он ныне стал иной:
И ежели от их он уз не свободится,
Так скоро ни куда он больше не годится.
Пиитов на Руси умножилось число,
И все примаются за это ремесло.
Не соловьи поют, кукушки то кукуют,
И врут, и враки те друг друга критикуют:
И только тот из них поменяе наврал,
Кто меняе еще бумаги замарал.
А твой любезный сын бумаги не марает,
В библиотеку книг себе не собирает.
Похвален он и тем, что бредит на речах,
Парнасса и во сне не видев он в очах.
На русском прежде был языке сын твой шумен:
Французского хватив, он стал совсем безумен.

О ЧЕСТНОСТИ

Везде и всякий день о чести говорят,
Хотя своих сердец они не претворят.
Но что такое честь? один победой льстился,
И пьян со пьяным он за честь на смерть пустился:
Другой приятеля за честь поколотил:
Тот шутку легкую пощечиной платил.
Тот, карты подобрав, безумного обманет,
И на кредит ему реванжь давати станет,
И вексельно письмо с ограбленного взяв,
Не будет поступать по силе строгих прав,
И подождет ему дни три великодушно;
Так сердце таково бесчестию ль послушно?
Иной любовнице вернейшей изменил,
Однако зрак ея ему и после мил:
И если о любви своей кому что скажет,
Он честностью о том молчать его обяжет.
Оправив ябеду, судья возносит честь;
Благодеяния не льзя не превознесть:
И добродетели сыскати где толикой,
Коль правда продана ценою не великой?
Почтен и ростовщик над деньгами в клети,
Что со ста только взял рублев по десяти
И другу услужил, к себе напомнив службу,
Деревню под заклад большую взяв за дружбу.
Пречестный господин слуг кормит и поит,
Хотя его слуга и не довольно сыт;
Без нужды не отдаст он лишнего в солдаты,
Как разве что купить, иль долга на заплаты;
Однако и за то снабдит его жену,
И даст ей куль муки за ту свою вину.
Да чем детей кормить? за что ж терпеть им голод?

Так их во авкцион боярин шлет под молот.
Премерзкий суевер шлет ближнего во ад
И сеет на него во всех беседах яд.
Премерзкий атеист создателя не знает,
Однако тот и тот о чести вспоминает.
Безбожник, может ли тебя почтити кто,
Когда ты самого чтишь бога за ничто?
И может ли в твоем быть сердце добродетель?
Не знаешь честности, не знаем коль содетель,
Который ясно зрим везде во естестве,
И нет сумнения о божьем существе.
Скупой несчастными те годы почитает,
В которы мир скирды числом большим считает
И мыслит: не могу продати хлеба я;
Земля везде добра и столько ж как моя.
А истинная честь несчастным дать отрады,
Не ожидаючи за то себе награды:
Любити ближнего, творца благодарить,
И что на мысли, то одно и говорить:
А ежели нельзя сказати правды явно,
По нужде и молчать, хоть тяжко не бесславно:
Творити сколько льзя всей силою добро,
И не слепило б нас ни злато ни сребро,
Служити ближнему, колико сыщем силы,
И благодетели б нам наши были милы,
С злодеем никогда собщенья не иметь,
На слабости людски со сожаленьем зреть;
Не мстити никому, кто может быть исправен:
Ты мщением своим не можешь быти славен.
Услужен буди всем, держися данных слов,
Будь медлен ко вражде, ко дружбе будь готов!
Когда кто кается, прощай его без мести,
Не соплетай кому ласкательства и лести,
Не ползай ни пред кем, не буди и спесив;
Не будь нападчиком, не буди и труслив,
Не будь нескромен ты, не буди лицемерен,
Будь сын отечества и государю верен!

НАСТАВЛЕНИЕ СЫНУ

Вещал так некто, зря свою кончину слезну,
К единородному наследнику любезну:
«Мой сын, любезный сын! уже я ныне стар;
Тупеет разум мой и исчезает жар.
Готовлюся к суду, отъйду скоро в вечность,
И во предписанну нам смертным бесконечность,
Так я тебе теперь, как жить тебе, скажу:
Блаженства твоего дорогу покажу.
Конец мой близок,
А ты пойдешь путем, который очень склизок.
Хотя и все на свете суета,
Но льзя ли презирать блаженство живота?
Так должны мы о нем всей мыслью простираться,
И что потребно нам, о том всегда стараться.
Забудь химеру ту, слывет котора честь;
На что она, когда мне нечего поесть?
Не льзя в купечестве пробыти без продажи,
Подобно в бедности без плутни и без кражи.
Довольно я тебе именья наплутал,
И если б без меня ты это промотал,
На что ж бы для тебя свою губил я душу?
Когда представлю то, я все спокойство рушу.
Доходы умножай, гони от сердца лень,
И белу денежку береги на чорной день.
Коль можно что украсть, украдь, да только скрытно,
И умножай доход
Ты всеми образы себе на всякой год!
Вить око зрением во веки ненасытно.
Коль можешь обмануть,
Обманывай искусно;
Изобличенным быти гнусно.
И часто наш обман на виселицу путь.

Не знайся ты ни с кем беспрочно по пустому,
И с ложкой к киселю мечися ты густому.
Богатых почитай, чтоб с них имети дань,
Случайных похвалять, их выся, не устань:
Великим господам ты, ползая, покорствуй!
Со всеми ты людьми будь скромен и притворствуй!
Коль сильный господин бранит кого,
И ты с боярином брани его!
Хвали ты тех, кого бояря похваляют,
И умаляй, они которых умаляют!
Глаза свои протри,
И поясняй смотри,
Большие на кого бояря негодуют!
Прямым путем ийти;
Так счастья не найти.
Плыви, куда тебе способны ветры дуют!
Против таких господ,
Которых чтит народ,
Не говори ни слова:
И чтоб душа твоя была всегда готова
Не получив от них добра благодарить!
Стремися как они подобно говорить!
Вельможа что сказал, знай, слово это свято,
И что он рек,
Против того не спор: ты малый человек!
О черном он сказал, красно; боярин рек:
Скажи и ты, что то гораздо красновато!
Пред низкими людьми свирепствуй ты как черт:
А без того они, кто ты таков, забудут
И почитать тебя не будут;
Простой народ того и чтит, который горд.
А пред высокими ты прыгай как лягушка,
И помни, что мала перед рублем полушка!
Душища в них, а в нас, любезный сын мой, душка.
Благодари, когда надеешься еще
От благодетеля себе имети милость!
А ежели не так; признание унылость,
И благодарный дух имеешь ты вотще.
Не делай сам себе обиды!
Ты честный человек пребуди для себя

Себя единого ты искренно любя!
Не делай ты себе единому обиды;
А для других имей едины только виды,
И помни, свет каков:
В нем мало мудрости и много дураков.
Довольствуй их всегда пустыми ты местами:
Чти сердцем ты себя, других ты чти устами!
Вить пошлины не дашь, лаская, им за то.
Показывай, что ты других гораздо ниже,
И будто ты себя не ставишь ни за что;
Но помни, епанчи рубашка к телу ближе!
Позволю я тебе и в карты поиграть,
Когда ты в те игры умеешь подбирать:
И видь игру свою без хитрости ты мертву:
Не принеси другим себя, играя, в жертву!
А этого, мой сын, не позабудь:
Играя, честен ты в игре во век не будь!
Пренебрегай крестьян, их видя под ногами,
Устами чти господ великих ты богами,
И им не согруби;
Однако никого из них и не люби,
Хотя б они достоинство имели,
Хотя бы их дела в подсолнечной гремели!
Давай и взятки сам и сам опять бери!
Коль нет свидетелей, воруй, плутуй сколь можно,
А при свидетелях бездельствуй осторожно!
Добро других людей во худо претвори,
И ни о ком добра другом не говори;
Какой хвалою им тебе иметь нажиток?
Явленное добро другим тебе убыток.
Не тщися никому беспрочно ты служить;
Чужой мошной себе находки не нажить!
Ученых ненавидь и презирай невежу,
Имея мысль одну себе на пользу свежу!
Лишь тем не повредись:
В сатиру дерзостным писцам не попадись!
Смучай, и рви родства ты узы, дружбы, браков;
Во мутной вить воде ловить удобняй раков.
Любви, родства, свойства и дружбы ты не знай,
И только о себе едином вспоминай!

Для пользы своея тяни друзей в обманы:
Пускай почувствуют тобой и скорбь и раны!
Везде сбирай плоды:
Для пользы своея вводи друзей в беды!
Бесчестно, бредят, то, а этого не видно,
Себя мне только долг велит любить.
Мне это не обидно,
Коль нужда мне велит другого погубить;
Противно естеству себя не возлюбить.
Пускай в отечество мое беда вселится,
Пускай оно хотя сквозь землю провалится:
Чужое гибни все, лишь был бы мне покой.
Не забывай моих ты правил!
Имение тебе и разум я оставил.
Живи, мой сын, живи, как жил родитель твой!»
Как это он изрек, ударен он был громом,
И разлучился он с дитятею и с домом:
И сеявша душа толико долго яд
Из тела вышла вон и сверглася во ад.

ОДА ОТ ЛИЦА ЛЖИ

Падите, смертны, предо мною;
Великая богиня я,
И не сравняется с иною
Богини участью моя!
Я ложь: вы скажете бесспорно,
Колико стало мне покорно,
Мущин, ребят, девиц и баб:
Они мне почести сугубят:
Одни меня скоты не любят,
А в людях редкий мне не раб.

Мои не притупленны ноги,
Не посклизнут от сильных лиц:
Вхожу в господские чертоги,
Для соплетенья небылиц.
Не зрю себе в почтеньи меры;
И дамы чтут и кавалеры,
Дворяня и бояря чтут.
В величии своей я славы,
Преобращаю все уставы,
И прибылен судьям мой суд.

Когда б мои прешли законы,
Переменился бы и свет.
Нагая правда без препоны,
Напастей множество введет:
Повергнутся во узы страсти,
Без коих в жизни нет и сласти;
Свобода не желает прав:
Отдастся ум свободный в узы:
Гнушаются неволи Музы:
Томит она веселый нрав.

Хочу Вселенною владети
И к пользе мира вознестись.
Обман и лесть, мои то дети,
А ими я могу спастись.
Они в гоненьи мне отрада.
О вы мои любезны чада,
Храните вас родившу мать!
Проворство ваше мне известно,
Так имя вы мое всеместно,
Стремитесь выше воздымать.

Взирайте вы на тмы догадок
К установленью славных дел:
Во школы я ввела порядок,
И каждому кладу предел:
Солгать невежам не способно,
Стихи писати им удобно,
А лгать учиться надлежит:
Они Парнасским духом дышут,
Не знают азбуки и пишут,
Хоть Муза их свиньей визжит.

Мои питомцы начинают
Слова чужие повторять,
И то одно с начала знают,
Как плевелы других вперять.
Но Солнца то едины тени:
Даются мудрости степени:
Вор мудр и лих, машейник крут,
Разбойник то ж, но их он боле;
Так каждый чтим в какой он доле,
Хотя из них и каждый плут.

Тебя, любезный сын, ласкают,
Хотя ты ходишь и тайком:
По всем тебя местам таскают,
Хотя тащат и целиком.
Глупцов волочишь ты как свинок:
Тобе подвластен всякий рынок,
Скупые, моты, игроки:

Подьячие к тебе не лихи,
Тебе подвластны щеголихи,
И молодцы и старики.

Убожество везде явится,
Как выгнать захотят тебя:
Коммерция остановится,
И откуп погубит себя.
Без примеси пить станут водку,
А водка перехватит глотку;
Гнилой товар не сóйдет с рук;
Несчастные наступят годы,
И многи в те дни воеводы,
Возьмут суму и бросят крюк.

А ты, о дочь моя прекрасна,
Кокетствуя и день и ночь,
Кокетствуй завсегда бесстрастна
И будь меня достойна дочь;
Не сделай мне стыда прорухой:
Старуху не зови старухой,
Дурную не зови дурной,
Безумца не зови безумным,
Ни пьяного урода шумным,
Не разглашайся ты со мной!

Не тронь чужой без нужды чести,
А в нужде не щади ни чьей,
И превращай ты правды вести:
Хвали безмозглых рифмачей!
По воле ныне не вещают
Того, что в сердце ощущают,
И подслащают горький яд.
Часть больша света пустомеля:
День каждый перьвое апреля:
День каждый ныне маскарад.

Ступайте, славу находите,
Мужайтеся в труде всегда;
Лишь близко вы не подходите,

К Минерве росской никогда!
Хоть истинна и старомодна,
Хотя нага, но ей угодна;
А я и вы противны ей.
Бесплодно тамо я устала;
Но мать и сына воспитала,
Угрозой области моей.

САТИР И ГНУСНЫЕ ЛЮДИ

Сквозь темную пред оком тучу,
Взгляни, читатель, ты
На светски суеты!
Увидишь общего дурачества ты кучу;
Однако, для ради́ спокойства своего,
Пожалуй, никогда не шевели его;
Основанна сия над страшным куча адом,
Наполненна различным гадом,
Покрыта ядом.
С великим пастухи в долине были стадом.
Когда?
Не думай, что тогда,
Когда для человека,
Текли часы златого века,
Когда еще наук премудрость не ввела,
И в свете истинна без школ еще цвела,
Как не был чин еще достоинства свидетель,
Но добродетель:
И словом я скажу вот это на конец:
Реченны пастухи вчера пасли овец,
По всякой день у них была тревога всяка:
Вздор, пьянство, шум и драка,
И словом так:
Из паства сделали они себе кабак:
Во глотку,
И в брюхо, и в бока,
На место молока,
Цедили водку,
И не желал никто ни зуб, ни кулака,
Кабашный нектар сей имеючи лекарством,
А бешеную жизнь имев небесным царством.

От водки голова болит;
Но водка сердце веселит:
Молошное питье не диво;
Его хмельняй и пиво;
Какое ж им питье и пить,
Коль водки не купить?
А деньги для чего иного им копить?
В лесу над долом сим Сатир жил очень близко.
И тварию их он презренною считал,
Что низки так они, живут колико низко.
Всегда он видел их, всегда и хохотал,
Что нет ни чести тут, ни разума, ни мира.
Поймали пастухи Сатира,
И бьют сего
Без милосердия невинна Демокрита.
Не видит помощи Сатир ни от кого;
Однако Пан пришел спасти Сатира бита:
Сатира отнял он, и говорил им Пан:
За что поделали ему вы столько ран?
Напредки меньше пейте;
А что смеялся он, за то себя вы бейте.
А ты вперед, мой друг,
Ко наставлению не делай им услуг;
Опасно наставленье строго,
Где зверства и безумства много.

ОСЕЛ И ХОЗЯИН

Всяк делай то, что с склонностию сходно,
Не то, что лишь угодно,
Но то, что сродно.
Не плавает медведь в Бальтийской глубине,
Синица не несет в Неве яиц на дне,
Белуга никогда не посещает рощи,
И на дубу себе гнезда не вьет олень:
Луна во время светит нощи,
А Солнце в день:
Труды все разными вещами
И у людей:
Тот кормит мужиков в харчевне щами,
Тот сеном и овсом в конюшне лошадей:
Что кстати, то и краше.
Потребен пиву хмель, а патака на мед,
Для бани жар, а в погреб лед,
Для чая сахар, масло каше.
Какой-то человек лелеял день и ночь
Собачку,
Любил ее как дочь,
И сделал ей потачку,
Ее любя,
Лизать себя.
Осел то некогда увидел,
Работу тяжкую свою возненавидел,
И говорил он так:
Я долго был дурак,
И суетно трудился:
Вить я не подрядился,
И не подрядчик я:
Не терпит честь моя,

Чтоб я не рассердился,
И чтоб не возгордился,
И чтоб еще служил,
И в беспокойстве жил.
Я должности моей давно уже стыдился:
Отныне буду я собачке подражать,
Мешки кульки на мне не станут разъезжать,
Не для бесчестия осел на свет родился.
Вскочил, хозяина ногами охватил,
И высунув язык, оскалив зубы,
Кладет помещику большой язык на губы,
А он его за то дубиной колотил.

КОШКА

Привычку одолеть гораздо трудно,
Природу одолеть гораздо чудно.
Я нечто вам об этом предложу,
И басенку скажу.
Я кошек не люблю и кошечья языка;
А больше мне всего противна их музыка;
Но был какой-то господин,
Хозяйки не имел, и жил один,
И кошку не в издевку,
Любил как девку;
Да кошка по его не знает говорить.
Просил богов, чтоб кошку претворить,
Чтоб кошка человеком стала,
И под алмазами как барыня блистала.
Исполнили они желание его.
У кошки кошачья нет больше ничего.
На кошке фижбейная юбка
Из китовых усов,
Алмазы светятся из волосов,
И ходит кошка будто шлюбка;
Да только по сухом пути;
Водой пешком нельзя итти:
У кошки не один костей на юбке ярус,
А юбка дуется в погоду будто парус.
Настал его желания конец:
Женился наш на кошке молодец,
И до приятнейша дошел часа и места:
Он лег, легла невеста:
Вдруг выбежала мышь. О рок! о случай злой!
Вскочила барыня за ней с одра долой,
Пресеклась барину потешиться дорожка,
Вскочила барыня и стала кошка.

яйцо

Когда снега не тают,
Ребята из него шары катают,
Сертят,
И шар вертят;
Шар больше становится:
Шарочек их шарищем появится.
Да кто ж
На шар похож?
Ложь.
Что больше бродит,
То больше в цену входит:
Снежной шаришка будет шар,
А изо лжи товаришка товар.

«Ах! Ах! жена, меня околдовали»,
Кричит муж, лежачи, жене:
«Я снес яйцо». — «Ни как ты видел то во сне;
Такие чудеса на свете не бывали». —
«Я снес яйцо, ах жонушка моя!
Уж я
Не муж твой, курица твоя.
Не молви этого с соседкой;
Ты знаешь, назовут меня еще наседкой». —
«Противно то уму,
Чтоб я сказала то кому».
Однако скажет;
Болтливой бабе чорт язы́ка не привяжет.
Сказала ей,
А та соседушке своей.
Ложь ходит завсегда с прибавкой в мире:
Яйцо, два, три, четыре,
И стало под вечер пятьсот яиц.
Назавтре множество к уроду
Сбирается народу,
И незнакомых лиц.
За чем валит народ? валит купить яиц.

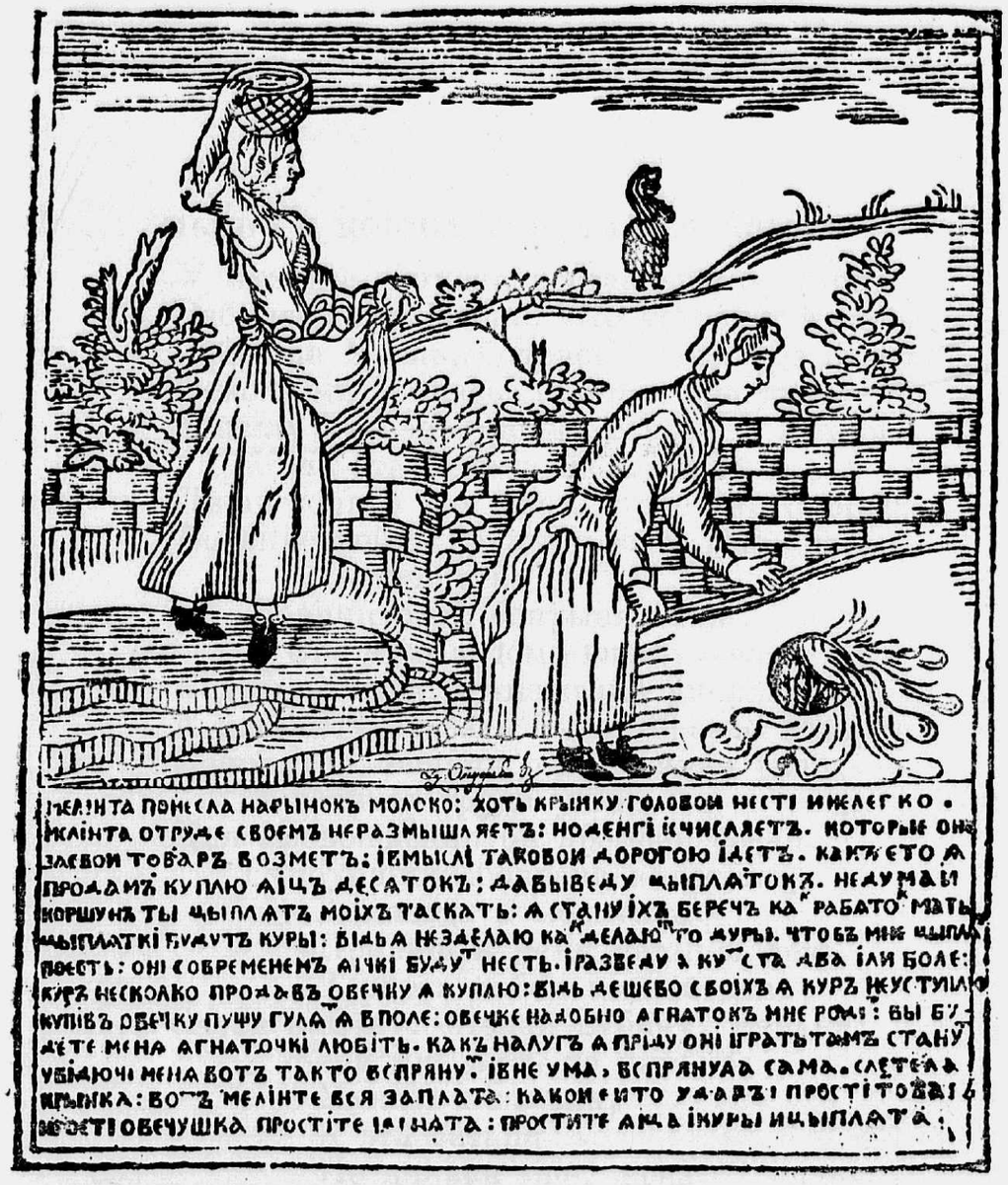
СПОРЩИЦА

Скажи, о Муза, мне, какой злой гнев жену
Принудил объявить жестокую войну
Противу своего возлюбленного мужа,
И глупость может ли жене злой быти чужа!
Муж будет побежден; сунбурщица, не трусь,
И сделай нам над мужем шутку.
Поставили на стол большую утку:
Жена сказала: «это гусь». —
«Не гусь, да утка то», — муж держит это твердо.
«О сатана!»
Кричит жена,
«На то ли я с тобой сопряжена?
Вся злобой внутренна моя разожжена».
Кричит без памяти, пылит немилосердно:
«Коль ты ослеп, я шлюсь на вкус,
Иль я тебе такой дам туз,
Что ты задремлешь,
Коль гуся моего за утку ты приемлешь!»
Отведал муж: «Душа! сокровище! мой свет:
Гусинова и запаха тут нет». —
«Бездельник, это гусь, я знаю это прямо». —
«Пожалуй, жонушка, не спорь ты так упрямо.
Я шлюсь на всех людей, что утка то, не гусь,
И в этом не запрусь».
Но чем окончилася шутка?
Жена ему дала туза,
И плюнула в глаза.
Признался муж: на стол поставлен гусь, не утка.

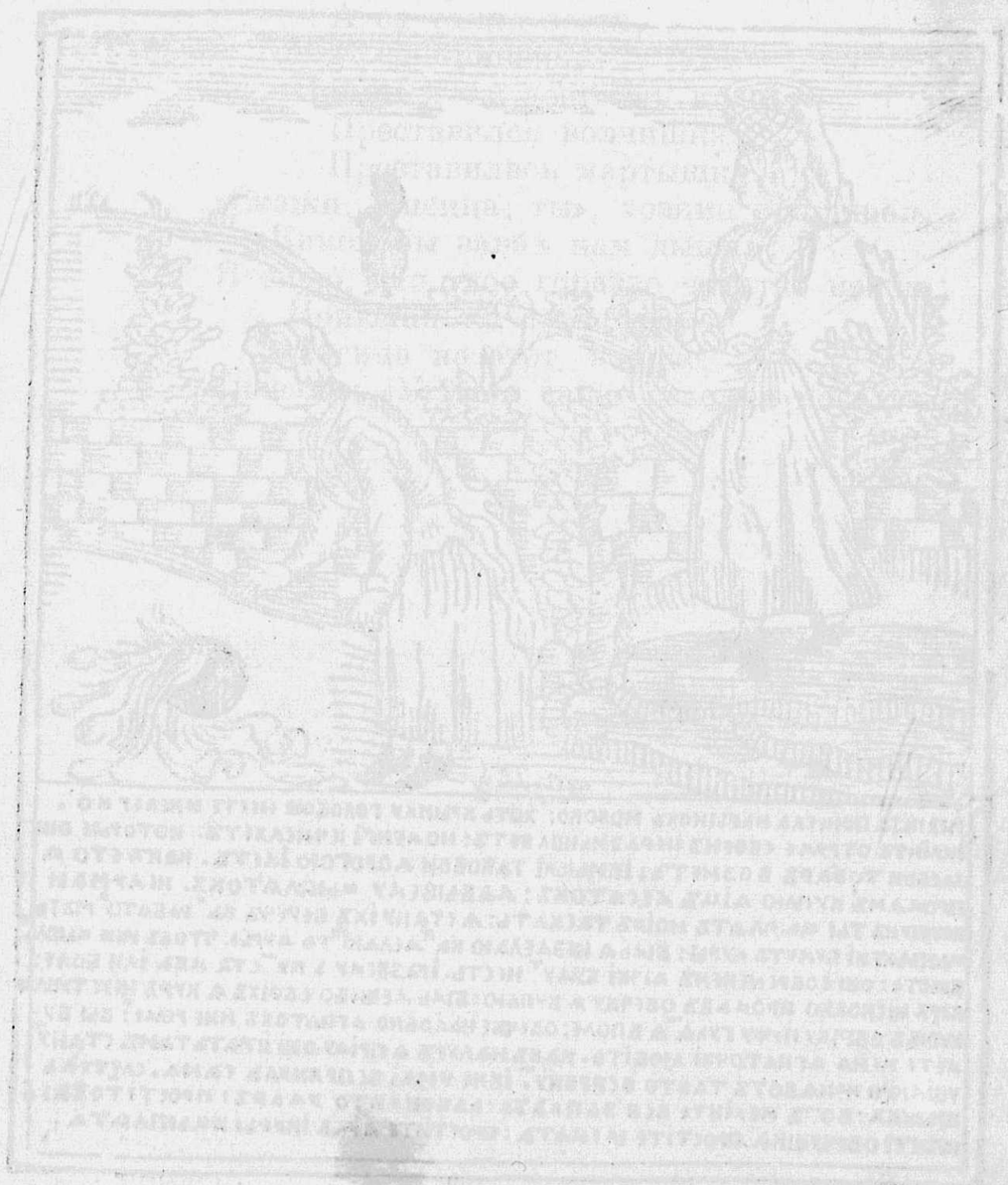
ПИР У ЛЬВА

Коль истинной не можно отвечать,
Всего полезняе молчать.
С боярами как жить, потребно это ведать.
У льва был пир,
Пришел весь мир
Обедать.
В покоях вонь у Льва:
Квартера такова.
А Львы живут не скудно;
Так это чудно.
Подобны в чистоте жилищ они чухнам
Или посадским мужикам,
Которые в торги умеренно вступили
И откупами нас еще не облупили,
И вместо портупей имеют кушаки,
А кратче так: торговы мужики.
Пришла вонь Волку к носу:
Волк это объявил беседе без допросу,
Что запах худ.
Услышав, Лев кричит: «Бездельник ты и плут,
Худого запаха и не бывало тут:
И смеют ли в такие толки,
Входить о львовом доме Волки?»
А чтобы бредить волк напредки не дерзал,
Немножечко он Волка потазал,
И для поправки наказал,
А именно на части растерзал.
Мартышка, видя страшны грозы,
Сказала: «Здесь нарциссы, розы,
Цветут».
Лев ей ответствовал: «И ты такой же плут;

Нарциссов, роз и не бывало тут.
Напредки не сплетай ты лести:
А за такие вести,
И за приязнь,
Прими и ты достойну казнь».
Преставился волчишка,
Преставилась мартышка.
«Скажи, Лисица, ты», хозяин вопрошал,
«Какой бы запах нам дышал;
Я знаю, что твое гораздо чувство нежно;
Понюхай ты прилежно».
Лисица на этот вопрос
Сказала: «У меня залег севодни нос».



Лубочная картинка с текстом басни Сумарокова



МЫШЬ И КОШКА. БОЯРИН И БОЯРЫНЯ

У мужика в чулан поставлены лукошки:
Забилася тут Мышь. «Не устрашуся кошки»,
Кричала Мышь, бодрясь: «подай ее сюда».
Отколе ни взялась, пришла она туда:
Насилу унесла геройка в подпол ножки.
Коль эта притча не сладка,
Лишь только для того, что очень коротка;
Во вкус войти не льзя всего мне света:
Подоле эта:
Боярин был, боярыня была,
Она всю в доме власть вела:
Боярыня была немножечко упорна,
А попросту сказать была гораздо вздорна:
Боярин ел, боярин пил, боярин спал;
А если от труда устал,
Для провождения он времени зевал:
Сунбурщица болвана колотила,
А иногда и молотила.
Пришла к нему незапно лень
Терпеть побои всякой день;
Слуге кричит: «Подай дубину, Ванька;
Жена мне вить не нянька;
Муж я а не она,
А эта сатана
Не нянька мне, жена,
И видно что у ней давно свербит спина».
А Ванька говорит: «Дубина здесь готова;
Да только, государь, держись боярска слова.
Дубина вот; за ней ийти не в лес».
— Храбрует мой с дубиной Геркулес.
Супруга слышала супружню грозу

И, взяв большую лозу,
Вошла к нему; супруг дрожит,
И в сени от лозы с дубиною бежит:
А чтоб супружню спину
Полегче было несть,
И соблюсти боярску честь,
Он бросил и дубину.

ОТСТРЕЛЕНАЯ НОГА

Слыхали ль вы пословицу когда:
Сокол горит любовью к соколихе,
Осетр ко осетрихе,
Осел к ослихе,
А уж к ужихе?
Когда вы скажете мне: да,
Так я скажу тогда:
Крестьянке мил мужик, а князь княгине:
И в старину, и ныне,
Так было то всегда,
Послушайте о чем моя рассказка.
Читали ль надпись вы у черного орла?
Рассказ мой к этому прибаска.
Война была:
У полководца в ней ядро отшибло ногу,
Летело в ту оно дорогу;
Другой щелчок дала,
В другую полетев дорогу,
Солдату в ногу,
И ногу отняла.
Солдат имея злу судьбину,
Кричит: ой! ой!
Бранит он бой.
Другие говорят: «Пожалуй, брат, не вой:
Пускай твоя нога пропала,
Получше здесь твоей нога отпала:
А ты солдат простой».
Солдат ответствует: «Фельдмаршала я ниже;
Но, ах! моя нога была ко мне поближе».

БЕЗНОГИЙ СОЛДАТ

Солдат, которому в войне отшибли ноги,
Был отдан в монастырь, чтоб там кормить его.
А служки были строги
Для бедного сего.
Не мог там пищею несчастливый ласкаться
И жизни был не рад.
Оставил монастырь безногий сей солдат:
Ног нет; пополз, и стал он по миру таскаться.
Я дело самое преважное имел,
Желая, чтоб никто тогда не зашумел,
Весь мозг, колико я его имею в теле,
Был в этом деле,
И голова была пуста:
Солдат, ползя с пустым лукошком,
Ворчал перед окошком:
«Дай милостынку кто мне, для ради Христа:
Подайте ради бога:
Я целый день не ел, и наступает ночь».
Я злился и кричал: «Ползи, негодный, прочь,
Куда лежит тебе дорога:
Давно тебе пора, безногий, умирать,
Ползи, и не мешай мне в шахматы играть».
Ворчал солдат еще, но уж не предо мною,
Перед купеческой ворчал солдат женою.
Я выглянул в окно,
Мне стало то смешно,
За что я спе́рьва злился,
И на безногого я смо́тря веселился:
Итти ко всенощной была тогда пора:
Купецкая жена была уже стара,
И очень богомольна;

Была вдова и деньгами довольна;
Она с покойником в подрядах клад нашла:
Молиться пеша шла;
Но не от бедности; да что колико можно,
Жила она набо́жно:
Все дни ей пятница была и середа,
И мяса в десять лет не ела никогда:
Дни с три уже она не напивалась водки,
А сверьх того всегда
Перебирала четки:
Солдат и ей о пище докучал,
И то ж ворчал:
Защекотило ей его ворчанье в ухе,
И жалок был солдат набожной сей старухе,
Прося, чтоб бедному полушку подала:
Заплакала вдова, и в церковь побрела.
Работник целый день копал из ряды
На огороде гряды,
И, встретившись, несчастному сему,
Что выработал он, все отдал то ему.
С ползущим воином работник сей свидетель
В каком презрении прямая добродетель.

БОЛВАН

Был выбран некто в боги:
Имел он голову, имел он руки, ноги
И стан;
Лишь не было ума на полполушку,
И деревянную имел он душку:
Был идол, попросту, болван:
И зачали болвану все молиться,
Слезами пред болваном литься
И в перси бить:
Кричат: «потщися нам, потщися пособить!»
Всяк помощи великой чает:
Болван того
Не примечает,
И ни чего
Не отвечает:
Не слушает болван речей ни от кого,
Не смотрит, как жрецы мощны искусно слабят
Перед его пришедших олтари,
И деньги грабят,
Таким подобием, каким секретари
В приказе
Под несмотрением несмысленных судей
Сбирают подати в карман себе с людей,
Не помня, что о том написано в указе.
Потратя множество и злата и сребра,
И не видав себе молебщики добра,
Престали кланяться уроду,
И бросили болвана в воду,
Сказав: «Не отвращал от нас ты зла:
Не мог ко счастию ты нам пути отверзти!
Не будет от тебя, как будто от козла,
Ни молока ни шерсти».

ОДНОКОЛКА

Отцы, сей притчи вы не забывайте,
Рабятам воли не давайте.
Какой-то был в деревне дворянин,
У дворянина сын:
Мальчишка был изнежен,
Резвиться был прилежен,
Не знает он аза,
В глаза,
И что гроза,
И что лоза,
И что слова, которы летят колки.
Родитель резвости дитятины сносил.
Дитя просил,
Поездить, некогда, у тяти одноколки,
А править сам хотел:
И выпросив ее, кататься полетел:
Едва конем мальчишка правит,
Свиней, собак и кошек давит.
Мяученье, лай, визг во всей деревне той,
Во всей деревне шум. Кричат ему: «постой,
Направо, влево, прямо!»
Однако конь упрямо
Как хочет так бежит
И как изволит скачет.
Мальчишка плачет,
Мальчишка мой дрожит,
Дитя мое визжит,
В дитяти сердце ноет,
Мальчишка воет,
И возжи, не учив он кучерских наук,
Пустил из рук,

А конь оттоле,
Бежит на чисто поле.
Мальчишка мой, стеня,
Не держит уж коня,
Конь быстр, имеет он копыты не ленивы,
С колесами, пахать по хлебу жолты нивы.
Конь был нахал,
И нивы он своим узором распахал,
Дав нивам рыцарскую сечу.
Попалася потом гора коню навстречу,
Глубокий под горой был дол и темный лес:
Летит мое дитя в небес,
Раздулась у коня со гривой хвост и холка:
Прости, лошадушка, дитя и одноколка.

ЛИСИЦА И ТЕРНОВЫЙ КУСТ

Стоял терновый куст.
Лиса машейничать обыкла,
И в плутни вникла:
Науку воровства всю знает наизуст,
Как сын собачий,
Науку о крючках,
А попросту бессовестный подьячий.
Лисице ягоды прелестны на сучках,
И делает она в терновник лапой хватки,
Подобно как писец примается за взятки.
Терновый куст,
Как ягодой, так шильем густ,
И колется; лиса ярится,
Что промысел ея без до́бычи вари́тся.
Лисица говорит терновнику: «Злодей!
Все лапы исколол во злобе ты своей».
Терновник отвечал: «Бранись как ты изволишь:
Не я тебя колю, сама себя ты колишь».
Читатель! знаешь ли к чему мои слова?
Каков терновый куст, сатира такова.

ГОЛОВА И ЧЛЕНЫ

Член члену в обществе помога,
А общий труд ко счастию дорога.
Послушайте, какой был некогда совет!
Сказала Голова Желудку: «Ты, мой свет,
Изрядно работáешь:
Мы мучимся, а ты глотáешь.
Что мы ни накопим, стремишься ты прибрать,
И наши дóбычи стараешься сожрать.
Какой боярин ты, чтоб мы тебе служили?»
Все члены, весь совет Желудку извещал:
«Мы твердо положили,
Чтоб так, как ты живешь, и мы покойно жили».
Но что последует? Желудок истощал,
И в гроб пошел: а при его особе,
Увянув купно с ним подобно как трава,
Все члены, и сама безмозгла голова,
Покоятся во гробе.

ПРОТОКОЛ

Украл подьячий протокол:
А я не лицемерю,
Что этому не верю.
Впадет ли в таковой раскол
Душа такого человека!
Подьячие того не делали в век века.
И может ли когда иметь подьячий страсть,
Чтоб стал он красть!
Нет, я не лицемерю,
Что этому не верю;
Подьяческа душа
Гораздо хороша.
Да, правда говорит гораздо красноречно:
Уверила меня, что было то конечно:
У правды мало врак;
Не спорю, было так.
Судья того приказа
Был добрый человек;
Да лишь во весь он век,
Не выучил ни одного указа.
Однако осудил за протокол
Подьячего на кол.
Хоть это строго,
Да не гораздо много.
Мне жалко только то: подьячий мой
Оттоль не принесет полушечки домой.
Подьячий несколько в лице переменялся,
И извинялся,
На милосердие судью маня,
И говорил: «Попутал чорт меня».
Судья на то: «Так он теперь и оправдался.

Я право этого, мой друг, не дожидался.
За протокол,
Его поймать и посадить на кол».
Однако ты, судья, хоть город весь изрыщешь,
Не скоро чорта сыщешь;
Пожалуй, справок ты не умножай,
Да этого на кол сажай.

КИСЕЛЬНИК

Гороховый кисель мужик носил
И конопляно масло.
Кисель носить его желание погасло;
Так это ремесло кисельник подкосил;
Маленек от него доход; ему потребно
Другое, и другим он начал торговать,
А именно он начал воровать:
Такое ремесло гораздо хлебно.
Замаранная маслом тварь
Зашла в олтарь.
Не повинуяся ни богу ни закону,
Украл из олтаря кисельник мой икону,
И другу своему он это говорил:
А тот его журил:
«Кафтана твоего не может быти гаже;
Ты весь от масла будто в саже;
Пристойно ль в олтаре в такой одежде красть?
Не меньше я тебя имею эту страсть,
И платьице почище я имею,
Да я из Олтаря украсть не смею».
Кисельник отвечал: «Не знаешь ты творца,
Отъемля у меня на вышнего надежду.
Не смотрит бог на чистую одежду;
Взирает он на чистые сердца».

ЮПИТЕР, СОКОЛ И ЩУКА

Трудненько торговать,
Полегче воровать.
Мужик казенный мост на откуп как-то вытер:
Прохожим трудности нанес он со сто пуд:
А сверьх того всегда казенный мост был худ.
К реке пришел сокóл, да щука, да Юпитер:
Испорчен мост,
И только голова осталася да хвост;
Нельзя через реку перебираться:
Досадно, а нельзя с купцом богатым драться:
А этот ябедник, по Русски это плут,
И позабыл со всем давно ременной жгут,
По Русски кнут.
Сокóл на воздух, щука в воду,
И стали на другом Прохожи берегу.
Юпитер не такого роду,
И мыслит: «я летать и плавать не могу»:
Стоит задумавшись: посадской примечает,
Что мысли у него гораздо глубоки,
Поглубже и реки;
Иль и́нако сказать, гораздо далеки,
Подале берега другого той реки;
А по Юпитерски, толико высоки,
Колико до небес от моста и реки.
«О чем ты думаешь?» Юпитер отвечает
Откупщику: «Я думаю о том,
Что мне на вас давно пора бросати гром».

ВОЛЯ И НЕВОЛЯ

Сказал Пес Волку: «Волк,
Конечно у тебя несвеж гораздо толк;
Ты только рыщешь,
И корму ищешь:
А я о корме не тужу;
Служи как я служу;
Мне жаль тебя толико видя нища,
Не едакая мне дается пища,
Какая у тебя.
Я взавтре буду у себя;
Приди ко мне откушать».
Приятно в голоде такие речи слушать.
Пришел, и видит он собаку на крепи:
Во ожерельи Пес, однако на цепи.
Оборотясь, мой Волк уходит осторожно.
Обед был тот вотще.
Бежит оттоле Волк, бежит колико можно
И прежней пищею питается еще.

ЗМЕЙ И ГОЛОВА И ХВОСТ

Простым довольствуйся, солдат, мундиром,
Коль быть тебе нельзя, дружечик, командиром;
В велику может честь
Великий только ум отечество вознесть:
А голый чин рождает только лесть.
Ползя травою,
Змеин поссорился хвост люто с головою,
И говорит: «Не все тебе меня водить:
Изволишь иногда сама за мной ходить;
Какое право ты имеешь,
Сестрица и дружечик мой,
Что ты меня таскать как девка юбку смеешь?
А ежели змее лежит устав такой;
Таскайся же и ты подобно так за мной».
Бранилися и помирились:
Договорились,
По переменке впредь,
Диктаторскую власть иметь.
В диктаторстве хвоста все время темны ночи,
И ничего
В диктаторстве его
Не видят никогда диктаторские очи.
В правление то все кривым путем идут
И, шествуя путем негладким, смерти ждут:
Лес, камни голову, щелкая, раздробили:
А с ней и самого диктатора убили,
Не зревша на пути ни солнца ни небес.
Деревья, ка́менья, разбойники то были,
И без труда слепого погубили:
Не спасся бы слепой от них и Геркулес,

Ни заяц бы слепой от них не удалился;
Но в когти к ним конечно бы ввалился.
Слепому каменья враги, и враг и лес.
Скончалася змея; диктатор с стула слез.

ВЫСОКОМЕРНАЯ МУХА

Лошак большое бремя нес,
А именно телегу вез.
Грузна была телега:
Хотя у лошака и не велика нега;
Однако он
Не слон:
И если вздрючено пуд тридцать, так потянет,
Попреет и устанет.
А муха на возу бренчит,
И лошаку: «Ступай», кричит,
«Ступай скоряй, ступай, иль я пустое мелю?
Не довезешь меня ты едак и в неделю,
Туда, куда я целю».
Как будто тот лошак для мухи подряжен,
И для нее впряжен.
Ярится муха дюже;
Хотя она боярыня мелка:
И жестоко кричит на лошака,
За то, что он везет телегу неуклюже.
Раздулась барыня; но есть и у людей
Такие господа, которые и туже
Раздувшися, гоняют лошадей,
Которы возят их и коих сами хуже.

СОЛОВЕЙ И КУКУШКА

По мрачной нощи,
Приятно воспевал на древе соловей;
Еще прекраснее тогда казались рощи,
От песни сей.
Рабята от дерев тут ветви отнимали,
Деревья свежие ломали,
И песни соловья ни мало не внимали.
Кукушка говорит: «Ты пой, или не пой,
Не внятен, соловей, прохожим голос твой;
Такая песенка приятна не бывала:
А если я открою рот;
Так пенье в рощах сих пойдет на оборот».
Закуковала,
И вопит на суку.
Рабята песню ту внимают,
И прутья не ломают,
Да только лишь кричат за ней: «куку», «куку».
Кукушке подражать не трудно;
Она поет не чудно.
С пастушкой шел пастух,
И стали зажимать от хорной песни слух.
Потом и соловей запел; они внимают,
Увеселяя дух:
А те опять себе деревья тут ломают.
«Что?» спрашивал кукушку соловей:
«Не лучше ль песенка твоя моей?»
Достойной похвалы невежи не умалят:
А то не похвала, когда невежи хвалят.

АРАП

Чье сердце злобно;
Тово ничем исправить не удобно;
Нравоучением его не претворю;
Злодей, сатиру чтя, злодействие сугубит;
Дурная бабища вить зеркала не любит.
Козицкий! правду ли я это говорю?
Нельзя во злой душе злодействия убавить.
И так же критика несмысленным писцам,
Толико нравится, как волк овцам;
Не можно автора безумного исправить:
Безумные чтецы им сверьх того покров,
А авторство неисходимый ров;
Так лучше авторов несмысленных оставить.
Злодеи тщатся пусть на свете сем шалить,
А авторы себя мечтою веселить.
Был некто в бане мыть искусен и проворен:
Арапа сутки мыл, Арап, остался чорен.
В другой день банщик тот Арапа поволок
На полок;
Арапа жарит,
А по крестьянски то Арапа парит,
И черноту с него старается стереть:
Арап мой преет,
Арап потеет,
И кожа на Арапе тлеет:
Арапу чорным жить и чорным умереть.
Сатира, критика совсем подобны бане;
Когда кто вымаран, того в ней льзя омыть:
Кто черен родился, тому во век так быть.
В злодее чести нет, ни разума в чурбане.

ПОРЧА ЯЗЫКА

Послушай басенки, Мотонис, ты моей:
Смотри в подобии на истинну ты в ней,
И отвращение имей
От тех людей,
Которые ругаются собою,
Чему смеюся я с Козицким и с тобою.
В дремучий вшодши лес,
В чужих краях был пес,
И сограждан своих поставив за невежей,
Жил в волчей он стране и во стране медвежей.
Не лаял больше пес; медведем он ревел,
И волчьи песни пел.
Пришед оттоль ко псам обратно,
Отеческий язык некстати украшал:
Медвежий рев и вой он волчий в лай мешал,
И почал говорить собакам непонятно.
Собаки говорили:
«Не надобно твоих нам новеньких музык;
Ты портишь ими наш язык»:
И стали грызть его и уморили.
А я надгробие читал у пса сего:
Во век отеческим языком не гнушайся,
И не вводи в него
Чужого ничего;
Но собственной своей красою украшайся.

ЧИНОЛЮБИВАЯ СВИНЬЯ

Известно то, что многим
Чины давно вошли в оброк четвероногим;
Калигулы коню великое давно
Достоинство дано;
Однако не одни лошадки,
Имели таковы припадки;
Но многие скоты,
Носили без плодов почетные цветы.
Взмурзилась и Свинья; чтоб ей повеличаться,
И чином отличаться;
За чин де более всего на свете чтут;
Так точно главное достоинство все тут;
А без того была какая бы причина,
Искать и добиваться чина.
Отказано свинье; в ней кровь кипит:
Свинья свиньей храпит,
Свинья змеей шипит,
И от досады той не ест, не пьет, не спит.
О чем Свинья хлопочет!
Какой-то Филосóф то видит, и хохочет,
И говорит он ей: «Безумная Свинья!
Скажи, голубушка моя,
К чему названия Свинья пустова хочет?»
Она ответствует ему:
«К тому,
Чтоб было сказано когда о мне в банкете;
Как я войду в чины:
Превосходительной покушай ветчины».
Он ей ответствовал: «Коль нет меня на свете;
На что мне чин душа?
Свинина же притом не чином хороша».

ПТИЧНИК И СКВОРЕЦ

Чтоб город был народен,
Потребно, чтоб народ был весел и свободен;
Дабы блаженство в нем с довольствием текло,
И к жительству людей стремительно влекло.
Расставленную сеть Скворец, на древе сидя,
В лесу увидя,
Спросил у птичника: «Скажи ты мне, мой друг:
Начто такой забор обвел ты етта вкруг?»
А тот ответствовал: «То города границы,
В который прилетят со мною жити птицы».
Скворец с охотою ко птичнику слетел;
Но вылететь не льзя, колико ни хотел:
И, выдираяся, колико ни потел,
Стонал, и возопил: «Жилище это строго:
И будет жителей в сем городе не много!»

ИСТИНА

Хотя весь свет
Изрыщешь,
Прямыя истины не сыщешь;
Ее на свете нет;
Семь тысяч лет,
Живет
Она высоко,
В таких местах, куда не долетает око,
Как быстро взор ни понеси:
А именно живет она на небеси;
Так я тебе скажу об этом поученье:
О чем ты сетуешь напрасно, человек,
Что твой не долог век,
И скоро наших тел со духом разлученье?
Коль свет наполнен суеты;
Так ясно видишь ты,
Что все на свете сем мечты:
А наша жизнь не жизнь; но горесть и мученье.

ПУЧОК ЛУЧИНЫ

Нельзя дивиться, что была
Под игом Росская держава,
И долго паки не цвела,
Когда ея упала слава;
Вить не было тогда
Сего великого в Европе царства,
И завсегда
Была вражда
У множества князей едина государства.
Я это в притче подтвержу,
Которую теперь скажу,
Что Россов та была падения причина:
Была пучком завязана лучина;
Колико руки ни томить,
Нельзя пучка переломить.
Как Россы, так она рассыпалась подобно.
И стало изломать лучину всю удобно.

ОСЬ И БЫК

В лесу воспитанная с негой,
Под тяжкой трется ось телегой,
И не подмазанна кричит:
А бык, который то везет, везя молчит.
Изображает ось господчика мне нежна,
Который держит худо счет:
По русски — мот:
А бык — крестьянина прилежна.
Страдает от долгов обремененный мот,
А этого не воспомянет,
Что пахарь, изливая пот,
Трудится и тягло ему на карты тянет.

Лубочная картинка с текстом басни Сумарокова

МЫШАЧЬЯ ПРОСЬБА

На небеса моление творя,
Хотелося мышам иметь в анбар царя.
Зевес исполнил то, по мышьей воле,
И посадил у них болвана на престоле.
Царь дан,
Да им не нравится венчанный сей болван:
Они еще свой глас на небо возносили,
И сильного царя просили,
Да был бы царь им строг, и им давал устав;
А этот никаких не знает мудрых прав,
Которы бы у них бездельников косили,
И просьба их была к Юпитеру не та.
Так он им дал кота.

ВОРОНА И ЛИСА

И птицы держатся людского ремесла:
Ворона сыру кус когда-то унесла,
И. на дуб села.
Села,
Да только лишь еще ни крошечки не ела.
Увидела Лиса во рту у ней кусок,
И думает она, я дам Вороне сок.
Хотя туда не вспряну,
Кусочик этот я достану,
Дуб сколько ни высок.
«Здорово», говорит лисица,
«Дружок, воронушка, названая сестрица:
Прекрасная ты птица;
Какие ноженьки, какой носок,
И можно то сказать тебе без лицемерья,
Что паче всех ты мер, мой светик, хороша;
И Попугай ничто перед тобой, душа;
Прекрасняе сто крат твои павлиньих перья;
Нелестны похвалы приятно нам терпеть.
О если бы еще умела ты и петь!
Так не было б тебе подобной птицы в мире».
Ворона горлушко разинула пошире,
Чтоб быти соловьем,
А сыру, думает, и после я поем:
В сию минуту мне здесь дело не о пире.
Разинула уста,
И дождалась поста:
Чуть видит лишь конец лисицына хвоста.
Хотела петь, не пела;
Хотела есть, не ела:
Причина та тому, что сыру больше нет:
Сыр выпал из роту Лисице на обед.

КУЛАШНЫЙ БОЙ

На что кулашный бой?
За что у сих людей война между собой?
За это ремесло к чему бойцы берутся?
За что они дерутся?
За что?
Великой тайны сей не ведает никто;
Ни сами рыцари, которые воюют;
Друг друга кои под бока,
И в нос, и в рыло суют,
Куда ни попадет рука;
Посредством кулака
Расквашивают губы
И выбивают зубы.
Каких вы, зрители, здесь ищете утех,
Где только варварство позорища успех?

ГОЛУБИ И КОРШУН

Когда-то Голуби уговорились
Избрати Коршуна царем,
Надежду утвердив на нем,
И покорились:
Уж нет убежища среди им оных мест;
Он на день Голубей десятка по два ест.

НЕДОСТАТОК ВРЕМЕНИ

Жив праздности в уделе,
И в день ни во един
Не упражнялся в деле,
Какой-то молодой и глупый господин.
Гораздо, кажется, там качества упруги,
Где нет отечества ни малыя услуги.
На что родится человек?
Когда проводит он во тунеядстве век?
Он член ли общества? моя на это справка,
Внесенная во протокол:
Не член он тела, бородавка;
Не древо в роще он, но иссушенный кол;
Не человек, но вол,
Которого не жарят:
И бог то ведает, за что его боярят.
Мне мнится, без причин,
К таким прилог и чин.
Могу ль я чтить урода,
Которого природа,
Произвела ослом?
Не знаю, для чего щадит таких и гром,
Такой и мыслию до дел не достигает,
Единой праздности он друг:
Но ту свою вину на время возлагает,
Он только говорит: сегодня недосуг.
А что ему дела во тунеядстве бремя,
На время он вину кладет,
Болтая: времени ему ко делу нет.
Пришло к нему часу в десятом время;
Он спит,
Храпит,

Приему время не находит,
И прочь отходит.
В одиннадцать часов пьет чай, табак курит;
И ничего не говорит.
Так времени его способный час не ведом,
В двенадцать он часов пирует за обедом:
Потом он спит,
Опять храпит.
А под вечер, болван, он, сидя, убирает:
Не мысли, волосы приводит в лад,
И в сонмищи публичны едет гад,
И после в карты проиграет.
Несчастлив этот град,
Где всякий день почти и клоб и маскерад.

ЕДИНОВЛАСТИЕ

Единовластие прехвально,
А многовластие нахально:
Я это предложу
Во басенке, которую скажу:
При множестве хвостов, таская их повсюду,
Стоглавный был дракон:
Согласья не было законов ни откуду;
Глава главе тму делает препон;
Хвосты, лежат они, ни в избу и ни вон,
Лежат они, куда занес дракона сон.
При множестве хвостов подобно как и он,
Единоглавный был дракон;
Согласен был закон.
Я крепко в том стояти буду,
Что счастья.....
И праведного там не может быть указа
Между людей,
Где равных множество владеющих судей.
Где много мамушек, так там дитя без глаза;
Не о невольниках я это говорю,
Но лишь о подданных во вольности царю.

КОРШУН В ПАВЛИНЬИХ ПЕРЬЯХ

Когда-то убрался в павлиньи коршун перья,
И признан ото всех без лицемерья,
Что он павлин:
Крестьянин стал великий господин
И озирается гораздо строго:
Как будто важности в мозгу его премного.
Павлин мой чванится и думает павлин,
Что едакой великой господин,
На свете он один:
И туловище все, все гордостью жеребо,
Не только хвост его, и смотрит только в небо;
В чести мужик гордится завсегда:
И ежели его с боярами сверстают;
Так он без гордости не взглянет никогда;
С чинами дурости душ подлых возрастают.
Рассмотрен, наконец, богатый господин:
Ощипан он, и стал ни коршун ни павлин.
Кто коршун, я лишен такой большой догадки,
Павлиньи перья — взятки.

ОБЕЗЬЯНА-СТИХОТВОРЕЦ

Пришла Кастальских вод напиться обезьяна,
Которые она Кастильскими звала,
И мыслила, сих вод напившися до пьяна,
Что, вместо Греции, в Ишпании была,
И стала петь Гомеру подражая,
Величество своей души изображая;
Но как ей петь!
Высоки мысли ей удобно ли иметь?
К делам, которые она тогда гласила,
Мала сей твари сила:
Нет мыслей; за слова приняться надлежит:
Вселенная дрожит,
Во громы громы бьют, стремятся тучи в тучи,
Гиганты холмиков на небо мечут кучи,
Горам дает она толчки.
Зевес надел очки,
И ноздри раздувает,
Зря пухлого певца,
И хочет истребить нещадно до конца,
Пустых речей творца,
Который дерзостно Героев воспевает;
Однако, рассмотрев, что то не человек,
Но обезьяна горделива,
— Смеяся говорил: «Не мнил во весь я век:
Сему подобного сыскать на свете дива».

ОВЦА

Был дождь; овечушка обмокла как лягушка:
Дрожит у ней тельцó и душка,
И шуба вся на ней дрожит;
Сушиться надлежит;
Овца к огню бежит.
Ах! лутче б ты, овца, день целый продрожала,
И от воды к огню, безумка, не бежала.
Спросила ль ты, куда дорога та лежала?
Какую прибыль ты нашла?
В поварню ты зашла.
То подлинно, что ты немного осушилась;
Да шубы ты лишилась.
К чему, читатель, сей рассказ?
Я целю вить не в бровь, я целю в самый глаз:
Зайди с челобитьем когда в приказ.

ШЕРШНИ

Шершни на патоку напали,
И патоку поколупали.
Застала их хозяйка тут,
И тварь, которая алкала,
Хозяйка всю перещелкала.
Не долог был хозяйкин суд.
Хозяйка — истина, а выкулупки — взятки,
Шершни — подьячие, которы к деньгам падки.

СОВА И РИФМАЧ

Расхвасталась Сова:
В ней вся от гордости и злобы кровь кипела,
И вот ея слова:
«Я перва изо птиц в сей роще песни пела,
А ныне я, за то, пускаю тщетный стон;
Попев я выбита из этой рощи вон:
За сладко пение я бедство претерпела».
Ответствовал Сове какой-то Стихоткач
Несмысленный рифмач:
«Сестрица! я себе такую ж часть наследил,
Что первый в городе на рифмах я забредил».

СОБОЛЬЯ ШУБА

Богатство хорошо иметь;
Но должно ль им кому гордиться сметь?
В собольей дурака я шубе видел,
Который всех людей, гордяся, ненавидел.
В ком много гордости, известно то, что тот,
Конечно, скот,
И титла этого в народе сам он просит.
Носил ту шубу скот,
И скот и ныне носит.

КОЛОВРАТНОСТЬ

Собака кошку съела,
Собаку съел медведь,
Медведя зевом лев принудил умереть,
Сразити льва рука охотничья умела.
Охотника ужалила змея,
Змею загрызла кошка.
Сия
Вкруг около дорожка.
А мысль моя,
И видно нам неоднократно,
Что все на свете коловратно.

КРОКОДИЛ И СОБАКА

На той реке, слывет котора Нил,
Пила Собака, пил
И Крокодил:
А пив, Собаке говорил:
«Сердечушко мое, подвинься к Крокодилу».
Она ответствует ему:
«Сердечушко мое, противно то уму,
Чтоб я охотою пошла в могилу».

СТАРИК И ОСЕЛ

Старик Осла когда-то пас.
В тот час
Услышал шум; была война вблизи; гадатель
Легко узнал, подходит неприятель.
Старик мой сел
Не медля на Осла: ступай Осел;
Осел непременяет
Походки и тогда.
Старик Ослу пеняет,
И палкою Осла нещадно погоняет.
Робеет и кричит: «Беги; пришла беда».
Осел ответствует: «Какой бежать напасти?
На что потребно мне бежать?
Во чьей ни буду власти,
Бремен моих никто не может умножать».

ДЕВКА

Вдруг девка, на реке мыв платье, зарыдала
И в тяжкой горести об этом рассуждала:
Как замужем родит иль сына или дочь,
А что носила во утробе,
Увидит то во гробе.
Вообрази себе ты, девка, перву ночь!
Повеселее девка стала,
И вдруг захохотала.
Не плачь, не хохочи, дружочек мой;
Да платье мой!

ЛЕВ И КЛОП

Клоп дерзкой Льва кусал,
И вместо яда, вонь на Льва бросал.
Поиман Клоп: трепещет он от страха,
И думает: не будет больше праха
На свете моего;
Однако Лев не раздавил его,
Сказав ему: «Клопы мной вечно не попрутся:
Ты ведай то, что Львы с Клопами не дерутся».

КАЛИГУЛИНА ЛОШАДЬ

Кали́гула, любовь к лошадушке храня,
Поставил консулем коня;
Безумну цесарю и смрадному маня,
Все чтут боярином сиятельна коня:
Превосходительством высоким титулуют:
Как папу в туфлю все лошадушку целуют:
В Сенате от коня и ржание и вонь.
По преставлении Кали́гулы сей конь,
Хотя высокого указом был он роду,
Не кажется уже Патрицием народу,
И возит Консуль воду.
Невтон,
Не брав рецептами к почтению лекарства,
В почтеньи жил без барства,
В почтеньи умер он.

СТРЯПЧИЙ

Какой-то человек ко стряпчему бежит:
«Мне триста», говорил, «рублей принадлежит,
Что делать надобно тяжбою, как он чает».
А стряпчий отвечает:
«Совет мой тот:
Поди и отнеси дьяку рублей пятьсот».

[БЛОХА]

Блоха, подъемля гордо бровь,
Кровь барскую поносит;
На воеводство просит:
«Достойна я», кричит, «во мне все барска кровь».
Ответствовано ей: «На что там барска слава?
Потребен барский ум и барская расправа».

ФИЛЛИДА

Горько плакала Филлида,
Очи простирая в понт,
Из ея в котором вида
Скрылся вечно Демофонт.
Те брега, где с ней простился,
Где любим он ею был,
Сей неверный позабыл,
И назад не возвратился.

Много из любви забавы
И веселия течет;
Но любовь, лишая славы,
Часто бедствие влечет,
Не вверяйте вы, прекрасны,
Не подумая сердец:
Берегитесь на конец,
Как Филлида быть несчастны.

КОМАР

Какой-то негде шел обоз:
Кляченка на гору тянулась,
Везла она тяжелый воз,
И стала, больше не тронулась.

Сердясь как будто на жену,
Лишь только больше погоняет,
Кричит извощик: «ну, ну, ну!»,
И кляче палкой лень пеняет.

Ни с места конь; гора трудна,
Трудняй извозчикова клика,
А кляча воз везет одна,
Поклажа на возу велика.

Внутри у клячи адский жар,
А на спине морская пена,
А на возу сидит комар,
И мнит: «горчай я кляче хрена».

Вся тягость, мыслит, от него;
У комара вить есть догадка;
Сскочил он для ради того,
И говорит: «Ступай, лошадка».

ПРОХОЖИЙ И РЕКА

Прохожий некой в поле
Пришел на брег реки,
Ийти не может боле;
В ней воды глубоки.
«Прейду», мнит «только прежде
Пускай река пройдет».
И стоя в сей надежде,
Конца желанью ждет.

Изображает ясно,
То пламень во крови,
Того, кто ждет напрасно,
Взаимныя любви:
Прохожего обманет
Текущая вода,
Того любить не станет
Ириса никогда.

НАДПИСИ

К СТАТУИ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Монарха Русских стран металл сей представляет,
Зрак мужа славного потомкам оставляет.
Се есть Великий Петр, отечества отец,
Благополучия Российского творец.
Весь век трудилася глава его и руки:
Посеял, возрастил художества, науки.
Он войско обучил, состроил корабли,
Был страшен на водах, был страшен на земли́.
Полезнейшие дал народу он уставы,
Победы одержав, спокойство утвердил,
Брал грады, распростер концы своей державы,
И императором в России первый был.
В храм славы показал он подданным дорогу.
И паче смертного он был подобен богу.

Разбит Визирь
И прочь бежит
Подъемля пыль,
В пути знамена их валятся,
Пред ними мгла и смерть за ними,
Под ними пропасти разверсты,
В пути падут
Копье и меч,
Седок и конь.

РАЗНЫЕ МЕЛКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

МАДРИГАЛ

Я в драме пения не отделяю
От действа никогда;
Согласоваться им потребно завсегда.
А я их так уподобляю:
Музы́ка голоса, коль очень хороша,
Так то прекрасная душа.
А действо тело,
Коль оба хороши, хвали ты сцену смело.
С противным образом и разум суета,
Когда не о ином, но о любови дело.
С безумною душей противна красота,
А Карестини ум с красой соединяет,
И тьмы сердец он сей красавицей пленяет.

АПРЕЛЯ ПЕРЬВОЕ ЧИСЛО

Апреля в перьвый день обман,
Забава общая в народе,
На выдумки лукавить дан,
Нагая правда в нем не в моде,
И все обманом заросло,
Апреля в перьвое число.

Одни шлют радостную весть,
Друзей к досаде утешают,
Другие лгут и чем ни есть
Друзей к досаде устрашают:
Лукавство враки принесло,
Апреля в перьвое число.

На что сей только день один,
Обмана праздником уставлен?
Без самых малых он причин
Излишно столько препрославлен;
Весь год такое ремесло;
Так целый год сие число.

СПРАВКА

ЗАПРОС

Потребна в протокол порядочная справка:
Имеет в оном быть казенный интерес;
Понеже выпала казенная булавка:
Какой по описи булавки оной вес,
Железо или медь в булавке той пропала,
В котором именно году она упала,
В котором месяце, которого числа,
Которым и часóм, которою минутой
Казенный был ущерб, булавки помянутой?

ОТВЕТ

Я знаю только то, что ты глупяй осла.

Воспоминай, о человек!
Что твой не долог век.
Минется честь, богатство и забава,
Останется одна твоя на свете слава.

ДИКОВИНКА

Какой диковинки я в век не ожидал,
Такую случай мне увидеть ныне дал:
Я шел задумавшись; разбились мысли стуком;
Но что увидел я! подьячий едет цуком.
Я руки к небу взвел и закричал тогда:
«О Солнце, ты весь мир издревле обтекаешь,
И взор на землю всю вседневно ниспускаешь!
Такое зрелище видало ль ты когда?»
С досады я потом едва сыскал дорогу,
Ворча, управил бы я вас, да то беда,
Бодливому быку судьба не ставит рогу.

ЕРМОЛКА

Недавно воровать Ермолке запретили;
Да кражи никакой с него не возвратили;
Ермолка мой спокойно спит;
На что ему обед? уже Ермолка сыт.
Ермолка мой за плутни не повешен:
А сверьх того Ермолка и не грешен;
Покаялся пред богом он,
А денег у себя имеет миллион,
И златорунный стал ягненок он из волка.
О небо! кто же вор, когда не вор Ермолка,
И можно ль истинну на свете утвердить,
Колъ можешь ты Ермолку пощадить?

ДВАДЦАТЬ ДВЕ РИФМЫ

Потемкин! не гнусна хороша рифма взгляду,
И слуху не гадка;
Хотя слагателю приносит и досаду,
Коль Муза не гладка,
И Геликонскому противна вертограду,
Когда свиньей визжит:
И трудно рифмовать писцу в науке младу,
Коль рифма прочь бежит.
Увидеть можно рифм великую громаду;
Но должно ль их тянуть?
А глупые писцы их ищут будто кладу:
В кривой тащат их путь.
Что к ним ни прибредет поставят рифмой сряду;
Так рифма не годна!
А я на рифму в век не кстати не насяду,
Хоть рифма не бедна;
К заросшему она вралей приводит саду,
Где только лес густой,
И ко ощипанну под осень винограду,
Где хворост лишь пустой.
Набрався таковы в избах пииты чаду,
Вертятся кубарем,
И ставят хижину свою подобну граду,
Вздуваясь пузырем.
Я в век ни разума ни мысли не украду,
Имея чистый ум:
Не брошу рифмою во стихотворство яду,
И не испорчу дум.
Не дам, не положу я рифмой порчи складу,
Стихов не поврежу;
Оставлю портить я стихи от рифмы гаду:
Кто гады не скажу.

Им служит только то за враки во награду
Что много дураков,
Которые ни в чем не знали с роду ладу:
И вкус у них таков.
Несмысленны чтецы дают писцам отраду:
Толпами хвалят их,
Хотя стихи пищат и с переду и с заду,
И Аполлон им лих;
Однако скверному такому Муз он чаду
Обиды не творит;
Так он не свержется, хотя и врет, ко аду,
И в аде не сгорит.

ОТВЕТ НА ОДУ ВАСИЛЬЯ ИВАНОВИЧА МАЙКОВА

Витийство лишнее природе злейший враг;
Брегися сколько можно
Ты, Майков, онаго; витийствуй осторожно.
Тебе на верьх горы один остался шаг:
Ты будешь на верьхах Парнасса неотложно:
Благоуханные рви там себе цветы,
И украшай одними
Ими
Свои поэмы ты!
Труды без сих цветов — едины суеты;
Ум здравый завсегда гнушается мечты:
Коль нет во чьих стихах приличной простоты,
Ни ясности, ни чистоты;
Так те стихи лишенны красоты
И полны пустоты.
Когда булавочка в пузырь надутый резнет,
Вся пышность пузыря в единый миг исчезнет,
Весь воздух выйдет вон из пузыря до дна,
И только кожица останется одна.

ЖАЛОБА

Во Франции сперва стихи писал машейник,
И заслужил себе он плутнями ошейник:
Однако королем прощенье получил,
И от дурных стихов Французов отучил.
А я машейником в России не слыву
И в честности живу;
Но если я Парнасс Российский украшаю
И тщетно в жалобе к Фортуне возглашаю,
Не лучше ль, коль себя всегда в мученьи зреть,
Скоряе умереть?
Слаба отрада мне, что слава не увянет,
Которой никогда тень чувствовать не станет.
Какая нужда мне в уме,
Коль только сухари таскаю я в суме?
На что писателя отличного мне честь,
Коль нечего ни пить ни есть?

ЖАЛОБА

Мне прежде, Музы, вы стихи в уста влагали,
Парнасским жаром мне воспламеняя кровь:
Вспевал любовниц я и их ко мне любовь,
А вы мне в нежности, о Музы! помогали.
Мне ныне Фурии стихи в уста влагают,
И адским жаром мне воспламеняют кровь:
Пою злодеев я, и их ко злу любовь;
А мне злы Фурии в суровстве помогают.

Котора лучше жизнь: в златой ли птичке клетке,
Иль на зеленой ветке?
Которые стихи приятняе текут?
Не те ль, которые приятностью влекут,
И шествуя в свободе,
В прекрасной простоте,
А не в сияющей притворной красоте,
Последуя природе,
Без бремени одежд в прелестной наготе:
Не зная ни пустого звука,
Ни несогласна стука?
А к этому большой потребен смысл и труд.
Иль те, которые хоть разуму и дивны,
Но естеству противны?
Пузырь всегда пузырь, хоть пуст, хотя надут.

* * *

Грабители кричат: бранит он нас;
Грабители! не трогаю я вас,
Не в злобе, в ревности к отечеству дух стонет;
А вас и Ювенал сатирою не тронет.
Тому кто вор,
Какой стихи упор?
Ворам сатира то: веревка и топор.

* * *

Хочу сказать,
И молвлю то не ложно,
Которым образом всего ясняй возможно
Свое невежество всемирно показать,
И сколько у тебя в головушке порожно,

И сколько подлостей имеешь ты души:
Стихи пиши.

* * *

Не вознесемся мы великими чинами,
Когда сии чины не вознесутся нами.
Великий человек, великий господин,
Кто как ни думает, есть титул не один.
Великий господин, кто чин большой имеет,
Великий человек, кто много разумеет,
Лок не был господин великий в весь свой век.
Ни конь Калигулин великий человек.

* * *

Брат был игрок; нельзя сестрице не крушиться,
И льзя ли унимать его ей укрепиться,
Когда он день и ночь без милости мотал?
«Уж пол имения ты, братец, проиграл!»
Журила игрока сестра и вопрошала:
«Дождусь ли, чтоб тебе игра противна стала?»
Брат ей ответствовал: «Как станешь отставать,
Сестрица, от любви, закаюся играть,
И в постоянстве жить потом мы будем оба».
Сестра ему на то: «Мотать тебе до гроба!»

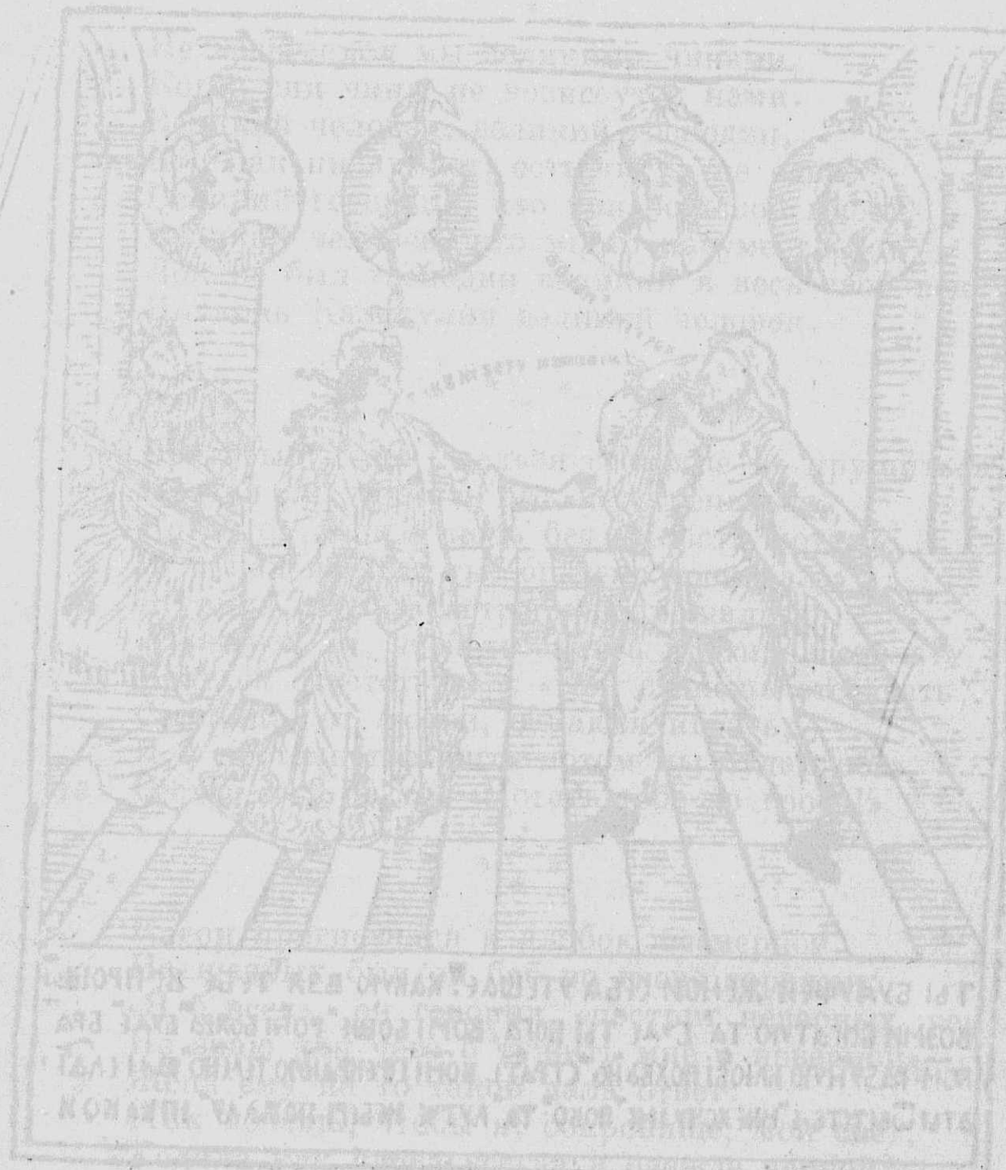
* * *

Клеон прогневался и злобою безмерной
На щедрых был он баб во гневе заражен:
«Я б всех», он говорил, «постриг неверных жен.
Не знаю для чего б тужить мне о неверной»
Жена ему на то такой дала ответ:
«Так хочешь, чтобы я, сокровище, мой свет,
Ходила как вдова всегда в одежде черной?»

* * *

Клавина смолоду сияла красотою,
И многих молодцов она пленила тою,

Лубочная картинка с текстом эпиграммы Сумарокова



Но как уже прошел сей век ея златой,
Она и в старости была все в мысли той,
И что во младости хорошею казалась,
И сморщася всегда такою ж называлась,
За что ж ее никто хорошей не зовет?
И Нов-город уж стар, а Нов-город слывет.

* * *

«Я обесчещена», пришла просить вдова;
Однако знал сулья, кто просит такова.
«Чем?» спрашивал ее. «Севодни у соседа»,
Ответствовала та, «случилася беседа.
Тут гостья на меня так грубо солгала:
Уж ты де во вдовстве четы́рех родила».
Судья ей говорил: «Плюнь на эту кручину;
Стал свет таков, всегда приложат половину».

* * *

Ты будущей себя женою утешаешь,
Какую взять тебе, усердно вопрошаешь.
Возьми богатую, так будешь ты богат,
Возьми большой родни, боярам будешь брат.
Возьми разумную, любви к похвальной страсти,
Возьми прекрасную, телесной ради сласти:
А ты ответствуешь: хочу иметь покой;
Так лучше не бери, пожалуй, никакой.

* * *

Котора любится, жар чувствуя в крови,
Лишь только из одной любви;
Та страстна.
Котора любится из бедности, несчастна;
Однако никому нельзя о ней тужить.
Котора любится, своим могуща жить,
Та чести не причастна,
И сердцем по найму старается служить.

Подьячие те.....
Берут которы взятки.

* * *

«Не раз ты мне, жена, неверность учинила:
Скажи мне, сколько раз ты мужу изменила?»
Рогатый говорил. В ответ на то жена:
«Я арифметике, ей! ей! не учена».

* * *

Нагнала бабушка пред свадьбой внучке скуку,
Рассказывая ей про свадебну науку.
Твердила: «Вытерпи, что ночь ни приключит.
Тебя опричь меня, мою любезну внуку,
При случае таком никто не поучит».
А внучка мыслила, цалуя бабку в руку:
«Уж эту, бабушка, я вытерпела муку».

* * *

«Что скоро родила тебе по свадьбе сына,
Любезный муженек, вот та тому причина,
Что я, собравшися принесть тебе сей дар,
В смятеньи посмотреть забыла в календар».

Не многое число друзей собрать умеет,
С умом, с учением достойная душа,
Тот больше, что казны довольняе имеет,
Всех больше, у кого хозяйка хороша.

* * *

На то лишь бытие твое тебе дано,
Чтоб ты и день и ночь пил водку и вино:

Когда ни головы не жаль тебе ни глотки;
Пожалуй пожалей мой друг вина и водки.

* * *

Ты сказываешь мне, мой друг, твоя жена,
С тобою девкою была сопряжена:
Не все ты мне сказал, я молвлю без издевки:
Ты взял трех девок вдруг: две в брюхе были девки.

* * *

«Напрасно, муж, грустишь и сердцем унываешь,
Что я люблю других, вить ты не убываешь:
Рабяток полон дом: спокойся и нишкни,
Какая убыль то, когда не сей и жни».

* * *

Весь город я спрошу, спрошу и весь я двор:
Когда подьячему в казну исправно с году
Сто тысячей рублев сбирается доходу,
Честно́й ли человек подьячий тот, иль вор?

* * *

На что стояти мне, как будто пред богами,
Пред человеками, хотя они велят?
Полезно ль обществу, что ноги заболят?
Да я же головой тружусь, а не ногами.

* * *

Сожительницу Хам имеет за врага,
За то, что сделала она ему рога.
А жонка говорила:
С рогами трех сынов я Хаму подарила;
А если бы он мной единый обладал;
Не только трех сынов, щенка бы не видал.

Отрекся миров ты и мира,
Явить себя нам нища, сира;
Но стал богатяе купца.
Не бьешься вкруг сухого хлеба;
Ты ищешь, достигая неба,
В богатстве райского венца.

* * *

Танцовщик ты, богат, Профессор, ты убог;
Конечно голова в почтеньи меньше ног.

* * *

Опасно девке то, когда змия шипит;
Но то опаснее, когда в ней кровь кипит.

* * *

Разбойник погубит того, кого зарежет;
А льстец любовницу, которую понежит.

* * *

Мужик не позабудет
Как кушал толокно;
И посажен хоть будет
За красное сукно.

ЕПИТАФИИ

На месте сем лежит презнатный дворянин:
Был очень он богат, имел великой чин.
Что здесь ни сказано, все сказано без лести.
Довольно ли того, к его бессмертной чести?

* * *

Прохожий, обща всем живущим часть моя:
Что ты, и я то был; ты будешь то, что я.

* * *

Тому, кто здесь лежит, сплесть должно похвалы;
Но чтоб слух дел его повсюду простирался,
Гласите горы, лес и гордые валы,
Что сей великий муж жил долго и скончался.

* * *

Тот, чей ты видишь гроб, свой прожил век
изрядно,
И обществу служил; но чем? Ходил нарядно.

* * *

Под камнем сим лежит Фирс Фирсович Гомер,
Который пел, не знав галиматии мер.
Великого воспеть он мужа устремился:
Отважился, дерзнул, запел, и осрамился,
Оставив по себе потомству вечный смех.
Он море обещал, а вылилася лужа.
Прохожий! возгласи к душе им пета мужа:
Великая душа, прости вралю сей грех!

ПАРОДИИ

ОДА

Гром, молнии и вечны льдины,
Моря и озера шумят;
Везувий мещет из средины
В подсолночну горящий ад,
С востока вечна дым восходит,
Ужасны облака возводит,
И тьмою кроет горизонт,
Ефес горит, Дамаск пылает,
Тремя Цербер гартаньми лает,
Средьземный возжигает понт.

Стремглав Персеполь упадает,
Подобно яко Фаетон,
Нептун державу покидает,
И в бездне повергает трон,
Гиганты руки возвышают,
Богов жилище разрушают,
Разят горами в твердь небес,
Борей озлясь ревет и стонет,
Япония в пучине тонет,
Дерется с Гидрой Геркулес.

Претяжкою ступил ногою,
На Пико яростный Титан,
И поскользнувшися, другою
Во грозный льдистый Океан:
Ногами он лишь только в мире,
Главу скрывает он в Ефире,
Касаясь ею небесам.
Весь рот я, Музы, разеваю,
И столько хитро воспеваю,
Что песни не пойму и сам.

ОДА

Среди зимы, в часы мороза,
Когда во мне вся стынет кровь,
Хочу твою воспети, Роза,
С Зефиром сладкую любовь.
В верьхах Парнасских быстры реки,
Цветов Царицу вы на веки,
Взнесите шумно в небеса;
Стремитесь, мысленные взоры,
На многие Парнасски горы,
Моря внимайте и леса.

Стесненна грудь моя трепещет,
Вселенная дрожит теперь;
Гигант на небо горы мещет,
К Юпитеру отверсти дверь;
Кавказ на Этну становится:
В сей час со громом гром сразится:
От ада помрачится свет:
Крылатый конь перед богами,
Своими бурными ногами,
В сей час ударит в вечный лед.

Пекин горит и Рим пылает,
О, светской славы суета!
Троянски стены огнь терзает:
О вы ужасные места!
Нынь вся вселенна загорелась,
Вспылала только, лишь затлелась,
Всю землю покрывает дым;
Нарцис любуется собою,
Так Роза как Зефир тобою:
Пылай, великолепный Рим!

Мятутся ныне все планеты,
И льва пресильною рукой,
Свергаются с небес кометы:
Премены ждал ли кто такой?
Великий Аполлон мятется,
Что лира в руки отдается,
Орфею Амфиону нынь:
Леса, сей песнью наслаждайтесь:
Высоки стены, созидайтесь,
В эфире лед вечный синь.

В безоблачной стране несуся,
Напившись Ипокренских вод,
И их напившися трясуся.
Производитель громких Од!
Ослабли гордые нынь ямбы,
Ослабли пышны дитирамбы:
О Бахус, та ль награда мне?
Орфей, ты больше не трясися;
Возникни, Муза, вознесися,
Греми в безоблачной стране!

Род смертных, Пиндара высока
Стремится подражать мой дух.
От запада и от востока,
Лечу на север и на юг,
И громогласно восклицаю,
Луну и Солнце проницаю,
Взлетаю до предальных звезд;
В одну минуту восхищаюсь,
В одну минуту возвращаюсь,
До самых преисподних мест.

Там вижу грозного Плутона,
Во мраке мрачный вижу взор:
Узрев меня, бежит он с трона,
А я тогда вспеваю вздор;
Из ада вижу Итали́ю,
Кастильски воды, Остинди́ю,
Амур реку и вечный лед:

Прощай, Плутонова держава:
О вечный лед, моя ты слава!
Ты мне всего миляй, мой свет.

Трава зеленою рукою
Покрыла многие места,
Заря багряною ногою
Выводит новые лета.
Вы, тучи, с тучами спирайтесь,
Во громы, громы, ударяйтесь,
Борей, на воздухе шуми,
Пройду нутр горный и вершину,
В морскую свергнуся пучину:
Возникни, Муза, и греми!

О Роза! я пою мятежно:
Согласия в сей Оде нет:
Цалуйся ты с Зефиром нежно,
Но помни то, что я поэт;
Как если ты сие забудешь,
Ты в век моей злодейкой будешь;
Не стану я хвалить тебя;
А кто поэта раздражает,
Велико войско воружает
Против несчастного себя!

[ПЕСЕНКА]

Красоту на вашу смотря, распалился я ей! ей!
Изволь меня избавить ты от страсти тем моей!
Бровь твоя меня пронзила, голос кровь зажег,
Мучишь ты меня, Климена, и стрелою сшибла с ног.

Видеть мне тебя есть драго,
О богиня всей любви!
Только то мне есть не благо,
Что живешь в моей крови.

Иль ты меня, спесиха слатенька, любезный свет,
Завсегда так презираешь, о! увы! моих злых бед!
Хоть, Климена, из под тиха покажи мне склонный вид!
И не делай больше сердцу преобидных ты обид.

Не теряй свою тем младость,
Приклони ко мне себя,
Мысль моя увидит сладость,
Буду жить ся не губя.

ПЕСНЯ

О приятное приятство,
Ти даюсь сама я в власть,
Все в тебе я зрю изрядство,
Тщусь сама ся дать, ах! в страсть.
Я таилася не ложно,
Но однак открылась ти.
Весь мой дух за невозможно,
Ставить пламени уйти.

О восхить ево, восхити,
Больш еще, любви божок.
Станем друг друга любити,
О мой слатенький дружок.
Прочь от мя ушла свобода
Мой сбег с ней прочь о! и нрав.
Прочь, любовная невзгода,
О, любезный, будь мой здрав.

Как синицы птички нежно,
Между любятся собой,
Их любовь как с счастьем смежна
В дра́гости живет самой;
В летах так с тобой мы красных,
И седин мы до своих,
И в сединах желтоясных,
В мыслях станем жить одних.

Мне зело ты преприятен
И зело, ах! мя зажог.
Твой ли жар уж весь понятен,
В том ти сердце вот в залог.

Ты ж не страждь уж больш так ныне,
Утирая милу бровь,
Будь всегда все в благостыне,
Бречь, о станем, ах, любовь!

ДИФИРАМВ ПЕГАСУ

Мой дух, коль хочешь быти славен,
Остави прежний низкий стих!
Он был естествен, прост и плавен,
Но хладен, сух, бессилен, тих!
Гремите, Музы, сладко, красно,
Великолепно, велегласно!
Стремись, Пегас, под небеса:
Дави эфирными брегами
И бурными попри ногами
Моря и горы и леса!

Атлант горит, Кавказ пылает,
Восторгом жара моего,
Везувий ток огня ссылает,
Геенна льется из него;
Борей от молнии дымится,
От пепла твердь и солнце тмится,
От грома в гром, удар в удар.
Плутон во мраке черном тонет,
Гигант под тяжкой Этной стонет,
На вечных лютых льдах пожар.

Тела в песке лежащи серо́м,
Проснулись от огромных слов;
Пентезилея с Агасфером
Выходят бодро из гробов,
И более они не дремлят,
Но, бдя музыки ревы, внемлят:
Встал Сиф, Сим, Хам, Нин, Кир, Рем, Ян:
Цербера песнь изобразилась:
Луна с светилом дня сразилась,
И льется крови окиян.

Киплю, горю, потею, таю,
Отторженный от низких дум:
Пегасу лавры соплетаю,
С пресердьем напрягая ум.
Пегас летит как Вещий Бурка,
И удивляет Перса, Турка;
Дивится Хинец, Готтентот;
Чудится Пор, герой Индеян,
До пят весь перлами одеян,
Разинув весь геройский рот.

Храпит Пегас и пенит губы,
И вихрь восходит из-под бедр,
Открыл свои Пермесски зубы,
И гриву раздувает ветр;
Ржет конь, и вся земля трепещет,
И луч его подковы блещет.
Поверглись горы, стонет лес,
Воздвиглась сильна буря в понте;
Встал треск и блеск на горизонте,
Дрожит Самсон и Геркулес.

Во восхищении глубоком,
Вознесся к дну морских я вод,
И в утоплении высоком
Низвергся я в небесный свод,
И, быстротечно мчася вскоре,
Зрюсь купно в небе я и в море;
Но скрылся конь от встречных глаз;
Куда герой крылатый скрылся?
Не в дальних ли звездах зарылся?
В подземных пропастях Пегас?

И тамо, где еще безвестны
Восходы Феба и Зари,
Ни коему коню не вместны,
Себе поставил олтари:
Во мраке непрестанной тени,
Металлы пали на колени,
Пред холкой движного коня:

Плутон от ярости скрежещет,
С главы венец сапфирный мещет,
И ужасается стеня.

Плутон остался на престоле,
Пегас взлетел на Геликон;
Не скоро вскочит он оттоле:
Реку лежанья пьет там он.
О конь, о конь Пиндароносный,
Пиитам многим тигровлосный,
Подвижнейший в ристаньи игр!
По путешествии обширном,
При восклицании всемирном,
Да здравствует пернатый тигр.

ПРИПИСЫВАЕМОЕ

ХОР КО ПРЕВРАТНОМУ СВЕТУ

Прилетела на берег синица,
Из-за полночного моря,
Из-за холодна океяна:
Спрашивали гостейку приезжу,
За морем какие обряды.
Гостья приезжа отвечала:
Все там превратно на свете.
За морем Сократы добронравны,
Каковых и здесь мы видаем,
Никогда не суеверят,
Не ханжат, не лицемерят.
Воеводы за морем правдивы;
Дьяк там цуками не ездит,
Дьячихи алмазов не носят,
Дьячата гостинцов не просят;
За нос там судей писцы не водят.
Сахар подьячий покупает.
За морем подьячие честны;
За морем писать они умеют;
За морем в подрядах не крадут;
Откупы за морем не в моде,
Чтобы не стонало государство.
Завтрем там истца не питают.
За морем почетные люди
Шеи назад не загибают,
Люди от них не погибают.
В землю денег за морем не прячут.
Со крестьян там кожи не сдирают,
Деревень на карты там не ставят;
За морем людьми не торгуют.

За морем старухи не брюзгливы,
Четок они хотя не носят,
Добрых людей не злословят.
За морем противну указу,
Росту заказного не емлют.
За морем пошлины не крадут.
В церкви за морем кокетки
Бредить колобродить не ездят.
За морем бездельник не входит
В домы, где добрые люди.
За морем людей не смучают,
Сору из избы не выносят.
За морем ума не пропивают;
Сильные бессильных там не давят;
Пред больших бояр лампад не ставят.
Все дворянски дети там во школах:
Их отцы и сами учились;
Учатся за морем и девки;
За морем того не болтают:
Девушке де разума не надо,
Надобно ей личико да юбка,
Надобны румяна да белилы.
Там язык отцовский не в презренье;
Только в презренье те невежи,
Кои свой язык уничтожают,
Кои, долго странствуя по свету,
Чужестранным воздухом некстати
Головы пустые набивая,
Пузыри надутые вывозят.
Вздору там ораторы не мелют;
Стихотворцы вирши не кропают;
Мысли у писателей там ясны,
Речи у слагателей согласны:
За морем невежа не пишет,
Критика злобой не дышет.
Ябеды за морем не знают,
Лучше там достоинство наука,
Лучше приказного крюка.
Хитрости свободны там почтенняй,
Нежели дьячьи закрепы,

Нежели выписки и справки,
Нежели невнятные экстракты.
Там купец — купец, а не обманщик.
Гордости за морем не терпят,
Лести за морем не слышно,
Подлости за морем не видно.
Ложь там велико беззаконье.
За морем нет тунеядцов,
Все люди за морем трудятся,
Все там отечеству служат;
Лучше работящий там крестьянин,
Нежель господин тунеядец;
Лучше нерасчесаны кудри,
Нежели парик на болване.
За морем почтенняе свиньи,
Нежели бесстыдны сребролюбцы.
За морем не любятся за деньги:
Там воеводская метресса
Равна своею степенью
С жирною гадкою крысой.
Пьяные по улицам не ходят,
И людей на улицах не режут.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ТРИ ПЕРЕВОДА ОДЫ Ж. Б. РУССО «К СЧАСТЬЮ» («A LA FORTUNE»)

I. ПЕРЕВОД ЛОМОНОСОВА

Доколе, счастье, ты венцами
Злодеев будешь украшать?
Доколе ложными лучами
Наш разум хочешь ослеплять?
Доколе, истукан прелестной,
Мы станем жертвой нам бесчестной
Твой тщетный почитать олтарь!
Доколе будем строить храмы,
Твои чтить замыслы упрямы,
Прельщенная словесна тварь!

Народ порабощен обману.
Малейшие твои дела
За ум, за храбрость чтит избранну.
Ты власть, ты честь, ты сил хвала;
В угоду твоему пороку,
И добродетель превысоку,
Лишает собственных красот.
Его неправедны уставы
На верьх возводят пышной славы
Твоих любимцов злобной род.

Но пусть великостию сею,
О титлах хвалятся своих;
Поставим разум в том судьею,
И добрых дел поищем в них.
Я вижу лишь одну безмерность,
Надменность, слабость, и неверность,
Свирепство, бешенство, и лесть,

Добро́та странная! откуду
Из злости сложенному чуду
Дается оной должна честь?

Ты знай: герои совершенны
Премудростию в свет даны;
Она лишь видит коль презренны
Что чрез тебя возведены;
Она ту славу презирает,
Что рок неправедной раждает
В победах слепотой своей;
Пред строгими ея очами
Герой с суровыми делами
Ни что как счастливый злодей.

Почтить ли токи те кровавы,
Что в Риме Сулла проливал?
Достойно ль в Александре славы,
Что в Аттиле всяк злом признал?
За добродетель и геройство,
Хвалить ли зверско неспокойство
И власть окровавленных рук?
И принужденными устами
Могу ли возносить хвалами
Начальника толиких мук?

Издревле что об вас известно,
О хищники чужих держав!
Желанье в мире всем не вместно,
Попрание венчанных глав,
Огня и трупов полны стены,
И вы в пару кровавой пены,
Народ пожранный от меча,
И в шуме бледна мать великом,
Свою дочь тщится с плачем, с криком,
Отнять с насильного плеча.

Слепые мы судьи, слепые,
Чудимся таковым делам.
Одни ли приключенья злые,

Дают достоинство царям!
Их славе бедствами обильной,
Без брани хищной и насильной
Не можно разве устоять?
Не можно божеству земному,
Без ударяющего грому
Своим величеством блистать?

Но быть должна во время бою
На первенстве прямая честь.
И кто поправ врага собою,
Победу мог себе причесть.
Издревле воины известны,
Похвальны, знатны, славны, честны,
Оплошностью противных сил.
Худым Барроновым призором,
Упрямым и неправым спором,
Ганни́бал славу получил.

Кого же нам почтить Героем
Великим собственной хвалой?
Царя, что правдой и покоем,
Себя, народ содержит свой;
Последуя Веспазиану,
Едину радость несказанну
Имеет в счастии людей,
Отец отечества без лести;
И ставит выше всякой чести
Числом своих щедроты дней.

О вы, что в добродетель чтите
Един в войнах геройский шум,
Себе Сократа вобразите,
За Клитова убивца в ум;
Вам будет царь в нем несравненный,
Правдивой кротостью почтенный,
Достойный олтаря во век,
Тогда страшилище Эвфрата,
Против венчанного Сократа
Последняй будет человек.

Герои люты и кровавы!
Поставьте гордости конец,
Рожденной от воинской славы
Забудьте лавровый венец.
Напрасно Рима повелитель
Октавий, света победитель,
Навел в его пределы страх;
Он Августом бы не нарекся,
Когда бы в кротость не облекся
И страха не скончал в сердцах.

О воины великосерды!
Явите ваших луч доброт!
Посмотрим коль тогда вы тверды,
Как счастье вóзьмет поворот!
Когда-то к вам великодушно,
Земля и море вам послушно,
И блеск ваш очи всех слепит;
Но только лишь оно отстанет,
Геройска похвала увянет,
И смертый будет всем открыт.

Способность средственна довлеет
Завоевателями быть.
Кто счастие преодолеет,
Один великим может слыть.
Хоть помощь от него теряет,
Но с постоянством пребывает,
Для коего от всех почтен;
Всегда не низок и не пышен,
С Тиверием ли он возвышен,
Или как Варус поражен.

Излишню радость не внушает,
В недвижности своей предел,
И осторожно умеряет
Неистовство успешных дел.
Пусть счастие преобратится;
Недвижна добродетель тщится,
Презренный разрушать упор.

Конец имеет благодейство,
Стоит в премудрости блаженство,
Не постоянен рока взор.

Вотще готовит гнев Юноны
Энею смерть среди валов,
Премудрость! чрез твои законы,
Он выше рока и богов;
Тобою Рим, по злой напасти,
В средине Карфагенской власти,
Своих героев смерть отмстил;
Ходя в твои небесны следы,
Во время слезныя победы,
В трофеи гробы превратил.

II. ПЕРЕВОД СУМАРОКОВА

Ты, фортуна, украшаешь
Злодеяния людей
И мечтание мешаешь
Рассмотрети жизни сей.
Долго ль нам повиноваться
И доколе поклоняться
Нам обману твоему?
Все тобою побежденны;
Все ли смертные рожденны,
Супротивиться уму?

Малости с твоим покровом
Кажутся не малы быть;
Пышным именем и словом
Должны превелики слыть.
Весь народ тому свидетель,
Что пороки добродетель,
Коим помогаешь ты,
И во смрадности природы
Беззаконнику доводы,
Шлют бессмертия цветы.

Имя сих Героев пышно:
Но рассмотрим их дела,
Будет нам иное слышно
Коль судьба нам ум дала:
Как мы их ни почитаем,
Жадность, гордость обретаем
И свирепство только в них:
Все, что их ни прославляет,
Добродетель составляет
Из пороков лишь одних.

Ты не можешь быть причиной
Славы отмененных душ,
Но премудростью единой,
Славится великий муж;
От твоей одной державы
Нет бессмертия ни славы;
Смертных то незапна часть;
Не геройски то утехи,
Но тиранские успехи
Ближним приключать напасть.

Как почтить могу я Силлу,
Пеплом зря прикрытый Рим?
Хулим одного Аттиллу,
Помня Александра с ним.
Человеков убивают,
А другие называют
Добродетелью кровь лишь.
Праведно ль искать витийства,
К прославлению убийства,
И разбойника хвалить?

Победители злосерды!
Все зрю ваши я плоды:
Вы в желаньях ваших тверды
Миру извлекать беды.
Тамо слышу бедных стоны,
Там валятся ваши троны,
Грады превращенны в прах,
Возлагаются железы,
Вдов, сирот лиются слезы,
Там смятение и страх.

На сие, что тако хвалят,
Рассуждая кто воззри,
Иль без бед людских умалят
Дарованный сан цари?
Венценосцы! для отлики
То ли способы велики,
Чем вы можете блистать?

В вас богов изображенье:
Только ль оным подраженье,
Гром и молнию метать?

В приключениях противных
Обретаю важну честь;
А в победах и предивных,
Лавр оружью должно плесть.
Победитель часто славен,
Что противнику не равен
И его соперник мал;
За победу малоспорну
Должен вождю не проворну
Всем успехом Аннибал.

Коему хвала Герою
В точном имени его?
Щедрой кроющу рукою
Чад народа своего:
Образцом которой Тита,
Подданным от бед защита,
Жалостно смотря на них;
Лести кто и внять не мыслит,
И владения дни числит,
По числу щедрот своих.

Вместо яростию взята,
Зверски Клита кто убил,
Вобразим себе Сократа,
Если б он на троне был;
В нем царя не горделива
Зрели б мы и справедлива
И достойна олтарей.
А Евфрата победитель,
Вместо был его бы, зритель
Только подлости своей.

Крови жаждущи герои,
Возмущения творцы!
Вас мечтою славят бои

И лавровые венцы.
Разорения бессметны
Все Октавиевы тщетны
Вознестися до небес;
Правосудия блаженством,
И спокойства благоденством
Тако он себя вознес.

Мужи храбрые! являйте
В полном свете вы себя,
Равномерно прославляйте
Имя, счастье погубя.
Души ваши в нем велики,
Мира вы сего владыки,
Слышан лишь огромный век.
Счастье только упадает:
Все геройство увядает,
Остается человек.

Для победы изобильно
Дух посредственный иметь,
И потребно сердце сильно,
Коль фортуну одолеть.
Муж великий презирает,
Что фортуна им играет,
И в бедах не колебим;
И в благой и в лютой части,
Сердце держит он во власти,
В твердом постоянстве зрим.

Вся его успеха сладость
Не в излишестве своем,
Неумеренная радость
Не обрящет места в нем;
Все ему препятства втуне,
Он ругается фортуне,
И спокойно видит их.
Счастье в жизни скоротечно;
Но достоинство есть вечно,
Сколько рок ему ни лих.

Тщетно гордостью Юноны
Осужден на смерть Эней:
Добродетель в обороны,
Ты противилася ей.
Рим тобою Карфагены
За него рассыпал стены,
Славу их послав на низ;
И в его лютейшей части,
Превратил те зря напасти,
В вечны лавры кипарис.

III. ПЕРЕВОД ТРЕДИАКОВСКОГО

1

Фортуна! что твоя рука увенчавает
Продерзости ниже́ и слышаны когда;
То блеском ложным кой тебя осиявает,
Нам ослепленным толь пребыть ли завсегда?
Доколе, истукан обманчивый прелестно,
Моления тщетой, еще к тому бесчестно,
Твой жертвенник кадя мы будем почитать?
Иль самонравий зрить твоих беспутство в веки,
Тебе в приносе жертв, святимо человеки,
И поклонений их все рабства исчитать?

2

Народ, из дел твоих, хотя б из всемалейших,
Превознося успех, и падая пред тем,
Название тебе дает имен честне́йших:
Ты бодрость, храбрость, смысл, ты сила, крепость всем.

Лишает своея так титлы высочайши
Добротность, и плоды везде ея сладчайши,
За то что мил весьма един тебе порок:
Еще ж в молвах его и клич решений ложных,
В Героев становит верьховных, многоможных,
В твоих любимцах кто злочинием ширск.

3

Но похвалою коль ни гордостны б своею
Герои были те, пред всеми возносясь;
Однако разум наш поставим судиею,
И в них поищем благ мы сродных им, не льстясь

Я бешенства внутрь зной во первых обретаю;
Я слабость вижду там; неправды я сретаю;
Предательства я зрю, и лютых злостей сбор.
Се странный вид добра! а зиждемый стократно,
Проклятых самых зол счетанием превратно,
И пребезмерных тех, с добротой коим спор.

4

Познай, что мудрость то единственно смиренна,
Великих кто сильна́ Героев произвесть:
Та малости в тех зрит, лучами озаренна,
Которых извела твоя красива лесть:
Приятия отнюдь ни славу сподобляет;
Когда победу всю неправда осрамляет,
Одéржанну для них чредою как игры́:
Пред важными ея и светлыми очами,
Все доблести их суть, тоя ж глася речами,
Злодействия в себе, за счастие добры́.

5

Как! в пепел Рим тогда едва не обращенный,
Причина, Силлу мне с почтенными верстать?
Пречуден Александр за то не укрощенный,
Мог Аттила за что пренена́видим стать?
Я имя дам еще Добротой бранноносной
И наглости такой, к умертвиям не косной,
Котора кровь мою́, кропясь по лакти, льет?
Присилю ж и язык, лице слезами мóя,
Свирепого хвалить из уст моих Героя?
К несчастию людей рожденна, да избьет?

6

Что в повести о вас я чту бытéй в приметы?
О ратоборцы вы! безжалостны сердца́!
Хотения без мер; впредь за́мыслы без сметы;
Сраженных и царей тиранны для венца:
Твердыни там же стен воспламененны тлятся;

Победоносцы все в убийстве стервенятся;
Народ повержен в труп, иль стенет в ранах с мук:
Кровавых матерéй зрим в бледности ревущих,
А с трепета своих обмерших дщерей рвущих,
Из во́инских уже насилующих рук.

7

Бессмыслен есть суд наш, когда мы толь дивимся
Излишествам таким не мирных сих людей!
Иль смертных злая часть, к которой не родимся,
Соделывает честь прославленных царей!
Огромность славы их исполнь в прах развалений,
Без оных душегубств, без оных и граблений,
Не может ли никак пребыть и устоять?
Что ж óбраз божий суть в странах земного
дома,
Ударами ль затем молниестрельна грома
Повсюду здесь должна́ великость их зиять?

8

Хощу, да, посреде враждебныя тревоги,
Бывает твéрда честь, без ухищренных бедств.
Добропобедных коль сочту́тся сонмы многи,
Оружием бы верьх торжественных взять следств?
Се он, гласим есть кто истории в разделе,
Но славой одолжен, по бранном, чаю, деле,
Иль страху, иль стыду соперника себе.
Не с на́выка Варрон то сделал в споре наглом,
Да он удержит власть над Лу́цием там Павлом,
Что Аннибал в успех достиг свой на борьбе́.

9

Но кто ж есть оный здесь Герой толико твердый,
Что славою себе сам токмо одолжен?
Есть вещию он царь, правдивый, милосердый,
Добро́тами велик, и теми обожен;

Положшему щедрот примером Тита мерна,
К блаженству своего народа сердцем верна
Усердно прилежать, веселия одни:
От подлости бежит ласканий, яда равно;
И токмо как Отец отечества, исправно
Благодеяньми все свои счисляет дни.

10

О вы! у коих есть та дерзка смелость бранна
Превыше всяких благ, и оных красоты,
Представьте вы себе Сократа преизбранна
За Клитова того убийцу с бесноты.
Увидите царя и чéстна и рассудна,
Имуща велий дух, прещéдра, правосудна;
Царя всех олтарей, и всех достойна вас.
А пред лицем уже толикого Сократа,
Преобсритель тот, гласимый толь, Евфрата,
Явится весь очам последнейший из нас.

11

Герои жестоты! Герои кровопивны!
Престаньте, ум велит, тщеславиться за свар
Лавро́выми венцы, что мнятся вам толь дивны,
И вам что поднесла Беллона в пышный дар.
Антониев вотще тот быстрый победитель,
И Ле́пидов к тому ж, но прежде, истребитель
Вселенну понуждал в ужасном страхе быть:
Там Августом его б не проименовали,
Державы в тишине когда б не ликовали,
Чтоб возмощи его все ярости забыть.

12

Ну ж, покажите нам, великодушны мужи,
Добротство ваше все, есть то в колико крат.
Посмотрим, как сердца́, пари́ть к звездам досужи,
Удержатся собой преспеяний в обрат.

Доколе участь вам всегда не без привета;
То господа́ всего пространного вы света,
И ослепляет нас блеск славы вашей той.
Но жребий вопреки хоть мало б возметался;
Личина спала с глаз: мрак ползаний остался:
А светлый весь уже тогда исчез Герой.

13

Усильность средних мер я ставлю за довольну,
На марсовых полях чтоб ярко шурмовать.
Но премогает кто Фортуну самовольну
Достойно из мужей того великим звать.
Теряет по́мощь сей от оныя буянства,
Не тратя своего нимало постоянства,
Честь коим уж свою́ возрастшею познал:
Нет колебаний в нем величию и духу,
Ни что Тиберий есть торжественник, по слуху,
Ниже́ что Вар стремглав зол крайних в бездну пал.

14

И радость, коя тща, или́ та смехотворна,
Не может же пройти во внутренность к нему;
А бодрая боязнь, и в действиях проворна,
Всю к мерности ведет успешность по тому.
Когда фортуна зла его преудручает,
То непозыбность в нем себя возобучает
Препятствами ея, прехо́дными в летки́.
Благополучность вся к концу идя слабеет:
Но мудрость как всегда в своей твердыне спеет,
Судбины точно так всегда ж порхну́ть легки́.

15

И всуе ж то сама́, надменна толь, Юно́на,
Енéеву, ярясь, определила смерть:
О мудрость! мощь твоя, с прегорьнего щит ло́на,
Сильна́ и одолеть, Предел и грозный стерть.

Тобою, быв Еней в морских волнах погрязший,
Потом уж Карфаген, в стенах его, потрясший,
Кровь витязей своих отмстил в сторйце бед:
А следуя твоей преобоженной влáсти,
Узрел, в пребольше зло смертельныя напасти,
За черный кипарис зеленый лавр побед.

СТАТЬИ О ЛИТЕРАТУРЕ

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЗГЛЯДЫ СУМАРОКОВА

Сумароков, написавший за свою жизнь множество произведений в стихах и в прозе в самых различных жанрах, работавший в литературе постоянно и профессионально, много думал о своем писательском деле и часто высказывался о нем. Как и Тредиаковский и Ломоносов, он был не только практиком литературы, но и теоретиком ее. Он выработал совершенно определенную систему художественных взглядов и оценок и пропагандировал ее упорно и горячо. Во имя ее он страстно боролся с противниками, воспитывал плеяду учеников, нападал, защищался и поучал. Эта система сложилась не сразу, как не с самого начала творческого пути Сумарокова определились характерные черты его художественной практики.

Сумароков выступил в литературе как ученик Тредиаковского; впоследствии он стыдился своих ранних опытов, написанных еще на школьной скамье; это было еще до появления первых од Ломоносова в печати. Когда Ломоносов развернул свою блестящую поэтическую деятельность (в начале 40-х годов), Сумароков примкнул к нему — все еще учеником.

Уже в середине того же десятилетия Сумароков самоопределился как человек и поэт. Его не удовлетворяла разночинная гелертерская поэзия Тредиаковского, уже архаическая и низкопоклонная по существу, — но его перестало удовлетворять и придворное барокко од Ломоносова. Крепло мироощущение подлинной дворянской интеллигенции. Пышное дворцовое искусство, создаваемое Ломоносовым по заказу придворной знати крепостных магнатов и дельцов — предпринимателей все еще Петровского закала, образовавших двор всероссийской самодержицы, — определилось как враждебное столбовому, аристократическому дворянству, владевшему крепкими, но не слишком мощными крепостными имениями. Этот

слой дворянства проявил тенденцию к своеобразному феодальному либерализму, к ограничению деспотии, к введению «законных» норм в крепостнические отношения, к ущемлению прав монархии и ее ближайшего аппарата, двора и придворных, бюрократии и плутократии. Фабрики придворного нувориша, самоуправства придворного фаворита, грабительство чиновников («подьячих») и откупщиков из знати — были ненавистны дворянину-интеллигенту, видевшему во всех этих явлениях угрозу своей власти над страной, именно в это время завоевываемой с великим трудом. Между группами крепостников определились формы внутриклассовой борьбы, нашедшей свое отражение и в литературе, и в эстетических теориях, и в полемике вокруг этих теорий. Поэтика Ломоносова, восходящая в значительной мере к поэтике немецкого барокко от Грифиуса до Гюнтера, искусство Ломоносова с его словесной пышностью, напряженностью, риторической патетикой, вычурностью и семантической, и синтаксической, и лексической, — как выражение монопольной верхушечной придворной культуры также было враждебно Сумарокову, требовавшему создания общедворянской «просветительской» культуры, социально-активной в меру активности еще наступавшего слоя дворянства, более широкого, чем тот, который делал политику при Анне Ивановне и даже при Елизавете, и в то же время настаивавшего на своих аристократических правах.

Сумароков исходил в своем художественном мировоззрении из представления о незыблемых — внеисторических, «вечных» законах прекрасного, и—в то же время — мудрого, логического, обязательных для всех времен и народов. Твердые схемы «устоев» мира и мышления о нем, оправдывавшие в его глазах и феодальные права дворянина и крепостные повинности «смерда», должны были с той же безликой четкостью определить незыблемые законы искусства. Законы эти мыслились как рациональные и логически доказуемые. Прекрасное — одинаково прекрасно для всех людей и всех эпох. Оно — функция правильного мышления и, как таковое, — функция родовой культуры, т. е. мышления и творчества дворянства, ибо, по схеме Сумарокова, роль и права дворянства именно и заключаются в наследственной культуре, обязывающей их к «чести», к моральной подготовке, и к власти, господству над массой,

не имеющей этой прерогативы — этической, логической и эстетической культуры. Так рационалистическая концепция, отчасти заимствованная у ранних французских и английских просветителей, приобретает у Сумарокова явственную классовую, помещичью, направленность.

Художественное мышление Сумарокова антииндивидуально. Искусство должно выражать переживания (оно психологично) того идеального, надисторического человека, типом которого должен быть в конечном счете и российский дворянин — свободный от гнета деспотии, избавленный от конкуренции торгаша и пут бюрократии. В этом смысле Сумароков не стремится к реализму в литературе, хотя решительно протестует против приподнятости ее над тем отвлеченным и сословно-мыслимым миром, который он проицирует в свой социальный идеал.

Сумароков считает, что поэзия должна нести учительную функцию: она воспитывает правильные нормы поведения, мышления и переживания. Но прямая тенденциозность может быть не нужна там, где поэзия обращается к классу (Сумароков мыслил его как сословие), который должен руководить обществом, к дворянству, так как прекрасное само по себе имеет воспитательную силу, поскольку оно является эстетическим осуществлением истинного и должного. Но если закон общественного порядка нарушен, искусство обязано бороться за восстановление его. Оно вооружается и нападает на врага В конкретной обстановке России елизаветинских — а потом и екатерининских — времен это означало беспощадную войну с вельможной верхушкой и подьячими, с пролезанием «смердов» в дворянство, с деспотией, поддерживающей откупщиков и т. д.

Нормы идеального прекрасного в искусстве представлялись Сумарокову выраженными в жанровых специфических формах. От века существует система жанров — эпических, лирических, драматических, дидактических; она воплощена еще в поэзии античной древности и затем в классической поэзии французов и немцев; она кодифицирована поэтиками Горация, Буало, Готшеда, и она обязательна для всякого поэта. Жанр есть подоснова всякого эстетического восприятия, идеальное представление о норме каждого произведения, осуществляющего его, и эта норма предшествует и в творческом акте и в акте восприятия познаванию отдельного факта искусства. Закон принуждения, заста-

вляющий дворянина быть хозяином людей, земли и страны и заставляющий «мужика» быть рабочим механизмом на полях помещика, — по сумароковскому мышлению заставляет и всякое произведение следовать предустановленному правилу жанра. В искусстве действует тот же закон фатализма и надиндивидуального принуждения, что и в жизни. Произведение заслуживает похвалы в меру приближения к жанровому идеалу, а не в меру индивидуальной выразительности. Каждый элемент произведения расценивается с точки зрения соответствия заданной схеме, а не в меру своей отдельной действенности. Координация элементов — «согласие» их — диктует выбор художественных средств, а не соответствие личному ощущению автора. Всякое нарушение этого принципа осмысляется как бунт, почти как заявление прав человека, прав равенства и свободы, как буржуазный индивидуалистический демократизм. Сумароков обрушивается на попытки западной буржуазной драматургии выйти за пределы «правил» трагедии и комедии, ввести элементы трагического в комедию, создать психологическую драму. «Трогательные», слезные драмы не трогают его, а возмущают. Он предписывает «правила» для каждого жанра и твердо блюдет эти правила сам. Что же касается сентиментальной эмоциональности, в конце концов именно опирающейся на интерес к личному, неповторимому в человеке, на идею ценности каждого глубокого переживания, приводящего неизбежно к идее равенства в социальном законе, к идее буржуазной революции, — то Сумароков в ужасе от нее. К страдающему, виновному и все же положительному герою сентиментальной драмы он применяет безликий закон феодальной морали и объявляет его просто негодяем; ему чужда мысль: понять — простить; он ничего не прощает, требует кары за всякое отклонение от закона.

Сумароков выступает также против сюжетной увлекательности в литературе: она нарушает принцип рационалистической отвлеченности в искусстве; читатель, увлекшись сюжетом, следит за конкретными, индивидуальными событиями, «как в жизни», видит их сквозь словесный покров, несущий в себе принцип идеального оформления действительности; искусство становится реальным бытом, а реальный быт, интерес к нему, любовное вглядывание в него способны лишь разрушить логическую фикцию феодальной закономерности иерархии

сословий, жанров, слов. Жизнь в ее подлинных проявлениях для Сумарокова хаотична, беспринципна, порочна; искусство заключает более подлинную правду, чем жизнь, — так же как наука, к которой искусство очень близко. И Сумароков нападает на авантюрные романы, увлекавшие его современников.

Строя свою рационалистическую дворянскую эстетику, Сумароков широко использовал данные, почерпнутые им в немецкой поэзии и теории поэзии его времени, в частности в произведениях Готтшеда и его школы. Он и сам был избран членом Лейпцигского ученого собрания, оплота школы Готтшеда. Он перенес методы борьбы готшедианцев с Гюнтером и поэзией барокко на свою борьбу с Ломоносовым.

Основа его конкретной поэтики — требование простоты, естественности, ясности от поэтического языка, — направленное против ломоносовской цветистой зауми и «великолепия». Поэзия, построения которой добивается Сумароков, — трезвая, деловитая поэзия, логическая и отвлеченная. Она должна говорить от лица высшего разума, и она чуждается всего фантастического и туманно-эмоционального; она должна быть отчетливой, чтобы соответствовать задаче быть формулой идеологии «разума» страны. Не ослепить пышностью придворного празднества покорных подданных хочет Сумароков, — как этого хотели заказчики Ломоносова; не с монархом хочет говорить Сумароков, — как это делал Ломоносов, поэзия которого, обслуживавшая аппарат монархии, говорила языком религии, курящей фимиам земной власти: Сумароков хочет устроить внутренние дела своего класса, он обращается к нему помимо указа власти и хочет говорить с ним прямо и просто, не ослепляя его, а разъясняя ему его права, обязанности и уча его истинному отношению к жизни и ее проявлениям. Он враждебно относится к фимиаму и грандиозным фикциям ломоносовской поэзии; он хочет быть «просто» человеком, т. е. идеальным человеком, в конце концов образцовым дворянином, в самом строе своей речи. Он хочет вести за собой дворянство и убедить его не патетикой блеска и богатства, а внутренней убедительностью дворянской логики. Он хочет снять завесу благоговения перед «высшими», создаваемую придворной поэзией, считая, что высшим в мире являются истина и руководимые ею дворяне, которые должны предписывать закон

власти, а не принимать его от нее. Он не устает требовать простоты от поэта; он проповедует эту простоту в стихах и в прозе, при всяком удобном и неудобном случае, со всей страстностью своего характера и со всей последовательностью пропагандиста и бойца. Уже в «епистолах» о стихотворстве и о русском языке (1748) Сумароков требует простоты и восстает против гиперболизма и удаления от «естественного» способа выражения. Позднее, в прозаических статьях он высказывается полнее и определеннее. В статье «О неестественности» он высмеивает и осуждает поэтов, которые пишут «не имея удобства подражать естества простоте... что более писатели умствуют, то более притворствуют, а что более притворствуют, то более завираются».

Он бранит поэтов, которые «словами нас дарят, какими никогда нигде не говорят», которые составляют речь «совсем необычайную, надуту пухлостью, пущенну к небесам».

Еще в молодости он, по свидетельству Тредиаковского, порицал поэтов, нарушающих нормы привычного синтаксиса, переставляя слова в фразе по сравнению с обычным порядком.

Характерно в этом смысле подчеркнутое требование Сумарокова опирать грамматические правила не на образцы старых славянских книг, а на общее употребление, — конечно в пределах речевой практики дворянской интеллигенции (он считал, что Ломоносов — не дворянин, не владеет нормами этой практики); Тредиаковский же именно поэтому упрекал Сумарокова в недостаточном владении нормами церковно-славянской речи.

Сумароков противопоставлял стихи, которые «приятностью влекут, и шествуя в свободе, В прекрасной простоте...» тем, которые «естеству противны», «сияющи в притворной красоте», полны «пустого звука» (Епиграммы, Полн. собр. соч., т. IX). «Чувствуй точно, мысли ясно, пой ты просто и согласно» — наставляет он свою ученицу в поэзии Е. В. Хераскову (Письмо Е. В. Хераськовой, Полн. собр. соч., т. II). «Витийство лишнее природе злейший враг», пишет он другому своему ученику, В. И. Майкову: «Ум здравый завсегда гнушается мечты. Коль нет во чьих стихах приличной простоты, Ни ясности, ни чистоты, — Так те стихи лишенны красоты И полны пустоты» (Ответ на оду В. И. Майкова, Полное собр. соч., т. IX). Здесь особенно характерен первый из приведенных стихов: Сумароков «гнушается мечты»; он — весь на земле, хотя представляет себе эту землю в характерно рационалистическом и характерно помещичьем аспекте.

«Многие говорили о архиепископе Феофане, что проповеди его не очень хороши, потому что они просты; что похвальняй естественной простоты, искусством очищенной, и что глупея сих людей, которые вне естества хитрости ищут» — восклицает Сумароков (К несмысленным рифмотворцам, «Трудол. Пчела»). Он иронически советует писателям «в великолепных упражняться одах; ибо многие читатели, да и сами некоторые лирические стихотворцы рассуждают так, что никак не возможно, чтобы была ода и великолепна и ясна: по моему мнению пропади такое великолепие, в котором нет ясности» (там же); здесь уже почти неприкрытый выпад против Ломоносова и его поэтики . Прямо о Ломоносове и о приписываемых ему достоинствах Сумароков говорит: «Слово громкая ода к чести автора служить не может, да сие же изъяснение значит галиматия, а не великолепие...» и т. д. («Некоторые строфы двух авторов», Полное собр. соч., т. IX.)

Сумароков стремился к тому, чтобы спрятать весь механизм искусства от глаз читателя. Он настаивал на прямоте мысли по отношению к ее оформлению, так же как на прямоте языковой нормы по отношению к эстетическому узору. «Языка ломать не надлежит; лучше суровое произношение, нежели странное словосоставление», — говорит он в статье «К типографским наборщикам» («Трудолюбивая Пчела»).

На пути прославления безыскусственного выражения Сумароков столкнулся с вопросом о «народном творчестве». В статье «О стихотворстве камчадалов» («Трудолюбивая Пчела») он останавливается на проблеме взаимоотношения художнической обработки и стихии непосредственного выражения: «говоря о стихотворстве, которое чистейшим изображением естества назваться может, оно всего больше ослеплению искусства подверженно... Останемся лучше в границах правды и разума, и в мысли таковой, что человеку человечества превзойти неудобно. Природное изъяснение изо всех есть лучшее».

С Ломоносовым Сумарокову пришлось бороться по всем линиям его творческой программы. В ряде критических выпадов, замаскированных и открытых, он высказывает свое отношение к ломоносовской поэтике. Он переводит отрывок из трактата

Лонгина «О высоком» (с перевода Буало), выбирая именно то место, в котором осуждается «надутость», стремление «превзойти великость», «всегда сказать нечто чрезвычайное и сияющее», осуждая «жар не во время», излишнюю «фигурность» речи, метафоризм и т. д. — во имя «естественности» («Трудолюб. Пчела»).

В статье «О разности между пылким и острым разумом» Сумароков, в противоположность Ломоносову, называвшему остроумием ценную, по его мнению, способность быстро охватывать воображением целые ряды представлений, вольный полет фантазии, хоть и дополненный «рассуждением», — утверждает, что «острый разум состоит в проницании», способность же, восхваляемая Ломоносовым, есть только «пылкий разум», при котором и без «острого разума» поэт «набредит и бредом своим себе и несмысленным читателям поругание сделает» («Трудолюб. Пчела»). Этот выпад против «Риторики» Ломоносова тщательно замаскирован. В своей переписке Сумароков был откровеннее; в одном письме он ссылался на «Риторику» как на несомненное доказательство сумасшествия Ломоносова. В статье «Об остроумном слове» Сумароков полемизирует с теорией Ломоносова, видевшего в «изобилии» речи ее достоинство; «многоречие свойственно человеческому скудоумию. Все те речи и письма (т. е. сочинения), в которых больше слов, нежели мыслей, показывает человека тупова...» и т. д. («Трудолюб. Пчела»). Прямо называет Ломоносова Сумароков в примечании к переводу IV олимпической оды Пиндара; он отрицает сходство Ломоносова с Пиндаром, который «порывист, но всегда приятен и плавен; порывы и отрывы его ни странны, ни грубы, ни пухлы... Многие наши одописцы не помнят того, что они поют, и вместо того говорят, рассказывают и надуваются. Истребите, о Музы, сей несносный вкус и дайте познавать писателям истинное красноречие и наставьте наших пиитов убегати пухлости многоглаголания, тяжких речений» и т. д. (Полн. собр. соч., т. IX); последнее замечание относится, повидимому, к ученикам Ломоносова, так как перевод Пиндара издан через девять лет после смерти Сумарокова (1774).

Развернуто выступает Сумароков и против грамматических взглядов Ломоносова. В середине XVIII века, когда впервые строилось учение о русском языке, грамматические споры

смешивались с поэтическими. И в поэтике и в грамматике ставились вопросы образования литературного языка, вопросы о нормах языка и об оправдании этих норм. Поэты были созидателями языка, а языковеды — критиками и теоретиками поэзии. И те и другие вопросы смыкались в проблематике языковой политики и вызывали сходные споры. И Тредиаковский, и Ломоносов, и Сумароков работали как в области литературоведения, так и в области языковедения. Сумароков постоянно теснейшим образом связывает и переплетает высказывания о языке, как таковом, и о поэзии. Ожесточение, с которым Сумароков нападает на грамматику Ломоносова, понятно при учете всей борьбы его против поэтической и языковой практики его врага.

Неоднократно Сумароков обращался и к непосредственному критическому разбору произведений Ломоносова. В статье, посвященной подробному анализу оды Ломоносова 1747 года, он по преимуществу останавливается на принципах словоупотребления, семантики. Сумароков последовательно осуждает всякое отклонение от привычного — по его мнению единственно допустимого — значения слов, всякую сколько-нибудь индивидуальную метафору или даже метонимию. Для Сумарокова слово — это как бы научный термин, точно определенный; изменение его единственного значения (у Ломоносова — в интересах выразительности) расценивается Сумароковым как нарушение правильности грамматического характера; совмещение и скрещение смыслов в метафоре с его точки зрения только порок против логики и языка, ибо и грамматика строилась в логическом плане. Сумароков ополчается и против сравнений, нарушающих принцип логического подобия обоих сравниваемых элементов (см. его замечания о стихе «и з р а к п р и я т н е е р а я» и о сравнении духа с пловцом, здесь — стр. 345 и 347). В той же статье Сумароков задевает и тематическую композицию разбираемой оды, осуждая перерыв в ведении темы.

С Ломоносовым Сумароков боролся и оружием пародии. Его «вздорные оды» демонстрируют, что именно он имел в виду, говоря о «пухлости, надутости, неясности» ломоносовской поэтики.

Ломоносов — главный враг Сумарокова в языке и в поэзии. Но Сумароков сражался и с другими. Он вообще был необы-

чайно активен в литературной борьбе. Он пародировал Тредиаковского, смеялся над его устаревшим уже языком; он напал с злой пародией и на В. Петрова, в котором усмотрел наследника Ломоносова, продолжателя его традиции; он попутно задел Кириака Кондратовича в статье «К несмысленным стихотворцам» — за полонизмы.

Вообще Сумароков настаивал на охранении лексики русского языка от неумеренных вторжений иностранщины. Нельзя сказать, чтобы он был консерватором в словаре; он сам вводил новые слова и словоупотребления; он допускал также иностранные слова для обозначения предметов, не имевших обозначения на русском языке, для импортных товаров. Но он возмущался галломанией в языке светских щеголей, пересыпавших свою речь французскими (и иногда немецкими) словами, он усматривал в этом макароническом жаргоне опасность утери «устоев», своеобразия русского языка, внедрения пагубных западных влияний. Кроме того, язык петиметров — это был язык той придворной верхушки, с которой боролся Сумароков, так же как он боролся с языком подьячих, с его канцеляризмами, архаикой и своеобразной запутанностью, — и это была борьба социальная и политическая, так же как нападки на комедию-драму Д. Волкова «Воспитание», пропагандирующую точки зрения двора (уже екатерининского), или на поэму М. Чулкова «Плачевное падение стихотворцев»; в «епиграмме», изданной в 1774 году, Сумароков писал:

Окончится ль когда Парнасское роптанье?
Во драме скаредной явилось воспитанье:
Явилося еще сложение потом
Богини дыни жрут. Пегас стал, видно, хром.
А ныне етот конь, шатаяся, тупея,
Не скачет, не летит, ползет, тащит Помпея.

Комедия «Воспитание» сочинена в 1774 году; четвертая строка «епиграммы» намекает на поэму Чулкова (напечатана в 1769 году), где говорится о том, как Пегас взлетел на Олим, «где боги и богини В то время кушали привозные к ним дыни» (песнь II); последний стих направлен против перевода трагедии Корнеля «Помпей», сделанного Я. Б. Княжниным (издан только в 1779 году). Перевод этот в стихах, но без рифм. Вопрос о стихах без рифм усиленно дискуссировался во время Сумарокова и им самим, причем он склонялся к защите рифмы.

Что же касается поэмы «Плачевное падение стихотворцев» Чулкова, то Сумароков написал и специальную пародию на нее — притчу «Парисов суд» (напечатана впервые в Полн. собр. соч. 1781 года, т. IX. Притчи, кн. VI, притча 52); она начинается так:

У парников сидели три богини,
Чтоб их судил Парис, а сами ели дыни,
Российской то сказал нам древности толмач[1]
И стихоткач,
Которой сочинил какой-то глупой плач.
Без склада
И без лада... *и т. д.*

Г. Гуковский.

[1] Намек на «Краткий мифологический лексикон» Чулкова и его «Славенские сказки или пересмешник».

КРИТИКА НА ОДУ

Строфа I

Возлюбленная тишина,
Блаженство сел, градóв ограда.

Градóв ограда, — сказать не можно. Можно молвить селения ограда, а не ограда града; град от того и имя свое имеет, что он огражден.

Я не знаю сверьх того, что за ограда града тишина. Я думаю что ограда града войско и оружие, а не тишина.

Гóрод имеет в родительном падеже множественного числа городóв, а град грáдов, а не градóв; для того что в именительном падеже множественного числа город имеет звание городá, а град грáды, а не градá и не грады́.

Сказано в той же строфе к тишине:

Сокровищ полны корабли
Дерзают в море за тобою;

Что корабли дерзают в море за тишиною и что тишина им предшествует, об етом мне весьма сумнительно, можно ли так сказать; тишина остается на берегах, а море никогда не спрашивает, война ли или мир в государстве, и волнует тогда когда хочет, как ни случится, в мирное ли, или в военное время.

Ты сыплешь щедрою рукою
Твое богатство по земли.

Я думаю, что тишина сыплет щедрою рукою по земли богатство, а не свое богатство, которого о на не имеет.

Строфа II

Великое светило миру.

Я не говорю, что мир здесь в дательном, а не винительном поставлен падеже, и приемлю то за стихотворческую вольность, которую дает нам употребление, и сам оную вольность употребляю; однако когда кто которую вольность сам употребляет, не ставя того в порок; то уже оную и у другого критиковать не надлежит. Все равно что вместо светило мира сказано светило миру, — что вместо не помню своего рода, своего роду, или вместо трóна трóну.

Блистая с вечной высоты.

Можно сказать вечные льды, вечная весна. Льды потому вечны, что никогда не тают, а вечная весна, что никогда не допускает зимы, а вечная высота, вечная глубина, вечная ширина, вечная длина — не имеют никакого знаменования.

На бисер, злато и порфиру.

С бисером и златом порфира весьма малое согласие имеет. Приличествовало бы сказать: на бисер, сребро и злато, или на корону, скипетр и порфиру; оные бы именования согласнее между себя были.

Но краше в свете не находит
[Елисаветы] и тебя.

Что солнце смотрит на бисер злато и порфиру, ето правда, а чтобы оно смотрело на тишину, на премудрость, на совесть, ето против понятия нашего. Солнце может смотреть на войну, где оно видит оружие, победителей и побежденных, а тишина никакого существа не имеет, и здесь ни в каком образе не представляется, как наприм[ер] в Епических Поемах добродетели и прочее тому подобное.

Но в девятом стихе сей строфы ни к чему не привязано, и не знаю для чего вставлено.

И зрак приятнее рая.

Приятнее кроме вольности и ошибки не употребляется, а здесь в вольности ни какой нет нужды, и надлежало написать приятняе.

Зрак приятнее рая, сказать не можно. Какой-нибудь земле можно сказать приятняе рая. Например Италия приятняе рая; а о зраке человеческом надлежало бы сказать например так: И з р а к п р и я т н я е з р а к а б о г и н и или что-нибудь иное сему подобное.

Строфа III

Войне поставила конец.

Войну окончать или сделать войне конец, сказать можно, а войне поставить конец, я не знаю можно ли сказать. Можно употребить вместо построить дом, поставить дом, а вместо окончать войну весьма мне сумнительно, чтоб позволено было написать поставить конец. Говорится сделал начало, сделал конец, а не поставил.

На целый запад и восток.

Целый запад сказать в Русском языке весьма не свойственно. Говорится на весь запад. Цело в Русском языке знаменует то, что не испорчено.

На целый запад и восток.

Лутче бы сказать на весь свет, а если употреблен запад и восток, так я не ведаю, для чего север не сказан. Что не сказан юг, тому я еще не столько удивляюсь.

Строфа IV

Когда от радости премены
[Петровы] возвышали стены
До звезд плескание и клик!

Не стены возвышают клик, но народы. Говорится весь град восклицает, вся страна и вся земля восклицает. Под именем града я разумею граждан, под именем страны разумеются народы, живущие в ней, а под именем стен я одни кирпичи разумею.

Несть рукою, не говорится, подобно так как смотреть глазами, слышать ушами, ходить ногами. Говорится: я ето нес на себе; так несть рукою покажется из далека

для сего разделения положено. Однако ношу или держу скипетр рукою, или что подобное тому, сказать не можно. Когда ж говорится о кресте, — несть крест, показывает крест быть в руке; а несть крест на себе не говорится А говорится крест на себе иметь.

Доброт твоих.

Что добродетель я знаю, а что доброта не ведаю.

Строфа V

Твои щедроты ободряют
Наш дух, и к бегу устремляют.

Наш дух — есть перенос не простительный.

К бегу устремляют.

Можно догадаться, к чему ето написано; однако ето так темно, что я не думаю, чтоб кому ето в читании скоро вобразиться могло. А для чего в етом месте ясность уничтожена и притом натянуто, то тотчас рассмотреть удобно. Нужно было сравнение, чтоб сравнять дух наш с пловцом. А сравнение нашего духа с пловцом весьма безобразно, и не знаю стоило ли оно, чтоб для него уничтожить ясность. Можно сказать: льется кровь как вода, человек свиреп как лев; но нельзя сказать: наш дух как пловец, наша злоба как лев, наше смирение как агнец и протчее.

Летит корма меж водных недр.

Летит меж водных недр не одна корма, но весь корабль. Сочинитель сей оды хулит, что я взял многое в свою трагедию из Французских стихотворцов. Правда, я брал нечто, и для чего то не сделать по Русски, что на французском языке хорошо. В том только сила, хорошо ль я то по русски сделал. Я ж не для того брал, чтоб мне то за свое положить, и ни от кого оного не утаивал, но еще и показывал. Я ж нарочно брал те стихи, которые многим знакомы, чтоб показать хорошо ль то в русском языке будет. Однако я еще не столько брал, как все другие славнейшие стихотворцы, каков например Расин. И никто

во всей моей трагедии не сыщет чужих стихов ни тридцати, а в шестнадцати стах того очень немного. Да для чего мне того не делать, когда то все всех народов лутчие стихотворцы делать не стыдились? Ето ж и не стыдно. А ежели стыдно, для чего он, г. Ломоносов, «летит корма меж водных недр» положил, он и сам не отречется, что ето он у меня взял.

Строфа VI

Молчите пламенные звуки.

Пламенных звуков нет, а есть звуки, которые с пламенем бывают.

И з в о л и л а, слово положенное в начале четвертого стиха сей строфы, не знаменует того, что тут прилично и чего сочинитель хотел. Надобно было сказать изволит или благоволила. Благоволила знаменовало бы намерение и исполнение, а словом изволила сказано здесь весьма темно, так как бы расширяла науки.

Вы, наглы вихри, не дерзайте
Реветь.

Р е в е т ь — опять непростительной перенос.

Но кротко разглашайте
Прекрасны наши времена.

Ветром кротко разглашать наши времена! Ето уходит от понятия моего. Мне кажется, что больше ветр, то больше он делает разглашения. А прекрасны времена не знаю можно ли сказать. Можно сказать прекрасные дни, говоря о днях весенних, прекрасные девицы, и прекрасные времена, ежели говорится о погоде, а счастливые времена прекрасными не называются.

В безмолвии внимай вселенна.

Вселенна употребляется по вольности вместо вселенная, которая вольность весьма нечувствительна; однако для чего сочинитель сей оды в моих стихах ету вольность критиковал, когда он и сам ее употребляет?

Се хощет лира восхищенна.

Говорится разум восхищенный, дух восхищенный, а слово восхищенная лира, равно так слышится, как восхищенная скрипица, восхищенная труба и протчее.

Строфа VII

Ужасный чудными делами.

Бог велик чудными делами, а не ужасен.

Послал в Россию человека,
Каков не слыхан был от века.

Ето взято из моих стихов точно, которые за три года прежде сей оды сделаны, и которые так написаны о Петре ж Великом:

От начала перьва века,
Такового человека,
Не видало естество.

От начала перьва века, — сказал я, кажется мне, ясно, а от века ничего не знаменует; иное бы было, ежелиб было сказано: во всей вечности не слыхано; а от века, ето я не знаю что.

Строфа VIII

В полях кровавых Марс страшился,
Свой меч в Петровых зря руках.

Меч бывает не в руках, но в руке.

С в о й м е ч. Марс видел в руке Петровой меч, а не свой меч.

И с трепетом Нептун чудился,
Взирая на Российский флаг.

Нептун чудился. Чудился — слово самое подлое и так подло, как дивовался. Нептун не чудился, удивлялся, а ежели меч свой видел в чужих руках, так лутче бы сказать страшился, устрашался или ужасался.

В р у к а х и ф л а г не делают никакой рифмы.

В стенах внезапно укрепленна
И зданиями окруженна.

Что зданиями окруженна, я знаю, а что в стенах укрепленна — етого я не понимаю; еще бы мне понятнее было,

ежелиб было сказано стенами укреплена; хотя Нева стенами и не укрепленна, кроме крепости. А укреплен Петербург, да не стенами, Кронштатом.

Или я ныне позабылась
И с оногс пути склонилась.
Которым прежде я текла?

Надобно бы было сказать:

Или я ныне позабывшись
С оного пути склонилась,
Которым прежде я текла?

Строфа IX

Сия строфа хотя и не из лутчих в сей оде, однако критике не подвержена, ежели не весьма строго критиковать.

Строфа X

К несносной скорби наших душ.

Лутче бы было сказано, к несносной нашей скорби, а не к скорби душ. Сочинитель сей оды под скорбию души разумел печаль, а многие не без основания будут разуметь болезнь, от какой тело страждет. Однако я ето не очень критикую.

Нас в плаче погрузил глубоком.

Прилагательное имя глубокой к плачу не приставливается. Можно сказать в глубокой печали, а не в глубоком плаче. И в глубоких потоках слез сказать нельзя, не только в глубоком плаче.

Внушил рыданий наших слух.

Рыданий наших слух, рыданий наших глас, или рыданий наших вопль, ни на каком языке сказать, чтоб то не подвергалось правильной критике, не можно.

Верьхи парнасски восстенали.

Восстенали Музы, живущие на верьхах парнасских, а не верьхи.

Строфа XI

Сомненный их шатался путь.

Они на пути шатались, а не путь шатался. Дорога никогда не шатается, но шатается, что стоит или ходит, а что лежит, то не шатается никогда.

И токмо, шествуя, желали.

Т о к м о есть слово приказное, равно так, как я к о б ы и и м е е т с я, а не стихотворное.

На гроб и на дела взглянуть.

На гроб взглянуть можно, а на дела нельзя. А если можно сказать: я взглянул на дела, так можно и на мысль взглянуть молвить.

Строфа XII

О коль согласно там бряцает.

Бряцает и бренчит есть слово самое подлое; но еще бренчит лутче, что оно употребляется, а бряцает не употребляется никогда, и есть слово нововымышленное, и подло как выговором, так и знаменованием.

О коль согласно там бряцает
Приятных струн сладчайший глас!

Бряцают струны, а не глас, а глас и бряцание все одно, с тем только разнством, что глас дале слышится, нежели бряцание или бренчанье.

Все холмы покрывают лики.

Холмы еще не значат множества холмов, а все холмы знаменуют множество холмов. Какие ж лики их покрывают? Муз и всех только девять, а не полки.

Строфа XIII

И в поле весь свой век живет;

В поле весь свой век живет пастух, а воины в поле выходят, а живут часто и не в полях.

Воина сочинитель сей оды берет за военачальника. А воин не военачальника знаменует но всякого, кто воюет.

Но ратники ему подвластны
Всегда хвалы его причастны.

Сии два стиха, н о которым они зачинаются, ни к предыдущему ни к последующему не привязаны, и так невместно поставлены, что и критики не достойны, а я могу клясться, что я не постигаю слагателества мнения, для чего он их написал.

И шум в полках со всех сторон
Звучащу славу заглушает.

К чему *И* здесь привязано, я не могу же понять. А что шум со всех сторон звучащу славу заглушает, в етом я никакого возвышения стихотворного духа не вижу. Мне кажется, чтоб ето лутче было, чтоб оной со всех сторон происходящий шум, гремящего славы гласа не мог заглушить. Глас славы больше бы стиху дал величества, нежели народной крик, которой стиха ни мало не возвышает.

И грому труб ее мешает
Плачевный побежденных стон.

Трубный глас не гремит, гремят барабаны, а ежели позволено сказать вместо трубного гласа трубный гром, так можно сказать и гром скрипицы, и гром флейты. Если плачевный побежденных стон глушит глас славы, то конечно из того следует, что возглашает не громко. А потому что слава громко возглашает, то плачевный побежденных стон гласу славы не мешает. Глас славы далеко слышится, а побежденных стон не далеко простирается.

Строфа XIV

Сия Тебе диной слава
[Монархиня] принадлежит.

Я не знаю на что здесь стихотворец указывает. Ежели ето называется одической перерыв, так етот перерыв и отшибка очень велики. Надобно отрываться с тем, чтоб опять возвратиться; а здесь, что он оторвался, я вижу. а чтоб он возвратился — того не видно.

Сия тебе единой слава
[Монархиня] принадлежит.

Я как ни умствую, не постигаю, на что он указывает.

О как тебе благодарить!

Етот стих со всем своим восклицанием слаб: и нет ни чего хуже, как слабое восклицание.

Что щедростью твоей цветет.

Говорится щедрота, а не щедрость; щедрость не русское слово.

Строфа XV

Толикое земель пространство
Когда всевышний поручил
Тебе в счастливое подданство.

Надобно, следуя правилам всех языков, сказать:

Когда всевышний поручил
Толикое земель пространство
Тебе в счастливое подданство.

Однако ето совсем за худое почесть нельзя.

Всевышний не говорится, а говорится вышний. Иное дело всемогущий. Всемогущий тот, кто все что ни есть может. А ежели по тому примеру написать вышняго, так будет всех или всего вышний; вышний слово совсем столько ж неупотребительное, как всевышний.

В счастли́вое подданство — не говорится нигде, а говорится в сча́стливое подданство.

Какими хвалится Инди́я;
Но требует к тому Россия
Искусством утвержденных рук.

Индия слывет ета земля, а не Инди́я.

Инди́я и Россия — рифмы самые бедные, и выговором и тем, что они обе имена свойственные, что только в самой нужде полагается.

Строфа XVI

Меж льдистыми горами:

Меж льдистыми — делает выговору великую трудность, что я весьма обегать стараюсь; однако и ето я за большой порок не ставлю.

В протчем ета строфа выработана хорошо.

Сравнившись морю широтой.

Надобно по грамматическим правилам сказать: С р а в н и в ш и с ь с м о р е м ш и р о т о й.

Строфа XVII

Во втором стихе сей строфы вместо природы или естества поставлена натура, и хотя ето и простительно, однако для чего слово натура в русских речах без нужды употреблять?

Где в роскоше прохладных теней.

Роскошь прохладных теней — весьма странно ушам моим слышится.

Роскошь тут головою негодится. А тени не прохладные; разве охлаждающие или прохлаждающие.

Охотник где не метил луком.

Где надлежало поставить по грамматическим правилам пред охотником, и сказать: Г д е о х о т н и к н е м е т и л л у к о м.

А ето только для меры стоп испорчено.

Не метил луком.

Не луком метят охотники, стрелами, ежели из луков стреляют. Но для чего здесь один лук поминается? Есть у охотников и другое оружие, которое они для охоты употребляют. Из лука птиц реже бьют, нежели из фузеи Или для того, что стук для рифмы надобен был?

В протчем и ета строфа изрядная.

ОТВЕТ НА КРИТИКУ

Не надлежало бы мне ответствовать на сочиненную против меня г. Т. критику; ибо я в ней кроме брани ничего не нашел; однако надобно его потешить и что-нибудь на то написать, чтоб он не подумал,что я его так много уничтожаю, что уж и отвечать не хочу. Ежели на все то, что он написал, ответствовать, — так я очень много потеряю времени; а часа два за работу долгой его критики я употребить к его услугам не скуплюсь.

Ежели делать опровержение на критику его, которую он в написанной на меня книжке употребил о моих одах, так я потеряю очень много времени, ибо он едва не всякую в них критиковал литеру; того ради я то все пройду мимо. Что ж до прочего надлежит, о том хотя не много поговорю..

§ I

Н е д и в л ю с ь, говорит он, ч т о п о с т у п к а н а ш е г о а в т о р а б е з м е р н о с х о д с т в у е т с ц в е т о м е г о в о л о с о в, с д в и ж е н и е м о ч е й, с о б р а щ е н и е м я з ы к а и с б и е н и е м с е р д ц а. О каком он говорит биении сердца, того я не понимаю; впрочем сия новомодняя критика очень преславна!

§ II

Н е д у м а е т л и о н, говорит он обо мне, ч е г о о н с а м с т о и т и ч т о и к а к о в т о т, п р о т и в к о т о р о г о о н к а к с ц е п и с п у с т и л с в о е в о л ь н у ю в л и х о с т и с в о ю м у з у? — Думаю.

§ III

В одах требует он исторического порядка и хулит, что Кир упомянут прежде Июлия.

Loin ces rimeurs craintifs, dont l'esprit phlegmatique
Garde dans ses fureurs un ordre didactique,
Qui chantaut d'un heros les progrés éclatans,
Maigres historiens suivront l'ordre des tems
(Boileau, L'Art poétique, chant II, v. 75.)

Все равно, что о том герое говорить порядком историческим, которого стихотворец воспевает, что о тех, которых он с ним сравнивает: история в оде должна быть непорядочна.

§ IV

Хулит он изъяснение грозный вал, и хвалит зыбкий вал, не знаю для чего.

§ V

Приводя в пример он строфу из некоторой оды г. Л., не узнал он, что автор не дремлющими называет очами, хотя то и совершенно изъяснено, что автор недремлющими очами называет звезды, а он подумал, что сказано о ангелах. А строфа сия очень ясна.

§ VI

Привязался он к типографическим двум погрешностям, как будто клад нашел. Надлежало написать умножь сея, а ошибкою напечатано умножь сей, и вместо удобно напечатано удобной: как же подумать чтоб первую ошибку кто-нибудь сделать мог, кто хотя не много о стихосложении слыхал, а другую, кто хотя несколько по русски умеет.

§ VII

И хотя ж оды свойство, говорит он, по мнению авторову, что она

Взлетает к небесам, свергается во ад,

И мчася в быстроте во все края вселенны,
Врата и путь везде имеет отворенны.
(Вторая из двух моих епистол).

Однако де сие не значит, чтоб ей соваться во все стороны, как угорелой кошке.

Я как угорелая кошка не суюсь, а подлому изъяснению, как угорелой кошке, кроме его сочинений, ни в какой критике места не нахожу.

§ VIII

Беспорядок оды долженствует быть порядочен. Порядочный беспорядок есть любимое его изъяснение, как прекрасная красота, приятная приятность, горькая горесть, сладкая сладость; а Боало не говорит, чтоб в оде был порядочный беспорядок.

Son style impetueux souvent marche au hazard.
Chez elle un beau désordre est un effet de l'art.
L'Art poétique. Chant II, v. 71.

§ IX

Другое любимое его изъяснение, чтоб сплетать существительное имя с весьма противным именем прилагательным: например: трезвое пиянство, в чем он тщился сделать подражание Боаловой оде:

Quelle docte et sainte yvresse;

Но это ни мало на то не походит.

§ X

Ода из негодных негоднейшая есть третье его любимое изъяснение.

§ XI

Говорит он мне моими стихами:

Нет тайны никакой безумственно писать,
Искусство, чтоб свой слог исправно предлагать,
Чтоб мнение творца воображалось ясно,
И речи бы текли свободно и согласно.
(Во второй из двух моих епистол).

Я не знаю к кому сии стихи, ко мне или к нему больше приличествуют. Песенка:

Поют птички,
Со синички,
Хвостом машут и лисички.

*

Плюнь на суку,
Морску скуку,
Держись черней и знай штуку.

кажется мне, не лучше моих сочинений.

§ XII

Порочит он, что мои шестистопные в трагедиях стихи во многих местах в пресечении не ямбами оканчеваются, и в доказательство того приводит немецкое стихотворство.

Ето правда, что немцы редко не ямбами перьвое полустишие оканчевают, а причина тому, что у них великое множество коротких слов, а у нас множество долгих; и для того я чаще первое полустишие не ямбами оканчеваю, нежели немцы; однако я думаю, что и другие наших трагедий авторы того не убегут, да и убегать не для чего, а если бы в том кто и трудиться стал, кажется, что б труд сей был бесполезен, чтоб чистые сыскивая к пресечению ямбы, терять мысли.

Во утверждение того, что и немцы в пресечениях не ямбы иногда употребляют, прилагаю я здесь некоторые в пример стихи из первой книги, которая мне в глаза попалась.

Zu schwache Tugenden die ihr ihn erst regieret.
Ist Warus wenigstens noch nicht gewisser Sieger
So gehe denn, Flawius, erhitze deinen Muth.
Was Hassenswürdiges in Warus Thaten steckt.
Ist's möglich werthenter! so schontest du mein Blut.

Трагедия Герман.

§ XIII

Етот, ета, ето, за сей, сия, сие, имею я за вольность, что в оде положить нельзя, а в трагедиях в некоторых местах полагать можно; ибо они слова не

чужестранные и не простонародные; да я ж кладу их и очень редко.

Братиев вместо братий есть вольность же, так же следствиев и прочее; а братиев есть и весьма вольность малая; ибо хотя братий и правильнее, нежели братиев, однако вместо братиев сокращенно братьев еще употребительняе нежели братий: зело зело братьев я здесь в угодность его положил много. А я употреблению с таким же следую рачением, как и правилам: правильные слова делают чистоту, а употребительные слова из склада грубость выгоняют, например: Я люблю сего, а ты любишь другаго — есть правильно, но грубо. Я люблю этова, а ты другова — от употребления и от изгнания трех слогов гоигаго слышится приятняе. Вот для чего я это делаю, а не от незнания, как гневаясь на меня г. Т. говорить изволит.

Кладет в порок, что я пишу опять за паки; но прилично ли положить в рот девице семнадцати лет, когда она в крайней с любовником разговаривает страсти, между нежных слов паки? А опять слово совершенно употребительное, и ежели не писать опять за паки, так и который, которая, которое надобно отставить и вместо того употреблять к превеликому себе посмешеству неупотребительные ныне слова иже, яже, и еже, которые хорошо слышатся в церковных наших книгах и очень будут дурны не только в любовных, но и в геройских разговорах.

Правилы, правы, леты и прочие многие среднего рода слова во множественном пишу я вместо правила, права, лета, и проч. от употребления, а я и общее употребление за устав же почитаю. Мне кажется все равно, права и правы, лета и леты. Тронуть сердце вместо привесть в жалость, говорит весь свет; так для чего таких мне слов не употреблять, которых знаменование все люди знают и которые все употребляют.

Ето кажется мне хуже, что г. Т. сделал себе правилы отменные ото всего общества, и только сам им следует: пишет разделяя пречудно роды: которыи, которые,

которыя. Другии, другие, другия. Любовный, любовые, любовныя и проч.

§ XIV

Правописание в моих сочинениях называет он кривописанием, за то что в трагедиях моих есть в правописании некоторые ошибки, от того что я за неимением времени сочинения свои в правописании не тщательно рассматриваю. А он и все русское правописание переменил; однако и действительного своего кривописания кривописанием не называет. Порочит, что я пишу приятство вместо пріятство и прочие составленные слова с предлогом при. Я не знаю, какое он право имеет, сам переменив все правописание, к одному моему *и* привязаться, а что приятство правильнее, хотя *и* пред гласною стоит литерою, нежели пріятство, в том со мною многие знающие люди соглашаются. Предлог при, думается мне, хотя и составится с каким другим словом, должен остаться с *и;* ибо сей слог и в составленном слове виден, что он предлог. Впрочем оба не грешат, и тот кто пишет приятство, и тот кто пишет пріятство.

§ XV

Вольности Паденье, желанье, за паденіе, желаніе и проч. называет он подлым употреблением. А то употребляют все; лучше бы он говорил, что то не правильно, а не в подлом употреблении. Да таких вольностей в немецком стихосложении, на которое он ссылается, тьма; а вольности их сих вольностей несравненно больше; например: Erschrocknes за erschrockenes, steht за stehet, probiert за probieret, Ihr übereilt euch за Ihr übereilet euch, Vermessnes за Vermessenes, seh, geh за sehe, gehe.

Да такие ли только? Есть несказанные вольности. А что французы того не употребляют, так их сложение стоп того и не требует; ибо их язык правильного сочинения стоп, какое имеют наш и немецкой, не имеет; отчего и в вольностях таковых им нет нужды.

Напоследок есть столько ж правильно, как впоследок, а я пишу и то и другое.

Увидя за увидевши и прочее подобное тому — все малые вольности; да для чего он увидевши вольностью не ставит; ибо прямо говорится не увидя и не увидевши, но увидев. Видно изо всего, что он хотел только ко всему без пути привязываться а не критиковать. К тому ж критика и не его сил дело'

§ XVI

Описка была в моей переписанной трагедии, и написано вместо молящая тебя, молящая тебе, чего если б я не знал, то б мне самому себя было стыдно, и когда то уже напечатано было, так некто из моих приятелей, то увидев, спрашивал меня, для чего я вместо винительного дательный поставил падеж. Я ему тогда ж сказал, что ето описка, а в сочинении моем оно не так. Что ж г. Т. к этому привязывается? Довольно, что то уже в типографических погрешностях показано. Да сверьх того, что ему в том нужды, знал ли я это или не знал? Он вить делает критику на письма мои, а не на меня.

Слово поборник для чего его принял, было противно и для чего отставил, — кажется мне, что о том сказывать нет нужды; довольно того, что оно отставлено.

Он же критикует и исписал полстраницы на типографическую погрешность стиха:

Хоть смерть в глазах его, он зрит бестрашным оком.

Я многим показывал мою трагедию вчерне, что там написано хоть смерть, а не хотя смерть; а если б было в черном поправлено или скребено, так бы ето было видно; да и сам он, я чаю, думает, что ето типографическая погрешность, а не сочинения: да полно на меня крайне прогневаться изволил.

Такой ошибки в стихосложении никакой слагатель стоп сделать не может; ибо всякому слагателю стихов трудняе сделать стих неправильной, нежели правильной, когда он все прочее сочиняет, что до стоп касается, сочиняет правильно. И от сих то двух погрешностей в печати, о которых он подлинно знает, что то типографические

погрешности, хотя вместо хоть, да в оде яви сей, вместо яви сея, говорит он, что я в одах и в трагедиях полагаю строки за стихи. Очень ето смешно, и ясно, что он превеликою на меня надут злобою; да на меня ли одного? на весь свет: за то, что его сочинений никто не хвалит; а паче те, которым они на рассмотрение даются, можно ли их напечатать позволить. Что ж касается до меня, меня он всех пуще не любит за некоторые в одной моей епистоле стихи и за комедию, которые он берет на свой счет. Пускай его берет, а я в том, что не к нему то сделано, клясться причины не имею. Я то писал так, как везде писать позволено, хотя б то и о нем было; однако я не говорю, что то о нем писал; может быть о нем, а может быть и не о нем. А он точно во всей своей критике немилосердо меня бранить изволит, как нигде никого не критикуют; только от него все сносно.

§ XVII

Для чего я пишу сонце за солнце, серце за сердце и проч.; такой вздор не стоит и труда, чтоб то опровергать; хотя подлинно и вся его критика тем только тяжка, что много в ней бумаги да брани, если б и то на вески положить было можно.

§ XVIII

«Дивно мне, что он не приметил еще типографической в «Хореве» ошибки и к ней не привязался, которая б ему больше новомодного критического духа подать могла. Я не знаю, подлинно ль, он оную в критике своей назначил, ибо я многого в ней не читал. Кто столько вздору прочтет, ничего не пропуская?

§ XIX

Жестоко озлобясь и браня меня, говорит он, что Тресотиниус мой из Гольберга. Каким же образом под именом Тресотиниуса находит он себя, ежели сия комедия взята из Гольберга? или он думает, что у них такой же русской не знающий педант был, какой под именем Тресотиниуса у меня представлен? А капитан Брамарбас по характеру своему взят из Терентиева «Евнуха», который комик не только греческих комиков был подражателем, но почти переводчиком. Что ж имя Брамарбаса взято из Гольберга, и в том он ошибается; ибо Гольбергов офицер в немецком переводе сим назван именем, а в датском подлиннике он не Брамарбасом называется.

§ XX

Хорев, говорит он, взят весь из Корнелия, Расина и Вольтера, а паче из Расиновой Федры. Ето не правда; а что есть в ней подражании, а стихов пять шесть есть и переводных, что я и укрывать не имел намерения для того что то ни мало не стыдно. Сам Расин, сей великий стихотворец и преславный трагик, в лучшие свои трагедии взял подражанием и переводом из Еврипида в Ифигению *** стихов, в Федру *** стихов, чего ему никто не поставит в слабость, да и ставить невозможно.

§ XXI

Гамлет мой, говорит он, не знаю от кого услышав, переведен с французской прозы аглинской Шекеспировой трагедии, в чем он очень ошибся. Гамлет мой кроме монолога в окончании третьего действия и Клавдиева на колени падения на Шекеспирову трагедию едва, едва походит.

§ XXII

Епистола моя о стихотворстве, говорит он, вся Боалова, а Боало взял из Горация. Нет: Боало взял не все из Горация, а я не все взял из Боало. Кто захочет мою епистолу сличить с Боаловыми о стихотворстве правилами, тот ясно увидит, что я из Боало может быть не больше взял, сколько Боало взял из Горация, а что нечто из Боало взято, я в том и запираться никогда не хотел.

§ XXIII

От Вольтеровых двух стихов, которые я почти перевел и положил в трагедию Хорева, в прежестокую г. Т.

вступил ярость, делает прочие восклицания и прочие неистовствы; а дело все состоит, что в печати не в том месте поставлена запятая.

Удивительно мне, что он пуще этого не привязался к стиху, который у меня в трагедии над оными двумя поставлен: *Жестокой, дай мне смерть? я смерти не боюся.*

После перьвого полустишия знак вопрошения не надобен, ето только опечатка.

Еще удивляюсь я, что он не привязался к типографической погрешности в Хореве:

Когда я в бедственный лютейша дня часах.

А надобно: К о г д а я в б е д с т в е н н ы х л ю т е й ш а д н я ч а с а х.

Да во второй епистоле вместо:

Прадон и Шапелен не тамо ли,

напечатано не т о к м о л и. Да в одном стихе выпущен весьма нужный слог. Надлежало сказать:

Свой нежный склад красит,

а напечатано: с в о й н е ж н ы й к р а с и т.

§ XXIV

Услышал он, что я сочиняю трагедию, которая будет состоять в четырех только действующих лицах. А не знаю, с чего ему подумалось, что я Е д и п а сочиняю; так он в критике своей предваряет, чтоб смотрители не удивлялись, что из четырех только человек трагедия моя состоять будет; ибо де он всю возмет из Софокла, у которого пять только человек действующих в Е д и п е лиц, и из сих де пяти он одну выкинет.

Софоклов Е д и п с хорами, так ето дело весьма легкое, чтоб из пяти действующих лиц трагедию составить.

Трагедия сия, о которой он предваряет, есть не Е д и п, но С и н а в и Т р у в о р.

А если б я сочинял Е д и п а, то б конечно взял из Софокла. Корнелий и Вольтер из Софокла ж своих Е д и п о в взяли; его ето вымысел.

О ИСТРЕБЛЕНИИ ЧУЖИХ СЛОВ ИЗ РУССКОГО ЯЗЫКА

Восприятие чужих слов, а особливо без необходимости, есть не обогащение, но порча языка. Тако долговременно портился притяжением латинских слов немецкой, испортился польской, перьвый от единого с нашим отца, а другой тот, который наш, только с некоторою отменою, почти какую и российские области между собою в наречии имеют, и как портится немецкими и французскими словами русской. Честолюбие возвратит нас когда-нибудь с сего пути несумненного заблуждения; но язык наш толико сею заражен язвою, что и теперь уже вычищать его трудно; а ежели сие мнимое обогащение еще несколько лет продлится, так совершенного очищения не можно будет больше надеяться. Какая нужда говорить вместо плоды фрукты? вм.: столовой прибор — столовой сервиз? вм.: передняя комната — антишамбера? вм.: комната — камера? вм.: опахало—веер? вм.: епанечка — мантилья? вм.: верхнее платье — сюртут? вм.: похлебка — суп? вм.: мамка — гувернанта? вм.: любовница — аманта? в картах вм.: козырь, король, краля, хлап — атут, роа, дама, валет? вм.: насмехаться — мокероваться? вм.: похвала — еложь? вм.: князь — принц? вм.: кошелек — бурса? вм.: уборной стол — нахтиш и тоалет? вм.: задумчив — пансив? вм.: переписка — корреспонденция, и еще чуднее, каришпанденция? Начальный повар — кихенмейстер, и чудняе кухмистр, не от поварни, да от пирога, и мистр вместо мейстер; вм.: бритовщик — изломанно, фершел? вм.: часть книги — том? вм.: издание книги — ед́иция? вм.: остроумие жен́ий? вм.: рассуждение — бонсан? вм.: воспитание — едюкация? вм.: великолепно — манифи́к? вм.: нежно — деликатно? вм.: страсть — пассия? но кто все то перечесть может! Сказывано мне, что некогда немка московской

немецкой слободы говорила: Mein муж kam домой, stieg через забор und fiel ins грязь. Ето смешно; да и ето смешно: я в дистракции и дезеспере; аманта моя сделала мне инфиделите; а я а ку сюр против риваля своего буду реванжироваться. — Странны чужие слова в разговорах, в письме еще странняе, а в печати и того странняе. Что скажет потомство! Предки наши несколько татарских слов присвоили нашему языку, из которых мы уже некоторых не в силах выгнать, напр. казан, кафтан и пр. а в гораздо прежние времена вместо конь присвоено слово лошадь, от алаша, и ат — мерин, и хотя мерин по-немецки от древнего скифского языка называется Wallach, однако мы не от древних скифов, но от новых татар прияв слово лошадь, коня в нее преобратили; ибо в славенских наших книгах конь лошадью нигде не называется, и слово лошадь хотя и неисходимо нашему языку присвоено, однако всегда пребудет словом низким, как кафтан и все новые некстати введенные в наш язык дикие слова. От немецких и французских слов русскому языку сея же судьбины ожидать надобно. Греческие слова введены в наш язык по необходимости, и делают ему украшение, а немецкие и французские нам ненадобны, кроме названия таких животных, плодов и прочего, каких Россия не имеет, например рыба карп. По сей необходимости и стерлядь наш на немецком и французском языках стерлядью, а соболь соболем называются. Сарделли, каперсы, оливки, цитрон, апельсин, померанец, и пр. А кулик бекасом, и прочее тому подобное чужими именами напрасно называются. Греческие слова, как напр. порфира, скипетр, диадима, имена наук, болезней и прочие надобные слова для изъяснения точности потребны нашему языку. Они ж в латинской и во все европейские языки войти право имели; ибо старание греков в нужных именованиях на верьх совершенства взошло и получило почтение восприято быть римлянами, а потом и всею Европою для избежания великия трудности в изыскании новых нужных именований, а некоторые их слова с необходимыми и без нужды в чужие вошли языки, и с необходимыми ради единыя красоты их утвердился, как на нашем языке трон; ибо и

престол то же знаменует, а притом и великолепно слышится. Таковым образом вошло слово корона в русской язык, и знаменует то же, что и венец. Ради необходимости многие греческие слова стали быть словами, всем языкам общими. И тако восприятые греческие слова присвоены нашему языку достохвально, а немецкие и французские язык наш обезображивают.

О СТИХОТВОРСТВЕ КАМЧАДАЛОВ

Свобода, праздность и любовь суть источники стихотворства. Они — способы в изображении естества человеческому остроумию и в самой грубой природе. Чувствие человеческое равно, хотя и мысли непросвещенны. Мысли наши, единым чувствием провождаемы, лучшими словами изображаются, нежели искусством, хотя искусство природе и весьма потребно. Счастливы те, которых искусство не ослепляет и не отводит от природы, что с слабостию разума человеческого нередко делается. А говоря о стихотворстве, которое чистейшим изображением естества назваться может, оно всего больше ослеплению искусства подвержено, что ясно доказали старающиеся превзойти Гомера, Софокла, Виргилия и Овидия. Останемся лучше в границах природы и разума, и в мысли таковой, что человеку человечества превзойти неудобно. Природное чувствия изъяснение изо всех есть лучшее, чему приобщенная при сем камчатская песенка изрядный свидетель.

Потерял жену и душу
И пойду с печали в лес:
Буду с древ сдирать я корку,
И питаться буду тем,
Только встану я поутру,
Утку в море погоню,
И поглядывать я стану,
Не найду ли где души.

О НЕЕСТЕСТВЕННОСТИ

Услышав вопль и выглянув в окошко, увидел я, что несут мертвого во гробе человека — плачевное зрелище и епилог жизни нашей. Я было хотел размышлять о кратости века человеческого и о вседневных излишних попечениях, которые ни мало толь маловременной жизни не пристойны. Но вдруг сия важная трагедия в самую смехотворную комедию или паче в игрище претворилась. Перьвой актер сея драмы был мертвой человек, и действовал еще меньше, нежели актеры в пантомиме, потому что он, подражая прочим мертвым, и движения не имел; а перьвая актриса была жена его, которая идучи за гробом его пела песню по примеру опериcток, которые так же при гробах любовников своих песни поют, — только лишь в прозе и без инструментальной музыки. Содержание сей арии состояло в том, для чего муж ея умер. Несчастливый муж! ты умер против воли своей, а ежели бы волею, то б тебя не похоронили; ты умер против воли, да тебе ж еще и пеняют, для чего ты умер. Жена его выла, однако она притворно выла, для того что нигде каданса не потеряла, что в таком обстоятельстве одна только оперистка сделать может. На Васильевском острову улицы не вымощены, и следственно по кончании зимы всегда бывают грязны, так что не только пройти, но и проехать иногда трудно. Сей мертвой был посадской человек и старинной фабрики, которого рода посадские люди перепоясываются кушаками, а жены их носят туфли, или лучше сказать ходят в туфлях, ради того что они туфли носят ногами. Ежели бы не было на ногах печальныя сея вдовицы туфель, а на улице грязи; я бы еще мог подумать, что жена умершего песню в страсти поет; но туфли и грязь все мое сумнение разрешили. У италианских опериcток, как известно, хвосты по подо-

бию павлинов длинные; и ради того, когда актриса повернется, два пажа хвост, висящий с преширокой из обручей составленной юбки, передвигают; а сия актриса вместо великой юбки великое имела покрывало, называемое фатою, с тою разностью, что фата на голове. Вместо пажей имела она двух помощниц, которые показывали, будто они поддерживают плачущую или паче поющую вдовицу, хотя она и очень шла бодро. Не позабыла она в беспамятстве своем против самого того окошка, из которого я на сию смотрел комедию, сыскать место, где ступить посуше, и на всем пути ни которой туфли от вязкости грязи с ноги не сронила. А что не вышла ни разу из каданса, ни меся грязи, ни осторожно оную обходя, то всеконечно делала страсть. По кончании сего плачевного и смешного позорища, или лучше сказать, по окончании сея трагикомедии, которого рода драм нет и не бывало, пришли мне от сего зрелища на ум те стихотворцы, которые, следуя единым только правилам, а иногда и единому желанию ползти на Геликон, ни мало не входя в страсть, и ни чего того, что им предлежит, не ощущая, пишут только то, что им скажет умствование или невежество, не спрашиваяся с сердцем, или паче не имея удобства подражать естества простоте, что всего писателю трудняе, кто не имеет особливого дарования, хотя простота естества издали и легка кажется. Что более стихотворцы умствуют, то более притворствуют, а что более притворствуют, то более завираются и уподобляются сей оплакивающей смерть мужа своего вдовице, которая шед за гробом пела дурацкую песню.

К ТИПОГРАФСКИМ НАБОРЩИКАМ

Когда вы набираете литеры для моих писем, я прошу вас наблюдать следующее. Сил не ставить нигде; ни в каком слове русским людям они не надобны; мы пишем по русски не для чужестранцов, но для себя, а чужестранцы могут тем же образом и без сил научаться нашему языку, как мы их языку научаемся. Они знаков на слогах ударения не ставят; однако мы без трудности ударению слов их научаемся. Сея ради причины у нас силы уже выброшены, кроме слов, без силы два, или ежели есть и более, знаменований имеющих; и так я говорю об оставших ненадобных нам силах. Где должно сказать, сéрдца и где сердцá, то всякой русской человек и без сего ему типографского предварения поймет, а по складу и чужестранец не ошибется, ежели знает по-русски. Силы делают справщику и вам труд, никому не полезный, и труд автору в поправке набранного его сочинения. Когда исчезнут силы, исчезнет с ними и пестрота, обезображивающая прекрасную нашу нынешнюю печать. Собственные имена также сил не требуют; ибо ударение в собственных именах на русском языке от ударений чужестранных языков отменяется по нашему свойству. Напр. елегúа, по свойству наших ударений — елéгия, éклога — еклóга и пр. А ежели которые имена остаются и в прежнем своем свойстве, и те легко понять можно, по примеру других имен из того языка, тем образом, которым догадываются, не ставя сил, чужестранцы. А ежели какое неважное собственное имя и наоборот молвится, так сколько неважно то имя, столько неважна та и погрешность. Лучше ставить силу над словами чужестранными, в которых нам нет нужды и которые присвоены быть не могут, и для того их силою почтить, что они силою въехали в язык наш, и которые трудно выжить, потому

что десять человек выталкивают, а многие их тысячи ввозят. Ето мне смешно, что мы втаскиваем чужие слова, а то еще и смешняе, что тому не многие смеются, хотя язык народа и не последнее дело в народе. Или может быть я грешу, что тому смеюся, а они благопристойно поступают и ради того не смеются, что то не смеха, но сожаления достойно.

Имена прилагательные кончаются у меня во множественном всех родов в именительном падеже на я. А потому что *я* по единому только собственному моему произволению ни каких себе правил не предписываю, и не только другим, но и самому себе в грамматике законодавцем быть не дерзаю, памятуя то, что грамматика повинуется языку, а не язык грамматике, — так должен я объявить вам, ради чего я все прилагательные так окончеваю. Ради того, что все так говорят. А для чего так говорить начали, о том спросите древних предков наших, ежели вы к тому случай имеете. А всенародного употребления не возможно опровергнуть, да и не для чего. Другой на сие довод столько ж важен: в славенских наших книгах прилагательные имена множественного числа в единственном рода мужского кончаются на *и*; в женском и в среднем на *я*. Ежели нам следуя тому поступать; так мы славенским мужеским окончанием введем нечто не свойственное в нынешний язык наш, к чему народ не только привыкать не может, но и не станет. Какому ж последуя правилу оканчеваете вы во множественном прилагательные имена на *е*? Вы скажете: так пишут ныне. Кто так пишет ныне? Все, — вы скажете. Право не все, ибо не все еще сим заражены, и никогда не заразятся, а то, что не имеет ни малейшего основания, стоять не может. Предлог п р и в сложенных с ним словах ставить так, как он есть, не пременяя литеры *и* в *і*; ибо всякое слово, где бы оно вставлено ни было, тем же словом остается, что оно было; следственно и литеры свои удержать должно: оно знаменования своего не теряет, и ни мало от существа своего не отходит. Из слов м н о ж и т ь, у, п р и, составляется слово: п р и у м н о ж и т ь. Для чего ж писать п р і у м н о ж и т ь? или из слов я т и, п р и и н е, составленное слово н е п р и я т е л ь для чего писать н е п р і я т е л ь? Что в славенских наших книгах следуя

правилу, чтобы пред гласною литерою ставить *і*, не сделано выключки на предлог п р и, ето учинено забвением, не представив себе, что без выключки мало правил, или хотелося переводчикам покорить закону своему не покоряющееся правилу их п р и. Им ето удалось; я только бедному п р и и некоторые мои сообщники к слабому его защищению остались. Не только предлогу п р и — и человеку бедному не скоро суд сыскать можно, а особливо ежели судьи несправедливого мнения или какое пристрастие имеют. Тогда от судей челобитчику такое решение выходит: отказать, ибо мы того сделать не хотим. Имена существительные кончающиеся на ь, суть рода женского; так ради чего имеющие охоту переламывать правилами язык, говорят в е л и к о й к а м е н ь, в е л и к о й п л а м е н ь, а не в е л и к а я к а м е н ь и не в е л и к а я п л а м е н ь? Ето бы лучше было, потому что не было бы выключки. Что менше правил, то легче языку научиться, а некоторые думают, что в легкости языка немалое состоит достоинство; однако тот алмаз не дешевле, которой легче. Мне думается, что в умеренной тягости языка больше найти можно достоинства, потому что от того больше разности, а где больше разности, там больше приятности и красоты, ежели разность не теряет согласия. Трудность языка к научению больше требует времени, но больше принесет и удовольствия. П р и и т о м, п о и т о м делаете вы одним словом, и когда набираете п о т о м, ставите силу так изображая: п о т о̀ м, чтоб не было выговорено п о̀ т о м. Не сопрягайте двух слов в одно, когда вы мои письма набираете. Палочек между слов не ставьте, наприм[ер]: п о - м о р ю; еще хуже набирать такие речи как п о м о р ю, и ставить силу на односложном слове так: п о̀ м о р ю или с палочкою п о̀ - м о р ю. Где светло, там свеч не зажигают, а что ясно, о том толковать не надобно; где поставлено п о м о р ю, всяк будет читать и без предварения п о̀ м о р ю, а не п о м о́ р ю. Односложные слова уже и для чужестранцов сил не требуют; ибо где одна только гласная литера, там ударения на оную никто обойти не может. Два не могут быть не два, а три не могут быть нетри, подобно не можно не ударить голосом в литеру гласную, ежели она одна только, а хореи наши и ямбы, состав-

ленные из двух долгих слогов, суть спондеи, как из двух коротких — пиррихии, и употребляются слагателями стоп по необходимости. Спондеи претворяются в хореи и ямбы силою и ударением мысли, а пиррихии остаются слабыми двусложными стопами, что стопослагатели хотя и тщатся обегать, но ни в самом пресечении стиха всегда обежать не могут, ежели для сей маловажной причины не хотят уменшить красоты в изображении мысли своей. Счастливы те в оном, которые о красоте мыслей не пекутся или паче достигнуть ея суетную надежду имеют. Они без сожаления рифме, пресечению и стопе мысли свои на жертву приносят. Не бессчастны и те, которые, сочиняя стихи с рифмами, ни о чистых стопах ни о хороших рифмах не думают, а всех счастливяе те, которые, сочиняя стихи, ни о чем не думают; ето всего легче.

В собственных именах по свойству произношения нашего языка, ежели следует после *i—a*, ставьте везде в моих сочинениях *я*. Наприм[ер]: вместо Диана, Мариа, Наталиа — Дияна, Мария, Наталия. В других словах из языков чужих так же, наприм[ер]: вместо елегая, церемониа, Азиа, Илиада — елегия, церемония, Азия, Илияда, ибо произношению нашему не свойственно *а* и *у* в средине и в конце слова без литер безгласных выговаривать по естеству их, и всегда кроме начала слова *а*, и *у*, стоя одни пременяются в *я* и *ю*. Не говорится Іунь, Іуль, Іудея, но Іюнь, Іюль, Іюдея. Грубой гласной литеры *у* древние славяны и в начале слова не выговаривали, прилагая к *у* — *о*, для умягчения грубости литеры *у*, неприятельницы музыки, и выговаривали *о* весьма коротко, которое почти неслышно было, лишь только смягчало грубость литеры *у*, и ради того во всех наших древних книгах *у* без *о* в начале нигде положено. А у греков *у* из двух литер по той же причине составляется. При безгласных посреди слова ставился у нас везде *ик*, который мягче нежели *у* произносился, что и ныне наблюдать надобно: на конце стоя *у*, одно, пременялося оно в *ю*, и только стоя на конце с безгласною литерою произносилося, когда грубость его действовать не может. Свойственно естеству человеческому, а может быть и всякому животному, грубое произношение голоса сколько можно умягчать, от чего родилась музыка

и стопосложение. Все языки имеют грубости, один более, другой менее; ибо языки составляются не учеными людьми, но людьми, и не одними рассудительными, но всякими; так то ж естество, которое в грубости впадает, оные грубости и смягчает. Языки разные имеют суровости; разные к тому и способы употребляются. В нашем языке слуху досаждают из несогласных литер составленные слоги, а особливо из трех безгласных литер, или когда конец слова с началом того слова, которое следует ему, не согласен: что я хотя и весьма наблюдаю, стараяся разносить как возможно слова, неприятно слуху сражающиеся, да не только в стихах, но и в простой речи, — однако не всегда то сделать можно, а языка ломать не надлежит; лучше суровое произношение, нежели странное слов составление. Суровые слоги суть такого свойства: г л а, х в а, м г л а, ж г л а и пр. тому подобные. Суровые сражения суть такого свойства: Б у к в б е з г л а с н ы х с п р я ж е н и е. Б е з п о х в а л т в е р д о с т ь з л а т а. Е с т ь ж и з н ь м н о г о л е т н а. С о в е с т ь з л а я. П р а х т р е х п р а в о у ч и т е л е й. В е р с т м г н о в е н н о. О т в о р я т в р а т а. В з г л я д п р е м е н и т ь и пр. Напротив того, гласные наши литеры предо всеми известных языков превосходство имеют, и ими смягчаем мы приятнейшим образом суровости некоторых наших слогов. Не только *а* в *я*, и *у* в *ю*, пременяются, но все гласные в выговоре часто пременяются. *О* в *а;* ибо *а* мягче слышится, и суров он только после гласной литеры. *И* пременяется в выговоре в *іи*. *Е* в начале и в конце слова всегда двугласная литера. Вошла было в нашу азбуку странная литера для изъяснения слов чужих; однако сей пришлец выгнан, и ставим мы в тех местах, где она становиться хотела, старинную свою литеру *е*, и чужие слова по свойству нашего произношения изображаем ею напр[имер]: Ева, Европа, Евнух, и пр. А что не говорят Еденбург, Едуард, Ерцгерцог, а по свойству других языков произносят, тому причина та, что мы свой выговор и язык портить намерены, и во всяких обстоятельствах немецкой и французской язык прекрасному своему языку предпочитаем, которого красоты многие и не знают, а не зная красоты природного языка, можно ли красоты познать

чужих языков, ето предаю рассуждению всех людей, кроме самых невеж, которых как велико число, я не ведаю. Следуйте в правописании и во многом прочем, до грамматики и до вашей должности касающемся, больше древним переводам греческих книг, нежели худым с немецкого и французского языков переводам, отменяя враки переводчиков, ежели они вам позволят. Вы знаете, что не только многие переводчики, но и некоторые авторы грамоте еще менше знают, нежели подьячие, которые высокомерятся любимыми своими словами: понеже, точию, якобы, имеет быть, не имеется, и прочими такими. А о подьячих не заключайте, что они искусняе вас, что в два яруса ставят литеры и четыре литеры узорно в слове *лета* перепутывают, ниже из того, что они богатяе вас, вседневно примечая, что безграмотные люди всегда грамотных людей богатяе бывают. А писцами называются они иронически, потому что они писать не умеют, да ето ж и не их должность; их должность обирать.

ПИСЬМО О ЧТЕНИИ РОМАНОВ

Романов столько умножилось, что из них можно составить половину библиотеки целого света. Пользы от них мало, а вреда много. Говорят о них, что они умеряют скуку и сокращают время, то есть век наш, который и без того краток. Чтение романов не может назваться препровождением времени; оно погубление времени. Романы, писанные невежами, читателей научают притворному и безобразному складу и отводят от естественного, который един только важен и приятен. Мы не худым романическим, но при просвещении нашем естественным складом скотские изображения превосходим. Хорошие романы хотя и содержат нечто достойное в себе, однако из романов в пуд весом спирту одного фунта не выйдет, и чтением оного больше употребится времени на бесполезное, нежели на полезное. Я исключаю Телемака, Донкишота и еще самое малое число достойных романов. Теламака причисляли к епическим поемам, что в предисловии его и напечатано, а многие сию книгу, как Илияду и Енеиду, образцем епической поемы поставляют; но что сего смешняе? кроме расположения, Теламак не поема; нет ни епической поемы, ни оды в прозе. А Донкишот сатира на романы. Ежели кто скажет, что романы служат к утешению неученым людям, для того что другие книги им не понятны: ето неправда; ибо и самой высочайшей математики основания понятно написать удобно, хотя то и подлинно, что книг таковых мало видно. Однако много еще книг и без романов осталося, которые вразумительны и самым неученым людям. Довольно того, чем и просвещаяся можно препровождать время, хотя бы мы и по тысяче лет на свете жили.

К НЕСМЫСЛЕННЫМ РИФМОТВОРЦАМ

Я не знаю кратчайшего способа стати стихотворцем, как выучившися грамоте, научиться узнати, что́ стопа, — а ето наука самая легкая, и только трех часов времени требует, — начать писать и отдавати в печать. Сей новый и краткий способ уже несколько восприят; но я, желая успеха словесным наукам, оный всем охотникам марать бумагу и мучить типографщиков и справщика, больше препоручаю и ободряю молодых людей: врите, друзья мои, изо всей силы, а я вам порука, что вы не только самых крайних невеж, но и таковых людей, которых учеными почитают, или паче стихотворцами, найдете в числе ваших похвалителей! не пишите только трагедий; ибо в них невежество автора паче всего открывается, и не уповайте на искусство актеров, чая получити во вздоре вашем помощию оных какой успех; дурная женщина и в робе дурна, а хорошая и в телогрее хороша. Всего более советую вам в великолепных упражняться одах; ибо многие читатели, да и сами некоторые лирические стихотворцы рассуждают тако, что никак невозможно, чтоб была ода и великолепна и ясна; по моему мнению пропади такое великолепие, в котором нет ясности. Многие говорили о архиепископе Феофане, что проповеди его не очень хороши, потому что они просты; что похвальняй естественныя простоты, искусством очищенной, и что глупяе сих людей, которые вне естества хитрости ищут? Но когда таких людей много, — слагайте, несмысленные виршесплетатели, оды; лишь только темняе пишите. А ежели вы хотите последовать искренности моей, так учитеся сперва, и то ежели имеете способность, и пишите, но сделайте то с первыми сочинениями своими, что сделал я с своими, девять лет писав: бросьте все оные

в печь; сие жертвоприношение Аполлону приятняе будет, нежели издание вашего вздора в печати. Язык наш великого исправления требует, а вы его своими изданиями еще больше портите. Был некогда и я сему подвержен согрешению, которому вы себя подвергаете, и слабые стихи выпустил; но я был то сделати несколько принужден, да они же и выпущены как от рабенка, и не от меня, но от кадетского корпуса, напечатаны для показания только моего ученичества, а не стихотворства, да в то же время и стихотворцев у нас еще не было и научиться было не у кого. Я будто сквозь дремучий лес, сокрывающий от очей моих жилище муз, без проводника проходил, и хотя я много должен Расину, но его увидел я уже тогда, как вышел из сего леса и когда уже парнасская гора предъявилася взору моему. Но Расин — француз и в русском языке мне дать наставления не мог. Русским языком и чистотою склада — ни стихов, ни прозы — не должен я никому, кроме себя; да должен я за первые основания в русском языке отцу моему, а он тем должен Зейкену, который выписан был от государя императора Петра Великого в учители к господам Нарышкиным, и который после был учителем государя императора Петра Второго. Не подумайте вы, что я из ревности вас отвращаю от стихотворства: вы знаете, что я к тому ни малейшия не имею причины и что ущерба чести моей быть не может, когда мои сограждане хорошо стихи писать будут. Я люблю наш прекрасный язык, и стал бы радоваться, ежели бы, познав оного красоту, в нем русские люди больше нынешнего упражнялися и успехи получали, и чтобы не язык, но свое нерадение обвиняли; но любя язык русской, могу ли я такие похваляти сочинения, которые его безобразят? Лучше не имети никаких писателей, нежели имети дурных. И сие одно нашему языку делает насилие, когда писатели разносити литер не умеют, о чем может быть им и в мысли не впадало, да и сам я в тончайшее оного рассмотрение вшел недавно. Не знаю, кому, или лучше не хочу сказать, кому, не показалася литера *і* и того же произношения литера *и*; и для того уставил он новое и странное правило очень часто пременяти ее в литеру *е*. А то еще и странняе, что многие правилу сему, ни на естестве языка, ни на

древних книгах, ни на употреблении основанном, следуют, то только в доказательство приемля: Так сказал Пифагор; а Пифагор московского наречия не знает; ибо он родился в деревне такого уезда, где говорят не только крестьяня, но и дворяня очень дурно; а мы, москвитяне, должны ли сему правилу повиноваться, хотя бы оно золотыми литерами напечатано было? Достоин называется достоен, бывший — бывшей и пр. Все, которые в русском языке сильны, в опровержении сего со мною согласны; не отрава ли такие правила нашему языку? Правописание наше подьячие и так уже совсем испортили. А что свойственно до порчи касается языка, немцы насыпали в него слов немецких, петиметеры — французских, предки наши — татарских, педанты — латинских, переводчики священного писания — греческих: опасно, чтобы кирейки не умножили в нем и польских слов. Немцы склад наш по немецкой учредили грамматике. Но что еще больше портит язык наш? худые переводчики; худые писатели; а паче всего худые стихотворцы.

РАССМОТРЕНИЕ ОД Г. ЛОМОНОСОВА

Строфы прекраснейшие:

Оды I. Строфы 22. 25 II. 2. III. 12. IV. 8. 19. 21. V. 5. 12. 17. 18. 19. 24. VI. VII. VIII. IX. 6. X. XI. XII. 5. 6. 13. 17.

Строфы прекрасные:

Оды I. Строфы 9. 11. 17. 23. II. 11. 13. III. 1. 4. 11. IV. 20. V. 6. 9. 11. VI. VII. 12. VIII. IX. 11. X. 2. 3. XI. 1. 2. 4. 17. 20. XII. 9. 10. 14. 22. 23.

Строфы весьма хорошие:

Оды I. Строфы 13. 21. 40. II. 12. III. 5. IV. 10. V. 15. 16. 20. 22. VI. 8. VII. 1. VIII. IX. X. 1. 4. XI. 3. 6. 11. 16. 18. 19. XII. 1. 2 11. 12. 18. 20.

Строфы хорошие:

Оды I. Строфы 1. 2. 3. 4. 6. 7. 19. 20. 38. II. 9. 16. 20. III. 2. 3. 7. 8. 13. IV. 3. 4. 5. 17. 24. V. 1. 4. 8. VI. 6. VII. 15. VIII. IX. 2. 3. 4. 5. 12. 13. 14. X. 7. XI. 5. 9. XII. 7. 16. 25.

Строфы изрядные:

Оды I. Строфы 8. 10. 12. II. 3. 15. 18. 19. III. 6. IV. 1. 2. 9. 22. V. 2. 3. 10. 23. VI. 1. 2. 3. 4. 5. 7. 9. 10. 11. 14. 15. 16. 19. 20. 23. VII. 5. 6. 14. 18. 21. 23. VIII. 6. 7. 18. 19. 20. 21. IX. 7. 8. 9. X. 5. 6. 8. XI. 7. 8. 14. XII. 3. 21. 27.

Строфы, по моему мнению, требующие большого исправления:

Оды I. Строфы 5. 14. 15. 16. 17. 26. 27. 35. 39. 41. 42. 44. II. 4. 5. 6. 7. 10. 14. 17. 21. III. 9. 14. IV. 6. 7. 13. 15. 16. V. 7. 13. 14. VI. VII. 10. 11. 13. 20. 22. VIII. 16. 22. IX. 10. X. 9. XI. 10. 13. 15. XII. 4. 8. 15. 19. 24. 26.

Строфы, о которых я ничего не говорю:

Оды I. Строфы 24. 28. 29. 30. 31. 32. 33. 34. 36. 37. 43. II. 1. 8. III. 10. 15. 16. 17. IV. 11. 12. 14. 18. 23. V. 21. VI. 12. 13. 17. 18. 21. 22. VII. 2. 3. 4. 7. 8. 9. 16. 17. 19. VIII. 1. 2. 3. 4. 5. 8. 9. 10. 11. 12. 13. 14. 15. 17. 23. IX. 1. X. 10. 11. 12. 13. 14. XI. 12. XII. 28.

О СТОПОСЛОЖЕНИИ

Российское стопосложение основано единственно на естественной тонической долготе: а в тоническом ударении по естеству каждого языка стоп пять родов; хотя у греков и римлян была шестая стопа, называемая спондеем и превращаемая в тоническом естественном ударении или в хорей или ямб. Сия то стопа есть помешательство стремящимся к поэзии и лишает их чистого стопосложения, без которого никакая поема поемою названа быть не может, а строки мерносложные, без чистого стопосложения и без хороших рифм, не будут ни стихи, ни проза: что ж? етого я не знаю.

Г. Ломоносов знал недостатки сладкоречия: то есть убожество рифм, затруднение от неразноски литер, выговора, нечистоту стопосложения, темноту склада, рушение грамматики и правописания и все то, что нежному упорно слуху и неповрежденному противно вкусу; но, убегая сей великой трудности, не находя ко стопосложению и довольно имея к одной только лирической поэзии способности, — а при том опирался на безразборные похвалы, вместо исправления стопосложения, его более и более портил; и став порчи сея образцом, не хуля того и во других, чем он сам был наполнен, открыл легкой путь ко стихотворению; но путь сей на Парнасскую гору не возводит. У г. Ломоносова во строфах его много еще достойного осталось, хотя что, или лучше сказать, хотя и все, недостаточно; а у преемников его иногда и запаха стихотворного не видно. Что г. Ломоносов был неисправный и непроворный стопослагатель, это я не пустыми словами, но неопровергаемыми доводами покажу; и все мою истину увидят ясно: что ему мною и самому часто говорено было. Жаль того, что в кое время мы с ним были приятели и еже-

дневные собеседники и друг от друга здравые принимали советы, я сам тогда тонкости стопосложения не знал; но после долговременною приобрел себе истинное о нем понятие практикою. А что г. Ломоносов местоимения положил, яко помогательные частицы именам и речениям, и включил наречия во предлоги, сие сколько грамматику портит, толико и стопосложение.

Г. Ломоносов, читая стихи свои, слышал то, что его ямбы иногда дактилями обезображаемы были, как и грубостию слияния негласных литер; но или не мог или не хотел дати себе труда для нежности слога. А притом знал он и то, что такое малотрудное сложение многими незнающими по причине грубости оного высокостию почитается, и что многие легкотекущий склад мой нежным называли; но нежность оную почитали мягкосердою слабостию, придавая ему качество некоей громкости, а мне нежности: будто стихотворцу возможно быти без важности: а особливо при сочинении трагедии. И сам нежнейший К и н о л ь т важен, когда того обстоятельство требовало; хотя оперы французские, как и мои оперы, не на важности основаны, и не то свойство их.

А спондеи обезображивали и самые лучшие г. Ломоносова строфы, к великому мне о нем сожалению; ибо он только и г. Поповской нашему Парнассу истинную честь от начала России, что до стихов надлежит, и приносили. И если бы г. Ломоносов не расстроивался со мною, не в таком бы состоянии видели мы российское красноречие, увядающее день от дня и грозящее увянути надолго; я ему еще подпора, некоторые духовные и такие люди, каков г. Козицкой, г. Матонис и им равнознающие, ежели есть такие.

Г. Тредьяковской, колико много он от меня ни наслышался о спондеях, никак не мог поняти, что спондей у нас иногда хорей, иногда ямб, и полагал он по непонятию своему, что претворение спондеев в хореи и ямбы зависает от единого благоволения писателя; но сие благоволение будет ли читателю законом? а паче будет ли такое стопосложение слышно читателю, как мыслил автор? читатель не нас, но наши сочинения разбирает, и вкушает не то, что в моем было предприятии, но что на бумагу положено. Автор узаконяет, но и сам узаконению разумного читателя подвержен.

Стоп тонических, исключая спондей, не надлежащий нашему стопосложению, имеем мы и все народы по устроению естества пять: а больше их и быть не может: подобно, как имеем мы пять чувств, и больше пяти никакое животное иметь не может. Но колико ни противно разуму, г. Тредьяковской изобрел еще стопы, что рассуждающему о стопосложении человеку толико же странно, ежели бы какой физик новые изобрел чувства. Все преисполненное животными пространство шестого чувства не покажет. Есть безумцы, утверждающие, что могут быти и еще чувства, о каких мы понятия иметь не можем; но такие сумасброды равномерны по премудрости своей с отрицающими божество, которое везде ясно изображается.

Стопы не на благоволении нашем основаны, но на самом естестве, и суть основание музыки и толкований целого чувства: вот причина, почему стопосложение почтенно, и что без чистого стопосложнения стихи скаредную представляют нам прозу.

Сии пять стоп суть: хорей, ямб, дактиль, амфиврахий, анапест.

Х о р е й состоит из долгого и короткого слога: наприм. *пóле*, *мóре*, *крáсный*, *слáбый*, *вúжу*, *слышу* и проч.

Я м б состоит из короткого и долгого слога: наприм[ер]: *поля́*, *моря́*, *краснó*, *слабéть* и проч.

Д а к т и л ь состоит из долгого и двух коротких слогов: наприм[ер]: *úстина*, *счáстие*, *слáвлюся*, *рáдуюсь* и проч.

А м ф и в р а х и й состоит из короткого, долгого и короткого: наприм[ер]: *побéда*, *истóчник*, *велúкий*, *влюбúлась*, *изрядно*, *четы́ре* и проч.

А н а п е с т состоит из двух коротких и долгого слогов: наприм[ер]: *человéк*, *госпожá*, *накормúть*, *полюбúть*, *целому́др*, *круглолúц* и проч.

Спондей, претворяемый не по произволению стопослагателя, но по правилу, о котором правиле, изобретенном мною, о чем и германские стопослагатели, имущие те же наблюдения во стопосложении, какие и мы имеем, не только никогда не писали, но и самые лучшие их пииты и чистейшие стопослагатели часто грешат, и которые меня

за сие изобретение благодарить будут: спондей, говорю я, часто необходим и нашему и германскому стопосложению, как и пиррихий, имущий два слога, не составляющий стопы, кроме необходимости, где он, так же как и спондей, или в хорей или в ямб превращается.

Прежде скажу я о превращении пиррихия. Писателю нет нужды узнавати, когда он хорей и когда ямб; между хореических стоп он сам собою хореем будет, а между ямбическими ямбом; но знали бы писатели, что чистые хореи и чистые ямбы превосходняе пиррихий, и еще превосходняе во пресечении стиха. Длина слов наших извиняет писателя во употреблении пиррихиев; ибо без сея вольности и стихов сочинять не можно; хотя попедантствовати для диковинки и можно; но такие ненадобные тонкости презираются и отводят автора от доброго вкуса, ищущего славы тамо, где ее не бывало, и проливающего пот ради посмеяния себе. Примеры пиррихиев весьма многочисленны; а чем их менше, тем чище стихи, а особливо во пресечении; да красота стихотворческого изображения их иногда сама требует; так лучше прекрасный стих пиррихием пересечь, нежели ослабить разум и чувствие. Пример употребления пиррихиев:

Несча́ст*ливый* Завло́х отве́*тствует* тебе:
Когда́ уго́дно то Осне́льде и судьбе.

Почти неприметно, что пиррихий тут есть: а которые стопы состоят из них, те означены косыми литерами. Во втором стихе пиррихиев нет.

Вейте тих*ие зе*фиры;
*Возвра*щае*тся вс*сна:

Ни в ямбических моих сочинениях, ни в хореических пиррихии ни малейшего безобразия слогу не приносят, но еще и красоту.

О превращении спондеев будет объявлено после, и тамо, где то приличнее и следовательно изобразительнее будет, по понятии истолкования предыдущих околичностей.

Ежели я не опорочу грамматики г. Ломоносова, так и о нечистоте нашего стопосложения и ничего истолковать

не могу; ибо главные пороки оного от того и произошли, чего г. Ломоносов сам не знал, не будучи ни грамматистом, ни знающим чистоту московского призношения, и от того наше стопосложение и стало толь безобразно. Местоимения включил он во частицы речений, а некоторые наречия во предлоги; так если то не отвергнется, не можно стопосложения и вычистить; ибо вся нечистота стопосложения — от худого употребления спондеев, — местоимений, союзов и предлогов — и происходит; а ето я докажу очень ясно, и всяк уверен будет о открытой мною истине.

К вам я прибегаю для решения моего предложения, Василий Евдокимович Ададуров, Григорий Николаевич Теплов, Григорий Васильевич Козицкой, Николай Николаевич Мотонис, Григорий Андреевич Полетика, и ссылаюся на всех грамматистов и авторов во всей Европе: я, ты, он — частицы ли? Да и самое название местоимения важность его союзов и предлогов показывает. В какой грамматике и на каком языке видели вы: что, прежде, около, мимо, близко, после, внутри, кроме, сквозь, и прочие такие наречия суть предлоги? Когда у нас писывалося знающими язык блиско вместо близко, и прочее пременение литер без малейшего основания? Когда мы писывали лучшей вместо лучший: или лета́. вместо ле́та, и должно ли на колмогорском наречии состовляти правила грамматические? А из сего выходит то, что г. Ломоносов благородного не знал московского наречия, а еще меньше имел он понятия о грамматике, которой ныне все незнающие люди слепо повинуются, то только доводом имея: так де грамматика гласит; не язва ли это и не поветрие ли нашему прекрасному языку?

Г. Тредияковской, г. Ломоносов и многие другие, отходя от древнего употребления, довольно и склад наш и правописание портили и ныне ежедневно портят, не меньше, как безграмотные приказные писцы: сии от незнания, те от умствования, не имея о складах языков разумного понятия; от чего произошло новое и самое смешное умствование о предлогах в о з, в о с: и прочих того же естества. Искати корня во предлогах есть искати корня не в дубе и не в березе, но в табакерке и перстне;

ибо предлоги не слова и не речения; следовательно и корня имети не могут. Имена суть только слова и местоимения, так же и свойственные прилагательным именам наречия; глаголы суть речения; а союзы и предлоги суть частицы слова, не имущие сами по себе никакого знаменования; следовательно и корня имети не могут; но изображаются в нашем прекрасном языке по следующим во сопряжении с речением литер: какой способности ради глаз другие языки лишены, хотя само естество о всех языках литеру *с* и литеру *з* во произношении разделяет. *с* у нас во предлогах пред сухими литерами ставится, а *з* пред мягкими; наприм[ер]: в о з б у д и т ь, в о з г о р д и т ь с я, в о з д а т ь, в о з м е р и т ь с я, в о з н е г о д о в а т ь, в о з р а з и т ь и проч., а пред сухими, в о с п е т ь, в о с к л и к н у т ь, в о с т р е в о ж и т ь, в о с х и т и т ь и проч.; а ежели следует за сим предлогом *з* или *с*; так первая следования литера и совсем выпускается наприм. в о з р е т ь, в о с п е т ь, в о с т а т ь, и проч., хотя при сем и некоторые изъятия сыщутся, наприм[ер]: в о з з и я т ь, в о з с и я т ь, — и то только после *з*; а г. Ломоносов писывал р а с с у ж д е н и е вместо р а з с у ж д е н и е: и почти все пишут: р а з з о р и т ь, а не р а з о р и т ь; з о р и т ь не знаменует ничего, а р а з о р я т и происходит от р а з о р а т и; тако разорялися здания городов; ибо они разоралися; дабы и остатков не оставалося. Все сие нашему стопосложению грубости приносит, колико безобразия правописанию.

Частица п р и, в чем и г. Ломоносов со мною усердно согласиться намерялся, не должна никогда литеры *и* в литеру *і* переменяти, не взирая на древнее употребление, ибо истина и естество еще и древнего употребления сильняе: и надобно писати п р и я т е л ь, а не *і* употребляя вместо *и* и писати п р і я т е л ь. Сие стопосложению не препятствует, но странно нежному и стремящемуся к истине взору.

Мы пишем в е щ ь, а не в ѣ щ ь: но согрешил ли бы писатель, если бы он по корню сего слова в ѣ щ ь писал? ибо сие производное слово точно от слова в ѣ с т ь родилося; но мы в сем старине можем упустить, и не отходя без большей нужды от нее, оставить в ѣ щ ь в е щ ь ю, как и

щ а с т и е писати вместо с ч а с т и е; ибо с ч а с т и е есть сокращенно с о ч а с т и е. Оставим и сию порчу порчею восприятою и утвержденною. Но что родится и произведет нашим потомкам от бесчисленных нынешних наших невежественных умствований? Всеконечное нашему прекрасному языку разрушение; ежели паче чаяния сие гордое невежество многими летами продлится и великими авторами и искусными грамматистами не исторгнется. А к пущему нашего языка падению,. . . . . Собрание. Сие намерение произошло от усердия; но сие усердие языку в пагубу превратится, ибо сие общество состоит частию из ученых, но не из ученых во словесности, а частию из неученых; так ни медик ни господич пользы языку принести не может; хотя бы медик тысячи людей освободил от чахотки, юрист от разорения невинного ответчика, физик постиг бы первоначальные частицы вещества, математик описал бы отстояние дальнейших неподвижных нашему зрению звезд; но ко словесности потребен Овидий, Виргилий, Гораций, а не Локк, Невтон и Бургавен; частию же сие общество из дворян состоит, мало сведущих о словесных науках: а в екипажах их Парнассу нет нужды; ибо на сию гору в карете никто не возъезжал, а Пегас и в одноколку никогда еще впрягаем не бывал. Опасно сие собрание словесности российской нашего века, а особливо ради того, что худо видящие писцы, опираяся на целое общество, и совсем ослепятся и в неисходимую упадут бездну. И можно ли почти не имея еще авторов и не авторам сочиняти уже к ужасной погибели языка лексикон. Вы, нареченные мною почтенные особы, разберите мое предложение. Скажите истину; ибо при таких обстоятельствах политика невместна. Язык наш сохраняем быти должен; ибо язык народа не безделка: впрочем, ежели сие мое предложение маловажно, так я впредь о сем может и упоминать не буду.

Кто слыхал когда на каком другом языке или читал и на нашем древнем такими степеньми возвышаемые и унижаемые речения: п е р в е й ш и й, г л а в н е й ш и й, п о с л е д н е й ш и й? Коли ето правильно, так можно сказати будет: в т о р е й ш и й, т р е т е й ш и й, ч е т в е р т е й ш и й, т р е х п у д н е й ш и й, т р е х а р ш и н-

нейший и проч. Не ввелася ли уже сия мерзость? Предмудрость не толь часто изобретает, как невежество.

По большей части наши нынешние сочинения, как прозаические, так и стихотворные или паче рифмотворные, и переводы не обогащают нас, но портят язык, когда всяк автором и переводчиком быти дерзает. В котором веке и в котором народе ето бывало?

Говорят иные: Когда де не станут писать худо, так и хорошо писать не научатся; но ученические задачи должны ли были печатаны? Говорят: со временем сей и сей писатель лучше будут; но пусть они тогда и выдают сочинения свои и переводы. Славы они хотят; но от кого? от невеж: да их де много; однако есть и просвещенные люди, а будет их еще и больше. Однако они думают тако, что сия неосновательная слава состроит им счастие. Слава их падет, но счастие не разрушится. Пример тому князь К***, основавший счастие свое самыми негодными стихами и похвалами российского Цицерона, не знающего ни прямыя чистоты российского склада, ни стихотворства. Сей К***, как говорят, был и исправный министр и ученый человек; но здесь дело о том только, что его счастие основали никем не читаемые стихи, славою автора не только Москву и Россию, но и всю Европу наполнившие.

Современники его были Буслаев, Кондратович и Тредьяковской, им самим почитаемый. О какая была тогда на Парнассе бедность; но что я и ныне за богатство на российском вижу Парнассе, а особливо по стихотворству! Ломоносова и Поповского нет: а другие стихотворения мне неизвестны.

Приступим поближе ко стопосложению и рассмотрим стопы, показав и чистые оных образцы.

Хорей есть нежная стопа сама собою, и лучше всего к самым нежным и сочинениям принадлежит; но не имуща той живности, какую имеет ямб, должна она, по моему размышлению, к таким и сочинениям больше употребляться, какова она сама: наприм[ер]:

Горько плакала Филлида,
Очи простирая в Понт,
Из ея в котором вида
Вечно скрылся Демофонт.

Те брега, где с ней простился,
Где любим он ею был,
Сей неверный позабыл
И назад не возвратился.

Ямб есть гордая, живая и великолепная стопа; но я не знаю, дельно ли мы ее только почти одну в одах употребляем; хотя у меня есть и хореические оды; ибо ямб разговору посвящен, и больше епической поеме, трагедии, комедии и сатире принадлежит, нежели оде. Пример живости и великолепия сея стопы:

И се уже рукой багряной
Врата отверзла в мир заря,
От ризы сыплет свет румяной
В поля, в леса, во град, в моря,
Велит ночным лучам склониться
Пред светлым днем, и в тверди скрыться,
И тем почтить его приход.
Он блеск и радость изливает,
И в красны лики созывает
Спасенный днесь российский род.

или:

Плутон и Фурия мятутся,
Подземны пропасти ревут:
Врат ада вереи трясутся,
Врата колеблемы падут:
Цербер гортаньми всеми лает,
Геена изо врат пылает,
Раздвинул челюсти Плутон,
Вострепетал и пал со трона:
Слетела со главы корона,
Смутился Стикс и Ахерон.

Дактиль есть та стопа, которая у греков и у римлян была больше всех в употреблении; но они ее всегда мешали со спондеями и с хореями, ради различности изображения, и сею смесью различные и чувствия изображали. Ибо сия стопа сама собою несколько унывна, и от сея смеси была она иногда живяе, иногда нежняе, иногда великолепняе, важняе и проч., но у них она не тоническою долготою произносилася, как у нас, но по сопряжению литер, и по правилу некоторыя способности и узаконения. Пример дактилического стопосложения:

Полное сердце отравы,
Мучь возмущая мой дух.
Прежние жизни забавы
Скроются скоро все вдруг.

Как возложенное бремя,
Можно тебя мне снести!
Кончилось радостей время;
Вечно драгая прости!

Или:

Старый обычай и давняя мода,
Были б ворота всегда на крепи,
В доме всегда у приказного рода
Пес на часах у ворот на цепи.

Дворник забывшись не запер колитки;
Следственно можно втереться во двор.
В вымыслах мудрые остры и прытки:
Входит мудрец тут, а именно вор.

Амфивра́хий — стопа, изображающая сама собою живность и нежность. Пример сего стопосложения:

Терзай мя рок злобный;
Рви сердце ты в части;
Во все ты напасти,
Меня уж вовлек.

*

О грозное время!..
Ах! Нет моей мочи...
Дражайшие очи,
Простите на век!

Или:

Покойник в стакане на дне и, мой свет,
Умершего мужа там вижу портрет.
По етой причине
Возможно ли ныне,
Когда я несчастна осталась одна,
Любезным сосудом мне пить не до дна?

Анапест — гордая и живая стопа, могущая употребляема быти в одах, ежели бы наши строфы не присвоили себе от г. Ломоносова по примеру немецких од ямба, чему и я во время моей молодости участником стал, последуя тем же немцам. Но ямб не изверженся уже из наших од, хотя совершенное оного извержение и не надобно. Г. Ломо-

сов и хорея никогда не употреблял; но я, подражая и естеству и французам, хореические оды сочинял; хотя французское лирическое стопосложение и не имеет точной гармонии, но только хореическими тонами отзывается. Анапестические стихи сочетания почти не терпят, и красивы только одними рифмами мужескими. Здесь положу я ко примеру анапеста, как он со другими стихами сопрягается: и беру нарочно такие стихи, где каждый стих особливого стопосложения, и как бы взирая на сей образец, все стопы порознь употребить было можно:

Х. Вниди в нежно сердце Прокрисы прекрасной,
Я. И нежность ты ее на гордость премени:
Ам. Возволнуй ее сердце, как море волнует:
Ан. Ты востань на того, кто ей мил паче всех:
Д. Дай ей склонитсья к тому, кто противен!

Пример анапестов.

Нес мужик пуда три
На продажу свинцу в небольшой котоме:
Изгибается он; да нельзя и не так;
Вить не грош на вино он несет на кабак.
Мир ругается, видя, что гнется мужик;
Свинценосца не кажется труд им велик.
Им мужик отвечал:
Труд мой кажется мал;
Только бог это весть,
Что в котомишке есть:
Да известно тому,
Кто несет котому.

Хорей, и дактиль по нем, суть нежные стопы; ямб и анапест живностные, амфивра́хий — нежности и живности смесь. И все российскому языку и свойственны и полезны. Но где нет правильного стопосложения, тамо нет и стихов; сколько же стихов останется стихотворцев, сочиняющих стихи по привычке и не знающих о правилах стопосложения!

Спондей должен бы был состояти из двух долгих слогов, как пиррихий из двух коротких; но пиррихий сам собою стоять не может и превращается, как уже сказано; так без превращения и спондей тоническою долготою стоять не может.

Сказано и то, что спондей невежественных авторов во за-

блуждение приводит. Поправить это и объяснить легко; но должно принятся за грамматику г. Ломоносова: грамматические наставления учащегося стопосложению еще больше затмят; а кроме сей дурной и портящей весь язык грамматики нет; и должно прибегнуть по крайней мере к чужих языков общей грамматике; а кто чужих языков не знает, тому стихи сочинять никак не возможно.

Пиша о стопосложении, не надлежало бы мне поминать о частях языка; но по несчастью наши рифмотворцы, или паче желающие быти рифмотворцами, грамматических оснований не знают; так конечно мне за самые мелочи, вступая в истолкование стопосложения, ухватиться надобно, ибо без того все мои ясности на турецком языке писанными покажутся. Кто не удивится, что есть авторы во стихотворении, не знающие грамматических правил? Есть; но таковы и стихи их.

Язык наш, не требуя артикелев, имеет восемь частей слова. Сии части суть: и м я, м е с т о и м е н и е, г л а г о л, п р и ч а с т и е, н а р е ч и е, п р е д л о г, с о ю з, м е ж д о м е т и е. Я называю сии части так, как их наши предки назвали и под коими званиями они известны; ибо в перемене названия их нет и нужды.

И м я делится на существительное и прилагательное; а существительное — на собственное и нарицательное. Имена существительные: с т р а н а, г о р о д, и с т и н а, л ю б о в ь: сии суть нарицательные; собственные: П а в е л, К а т е р и н а, М о с к в а, Р о с с и я.

Имя прилагательное: в е л и к и й, п р е м у д р ы й, к р а с н ы й, с в е ж и й и проч.

Местоимения суть: я, т ы, о н, о н а, м ы, в ы, о н и, м о й, т в о й, к о т о р ы й, к т о, ч т о и проч.

Глаголы суть: л ю б л ю, в и ж у, с л ы ш у, в к у ш а ю, о б о н я ю, о с я з а ю и проч.

Причастия суть: л ю б я щ и й, л ю б и в ш и й, в к у с и в ш и й и проч.

Наречия суть: л ю б е з н о, с л ы ш н о, х о р о ш о и проч; но как скоро скажется л ю б е з н ы й, л ю б е з н а я, л ю б е з н о е, тогда оно станет прилагательным именем. Другие наречия суть: т а м, к у д а, к о г д а, в ч е р а и проч.

Предлоги сут: в о, к о, н а, п р и, в о с, в о з и проч.

Союзы суть: и, ж е, и б о, и проч.

Междометия суть: о! а х! у в ы! и проч.

Ежели спондей состоит из двух существительных, так который слог к выражению автора важняе, тот и длинняе, то есть тот силу у другого слога и возьмет. Прим(ер):

Огнь, ад,
Меня страшат.

Ад больше устрашати должен, нежели о г н ь; следовательно а д долгим слогом положен, а о г н ь коротким.

Переставь сии два слова, так слабость и выйдет.

Ад, огнь меня страшат.

А когда я в хореические сей стих превращу стопы или и ямбические разнесу слова а д и о г о н ь, тогда каждый долгий слог силу свою удержит: наприм(ер):

Ад и огнь меня страшат.

Или:

И ад и огнь меня страшат.

Местоимения включил г. Ломоносов во частицы; но и едино стопосложение его сию непростительную прошибку обличает; ибо местоимения иногда и у самых существительных имен во стопосложении силу отнимают: прим(ер):

Бог мой велик: твои презренны боги.

Частица ли ето, когда она силу, и у главного во всем языке существительного имени, силу отъемлет?

А если я так скажу:

Бог мой вечен; век мой краток

В который слог биет разум, тот и доле из двух долгих.

При прилагательных то же примечается: прим:

Бог мудр, а я безумен.
Мудр бог, а не я.

В первом стихе слог, изображающий имя божие короче, а во втором доле.

О глаголах то же:

Скот ест траву.
Скот ест траву, а не я.
Он ест траву,
Он ест траву, а не я.

В первом стихе долгой слог е с т, а в другом долгой слог с к о т. Местоимения также: в первом долгой слог е с т, а в другом о н.

Причастия и наречия сему же правилу надлежат; ибо сие общее правило есть и словам и речениям.

Существительными именами изображаются вещи или знаменования чего-нибудь под образом вещи. С о л н ц е, м е с я ц, и с т и н а, л ю б о в ь, к р а с о т а, з д р а в и е и проч.; сии изображения суть важнейшие; так и во стопосложении они сию важность удерживают: и что сказано о моносиллабах, то же и не в односложных примечается.

Местоимения второе важности имеют место и отнимают, как объявлено, часто силу и у существительных.

Глаголы суть описания наших действий и третье место имеют, отъемля часто силу и у существительных и у местоимении.

Прилагательные и причастия так же.

А г. Ломоносов, отняв силу у местоимений, нередко тем стопосложение свое обезображивал.

Наречия суть не слова, но речения; но и они иногда у имен, местоимений, прилагательных, причастий и глаголов силу отъемлют.

Вот от чего грешил г. Ломоносов иногда во стопосложени, да и очень часто, а г. Тредьяковской всегда; ибо он себе никак сего правила, сколько я ему ни толковал, вообразить не мог. Кто привыкнет ко правильному стопосложению, так он почти никакого затруднения не причиняет; но ко привычке сей потребно много практики, а еще и больше расторопности.

Предлоги и союзы суть частицы, а не слова и не речения, и корня не имеют. Они никогда при словах и речениях односложных силы не имеют; так желал бы я, чтобы ко просвещению своему, незнающие прямого стопосложения, хотя бы уже предлогов и союзов долгими слогами не делали;

а незнание сего паче всего строчки их, называемые стихами, противными делает слуху.

Не долго буду я искати примеров и от слов и речений происходящего безобразия; а происходящих от предлогов и союзов гадостей еще больше.

Междометия *о! ах!* по обстоятельству изъяснения могут быть и долгими и краткими. Они знаки восклицания, как и неединосложные; а им еще соучастны звательные падежи: б о ж е! г о с п о д и! и другие. А при предлогах и союзах и они всегда долги.

Первые примеры дурного стопосложения возьму я из г. Тредьяковского.

На что долго искать, возьмем первую его басенку, из сочиненных им для опытка, говоря его словом:

«Петух взбег на навоз, а рыть тот вскоре»,

⏑ — Пе тух	— ⏑ взбег на	⏑ — на воз

Вторая стопа вместо желаемого ямба есть хорей. *Хвзбе* — тут изобильное слияние негласных литер, и нежному слуху несносно.

В з б е г есть глагол, а н а предлог, от чего не та стопа и вылилась.

А рыть	на чав	тот ескоре

Союз *а* никак тут не вместен: потребен союз *и*; ибо сопротивления здесь нет. Если бы так было: П е т у х в з б е г н а н а в о з, а р ы т ь е г о н е м о г; тогда бы брело, колико стих ни скареден.

Что до склада сего автора касается, так ето и критики не достойно; ибо всех читателей слуху он противен толико, что подобного писателя никогда ни в каком народе от начала мира не бывало: а он еще был и профессор красноречия! Все его и стихотворные сочинения, и прозаические, и переводы таковы; так оставим его; ибо нет моего терпения смотрети в его сочинения.

Посмотрим на г. Ломоносова, человека имущего достоинство.

Четвертой стих первой его оды:

Что всех умы к себе влечет?

Ч т о есть и местоимение, ч т о есть и союз: здесь ему потребно местоимение, а по стопосложению вылился союз, и стих плох стал.

Ш у м и и в е д и не знаю почему рифма: ч у д и т с я и в м е с т и т ь с я не знаю ж почему. В с е я з е м л и д и в а; д и в а — в оду не годится. Прочие рифмы: в з и р а е т, у т е ш а е т; к и ч л и в ы, п р а в д и в ы й, чем полны его оды; все стихотворения, не знаю по какому рассудку сочинениями великого стихотворца почитаются! Такими неисправностями и стопосложения и грамматики заставит он сожалети потомков наших о своей нечистоте и о изобильных ему или по пристрастию, или по незнанию, или по покровительству похвалах. Нет ни гармонии ни хороших рифм; но сквозь сию темноту я еще в нем способность вижу в рассуждении лирического стихотворения. Ах, если бы его со мною не смучали, и следовал бы он моим советам. Не был бы он и тогда столько расторопен, сколько от самого искусного стопослагателя требуется, но был бы гораздо исправняе: а способности пиитичествовать, хотя и в одной только оде, имел он весьма много. А ныне, и в то самое время, когда он меня восхищает, от себя и отвращает; хотя и есть при всех недостатках у него прекрасные строфы. Р а з м ы ш л е н и я о в е л и ч е с т в е б о ж и е м при всех недостатках хороши. А из светских его строф я охотникам следущие препоручаю.

Из I Оды: 9. 11. 16. 18. 22. 23. 25.
Из II Оды: 2. 7. 10. 11.
Из III Оды: 1. 4. 11. 12.
Из IV Оды: 8. 9. 20. 21.
Из V Оды: 5. 9. 11. 12. 17. 18. 19. 24.
Из VI Оды: 14.
Из VII Оды: 10. 11. 12. 13.
Из. VIII Оды: нет ни единыя отличныя строфы.
Из IX Оды: 6. 11.
Из X Оды: 1. 2. 3.
Из XI Оды: 1. 2. 3. 4. 17. 19. 20.
Из XII Оды: 5. 6. 9. 11. 12. 13. 14. 17. 22.

Но все сии прекрасные строфы или некоторой или многой поправки требуют.

Прейдем оды его, наполненные духом стихотворческим, красотою — и отвратительными пороками и грамматики и стопосложения и худшего с лучшим сопряженного вкуса. Воспомянем его с воздыханием, подобно как творца Телемахиды со смехом, и утвердим тако: что г. Ломоносов толико отстоит от Тредьяковского, как небо от ада.

Возьмем его письмо к г. Шувалову, для сыскания погрешностей во стопосложении, из почтения од его, которые так же сими пороками полны.

На верх их возвращаюсь.

Надобны ямбы и амфиврахий: а здесь ямб, дактиль и хорей.

На верх | их воз вра | ща юсь

Сте кло | им ро жде | но

Он про из | весть хо | тя

Вместо трех ямбов — дактиль, хорей и один слог долгой.

И тя го | ту зе | мли

Союзы хотя и кратки, но не при пиррихиях; и тут дактиль и хорей, а не ямб. И было бы хорошо, когда бы вместо т я г о т у положено т я г о с т и, да и слово лучше.

З е в с а претворил г. Ломоносов во З е в е с а. Да и я с его примера так же прежде путал.

Р а з ж е н н а у него р а з ж ж е н н а.

И жар | свой по га | си ли-

Один только ямб.

Следующие стихи чисты, но гнусны;

Тем стало житие на свете нам счастли́во:

Вместо с ч а́ с т л и в о.

Из чистого стекла мы пьем вино и пиво.

Не одно чисто стекло; ибо и серебро чисто; а стекло прозрачно, — то его главное достоинство; однако ето малость.

И чиста совесть рвет притворств гнилых завесу.

Здесь нет, хотя стопы и исправны, ни складу, ни ладу. С т ь р в е т, Т п р и, Р с т в г н и.

Сыщется ли кто, кто бы сей гнусный стих и по содержанию и по составу похвалить мог? Пускай кто поищет между моими стихами такого стиха.

Что нам в тебе вино и мед сам слаще стал.

Каков кажется сей о вине и меде стих, хотя стопы и правильны?

Н е р е д к о в п а д а е т: отрицательное здесь должно быть, по примеру: он не любит не смысленных; он не смысленных, но несмысленных любит.

В п а д а е т слышится по стопосложению в п а д а е́ т. А полустишие сие странно. Пускай хотя так:

Не ред ко | Впа да ет |;

д а — дактиль, а по скансии дактиль и анапест, — какой смеси хуже быть не может.

Ж и з н ь с в о ю я никогда не пишу; ибо етого выговорить не можно.

Н е р е д к о: опять без расставки; так видно, что это конечно не опечатка, а употреблено вместо: ч а с т о. Ч т о употребляется невежами вместо к о т о р о г о, а г. Ломоносов ето всегда употреблял; так ему такое употребление отпустительно ли?

Кто почтенному автору предписал в женском роде во множественном числе в именительном падеже употреблять о н е, вместо о н и? Подобно как употребляют писатели к о т о р ы я вместо к о т о р ы и, и что я единым окончанием во всех родах заключаю: ибо должно писать или к о т о р ы и или к о т о р ы я. А к о т о р ы е дают подьячие не одному мужескому роду; они о различии родов и не знают. Но

чтобы кому не подумалося, что я не положа ни предыдущего ни последующего сей статье, так я указываю, где все это приискать: Ода XII. строфа 15. Никто етого не постигнет: а я не чаю, чтобы ето и сам г. Ломоносов постигал. Вот стихи без рифмы и разума: а еще без чувствия и мысли.

Посмотрим хотя на некоторые еще погрешности противу грамматики и противу стопосложения. Много их, но разве мне великую о том написати книгу, оставя полезнейшие сего труды.

Ода II. стр. 4. ст. 8: п о́ й д е т, надобно п о й д е́ т. стр. 6 ст. 9: в с п р я н у́ л и надобно в с п р я́ н у л и. стр. 7. ст 1: У ж е н а р о д н а ш о с к о р б л е н н ы й.

У же | на род | наш о скор блен ный

Совсем нечистый стих.

В п е ч а л ь н е й ш е й н о щи: что ето за печальнейшая ночь? иное бы дело было: в т е м н е й ш е й.

О с к о р б л е н н ы й и в с е л е н н ы — гадкая рифма.

Стр. 8. Вся сия строфа ясная галиматия.

Да и сам г. Ломоносов смеялся тем, которые хвалят такие его изображения; а особливо о сей точно строфе говаривал он со презрением, хотя ее тогда почти все до неба возносили.

Стр. 12. ст. 8: в п р о́ т и в: надобно п р о т и́ в.

Стр. 14. ст. 6: п р е д о л и м: о какая вольность на место п р е о д о л е е м поставити новомышленное и ничего не знаменующее слово!

Стр. 15. ст. 3. С ч а с т л и́ в а вместо с ч а́ с т л и в а: худо.

Стр. 16, ст. 1. ч т о в ы и проч. — какое это или незнание или нерадение! За местоимение союз.

Стр. 16, ст. 7. та же погрешность.

Стр. 21, ст. 21. К а к т а к в е л и к и я р е к и: здесь нет состава грамматического; в пятом стихе местоимение к о т о р ы й требуется необходимо.

Довольно и одной оды ко критике: а сия его ода есть из самых его лучших.

Вся слава стихотворения г. Ломоносова в одних его одах состоит; а прочие его стихотворные сочинения и посредственного в нем пиита не показывают.

Подражайте, авторы, красоте сего почтенного мужа во красоте его лиричества, и презирая прочие пиитические его сочинения, не повинуйтеся его грамматике, ища оныя во естестве языка, и помните, что стихи без чистого стопосложения есть труд легкий и самая скаредная проза.

ПРИМЕЧАНИЯ

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Александр Петрович Сумароков родился в 1718 году. Он происходил из старинного дворянского рода; отец его был генерал; в 1732 году Сумароков поступил в новооткрытый шляхетный кадетский корпус. Будучи кадетом, он напечатал две оды императрице Анне Ивановне на новый, 1740, год. Окончив корпус в том же 1740 году, Сумароков служил адъютантом при Головкине, а потом при фаворите императрицы Елизаветы — А. Г. Разумовском. В 1747 — 1748 годах появились две его трагедии («Хорев» и «Гамлет») и две «епистолы» — о русском языке и стихотворстве. С 1749 года трагедии Сумарокова стали ставиться на сцене силами кадетов и офицеров кадетского корпуса. Затем из Ярославля была вывезена сорганизовавшаяся там труппа любителей (из купцов и других разночинцев), Волкова, Дмитревского и др. и, наконец, в 1756 году официально был основан театр, директором которого был назначен Сумароков. В 1755—1758 годах он активно сотрудничал в академических «Ежемесячных Сочинениях». В 1759 году он издавал свой журнал «Трудолюбивая Пчела». В 1761 году Сумароков был отставлен от театра с сохранением жалованья. С этого времени и до самой смерти он занимался только литературой; жил он до конца 60-х годов по большей части в Петербурге, а с 1769 года в Москве. Здесь в 1770 году произошло крупное столкновение его с московским главнокомандующим Салтыковым вследствие постановки по желанию последнего трагедии Сумарокова «Синав и Трувор» против воли автора. Последние годы своей жизни Сумароков находился в тяжелом материальном положении. Он умер в 1777 году.

Кроме множества произведений, напечатанных в журналах и отдельными листками и брошюрами, Сумароков издал следующие сборники стихов: «Притчи» (кн. I, II, III), 1762—1769, «Разные стихотворения» — 1769, «Стихотворения духовные» — 1774. «Некоторые духовные сочинения» — 1774, «Дополнения к духовным стихотворениям» — 1774, «Сатиры» — 1774, «Еклоги» — 1774, «Торжественные оды» — 1774, «Елегии любовные» — 1774.

После смерти Сумарокова было издано собрание его сочинений:

«Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе, покойного действительного статского советника, ордена св. Анны кавалера и Лейпцигского ученого Собрания Члена Александра Петровича Сумарокова. Собраны и изданы в удовольствие любителей Россий-

ской учености Николаем Новиковым, Членом Вольного Российского Собрания при Императорском Московском университете». Ч. I—X, М., 1781. (Издание 2 — Ч. I — X, М., 1787).

После этого полных собраний сочинений или хотя бы сборников стихотворений Сумарокова не появлялось. Скудный и односторонний выбор его стихотворений дан в сборнике «Русская поэзия» под ред. С. А. Венгерова. Вып. II, Спб. 1893.

В настоящем сборнике тексты стихотворений даны в первых печатных редакциях.

ПРИМЕЧАНИЯ

СОКРАЩЕНИЯ

Полн. собр. соч. — Полное собрание сочинений Сумарокова 1781 г. М.

«Разн. стихотв.» 1769. — «Разные стихотворения Александра Сумарокова». Спб. 1769.

«Стихотв. дух.» 1774. — «Стихотворения духовные» [А. Сумарокова]. Спб. 1774.

«Нек. дух. соч.» 1774. — «Некоторые духовные сочинения» [А. Сумарокова]. Спб. 1774.

«Доп. к дух. стихотв.» 1774.—«Дополнение к духовным стихотворениям» [А. Сумарокова]. Спб. 1774.

СТИХОТВОРЕНИЯ

ОДА К М. М. ХЕРАСЬКОВУ

Напечатана в журнале «Свободные Часы» (1763, март) под названием «Ода к М. М. Хераськову», потом в «Разн. стихотв.» 1769, с названием «Ода на суету мира», и в «Нек. дух. соч.» 1774 — с тем же названием. Здесь — текст «Своб. Часов».

Сумароков был знаком с Херасковым (1733—1807), одним из наиболее заметных поэтов XVIII века, с 50-х годов, а может быть и ранее. Херасков как поэт воспитался под прямым влиянием Сумарокова. Добрые отношения между обоими поэтами, повидимому, не нарушались до самой смерти последнего. Херасков неоднократно печатно заявлял о своем преклонении перед творчеством Сумарокова. Сумароков, хотя и задел ядовитым замечанием одну из трагедий Хераскова (в письме к императрице Екатерине от 25 февр. 1770 года; см. новые материалы для биографии Сумарокова.—«Библиогр. Записки» 1858, № 14—16), относился к своему ученику благосклонно. Он печатался в московских журналах, редактируемых Херасковым — «Полезном Увеселении» (1760—1762) — и «Свободных Часах» (1763). В 1761 году Херасков ездил из Москвы, где он жил, в Петербург и привез оттуда несколько стихотворений Сумарокова для помещения в своем журнале. В начале 1762 года он снова приехал в Петербург, встречался с Сумароковым, получил от него стихотворное послание к своей жене Елизавете Васильевне, также писавшей стихи, и кроме того обещание прислать стихи для журнала. Вернувшись в Москву, он хлопотал о приискании дома

для Сумарокова, предполагавшего ехать в Москву с двором императора Петра III. До нас дошли письма к Сумарокову Хераскова и его жены («Отеч. Записки» 1858, т. 116, № 2, стр. 581—582).

В начале 1763 года Сумароков в связи с коронацией Екатерины II приехал в Москву. Здесь он участвовал вместе с Херасковым в подготовке уличного театрализованного шествия «Торжествующая Минерва», составившего часть коронационных торжеств. Херасков написал стихотворное описание шествия, а Сумароков — слова хоров к нему. Стихотворения обоих поэтов были напечатаны тогда же в особой брошюре, посвященной шествию и служившей как бы его программой-объяснением.

Ода Сумарокова отчасти стилизует поэтическую манеру самого Хераскова и поэтов его кружка. Самый жанровый тип этой оды — «философическая ода» — разрабатывался усердно именно Херасковым и им же был впервые введен в широкий поэтический обиход. В самом стилистическом рисунке оды Сумарокова заметны отзвуки того же намерения придать оде, обращенной к Хераскову, колорит его поэзии (и может быть превзойти его, победить его, состязаясь с ним его же оружием). Идейно-тематический состав оды — постоянно всплывающий в творчестве поэтов группы Хераскова.

Стих 34: «К о л о в р а т н о с т ь» — т. е. превратность, бренность — и круговращенье.

ВСЕ В ПУСТОМ ЛИШЬ ТОЛЬКО ЦВЕТЕ

Напечатано в журн. «Трудолюбивая Пчела» за ноябрь 1759 года, потом — в «Разн. стихотв.», 1769 года, с названием «Ода о добродетели», и в «Нек. дух. соч.», 1774, с тем же названием. Здесь — текст «Трудол. Пчелы».

Строфа I: «р у г а т е л ь с т в о в л е ч е т» — т. е. навлекает на себя порицание.

Строфа II: с т о и к и — школа философов в древней Греции и Риме, разрабатывавшая систему суровой морали, согласно которой добродетель и счастье заключаются в покое, освобождении от страстей.

ГИМН СОЛНЦУ

Напечатан в журн. «Праздное время в пользу употребленное» 1760, II (номер на 2 сентября), потом в «Разн. стихотв.» 1769 года, с названием «Гимн о премудрости божией в Солнце», в «Нек. дух. соч.», 1774 года, с тем же названием. Здесь — текст «Праздного времени».

ПРОТИВУ ЗЛОДЕЕВ «НА МОРСКИХ БЕРЕГАХ Я СИЖУ»

Напечатано в журн. «Трудолюбивая Пчела» за май 1759 года потом в «Разн. стихотв.» 1769 года.

Здесь — текст «Трудолюбивой Пчелы» (в «Трудол. Пчеле» в названии напечатано «Против злодеев», что, вероятно, является опечаткой, исправленной в издании 1769 года).

ПРОТИВУ ЗЛОДЕЕВ «ТЫ, ЯМБИЧЕСКИЙ СТИХ ВО ЦВЕТЕ»

Напечатано в журн. «Праздное время в пользу употребленное» 1760, II (№ на 2 сент.), потом в «Разн. стихотв.»1769, потом в «Нек. дух. соч.,» 1774. Здесь — текст «Праздного времени».

Стихи 1—4. — Речь идет о древнегреческом поэте-сатирике Архилохе Паросском, доведшем впервые до художественного совершенства ямбическую поэзию (сатирическую поэзию, чаще всего облеченную в размер ямба).

Стих 8: Т р о х е й, или хорей, — стихотворный размер; Сумароковым он чаще всего применялся в стихах с темой любовной или радостной, светлой.

ЧАСЫ

Напечатано в журн. «Трудолюбивая Пчела» за август 1759 года, потом в «Разн. стихотв.», 1769, с названием «Стишки на суету мира», потом в «Нек. дух. соч.», 1774, с названием «На суету человека».

Здесь — текст «Трудолюбивой Пчелы».

В этом стихотворении, впервые в новой русской поэзии XVIII века бой часов связан с мыслью о смерти, о текучести времени и тщете земных благ. Потом этот же мотив встречается у Державина: «Глагол времен, металла звон, Твой страшный глас меня смущает, Зовет меня, зовет твой стон, Зовет и к гробу приближает» (Ода на смерть кн. Мещерского, 1779), или — «Не слышим ли в бою часов Глас смерти, двери скрып подземной?» («Водопад» 1791—1794). См. у Хераскова в поэме «Вселенная» (окт. 1790—1791): Время

> **Являя острие искривленной косы,**
> **Имеет на главе летучие часы;**
> **Держаще звон в руке, звучанье производит.**

(Творения М. Х е р а с к о в а, ч. III, 1797, стр. 70—71).

Известно отражение этого мотива у Тютчева.

Стихотворение Сумарокова «Часы» принадлежало к наиболее популярным его произведениям.

ИЗ 3 ГЛ. СИРАХА (ИЗ БИБЛИИ)

Напечатано впервые в журн. «Ежемесячные Сочинения, к пользе и увеселению служащие» за сентябрь 1755 года; потом в «Разн. стихотв.» 1769; потом в сборнике «Нек. дух. соч.», 1774.

ИЗ 3 — 16 — 63 ПСАЛМОВ

Напечатано впервые сборнике «Нек. дух. соч.», 1774. Написано в 1773—1774 годах.

ИЗ 4 ПСАЛМА

Напечатано впервые в сборнике «Доп. к дух. стихотв.» 1774. Написано в 1773—1774 годах. Пометой «точно как на еврейском» Сумароков обозначал в этом сборнике переложения псалмов, сделанные вольным нерифмованным стихом без размера, которым он хотел передать ритмический характер еврейской поэзии псалтири,

как он усвоил его по точному немецкому переводу (см. послесловие к сборнику «Доп. к дух. стихотв.»).

ИЗ 17 ПСАЛМА

Напечатано впервые в сборнике «Стихотв. дух.», 1774.

ИЗ 35 ПСАЛМА

Напечатано впервые в сборнике «Стихотв. дух.», 1774.

ИЗ 61 ПСАЛМА

Напечатано впервые в сборнике «Нек. дух. соч.» 1774. (Написано в 1773—1774 годах). Пометой «точно как на еврейском» Сумароков обозначал в этом сборнике переложения псалмов, сделанные разностопным ямбом без рифм, которым он хотел передать ритм еврейской поэзии Псалтыри. (Потом он перешел для этого на вольный стих без размера — в сборнике «Доп. к дух. стихотв.».)

ИЗ 80 ПСАЛМА

Напечатано впервые в сборнике «Нек. дух. соч.», 1774. Написано в 1773—1774 годах.

Стих. 10: И о с и ф о в р о д — евреи. По Библии, еврейские прародители Иаков и его дети (из них прежде всего Иосиф) переселились в Египет; здесь евреи размножились; из Египта их вывел пророк Моисей.

ИЗ 145 ПСАЛМА

Напечатано впервые в сборнике «Стихотв. дух.», 1774.

ОДЫ ТОРЖЕСТВЕННЫЕ

ОДА 1755 ГОДА

Напечатано в журнале «Ежемесячные Сочинения к пользе и увеселению служащие» за декабрь 1755 г., потом в «Разн. стихотв.», 1769, потом в сборнике «Оды торжественные. Сочинение Александра С у м а р о к о в а» (Спб, 1774). На титульном листе — эпиграф самого Сумарокова:

Не громкость и не нежность
Прославят нашу песнь:
Излишество всегда во стихотворстве плесень;
Имей способности, искусство и прилежность.

В последнем сборнике ода сильно сокращена (до двенадцати строф). Здесь — текст по «Ежемесячным Сочинениям».

Стихи 15—16: П р е з р е н н ы с и х в р е м е н м о р о з ы, Н а м м н я т с я н а п о л я х б ы т ь р о з ы.

Конструкция, заимствованная из латинского яз. Смысл: мы презираем (не замечаем) морозы декабря, месяца, когда родилась Елизавета, — и мы думаем, что на полях цветут розы.

Строфа 4. — Сумароков прославляет мир: в 1755 году Россия не воевала ни с кем. Но уже назревала Семилетняя война, начавшаяся в 1756 году. В нее были вовлечены Пруссия и Англия с одной стороны, Австрия, Саксония, Россия, Франция и Швеция — с другой. В следующих строфах оды Сумароков говорит о готовности русского дворянства к войне, повидимому имея в виду именно возможность войны с прусским королем Фридрихом II, которую уже можно было предвидеть.

Стих 36: Н а ч т о п р о с л а в л е н н о й п о б е д ы — т. е. прославленной императрице не нужны победы.

Стих 38: с е д я щ и я н а с е м п р е с т о л е — т. е. женщины, царицы, сидящей на этом (русском) престоле.

Стих 55: ш т а н д а р т — императорский флаг, знамя.

Стих 59: н а П о л т а в с к о м п о л е — т. е. на поле победы, одержанной Петром I над шведами под Полтавой (смысл: вступим на путь побед, подобных полтавской).

Стих 60: И з р у к д е в и ч ь и х — Елизавета Петровна официально замужем не была.

Стих 61—62: Т о г д а с е й г о д в о з о б н о в и т с я, в к о т о р ы й в ч р е в е т ы б ы л а. — Полтавское сражение произошло 27 июня 1709 года, без малого за шесть месяцев до рождения Елизаветы Петровны (18 декабря 1709 года).

Стих 70: п л е н и т ь — т. е. взять в плен (врагов), покорить.

Стих 73: и н ы я о т т е б я н а г р а д ы — т. е. и н о й награды.

Стих 78: д щ е р ь в е л и к о м у г е р о ю — дочь Петра I.

Стих 79: и д т и п о д Т р о ю. — Сумароков имеет в виду древнегреческие легенды о походе греков под Трою (город в Малой Азии), окончившемся победой греков после долгой и трудной осады и войны. Троянская война описана в «Илиаде».

Стих 102: п е л е п е л — перепел.

Стихи 111—116. — Сумароков описывает Елизавету Петровну на охоте в б. Царском селе.

Стих 120. В малоазийском гор. Эфесе находился в древности знаменитый храм Дианы. Сумароков, называя Дианой Елизавету Петровну, называет ее храмом большой царскосельский дворец (ныне — Екатерининский дворец в Детском селе), построенный ею для себя.

Стих 131: о т т о л ь — т. е. из Царского села.

Стих 136: с и я е т... з л а т о н а б а ш н я х р о с с к о г о д в о р ц а. — Крыша дворца в Царском селе и украшения на его фасаде были вызолочены.

Стих 140: М о е г о о т ц а — Петра I.

Стих 144: ж и л и щ е М у з а м — Академию Наук.

Стихи 151—157. — Речь идет об основании в Москве университета (январь 1755).

Стих 169: Л о к а и Н е в т о н а. — Джон Локк, английский философ (1632—1704). Н е в т о н — т. е. Ньютон.

ОДА 1762 ГОДА

Напечатано отдельно в 1762 году, потом в «Разн. стихотв.», 1769, потом в сборн. «Оды торжественные», 1774, при чем во втором сборнике ода сокращена до шести строф. (Назв. дано по «Разн. стих.».)

Ода написана ко дню именин («тезоименитства») Екатерины II, всего пять месяцев назад захватившей престол.

Стихи 36—37. — Сумароков имеет в виду указ Екатерины против лихоимства (взяток), изданный в июле 1762 года; указ этот, ограничиваясь общими словами, ни в малой мере не мог уменьшить взяточничество.

Стихи 43 и сл.: Герой — Петр I.

ОДА ЕКАТЕРИНЕ II НА ДЕНЬ ЕЯ РОЖДЕНИЯ 1768 ГОДА

Напечатано отдельно в 1768 году, потом в «Разн. стихотв.», 1769, потом в сборнике «Оды торжественные», 1774, где она сокращена до десяти строф. (Название дано по «Разн. стихотв.».)

Стихи 31—40. Сумароков имеет в виду переворот 28 июня 1762 года, возведший на престол Екатерину II (см. примечание к следующей оде).

Стихи 53—54. — Имеется в виду начавшая в 1767 году свою работу комиссия о сочинении проекта нового уложения. На эту огромную комиссию тщетно возлагали надежду многие из тех, кто был недоволен существующими порядками. В 1768 году сама Екатерина убедилась, что комиссия недостаточно покорна ее воле и что, с другой стороны, в ней выявились слишком непримиримые классовые интересы различных привилегированных социальных групп.

С лета 1768 года комиссия работает все менее интенсивно, а в декабре этого года были вовсе прекращены заседания пленума комиссии, и она фактически была аннулирована как организация.

Стих 60: Диядима — т. е. диадема, царский венец.

Стихи 89—90: Курций — легендарный герой древнего Рима (IV века до н. эры), бросившийся в полном вооружении в пропасть, которая разверзлась посреди города, — с целью спасти Рим от бедствия, так как, согласно прорицанию, Риму грозит опасность, если пропасть не будет заполнена лучшим благом Рима. Курций принес себя в жертву, считая, что у Рима нет ничего драгоценнее оружия и храбрости.

Стихи 101—130. — Имеется в виду опять комиссия сочинения уложения.

ОДА ЕКАТЕРИНЕ НА ДЕНЬ ВОСШЕСТВИЯ НА ПРЕСТОЛ 1768 ГОДА

Напечатана отдельно в 1768 году, потом в «Разн. стихотв.», 1769, потом в сборнике «Оды торжественные», 1774. В последнем сборнике ода сильно сокращена (до восьми строф; в «Разн. стихотв.» она заключает десять строф).

Стих 1: Переворот, возведший Екатерину II на престол, произошел 28 июня 1762 года. Группа дворян, офицеров и политических деятелей, при поддержке гвардии (также состоявшей из дворян) свергла императора Петра III и возвела на трон его жену. Словами о том, что Екатерина согнала с русского престола тень, Сумароков намекает именно на свержение непопулярного в среде столичного дворянства царя.

Стих 17: багрянница — пурпурная царская мантия (или вообще — ткань красного цвета — признак власти монарха).

Стих 21: Зевса брат — Нептун, бог моря.

Стихи 21—30. — Сумароков имеет в виду мероприятия Екатерины по улучшению флота, пришедшего в упадок при прежних царствованиях.

Стихи 31—40. — Повидимому, речь идет о «походе» Екатерины во главе гвардии во время переворота 1762 года.

Стих 48: Изря она — т. е. любовь.

Стих 53: Зевса треск — т. е. гром.

Стих 56: Богиня со златой трубой — слава.

Стихи 62 — 63 и сл.: иной... иной... — иной из царей.

Стих 75: Еще во окияне свет — т. е. еще ночь. Образ Екатерины как царицы, нарисованный в этой строфе, дает ту ее характеристику, которой она сама добивалась и которую позднее развернул в своих одах Державин.

Стихи 81 и сл. — Сумароков формулирует здесь политику империализма екатерининской России, направленную на восточные (азиатские) области.

Стихи 91—110. — Сумароков формулирует здесь искания и чаяния развития торговых возможностей русского империализма — мысли о торговле с Японией, об использовании Черного моря для торговых целей и т. д.

Стих 91: Курильские острова — японские острова, находящиеся между главными островами Японии и Камчаткой.

Стих 92: Нифон — повидимому, Ниппон: так называют европейцы самый большой из островов Японии.

Стих 97: Евксинское море — древнее название Черного моря.

Стих 98: Византия — Константинополь и его область. (До покорения ее турками в XV веке она составляла центр Византийского государства.) — Архипелаг — группа греческих островов (в северо-восточной части Средиземного моря).

Стихи 105 и сл.: Под видом праведных богов, Встречала ты своих врагов, Кропити кровью вашей крины». — Речь идет о покорении Америки европейцами (испанцами) в XVI веке; в «просветительной» предреволюционной французской литературе была распространена тема покорения Америки, позволявшая развернуть критику европейской феодальной культуры, жестокостей колониальной политики и католического фанатизма. Американские индейцы изображались кроткими, добродетельными и легковерными дикарями, преклоняющимися перед невиданными культурными людьми, платившими им за доверчивость жестокостью, корыстолюбием, тираннией. Сумароков затронул эту тему еще в одной из ранних своих од (см. Полн. собр. соч., 1781, т. II, стр. 200). Позднее, в 1759 году, он выделил данную строфу оды и, перередактировав ее, сделал из нее отдельное стихотворение «О Америке»:

Коснулись Европейцы суши,
Куда их наглость привела,

Хотят очистить смертных души
И поражают их тела... *и т. д.*

(См. «Трудолюбивая Пчела», ноябрь 1759 года и Полн. собр. соч., 1781, IX, стр. 168.)

Стих 113: ж е н а — т. е. женщина.

Стих 115: К р о в а в а я и с ч е з н и б р а н ь. — В 1767 — 1768 году Россия приняла участие в гражданской войне в Польше. В то же время уже назревала вторая Турецкая война (считается с октября 1768 года, но военные действия реально начались лишь в начале 1769 года).

Стих 129: О л и в ы — это растение считалось символом мира.

ОДА 1771 ГОДА

Стих 1. В издании 1771 года в слове А в р о р а, вместо *в* стоит *у*, обозначавшая у Сумарокова краткое неслоговое *у* (см. его статью о правописании» (Полн. собр. соч., т. X).

Напечатано отдельно в 1771 году, потом в сборнике «Оды торжественные», 1774, где ода сокращена до одиннадцати строф. Здесь — текст 1771 года. В 1771 г. Павлу Петровичу, сыну императрицы Екатерины, исполнилось 17 лет.

Стих 5: П о б е д о н о с н ы м в о й с к у с п е х о м. — Сумароков говорит здесь о победах русских войск во время войны с турками (1768—1774).

Стих 8: В о й н у с у д ь б и н а о к о н ч а л а. — Сумароков призывает мир; его пожелание исполнилось лишь через три года.

Стих 15: Б е н д е р — турецкая крепость Бендеры, взятая русскими войсками под командованием П. И. Панина в 1770 году.

Стих 16: П е р и к л а Р о с с к а — т. е. П. И. Панина. Перикл — государственный и военный деятель древних Афин (V в. до н. эры).

Стих 20: П о п р а н н ы й д н е с ь А р х и п е л а г. — Архипелаг — группа греческих островов, занимающих северо-восток Средиземного моря. Сумароков имеет здесь в виду морскую победу над турками вблизи гор. Чесмы, у острова Хиоса (1770).

Стих 23: А л ь к и д ы — т. е. Геркулесы.

Стих 33: Н о в а Ф е о ф а н а. — Феофан Прокопович — проповедник, богослов и государственный деятель эпохи Петра I и его преемников (1681—1736). Новым Феофаном Сумароков называет Платона Левшина (1737—1812), знаменитого проповедника, учившего Павла богословию (в 1771 году он был архиепископом Тверским).

Стих 48: н е е м л я — т. е. не принимая.

Стихи 51—54: М е н т о р. — Т е л е м а к. — Ф е н е л о н. — В нравоучительном и политическом романе французского писателя XVII века Фенелона «Похождения Телемака», молодого царского сына Телемака наставляет мудрый Ментор. Сумароков разумеет здесь под Ментором графа Н. И. Панина, которому было поручено воспитание Павла Петровича.

Стих 77: п л е н я т ь — т. е. брать в плен, покорять.

Стих 114: Т и т — римский император I века; в литературе эпохи классицизма он изображался как образец добродетельного и кроткого монарха. Широко распространено свидетельство его античного биографа о том, что он считал потерянным тот день, когда он не сделал какого-нибудь доброго дела.

Стихи 121 и 124: Ф е т и д а — по греческой легенде — морская богиня, мать героя Ахиллеса. Здесь именем Р о с с и й с к о й Ф е т и д ы Сумароков называет Екатерину II.

Стих 123: П о д в и г л а С р е д и з е м н о м о р е — опять имеется в виду Чесменское сражение.

Стих 126: С о к р а т — знаменитый греческий мудрец (V века до н. эры).

ОДА 1772 ГОДА

Напечатана отдельно в 1772 году, потом в сборнике «Оды торжественные», 1774; в сборнике ода была сокращена до восьми строф. (Название дано по сборнику).

Стихи 1—2. — В 1772 году Сумароков жил в Москве.

Стихи 8—10. — В 1772 году Россия вела войну с Турцией.

Стихи 15 и сл. — Сумароков имеет в виду «бунт» в Москве в 1771 году во время чумы. Народное волнение едва не вылилось в большое восстание. Во время волнения был убит народом архиепископ Амвросий (А. С. Зертис-Каменский). Движение было подавлено. «Усмирением» руководил генерал П. Д. Еропкин (1724 — 1805). Специально в Москву приехал для наведения порядка и борьбы с чумой фаворит Екатерины гр. Г. Г. Орлов.

Стих 16: Т и з и ф о н а — в мифологии одна из трех фурий; она мучила грешников при входе их в ад. Здесь — аллегорическое наименование ч у м н о г о б у н т а. — А в е р н а (Аверно) озеро в Италии; его считали в древности входом в ад (от него исходили вредные испарения).

Стих 21: М е г е р а — одна из фурий.

Стих 22: Г е р о й — скорее всего гр. Г. Г. Орлов (или может быть — П. Д. Еропкин).

Стих 26: А л е к т о н а — по мифологии — одна из фурий.

Стих 44: Я н о в ы в р а т а — в древнем Риме двери храма Януса открывались во время войны; затворить Яновы врата — значит восстановить мир.

Стих 45: О л и в а — символ мира, как лавр — символ славы.

Стих 47: С а т у р н о в в е к — золотой век: по древнеримской мифологии, бог Сатурн был свергнут с неба Юпитером и удалился в Лациум, где он научил людей сельскому хозяйству и дал им блаженное существование, так называемый золотой век.

Стих 51. — Речь идет, повидимому, о московском движении 1771 года, во время которого толпы народа приходили к иконе богоматери и приносили к ней деньги. Поводом к убийству архиепископа Амвросия было именно то, что он приказал запечатать кассу иконы и стремился прекратить скопление народа.

РАЗНЫЕ ОДЫ И СТАНСЫ

СТАНС ГРАДУ СИНБИРСКУ НА ПУГАЧЕВА

Напечатан отдельно (листовкой) в 1774 году.

Стихотворение написано по поводу поражения крестьянского восстания 1773—1774 годов, во главе которого стоял Емельян Пугачев. Сумароков, вместе со всем дворянством, восторженно приветствовал победу правительственных войск над пугачевцами, прекрасно отдавая себе отчет в классовом смысле восстания, направленного в первую очередь против помещичьей власти. Он проклинал Пугачева, клеветал на повстанцев, объявлял их преступниками и злодеями. Победа над Пугачевым далась дворянству и его армии с величайшим трудом. В конце войны командиром правительственных войск был назначен граф П. И. Панин (1721 — 1789), генерал, которого Сумароков ставил очень высоко и как военачальника и как дворянского общественного деятеля. Пугачев, уже потерявший свои военные силы и загнанный, был выдан своими помощниками правительственному отряду. Пугачев был привезен в Симбирск. Здесь его продержали недолго и вскоре (25 окт. 1774 г.) повезли в Москву, где и казнили.

Стих 1: Прогнал ты Разина — Степана Тимофеевича Разина, вождя большого восстания XVII века; Разин получил под Симбирском первое крупное поражение от правительственных войск.

Стих 5: Нынешний Разин — т. е. Пугачев.

Стих 16: из блатистого дола — т. е. болотистого.

Стих 22: рыжет — извергает, изрыгает.

Стих 23: со баснословной гидрой — т. е. с мифологической гидрой (драконом, змеей с семью головами, которые снова вырастали, когда их отрубали. Гидру убил легендарный герой Геркулес).

Стихи 25—28. — Икар — герой древнегреческой легенды; он попытался лететь на крыльях, сделанных из скрепленных воском перьев. Устремившись к солнцу, он погиб, так как воск растаял, крылья распались, и Икар упал в море.

Стих 29: Осетил — поймал в сеть.

Стих 43: Ирод — еврейский царь, по Евангелию, предавший смерти всех младенцев-мальчиков в Вифлееме, желая, чтоб в их числе был убит новорожденный Иисус.

Стих 50: аспид — ядовитая змея (или легендарный змей).

Стих 53. благородных — т. е. дворян.

Стих 65: того героя, который взять возмог и неприступный град. — П. И. Панин во время турецкой войны 1768—1774 годов взял сильную крепость Бендеры (1770).

Стих 71: емлет — т. е. берет, хватает, берет в плен.

Стих 77: российская Астрея — т. е. Екатерина II.

Стих 79: Злое пиршество... Атрея. — Атрей — герой древнегреческой легенды; в гневе на своего брата он убил двух его сыновей и дал отцу съесть их мясо.

Стих 83: Яик — старое название реки Урала. В 1775 году она

была переименована в Урал, чтобы и самое имя реки, связанное с Пугачевщиной, забылось.

СТИХИ НА ПУГАЧЕВА

Напечатаны отдельно (листовкой) в 1774 году дважды: один раз с названием: «Стихи на Пугачева», второй раз под названием: «Ода на Пугачева». В «Оде» были отброшены два стиха (11 и 12) и соответственно изменен стих 13 — «Отбросил ты, разбойник, меч». (См. В. П. Семенников, Материалы для истории русской литературы, 1915, стр. 117). Вместе со всем дворянством, единодушно ненавидевшим Емельяна Пугачева, стоявшего во главе грандиозного крестьянского восстания 1773—1774 годов, Сумароков с ожесточением проклинает смертельного врага своего класса. Он ликует по поводу поражения повстанцев и поимки Пугачева (казненного 10 янв. 1775 года).

ГИМН ВЕНЕРЕ

Напечатан в журнале «Ежемесячные Сочинения к пользе и увеселению служащие» за июль 1755 года.

Ода написана античным «сафическим» размером (название от имени Сафо — греческой поэтессы VII—VI века до нашей эры), но с рифмами.

ОДА САФИНА II, СОЧИНЕННАЯ ПО РУССКОМУ ПЕРЕВОДУ Г. КОЗИЦКОГО

Напечатана в журнале «Ежемесячные Сочинения к пользе и увеселению служащие» за апрель 1758 года.

Стихотворение представляет собою перевод размером подлинника оды греческой поэтессы Сафо. Прозаический перевод двух дошедших до нас (не в фрагментах) од Сафо, сделанный Г. В. Козицким, ученым литератором, приятелем Сумарокова (впоследствии секретарем Екатерины II), был напечатан в журнале Сумарокова «Трудолюбивая Пчела» за ноябрь 1759. Повидимому, этот перевод был в распоряжении Сумарокова еще в 1758 году.

ОДА САФИЧЕСКАЯ

Напечатана там же, где предыдущее стихотворение.

Написано тем же — «сафическим» размером, но с рифмами.

ОДА ГОРАЦИАНСКАЯ

Напечатана в журнале «Ежемесячные Сочинения к пользе и увеселению служащие» на май 1758 года.

Ода написана, повидимому, на рождение дочери наследника престола Петра Федоровича Анны 9 декабря 1757 года. Девочка не прожила и двух лет и умерла 8 марта 1759 года.

Ода написана античной «горацианской» строфой (название от имени Горация), или, как ее называли в применении к древней поэзии — алкеевой строфой, — но с рифмами.

В 50-х годах Сумароков, как и Тредиаковский, интересовался

проблемой передачи на русском языке античных поэтических размеров.

Стихи 3—4 Имеются в виду торжества по поводу рождения великой княжны, — иллюминация и стрельба из пушек (селитра — здесь вместо порох)

Стих 9. — Екатерина — мать новорожденной, будущая императрица Екатерина II.

Стих 13. — Елисавет — императрица Елизавета Петровна.

ОДА «В РАЗЛУКЕ МУЧАСЯ ТОСКОЙ»

Напечатана в «Трудолюбивой Пчеле» 1759 года, май.

СТАНС «САМ СЕБЯ Я НЕНАВИЖУ»

Напечатан в «Разн. стихотв.», 1769, потом — в конце сборника «Елегии любовные. Сочинение Александра Сумарокова», 1774, с прибавлением одной строфы. Здесь — текст «Разн. стихотв».

Стих 62: Узы ты мои претерть — т. е. разрушить.

ОДЫ АНАКРЕОНТИЧЕСКИЕ

Об Анакреоне, греческом поэте VI веке до нашей эры, певце любви, вина, радости жизни, так же как о сборнике позднейших греческих подражателей ему («Анакреонтейе»), приписывавшемся еще в XVIII веке целиком самому Анакреону, см. в «Стихотворениях Ломоносова». Влияние анакреонтической поэзии затронуло и Сумарокова. Он написал несколько стихов в «анакреонтическом» стиле и в подражание греческим анакреонтическим одам.

ПЛЯСКОЮ СВОЕЙ, ЛЮБЕЗНА...

Напечатано в журнале «Ежемесячные Сочинения к пользе и увеселению служащие» за июль 1755 года.

ЗАВИДНЫ ТЕ МНЕ РОЗЫ. .

Напечатано там же.

ЛЮБЛЮ ТЕБЯ, ФИЛЛИДА

Напечатано впервые в Полн. собр. соч., 1781, т. II. Оды разные — ода 27.

ЕЖЕЛИ БЫ МОЖНО БЫЛО. . .

Напечатано впервые в Полн. собр. соч., 1781, т. II. Оды разные. — Ода 29. Эта ода является вольным подражанием 34 оде греческого сборника «Анакреонтейя» (см Poëtae lyrici graeci, изд. T. Bergk'a, 1867, стр. 1063).

ОДА АНАКРЕОНТИЧЕСКАЯ К ЕЛИСАВЕТЕ ВАСИЛЬЕВНЕ ХЕРАСКОВОЙ

Е. В. Хераскова (ум. в 1809), жена поэта М. М. Хераскова (см. об отношениях его к Сумарокову здесь, стр. 333), сама писала стихи. Настоящую оду, или вернее послание, Сумароков послал к Е. В. Херасковой с ее мужем, побывавшим в начале 1762 года в Петербурге и вернувшимся домой, в Москву, в марте месяце. Получив оду-послание, Хераскова ответила Сумарокову письмом, в котором читаем: «Письмо (т. е. послание. *Гр. Г.)* ваше я получила, которое мне много чести делает; комиссию вашу (т. е. поручение; Хераскова имеет в виду стихи 19 и сл. в стихотворении Сумарокова) я бы с охотою исполнила, однако стихотворцы здешние столько упрямы, что и самого Аполлона не послушают; что ж принадлежит до меня, то я стану стараться быть достойной того названия, которым вы меня почтили, т. е. Московской стихотворицей; счастлива б я была, ежели бы мои успехи так велики были, как хорошо ваше письмо; лишнее будет, если я еще хвалить оное буду, довольно, что вы его писали, а что вы напишете, то конечно все чрезвычайно хорошо...» — и т. д. («Отеч. Записки» 1858, т. 116, № 2, стр. 582. Безграмотная орфография Херасковой исправлена).

Еще раньше, в 1761 году, Сумароков посвятил Е. В. Херасковой притчу (басню) «Лисица и Статуя», напечатанную в журнале «Полезное Увеселение», редактором которого был Херасков (1761, т. I, № 19). В начале притчи Сумароков писал:

Я ведаю, что ты Парнасским духом дышешь;
Стихи ты пишешь.
Не возложил никто на женский разум уз:
Чтоб дамам не писать, в котором то законе?
Минерва — женщина, и вся беседа Муз
Не пола мужеска на Геликоне.
Пиши! не будешь тем ты меньше хороша;
В прекрасной быть должна прекрасна и душа» *и т. д.*

Как ценили современники и почитатели Сумарокова его похвалу, видно из того, что Н. И. Новиков, похваливший Е. В. Хераскову в своем «Опыте исторического словаря о российских писателях» (1772), пишет о ней: «Г. Сумароков приписал (т. е. посвятил. *Гр. Г.)* ей притчи и оду, Анакреонтическим стихосложением писанную, в которых, со обыкновенною приятностию в слоге, делает он ей наставление и поощряет ее к стихотворству. Из чего заключить можно, какой похвалы достойна сия особа и что имя российской дела Сюзы, ей приписываемое, забвенно не будет» (стр. 235. Дела Сюз, т. е. Henriette de la Suse, — французская поэтесса XVII века).

Стих. 37: «Сафу новую» — т. е. новую Сафо.

СОНЕТЫ

КОГДА ВСТУПИЛ Я В СВЕТ, ВСТУПИВ В НЕГО ВОПИЛ

Напечатано в журнале «Ежемесячные Сочинения к пользе и увеселению служащие» за июнь 1755 года.

Тема этого сонета принадлежала к странствовавшим по европейским литературам XVII—XVIII веков. Укажем, например, весьма близкий к сумароковскому сонет Тристана Л'Эрмит (Tristan L'Hermite), французского поэта XVII века, названный «Misére de l'Homme du monde» и популярные в свое время «Стансы» Жан Батиста Руссо (франц. поэта XVII—XVIII века). В русской поэ-

зии XVIII века мотивы сонета Сумарокова всплывали неоднократно и не раз в прямых подражаниях Сумарокову. (См. сборник «Поэтика», т. V, статья Г. А. Гуковского.)

НЕ ТРАТЬ, КРАСАВИЦА, ТЫ ВРЕМЕНИ НАПРАСНО...

Напечатано там же.

Мотивы и тема этого сонета также были распространены. Укажу, например, оду немецкого поэта XVII века Флеминга (Paul Fleming) и стихотворение Жан Батиста Руссо, франц. поэта XVII—XVIII века «Урок любви» (Leçon d'amour).

О, СУЩЕСТВА СОСТАВ БЕЗ ОБРАЗА СМЕШЕННОЙ...

Напечатано там же.

СОНЕТ НА ОТЧАЯНИЕ

Напечатано впервые в «Разн. стихотв.», 1769; потом в сборнике «Нек. дух. соч.», 1774.

ЭЛЕГИИ

ПРЕСТАНЕШЬ ЛИ МОЕЙ ДОКУКОЙ УСЛАЖДАТЬСЯ...

Напечатано в журнале «Трудолюбивая Пчела» за июль 1759 года, потом в «Разн. стихотв.», 1769, и в сборнике «Елегии любовные. Сочинение Александра Сумарокова», 1774. Эпиграфом к этому сборнику служит четверостишие:

Противняе всего елегии притворство,
И хладно в ней всегда без страсти стихотворство,
Колико мыслию в него ни углубись,
Коль хочешь то писать, так прежде ты влюбись.

Ср. стихи, посвященные Сумароковым Елегии в «Письме о стихотворстве» (здесь стр. 185).

Здесь дана редакция «Трудол. Пчелы».

УЖЕ УШЛИ ОТ НАС ИГРАНЬЕ И СМЕХИ...

Напечатана в «Трудолюбивой Пчеле» за август 1759 года, потом в «Разн. стихотв.» 1769, и в сборнике «Елегии любовные», 1774 (см. предыдущее стихотворение).

В последнем сборнике элегия сокращена до 12 стихов.

Здесь дана редакция «Трудолюб. Пчелы».

ТЕРПИ, МОЯ ДУША, ТЕРПИ РАЗЛИЧНЫ МУКИ...

Напечатана в «Трудолюбивой Пчеле» 1759 года, август; потом в сборнике «Разные стихотворения», 1769.

ДРУГИМ ПЕЧАЛЬНЫЙ СТИХ РОЖДАЕТ СТИХОТВОРСТВО...

Напечатана в «Трудолюбивой Пчеле» за сентябрь 1759 года, потом в «Разн. стихотв.» 1769 и в сборнике «Елегии любовные» 1774 (см. 1 элегию).

В последнем сборнике элегия сокращена до сорока стихов.

Здесь дана редакция «Трудол Пчелы».

В БОЛЕЗНИ СТРАЖДЕШЬ ТЫ; В МОЕМ НЕТ СЕРДЦЕ МОЧИ...

Напечатана в журнале «Праздное Время в пользу употребленное», в номере от 19 августа 1760 года.

ОТЧАЯНЬЕ МОЙ ДУХ КАК ФУРИЯ ТЕРЗАЕТ...

Напечатано в «Разн. стихотв.», 1769.

СТРАДАЙ, ПРИСКОРБНЫЙ ДУХ, ТЕРЗАЙСЯ, ГРУДЬ МОЯ...

Напечатано (?) отдельно в 1768 году, потом в «Разн. стихотв.» 1769.

Здесь — текст 1769 года, т. к. отдельное издание разыскать не удалось.

Элегия имеет автобиографический характер. Она вызвана одной из тех крупных неприятностей (столкновением с сильными людьми), которые неоднократно нарушали течение творческой деятельности Сумарокова.

Стих 23: Крылатый конь — т. е. Пегас.

Стих 25: Эрата первая мне и т. д. — Сумароков говорит о своем творчестве в области любовной лирики.

Стихи 29—30: Стал петия потом — и т. д. Речь идет об эклогах или идиллиях Сумарокова.

Стих 31: Ко Мельпомене и т. д. — Речь идет о работе Сумарокова в области трагедии. Кинжал — условный признак Музы трагедии — Мельпомены.

Стих 39: Когда лишился я прекрасной Мельпомены. — В конце 1759 года Сумароков, принужденный прекратить издание журнала «Трудолюбивая Пчела», решился было оставить литературу. В 1761 году он был отставлен от места директора театра. Повидимому, это заставило его отречься от драматургии. Однако же Сумароков не смог отказаться от творчества и от публикации своих произведений. И в 1760 году и в следующих он продолжает печататься. Правда, в области трагедии — между 1758 годом, когда была представлена «Ярополк и Димиза», и 1768 годом, когда появился «Вышеслав», — он не написал ничего. В данном месте элегии он, повидимому, и имеет в виду этот перерыв в своем трагическом творчестве.

Стих 41. — Сумароков имеет в виду свое творчество в области басни (притчи).

Стих 43: Монима — героиня трагедии Расина «Митридат».

Стих 45: Орестова сестра — Электра, героиня трагедии Софокла «Электра».

Стих 47: Альцеста — героиня трагедии Еврипида Алкестида).

Стих 71: надуты оды громки — «Надутость», т. е. напыщенность, была в глазах Сумарокова существеннейшим недостатком од Ломоносова и тех поэтов, в которых Сумароков

видел его последователей (В. Петрова). Ломоносова его поклонники называли «громким» поэтом. Сумароков возражал: «Слово громкая ода к чести автора служить не может: да сие же изъяснение значит галиматию, а не великолепие» («Некоторые строфы двух авторов», 1774, см. в Полн. собр. соч., 1781, т. IX, стр. 247, и ниже — о Ломоносове, «Его достоинство в одах не громкость»; там же).

К Г. ДМИТРЕВСКОМУ НА СМЕРТЬ Ф. Г. ВОЛКОВА

Напечатано в журнале «Свободные Часы» за апрель 1763 года, потом в «Разн. стихотв.», 1769.

Федор Григорьевич Волков (1729—1763), глава первой организованной профессиональной труппы нового русского театра, «первый актер» русского (придворного) театра, директором которого с 1756 по 1761 год был Сумароков, был одним из создателей русской школы актерской игры XVIII века. Вместе с Сумароковым он организовал театр нового, «классического» типа. Он был и писателем. В начале 1763 года он был режиссером и организатором театрализованного шествия в Москве под названием «Торжествующая Минерва», устроенного по случаю коронации Екатерины II. Он умер 4 апреля 1763 г.

Стих 1: К о т у р н — собственно, особая обувь древних актеров, подымавшая их рост; здесь — в смысле — актер.

Стих 6: П е г а с о в и с т о ч н и к — т. е. Иппокрена.

Стих 8: Б о г и н я — т. е. Муза трагедии — Мельпомена. — И. А. Д м и т р е в с к и й (1734—1821), помощник Ф. Г. Волкова, после смерти его занявший место «первого актера российского придворного театра» и бывший до конца XVIII века самым знаменитым и уважаемым русским театральным деятелем, учителем нескольких поколений актеров. Он также был писателем. В 1807 году он произнес в Российской Академии, членом которой он был, «похвальное слово» Сумарокову, тогда же напечатанное отдельно и в «Сочинениях и переводах Российской Академии», ч. III., 1808.

Стих 18: К и н ж а л — символ трагедии и музы трагедии — Мельпомены.

Стихи 21—25. — Сумароков имеет в виду заключительную сцену своей трагедии «Семира» (представленной в первый раз в 1751 году и пользовавшейся большим успехом в XVIII веке). По-видимому, именно в «Семире» Волков выступал в последний раз перед своей смертью. Он играл роль Оскольда, князя Киевского, погибающего в конце трагедии. Перед смертью Оскольда к нему обращается Ростислав (один из героев трагедии), со словами:

> Когда ты смертию отъемлешься у нас,
> Я радости своей не чувствую в сей час,
> Коликим горестям подвластны человеки!
> Прости, любезный друг, прости, мой друг, на веки.

Следовательно, последние два стиха элегии на смерть Волкова являются автоцитатой.

Роль Ростислава, как нетрудно понять из текста элегии, играл Дмитревский.

ПЕСНИ

Песни были одним из жанров, с которых начал свою поэтическую деятельность Сумароков. Позднее он писал: «Эрата перва мне воспламенила кровь; Я пел заразы глаз и нежную любовь: Прелестны взоры мне сей пламень умножали: Мой взор ко взорам сим, стихи ко мне бежали...» (Елегия. Полн. собр. соч., IX., стр. 74). С сороковых годов XVIII века придворные дамы и кавалеры увлекались произведениями любовной лирики. Это была пора первого успеха в светском кругу салонных обычаев, салонного искусства. Песни Сумарокова пелись в светских гостиных (музыку к ним писали Белиградский, Теплов и др.) Наоборот, в кружках дворянских интеллигентов, образовавшихся к началу 60-х годов, к песням вообще относились несколько свысока (см. статью Хераскова «Путешествие разума» в журнале «Полезное Увеселение» 1760, I, с. 151—152) как к несерьезному роду поэзии, хотя к этому времени песни получили широкое распространение в массе городского дворянства. Сам Сумароков, написавший около полутораста песен, почти вовсе не печатал их (он напечатал в журналах всего десять песен, и то две из них — сатирические, а шесть — вынужденный появлением их в печати помимо него, см. ниже — и еще одну, вольное подражание Горацию—в брошюре вместе с стихотворением «Двадцать две рифмы»,— см. ниже). Это объясняется, вероятнее всего, не столько пренебрежением к ним, сколько тем, что песни писались им для музыкального исполнения, и без пения, без музыки теряли в его глазах свою художественную полноценность. Между тем многие песни Сумарокова были помещены уже в «Собрании разных песен» Чулкова (1770—1774, 4 части), при чем Чулков пользовался преимущественно списками песен, ходившими по рукам. (Так же, повидимому, как Курганов, в знаменитом «Письмовнике» которого помещались песни Сумарокова.) Неудивительно, что Сумароков был до крайности недоволен чулковским изданием, неисправностью его текста. (См. В. П. С е м е н н и к о в, Материалы для истории русской литературы, 1915, стр. 134. О первом появлении песен Сумарокова в сборнике Теплова 1759 года, см. ниже).

После Чулкова песни Сумарокова помещались в сборниках, как рукописных, так и печатных. Много сумароковских песен впервые напечатал Новиков в Полном собрании сочинений. Здесь же даны и песни, опубликованные Чулковым (у Ч у л к о в а все песни — анонимны), в редакциях, повидимому, более авторитетных, поскольку Новиков имел в своем распоряжении архив Сумарокова.

Здесь мы даем выбор песен Сумарокова, при чем после любовных песен салонного (и отчасти пасторального) стиля, составляющих основной фонд произведений этого жанра у Сумарокова, — даем произведения, стилизующие склад так называемых «народных» песен разных типов, и наконец — песни не любовные: «солдатскую» (тоже — стилизация народной песни), масонские, сатирические и др.

СОКРЫЛИСЬ ТЕ ЧАСЫ, КАК ТЫ МЕНЯ ИСКАЛА...

В 1759 году в Петербурге был напечатан сборничек песен с нотами, музыку которых сочинил Г. Н. Теплов. В этом сборничке, озаглавленном «Между делом безделье, или собрание разных песен», были напечатаны анонимно шесть песен Сумарокова, без его ведома или согласия. (Об этом сборнике см. статью А. Н. Римского-Корсакова: Г. Н. Теплов и его музыкальный сборник «Между делом безделье» — в книге «Музыка и музыкальный быт старой России», т. I., Лгр., 1927.) О предполагаемом первом издании сборника см. статью Д. Н. Юферова, Музыкально-издательская деятельность Академии Наук в XVIII веке, «Вестник Академии Наук» 1934, № 4). В том же 1759 году, в ноябрьской книжке своего журнала «Трудолюбивая Пчела», Сумароков вновь напечатал эти шесть песен с таким предисловием: «Следующие песни нашел я между прочими напечатанными песнями с приложенными нотами, под чудным титлом, которые отчасти были испорчены; чего ради должен я их, поправив, как они от меня сочинены, выдати в сих изданиях, чтобы чужие погрешности не были почтены моими, притом желая, чтоб сия дерзость издавати чужие сочинения без воли Авторов не умножилася, а еще меньше то портити, что другие тщательно сочиняли, и меньше еще налагати чужим трудам непристойные титла, чего нигде не водится и что нигде не позволяется». Необходимо отметить, что, по словам А. Н. Римского-Корсакова, тексты песен Сумарокова в «Трудолюбивой Пчеле» — «во всем до мелочей совпадают с редакцией Теплова, за исключением одного случая, когда стихотворение, составляющее у Сумарокова единое целое, разделено Тепловым пополам и использовано в виде текстов двух самостоятельных песен» (указанная статья, стр. 36). Эти же шесть песен открывают собою первый том песенника Чулкова.

Значительно позднее, несмотря на то, что Сумароков так решительно заявил о своем авторстве по отношению к этим песням, несмотря на то, что Новиков, в общем превосходно осведомленный, поместил их в обоих изданиях Полного собрания сочинений Сумарокова, — авторство последнего было подвергнуто сомнению. Причиной этого было, конечно, не понятое толком предисловьице к ним в «Трудолюбивой Пчеле». Дело началось со статейки Макарова о Е. А. Княжниной в «Дамском Журнале» за июль 1830 года (№ 29), наполненной удивительной фантастикой, как и прочие «воспоминательные», из вторых и третьих рук, статьи этого литератора. Е. А. Княжниной, дочери Сумарокова, писавшей стихи, Макаров приписывает песни, напечатанные в «Трудол. Пчеле», при чем упоминает и о предисловии («выноске») к ним. Указание Макарова как свидетеля, явно не заслуживающего никакого доверия, не может иметь веса, тем более что самое изложение данного места его статейки противоречиво и изобилует грубейшими ошибками. Между тем макаровская версия не была сразу же отвергнута, как она заслуживает этого; она всплывает у П. Владимирова («Первые русские писательницы XVIII века», 1892) и далее —

у других, писавших о Княжниной (напр. в Биографическом словаре, правда лишь в виде осторожного предположения), даже в интересной статье А. Н. Римского-Корсакова (стр. 36 и 39). Песни же помещены как стихотворения, «приписываемые Княжниной», в огромной хрестоматии С. А. Венгерова «Русская поэзия» (здесь перепечатана статья Макарова и отрывок из книжки Владимирова), — так же как стихотворение «Противу злодеев», тоже приписанное Макаровым Княжниной (он приписывает ей еще «Эпистолу к неправедным судьям», «Идиллию» и одну оду). Между тем все эти произведения, так же как шесть песен, несомненно принадлежат Сумарокову. Княжниной мы можем приписать только одну «Елегию», напечатанную за ее полной подписью (Катерина Сумарокова) в «Трудолюбивой Пчеле» за март 1759 года. Замечу также, что одну из песен Сумарокова, напечатанных в «Трудолюбивой Пчеле» («Тщетно я скрываю сердца скорби люты...» см. здесь стр. 103), А. Палицын приписывает Свистунову (см. «Послание к Привете». Примеч. 9).

В ряде шести песен, напечатанных Сумароковым в «Трудолюбивой Пчеле» — стр. 679—686 — песня «Сокрылись те часы...» первая. Здесь дан текст по этому изданию.

МЫ ДРУГ ДРУГА ЛЮБИМ, ЧТО Ж НАМ В ТОМ С ТОБОЮ...

Напечатано в числе шести песен в «Трудолюб. Пчеле» в ноябре 1759 года (см. примечание к предыдущим стихотворениям). Помещена в I томе Песенника Чулкова. Текст — по «Трудолюбивой Пчеле»

УЖ ПРОШЕЛ МОЙ ВЕК ДРАГОЙ...

То же, что предыд.

ТЩЕТНО Я СКРЫВАЮ СЕРДЦА СКОРБИ ЛЮТЫ...

То же, что предыд.

УСПОКОЙ СМЯТЕННЫЙ ДУХ...

Напечатано впервые в журнале «Трудолюбивая Пчела» 1759, ноябрь,стр. 702—703. Помещена в I томе песенника Чулкова. Текст — по «Трудолюбивой Пчеле».

ТЫ СЕРДЦЕ ПОЛОНИЛА...

Напечатано в журнале «Праздное время в пользу употребленное», в номере на 26 августа 1760; потом — в песеннике Чулкова (том I); текст — по «Праздн. времени».

ПЕСНЯ, ПОДРАЖЕННАЯ ГОРАЦИЮ

Напечатана в брошюре (без особого названия), заключающей два стихотворения: «Двадцать две рифмы» и эту песню. Издана в 1774 году (см. Семенников, Материалы, стр. 117).

Это стихотворение представляет собою весьма вольное переложение (сохранено лишь основное развитие темы и диалогическая форма) оды Горация «Donec gratus eram tibi...» (кн. III, ода 9).

О МЕСТА, МЕСТА ДРАГИЕ...

Это — одна из ранних песен Сумарокова. Она упоминается уже в его комедии «Тресотиниус», написанной в январе 1750 года (в явлении III).

Напечатана в чулковском песеннике (том I), потом в Полн. собр. соч., 1781, в VIII томе (песня 67); текст — по П. с. с. (также и в нижеследующих песнях, кроме последней).

ПРОСТИ, МОЙ СВЕТ, В ПОСЛЕДНИЙ РАЗ...

Напечатана в песеннике Чулкова (т. I), потом в Полн. собр. соч., 1781, т. VIII, песня 68 (ср. также в «Письмовнике» Курганова).

Это — одна из ранних песен Сумарокова. Она упоминается уже в его комедии «Чудовищи», написанной в июне 1750 года (в действии II, явлении 2).

АХ! ЗА ЧТО ТОБОЙ, ЖЕСТОКОЙ, Я ОБМАНУТА БЫЛА?..

Напечатана в Полн. собр. соч., 1781, т. VIII, песня 5).

Я ЛЮБОВЬЮ ЖАЖДУ...

Напечатано в чулковском песеннике (том II), потом в Полн. собр. соч., 1781, в VIII томе, песня 6.

В РАДОСТЯХ ВСЕГДАШНИХ Я ТОБОЙ БЫЛА...

Напечатана в Полн. собр. соч., 1781, в VIII томе, песня 13.

КТО МНЕ МИЛ В ТЕБЕ, ДУБРОВА...

Напечатана в песеннике Чулкова (том I), потом в Полн. собр. соч., 1781, т. VIII, песня 9.

Я В РАЗЛУКЕ, ЖИЛ В ТОСКЕ, В СЕРДЦЕ ЖАР В ЛЮБВИ ХРАНЯ...

Напечатана в Полн. собр. соч., 1781, т. VIII, песня 10 (с явной опечаткой в стихе 14: С в и л а вместо С в я л а).

ПРЕКРАСНАЯ ВЕСНА НА ПАСТВО ВОЗВРАТИЛАСЬ...

Напечатана в Полн. собр. соч., 1781, в VIII томе, песня 14.

НЕ ПЛАЧЬ ТАК МНОГО, ДОРОГАЯ...

Напечатана в Полн. собр. соч., 1781, в VIII томе, песня 15.

КОГДА БЕССТРАСТНА ТЫ, МОЙ СВЕТ, В ОЧАХ ДРУГОГО...

Напечатана в Полн. собр. соч., 1781, т. VIII, песня 16.

ПРЕМЕНИЛИСЬ РОЩИ, ЧИСТЫЕ ЛУГА...

Напечатана в Полн. собр. соч., 1781, в VIII томе, песня 21.
Стих 6: в изд. 1781 — явная опечатка: вместо С о л н ц е — С е р д ц е.

ПРОШЛИ ТЕ ДНИ, КАК БЫЛ Я ВОЛЕН...

Напечатана в песеннике Ч у л к о в а (т. III), потом в Полн. собр. соч., 1781, т. VIII, песня 23.

НИЧТО НЕ МОЖЕТ БОЛЬШЕ МНЕ В МОЕЙ ТОСКЕ УТЕХУ ДАТЬ...

Напечатана в Полн. собр. соч., 1781, т. VIII, песня 46.

ТЫ РУШИШЬ ПОКОЙ, СВОБОДУ ОТНЯВШИ

Напечатана впервые в Полн. собр. соч., 1781, т. VIII, песня 48.
Стих 7, возможно, напечатан в Полн. собр. соч. неправильно, и надо: «У ж е т ы...»
Стих 35 — возможно, напечатан в Полн. собр. соч. неправильно, с пропуском слова.

ПРОХОДИ СКОРО СВЕТЛЫЙ ДЕНЬ...

Напечатано в Полн. собр. соч., 1781, т. VIII, песня 53.
Стих 24: в издании 1781 года явная опечатка: в с ю.

ОТ ЧЕГО ТРЕПЕЩЕТ СЕРДЦЕ, ОТ ЧЕГО ПЫЛАЕТ КРОВЬ...

Напечатано в Полн. собр. соч., 1781, т. VIII, песня 54.

ЛЕТИТЕ, МОИ ВЗДОХИ, ВЫ К ТОЙ, КОГО ЛЮБЛЮ...

Напечатано впервые в Полн. собр. соч. 1781, т. VIII, песня 60.

УЖЕ ВОСХОДИТ СОЛНЦЕ, СТАДА ИДУТ В ЛУГА...

Напечатана в песеннике Чулкова (т. I), потом в Полн. собр. соч. 1781, т. VIII, песня 63.

ЛЮБОВЬ, ЛЮБОВЬ, ТЫ СЕРДЦЕ К УТЕХАМ ВЗМАНЯ...

Напечатана в песеннике Чулкова (том I), потом в Полн. собр. соч., 1781, т. VIII, песня 90.
Строфа 3: п о с т у п ь у п о р н а я. П о с т у п ь — поступки; у п о р н а я — поступки, показывающие упорство, т. е. непоколебимость, холодность.

ТЫ СЕРДЦЕ РАСПАЛИЛА...

Напечатана в песеннике Чулкова (том I) (ср. песню 51 — и ее же в Полн. собр. соч. № 26), потом в Полн. собр. соч. 1781, т. VIII, песня 95.

НЕГДЕ В МАЛЕНЬКОМ ЛЕСКУ...

Напечатана в песеннике Чулкова (том I), потом в Полн. собр. соч. 1781, т. VIII, песня 64 (ср. «Письмовник» Курганова). Об анонимных песнях в песеннике Чулкова, весьма близких к этой сумароковской, см. статью Г. Гуковского О русском классицизме,» Поэтика», т. V., 1929.

НЕ ГОРДИТЕСЬ, КРАСНЫ ДЕВКИ...

Напечатана в Полн. собр. соч., 1781, т. VIII, песня 41.

Стих 8: в издании 1781 года явная опечатка — к р а с н ы х.

ПРОСТИ, МОЯ ЛЮБЕЗНАЯ, МОЙ СВЕТ, ПРОСТИ...

Напечатана в песеннике Чулкова (том I), потом в Полн. собр. соч., 1781, т. VIII, песня 94.

Строфа 5: а л е б а р д а — оружие, топор, секира (в форме полумесяца) на длинной рукоятке.

НЕ ГРУСТИ, МОЙ СВЕТ, МНЕ ГРУСТНО И САМОЙ...

Напечатана в песеннике Чулкова (том I), потом в Полн. собр. соч. 1781, т. VIII, песня 65.

В этой песне заметно намерение воспроизвести элементы стиля народной поэзии.

ГДЕ НИ ГУЛЯЮ, НИ ХОЖУ...

Напечатана в песеннике Чулкова (т. I), потом в Полн. собр. соч. 1781, т. VIII, песня 70.

Эта песня представляет собою стилизацию народной поэзии. В ней изображается обычай гадания о суженом. (Ср. Великорусские народные песни А. И. С о б о л е в с к о г о, т. V, песни №№ 6—10, в которых несколько строк весьма близких к сумароковским и может быть восходящих к ним, или же, наоборот, использованных Сумароковым).

Стих 10: н е м о г у — т. е. болею

Стих 25: с е м к а — дай-ка.

В РОЩЕ ДЕВКИ ГУЛЯЛИ...

Напечатана в Полн. собр. соч. 1781, т. VIII, песня 8.

Эта песня — стилизация народной поэзии.

Стих 39: о т л у ч и в с я — т. е. отлучившись.

О ТЫ КРЕПКОЙ, КРЕПКОЙ БЕНДЕР ГРАД...

Напечатана в песеннике Чулкова (т. III), потом в Полн. собр. соч. 1781, т. VIII, песня 19.

Одним из наиболее заметных успехов русских войск в турецкую войну 1768—1774 годов было взятие П. И. Паниным (1721—1789) крепости Бендеры 16 сент. 1770 года.

БЛАГОПОЛУЧНЫ ДНИ.

Напечатана в Полн. собр. соч. 1781, т. VIII, песня I.

Эта песня вероятнее всего написана для масонских собраний. Сумароков, без сомнения, принадлежал к организации масонов — международного общества с тайными обрядами и собраниями, разрабатывавшего в различных своих ответвлениях более или менее мистическое религиозное учение и проповедывавшего личное моральное совершенствование. В России масонство в его наибо-

лее заметных проявлениях сыграло роль организации высших слоев дворянства, фрондировавшего против правительства. Впрочем, к крайним мистическим течениям масонства Сумароков не принадлежал.

КТО ХУЛИТ ФРАНМАСОНОВ...

Напечатана в Полн. собр. соч. 1781, т. VIII, песня 116.

Это стихотворение написано в защиту масонов (или франмасонов— от французского franc-maçon, — в переводе XVIII в. — вольный каменщик, т. к. масонство возникло из союза строителей-каменщиков и в своей обрядности пользовалось знаками и символами ремесла каменщиков, аллегорически, морально и мистически истолкованными). Ср. примечание к предыдущему стихотворению.

ЛЖИ НА СВЕТЕ НЕТ МЕРЫ...

Напсчатана в Полн. собр. соч. 1781, т. VIII, песня 96.

Строфа 3: к р ю ч о к — крючкотворец, судебный чиновник.

Строфа 4: к а щ е й — условное имя скупца — ростовщика, темного дельца).

ПЕСЕНКА

САВУШКА ГРЕШЕН...

Напечатана в журнале «Праздное время в пользу употребленное» (1760 в номере от 28 октября) вместе с восьмистишием «Вывеска»:

В сем доме жительство имеет писарь Сава,
Простерлася его по всей России слава;
Вдовы и сироты всеместно это врут,
Что он слезами их себе наполнил пруд,
И рек пруда ко украшенью:
И плачущих ко утешенью:
Да будет огород у сих моих палат,
И стал на месте сем великий вертоград.

Повидимому, Сумароков в обоих стихотворениях имеет в виду одно и то же определенное лицо, представителя ненавистного ему судейско-чиновничьего мира, «подьячего», разжившегося и устроившего при своем доме сад с прудом.

Припев песни или использует пословицу или же сам дал материал для пословицы. По крайней мере, в комедии И. Соколова «Судейские именины» (1781) говорится: «Пусть те плутуют, кои на том стоят: так каков Сава, такова ему и слава» (Действие II, явление 7). Ср. также в сборнике И. Б о г д а н о в и ч а Русские пословицы (в котором пословицы и подправлены, и приглажены, и присочинены) — в части I, гл. IV, отд. I, № 2: «Худ ли, добренек ли Савва — То Савве такая и слава». Сочинения Б о г д а н о в и ч а, часть III, М., 1818, стр. 236.

Строфа 3: ц у к и — ц у к или, вернее, ц у г — упряжка в несколько лошадей попарно; в карете, запряженной цугом, могли ездить только чиновные люди. — К р ю к и — т. е. судейские крючки — хитросплетения, плутни.

Строфа 4: в е р т о г р а д — сад.

ИДИЛЛИИ

ПОЙТЕ, ПТИЧКИ, ВЫ СВОБОДУ...

Напечатано в журнале «Ежемесячные Сочинения к пользе и увеселению служащие» за март 1756 года.

Стих 38: В журнале явная опечатка — у ж е вместо у ж.

БЕЗ ФИЛИСЫ ОЧИ СИРЫ...

Напечатано в журнале «Трудолюбивая Пчела» за июнь 1759 года.

ЕКЛОГИ

Э к л о г и (Сумароков писал — е к л о г и) — стихотворения, рисующие жизнь и любовь воображаемых счастливых пастухов «золотого века». Этот жанр пользовался успехом в среде дворянских читателей эпохи классицизма во всей Европе. Сумароков напечатал двенадцать эклог еще в 1759—1760 годах в журналах «Трудолюбивая Пчела» (11 экл.) и «Праздное время в пользу употребленное» (1 экл.) До этого — лишь перевод эклоги французского поэта Фонтенеля (в 1756 году). Затем в «Разн. стихотв.» 1769, он перепечатал эти двенадцать эклог и добавил к ним шесть новых. Наконец, в 1774 году вышел сборник «Еклоги Александра С у м а р о к о в а», заключавший шестьдесят четыре стихотворения (восемнадцать старых и сорок шесть новых). Сборнику предпослано посвящение, своего рода предисловие; вот оно:

ПРЕКРАСНОМУ
РОССИЙСКОГО НАРОДА
ЖЕНСКОМУ ПОЛУ

Я вам, прекрасные, сей мой труд посвящаю: а ежели кому из вас подумается, что мои еклоги наполнены излишно любовию; так должно знати, что недостаточная любовь не была бы материю поезии: сверьх того должно и то вообразити, что во дни златого века не было ни бракосочетания ни обрядов к оному принадлежащих: едина нежность только, препровождаема жаром и верностью, была основанием любовного блаженства. Говорят о воровстве, о убийстве, о грабеже и ябедничестве беззазорно во всяких беседах: не уже ли такие разговоры благороднее речей любовных? А особливо когда не о скотской и не о непостоянной говорится любви. В еклогах моих возвещается нежность и верность, а не злопристойное сластолюбие, и нет таковых речей, кои бы слуху были противны. Презренна любовь, имущая едино сластолюбие во основании: презренны любовники, устремляющиеся обманывати слабых женщин: подвержены некоторому поношению и женщины, в обман давшиеся: презренно неблагородное сластолюбие; но любовные нежность и верность от начала мира были почтенны и до скончания мира почтенны будут. Любовь источник и основание всякого дыхания: а в добавок сему источник и основание поезии; так можно ли сочиняти еклоги, если пиит ужаснется глупых предварений и невкусных кривотолкований. А вы, прекрасные, помните только

то, что неблагопристойная любовь и непостоянство стыдны, поносны, вредны и пагубны, а не любовь, и что любовию наполненные еклоги и основанные на нежности, подпертой честностию и верностию, читательницам соблазна, точною чертою, принести не могут; хотя и нет никакого блага, из которого бы не могло быти злоупотребления. Что почтенняе правосудия; но колико из него происходит ябед и крючкотворений; а следовательно утеснений и погибели роду человеческому? И что почтенняе, еклоги ли составлять, наполненные любовным жаром и пишемые хорошим складом, или тяжебные ябедников письма, наполненные плутовством и складом писанные скаредным?

КЛАРИСА

Напечатана в журнале «Трудолюбивая Пчела» за март 1759 года, потом, в несколько сокращенной и измененной редакции — в «Разн. стихотв.» 1769, потом — в «Еклогах» 1774. — Здесь текст «Трудолюбивой Пчелы».

Стих 71: И к ж и т е л ь н и ц а м р о щ, к п р е л е с т н и ц а м С а т и р — т. е. к нимфам рощ; п р е л е с т н и ц ы с а т и р, т. е. красавицы, прельщающие сатиров.

ДАМОН

Напечатана в журнале «Трудолюбивая Пчела» за октябрь 1759 года; потом — в «Разн. стихотв.» 1769, в новой сокращенной редакции, под названием «Дориза»; потом — в сборнике «Еклоги» 1774, с названием «Дориза». Здесь — текст «Трудолюбивой Пчелы».

Стих 22: п о с т у п ь ю — т. е. поступками, судя по поступкам.

Стих 47. — У Сумарокова напечатано в интересах «зрительной» рифмы: з а п о р о к.

Стих 55: п р и т в о р — т. е. притворство.

Стих 119. В «Трудолюбивой Пчеле» опечатка: к о т о р ы й вместо к о т о р ы, исправленная уже в «Разных стихотворениях» 1769.

ДЕЛИЯ

Напечатано в «Разн. стихотв.» 1769, потом в «Еклогах» 1774 (в редакции, сокращенной на четыре стиха). Здесь — текст «Разн. стихотв.»

Стих 21—22 — означает: садовник в недобрый час зарывает (т. е. с а д и т) семя роз, а в его цветнике вместо роз вырастает репейник.

Стих 37. — В тексте 1769 года опечатка: д о в о д я, исправленная в издании 1774 года.

Стих 62. — В тексте 1769 года опечатка: в о л л, исправленная в издании 1774 года.

Стих 78: в б о л и н е ч р е з м е р н о м. — Слово «б о л ь» у Сумарокова — мужеского рода. В этом месте в издании 1774 года дана грамматически более последовательная форма — «в б о л Ѣ не чрезмерном».

Стих 90. — В тексте 1769 г. опечатка У ж е, исправленная в издании 1774 года.

ЮНИЯ

Напечатана в сборнике «Еклоги» 1774 года.

Стих 1: «А v р о р ы» — в изд. 1774 г. слово это напечатано через «ижицу», которая должна была обозначать краткое неслоговое «у» (см. статью С у м а р о к о в а «О правописании» в Полн. собр. соч., т. X.)

Стих 63: Е р о т с о п р я г и х ч а с т ь и к м а т е р и л е т е л — т. е. Эрот соединил их участь (судьбу) и летел к своей матери (богине любви, Афродите — Венере).

ПАРФЕНИЯ

Напечатана в сборнике «Еклоги» 1774 года.

Стих 23: П о б о р с т в у й с а м и т. д. — т. е. помогай, содействуй мне.

Стих 33: п р о л и т ы с з е м и в о д ы — т. е. земли.

Стихи 50, 54, 55, 57: имя Л а у р а — напечатано в издании 1774 г. с ижицей (Л а v р а), которая должна была обозначать краткое, неслоговое «у».

ЕПИСТОЛЫ

О РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Напечатана в отдельной книжке «Д в е Е п и с т о л ы А л е к с а н д р а С у м а р о к о в а». «В первой предлагается о Русском языке, а во второй о стихотворстве», 1748. Позднее Сумароков сократил обе свои «епистолы» и соединил их в новой редакции в одну стихотворную брошюру, изданную в 1774 году под названием «Наставление хотящим быти писателями». В этой брошюре из «Епистолы о русском языке» осталось лишь 66 стихов. Здесь — текст издания 1748 года.

Стих 10: в п и с ь м а х — т. е. в сочинениях, вообще в писаниях.

Стих 14: с л о в е с н ы х ч е л о в е к о в — т. е. людей, народов, имеющих словесность, литературу.

Стих 20: п и с ц о в — т. е. писателей.

Стих 21 и сл.: о д и н, п о с л е д у я... В этих стихах Сумароков имеет в виду Ломоносова, учившегося в Германии и испытавшего влияние немецкой поэзии. Самый строй речи Ломоносова, по наблюдению некоторых исследователей, отражает конструкцию латино-немецкой фразы. Вероятно, о нем же речь идет и в стихах 31—32. Сумароков неоднократно полемизировал с Ломоносовым, порицая «надутость», напряженную торжественность, сложность и «неестественность» его языка.

Стихи 25—30: Д р у г о й, н е в ы у ч а с ь... — Вероятно, Сумароков имеет здесь в виду Тредиаковского. Повидимому, о нем же говорится и в стихах 33—34. Тредиаковский много работал в области языкознания и теории литературы.

В стихах 40—41: д о з е л а. — З е л о — очень. Этими словами Сумароков как бы пародирует Тредиаковского с его устаревшим уже и для 1748 года словарем.

В стихах 65 и сл. Сумароков дает советы, как строить слог ораторской речи («слова»).

Стих 68: р и т о р с к и, т. е. ораторские.

Стих 74: И д в е р и ч т е н и е к и с к у с с т в у о т в е р з а е т — т. е. чтение открывает двери к искусству.

Стих 78: с к а р е д н о — очень дурно.

Стих 79: Н е м н и, п е р е в о д я, ч т о с к л а д в т в о р ц е г о т о в. — Смысл таков: не думай, переводя, что склад речи перевода готов (дан в готовом виде) у переводимого автора; т. е. в переводе не следует рабски следовать словам и порядку слов оригинала.

Стих 85: п и с ь м о м — т. е. произведением, творчеством.

Стих 103: Л и ш ь т о л ь к о т ы с к л а д ы н е м н о г о п о у ч и — т. е. лишь только научись немного грамоте (по складам).

Стих 104: Б о в а, П е т р — З л а т ы к л ю ч и — популярные «народные» книги, заимствованные из западных литератур. Презрительные упоминания обеих этих книг, расходившихся в списках, служили типичным обозначением отношения писателей-дворян к лубочной литературе «низов».

Стих 105: П о д ь я ч и й г о в о р и т: «П и с а н и е т у т н е ж н о». — Смысл: подьячий говорит: это (т. е. «Бова» и др.) — нежно написано (или может быть — легко, нежно можно научиться писать, списывая «Бову» и др.)

Стих 110: Ч е т ы р е л и т е р ы с п л е т а й т ы в с л о в о л е т а — т. е. сплетай четыре буквы в слове «лета». Слово л е т а, т. е. г о д а, часто встречавшееся в документах, как бы характерное канцелярское слово. Сумароков имеет здесь в виду вычурные почерки канцелярских писцов, переплетавших буквы, украшенные завитками.

Стих 112: п и с е ц — опять в смысле «писатель».

Стих 128: п с а л т ы р ь. В системе обучения славянской грамоте в XVIII веке Псалтирь был обыкновенно одной из учебных книг.

Стих 131: а щ е, т о ч и ю — старославянские слова, означающие «если» и «только», «не более как». Эти слова применялись в канцелярском стиле, вообще архаическом.

Стих 135: ч т е м — читаем. Речь идет о старославянском языке (книги, о которых говорит здесь Сумароков,—старинные, и в первую очередь церковные книги), теорию преемственной связи которого с современным ему литературным русским формулирует здесь Сумароков.

О СТИХОТВОРСТВЕ

Напечатана в отдельной книжке «Две Епистолы...» и т. д. (см. предыдущее стихотворение), 1748. Потом — отдельно в 1774 году

и в том же году в сильно сокращенной новой редакции епистола о стихотворстве вошла в состав «Наставления хотящим быти писателями» (см. предыдущее стихотворение), где из нее осталось всего 142 стиха. Здесь — текст издания 1748 года.

В ряде мест «Епистолы» Сумароков подражал знаменитой поэме французского поэта Буало (1636—1711) «Поэтическое искусство», в которой дан как бы кодекс законов поэзии эпохи классицизма. К изданию двух «епистол» (1748 года) Сумароков приложил «Примечания на употребленные в сих Епистолах стихотворцов имена». Это — алфавитный перечень всех упомянутых им писателей с краткими сведениями о них. В настоящих примечаниях приведены некоторые цитаты из сумароковского словарика (его отзывы о произведениях упоминаемых им писателей).

Стих 7: Прадон и Шапелен — французские поэты XVII века, имена которых со времен Буало стали в европейских литературах эпохи классицизма обозначением бездарности.

...не тамо ли писали — В тексте 1748 года опечатка: не токмо ли, оговоренная Сумароковым в статье «Ответ на критику» (написанной в 1750—1751 годах, но напечатанной лишь в Полн. собр. соч. 1781, в X томе).

Стих 9: Корнелий, т. е. Корнель. О Корнеле Сумароков пишет в примечаниях: «Великим назван он не столько от хорошего стихотворства, как от великого духа и высоких мыслей». — Депро — т. е. Буало Депрео. О нем Сумароков пишет между прочим: «Слава его, к чести французского стихотворства, по всей Европе распростерта». — О Расине: «Стихотворство (т. е. поэзия. *Ред.*) его всякую похвалу превосходит». — О Мольере: «Преславный французский комик, или паче славнейший изо всех комиков на свете».

Стих 10: Де Ла Фонтен — т. е. Лафонтен. О Вольтере Сумароков говорит в примечании, что он — «...великий стихотворец и преславный французский трагик; Генрияда, героическая его поэма, есть некое сокровище стихотворства. Как Генрияда, так и трагедии его важностью, сладостью, остротой и велиния проницательны, а все то купно показывает в нем великого стихотворца».

Стих 26: Невольные стихи — т. е. вымученные.

Стих 36. — В издании явная опечатка — есть вместо ест.

Стих 42: Ешилл — т. е. Эсхил.

Стих 44: о Виргилиевой Энеиде Сумароков пишет между прочим, что она почитается «лучшим на свете стихотворством» (Примечания).

Стих 45: Терентий — т. е. Теренций.

Стих 47: Мальгерб — т. е. Малерб (Malherbe) — Руссо, т. е. Жан Батист Руссо, поэт XVII — XVIII в. О Кино Сумароков пишет, что он — «стихотворец нежной лиры» (Примечания); французов хор реченный — т. е. вышеуказанные французы (Корнель, Расин и др.)

Стих 48: Шекспир, хотя непросвещенный. — О Шекспире Сумароков пишет, что в его произведениях «и очень худого и чрезвычайно хорошего очень много» (Примечания), разделяя в такой оценке отношение к нему Вольтера. «Непросвещенность» Шекспира в глазах Сумарокова, очевидно, выражалась в том, что его трагедии не соответствовали правилам классической трагедии и вообще понятию о прекрасном, узаконенном в эпоху классицизма.

Стих 49: Лоп — т. е. Лопе де Вега.

Стих 50: Гинтер — т. е. Гюнтер.

Стих 61: различие родов — т. е. классификацию литературных жанров. Классическое учение о поэзии требовало строгого разграничения видов творчества (жанров), правила каждого из которых считались твердо установленными.

Стих 64: слезами Талию — и т. д. — Строго запрещалось вводить в трагедию комические элементы и наоборот.

Стихи 65—86 посвящены характеристике пастушеских жанров — идиллии и эклоге.

Стих 65: За сребро и злато — т. е. вместо серебра и золота.

Стихи 87—102 — посвящены характеристике жанра элегии.

Стих 89 — в издании 1748 года пропущено слово склад. Опечатка оговорена Сумароковым в его статье «Ответ на критику» (Полн. собр. соч., 1781, т. X).

Стихи 103—116 посвящены торжественной оде.

Стих 105 — на полы — т. е. пополам.

Стих 107 — Едип гаданьем град от Сфинкса избавляет. — Имеется в виду древнегреческий миф об Эдипе, избавившем город Фивы от чудовища сфинкса, пожиравшего тех, кто не мог решить заданной им загадки. Эдип разгадал ее, и сфинкс бросился в море. В торжественных (похвальных) одах дворянские поэты XVIII века, стремясь прославить победы и дела монархов, сравнивали их с героями древней истории и мифологии.

Стих 108: И сильный Геркулес злу гидру низлагает. — Геркулес — герой древнегреческой легенды, убивший лернейскую гидру, многоголового змея-чудовище.

Стих 109: Скамандрины брега богов зовут на брань. — Скамандр — река под Троей, осада которой греками описана в «Илиаде». В этой поэме говорится о том, что сами боги приняли участие в борьбе греков и троянцев.

Стихи 117—144. — Речь идет о героической эпопее, эпической поэме.

Стихи 121—122: Пекись, чтоб не смешать по правам лирным дум. В Епическом стихе порядочен есть шум. — Смысл таков: старайся не смешивать порядка мыслей (не разбивать хода развития темы) так, как это допустимо в лирике; в эпической поэзии шум (т. е. пафос, словесный гром) подчиняется порядку.

Стих 127: Сей стих есть полн притворств... Смысл: в этом роде поэзии (т. е. в эпопее) много превращений, пере-

воплощений. Далее говорится об обычае классической эпопеи XVII — XVIII веков олицетворять в образах античных богов, мифологических героев или просто отвлеченных фигур — пороки, добродетели, силы природы и т. под.

Стих 136: То Нимфа во слезах Нарцисса вспоминает. — По древнегреческому мифу нимфа Эхо умерла от любви к юноше Нарциссу и превратилась в звук, отзвук.

Стихи 137—144 — воспроизводят содержание первой песни Энеиды поэмы Виргилия: Троянец Эней бежит из сожженного врагами родного города (Троя называлась также Илионом). Богиня Юнона ненавидит троянцев за то, что троянец Парис в споре трех богинь о первенстве отдал предпочтение не ей, а богине любви — Венере (Афродите). Она хочет погубить корабли Энея и подговаривает бога ветров Эола возмутить бурей Средиземное море, по которому плывет Эней. Буря прибивает корабль Энея к берегу Африки, где он находит приют у царицы Карфагена Дидоны.

Стихи 145—238 посвящены драматическим жанрам.

Стихи 153—172 излагают правило Трех единств, предписанное драматургии эпохи классицизма: 1) единство действия — сосредоточение всего материала вокруг одной группы событий, с отсечением всего того, что не необходимо для изложения этого основного сюжета; 2) правило единства времени — согласно которому все изображаемые в пьесе события должны протекать в течение времени, не превышающего одних суток; 3) правило единства места — согласно которому все действие пьесы должно происходить в одном месте.

Стих 154: смотритель — т. е. зритель.

Стих 155: Ругается... единого он страсть-ю — т. е. он порицает страсть (в смысле порок: напр. гордость, скупость) только одного персонажа пьесы.

Стихи 157—160. — Речь идет о трагедиях Еврипида («Ифигения в Авлиде») и Расина («Ифигения»), в которых изображена судьба Ифигении, дочери греческого царя Агамемнона, которую отец хотел, по указанию оракула, принести в жертву.

Стихи 176—184 — передают частично содержание трагедии Расина «Федра». Ипполит («Трезенский князь»), прежде чуждавшийся любви, влюбился в Арисию (афинскую принцессу). Слова Ипполита у Сумарокова — в стихах 181—184 — изложение соответственного места у Расина (Действие II, сцена 2). — Венерин гнев (ст. 176) — завязка трагедии Расина и Еврипида (из трагедии которого «Ипполит» Расин многое почерпнул для своей «Федры») — результат гнева Венеры (см., например, пролог к трагедии Еврипида).

Стихи 185—196 — излагают основы сюжета трагедии Расина «Андромаха». Андромаха, вдова троянского героя, сына царя Приама, Гектора, после взятия Трои греками попала в плен к греческому царю Пирру, который влюбился в нее. Греки хотят погубить сына Андромахи. Пирр предлагает Андромахе спасти ее сына но под условием, чтобы она вышла за него замуж.

Стихи 197—198 излагают часть содержания трагедии Расина «Ифигения» (см. выше). Ифигению, дочь Агамемнона и Клитемнестры, ее отец и все греки, собравшиеся походом на Трою, хотят принести в жертву. Ее жизнь отстаивает ее жених Ахилл (сын нимфы — богини Фетиды).

Стихи 199 — 206 излагают содержание трагедии Расина «Британник». Римский император Нерон похищает Юнию (Junie), возлюбленную (и невесту) своего сводного брата Британника; последнего он отравляет. Юния (Жюни) убегает и становится весталкой (жрицы Весты давали обет безбрачия). Перед этим она прибегает под защиту статуи Августа (см. «Ифигения». Действие V, сц. 8).

Стих 207: Монима — героиня трагедии Расина «Митридат»; понтийский царь Митридат хотел отравить Мониму за любовь к его сыну.

Стих 208: Аталья — «Athalie», «Аталия» (или иначе — «Гофолия») — трагедия Расина; сюжет ее взят из Библии.

Стихи 209—210: «Меропа» — трагедия Вольтера; в ее сюжете не использован основной мотив большинства классических трагедий — любовь между мужчиной и женщиной. Тема «Меропы» — материнская любовь.

Стих 212: Альзира — трагедия Вольтера.

Стих 216: Мизантроп — комедия Мольера.

Стихи 217 — 288: Мольеров лицемер... — В трех первых действиях — речь идет о комедии Мольера «Тартюф», изображающей ханжу-лицемера. Развязку «Тартюфа» находил искусственной не один только Сумароков, признававший в этих стихах только первые три (из пяти) действий комедии заслуживающими вечной славы.

Стих 219: «Женатый Философ» и «Тщеславный» — комедии Детуша («Le Philosophe marié» и «Le Glorieux»)

Стих 221: игрищ — т. е. пьес, в духе народных ярмарочных игрищ.

Стих 226: пользовать — т. е. приносить пользу.

Стих 227: в приказе — в правительственном учреждении, в канцелярии.

Стих 231: для амуру — т. е. для любви.

Стих 233: латынщика... который не соврет без *ерго* ничего — т. е. схоластического ученого, щеголяющего употребительным еще тогда в академической науке латинским языком. Ерго — латинское слово ergo, т. е. «следовательно», часто употребляемое в ученых сочинениях, речах и спорах (диспутах).

Стихи 237—238: Представь картежника, который, снявши крест... рест. Смысл, вероятно, таков: игрока, дочиста обобравшего своего противника, снявшего с него даже нательный крест (или так: игрока, отказавшегося от божеских законов честности; как бы снявшего с себя крест), который производит разные карточные операции. Рест — термин карточной игры (соответствующий, повидимому, позднейшему пасс).

Стихи 239—269 посвящены поэтическому жанру сатиры.

Стих 243: Скажи мне, Боало и т. д. Сумароков имеет в виду знаменитые сатиры Буало.

Стих 249: страстные сердца — т. е. порочные, увлеченные порочной или слишком сильной страстью.

Стихи 255 и сл: Душевредник — старается, чтоб был у всех людей наследник — Имеются в виду судебные плутни; ловкий человек, дав взятку судье, мог заявлять свои права на чужие наследства и добиваться таким образом противозаконного присвоения чужого имущества.

Стих 265: вести — новости, сплетни.

Стихи 270—274 посвящены жанру эпиграммы.

Стихи 275—279 посвящены жанру басни.

Стих 280: И сказки пев. — Сумароков говорит о так называемых «сказках» Лафонтена (стихотворных новеллах).

Стих 283: «парнасски девушки» — т. е. Музы.

Стихи 285—310 посвящены так называемым травестийным и героикомическим поэмам. Эти два типа комической поэзии противопоставлялись друг другу во французской литературе XVII и еще XVIII веков. Первый из них, развившийся в так называемой бурлескной школе, заключался в том, что поэт излагал «высокие» события (подвиги героев древности и деяния античных богов) грубоватым слогом «низкого» анекдота, обставляя свой стихотворный рассказ деталями обыденного быта, иногда весьма не торжественного характера. Образцом таких «травестийных» (перелицованных, переодетых) поэм служило произведение французского поэта XVII в. П. Скаррона «Virgile travesti» (перелицованный, переодетый Виргилий), являющееся пародией на знаменитую поэму Виргилия «Энеида», т. е. излагающее в «низких» тонах шаг за шагом все события этой поэмы. Школа классиков, и в первую очередь Буало, боролась против «грубой» поэмы бурлесков. Буало противопоставил скарроновскому произведению теорию герои-комической поэмы, в которой, наоборот, обыденные, мелочные события из жизни рядовых людей пародийно излагались высоким слогом героической эпопеи. Сам Буало дал образец такой поэмы в своем «Налое». Сумароков считает одинаково законными оба вида комической поэмы.

Стих 287: Он в подлу женщину — формула построения скарроновской поэмы. Дидона — одна из героинь «Энеиды».

Стихи 288—289: или нам бурлака Енеем представляет — формула построения комической поэмы по принципу Буало. Эней — герой «Энеиды».

Стихи 291 — 300 — характеристика скарроновского типа комической поэмы.

Стихи 292—294: Парис Фетидину... — Гектор — герои Илиады: троянцы Парис и Гектор; грек Ахилл, сын Фетиды. — Перебяку — т. е. побои, потасовк

Стих 294: бойцов — т. е. кулачных бойцов.

Стихи 301—310 — характеристика комической поэмы по принципу Буало. Имена героев и богов, использованные в этом отрывке,

ведут нас к той же Гомеровой «Илиаде». — Илион — другое название Трои.

Стихи 311—314 заключает характеристику эпистолы, т. е. стихотворного послания (обычно — рассуждение в стихах).

Стих 315. — Сонет — стихотворение в четырнадцать строк, разделенное на два четверостишия и два трехстишия с определенной рифмовкой и определенной схемой расположения элементов темы. Рондо — стихотворение из тринадцати стихов с определенной строфической формой и определенной рифмовкой. Каждая из строф кончается теми словами, которыми начинается стихотворение.

Баллад (баллада) — в старинной поэзии романских народов — стихотворение, состоявшее из нескольких строф с определенной рифмовкой и припевом (рефреном) и из заключительного более короткого куплета («посылка» — «Envoy»); не следует смешивать такую балладу с «романтической» балладой (развившейся первоначально в Англии и Шотландии), лирико-повествовательным стихотворением, чаще всего с героическим или фантастическим сюжетом.

Стихи 323—358 — заключают характеристику жанра любовных песен.

Стихи 324—329 и 349—358. — Сумароков имеет здесь в виду авторов песен, писавших еще силлабическими стихами (т. е. без определенного размера), в традиции стихотворства первой половины XVIII в. и может быть даже более ранней.

Стих 332: витийств — т. е. ораторского слога, пышного красноречия.

Стих 334 — Не он над ним большой — т. е. не ум здесь владеет, управляет слогом песен.

Стихи 338 — 344 — образец слога песен. вполне сходный с поэтической практикой Сумарокова.

Стих 376. — Сумароков предлагает любителю деревенского пейзажа писать эклоги.

Стих 380: Дела Сюз — Henriette de la Suse, французская поэтесса XVII века, автор элегий.

Стих 382. — Имеются в виду опять сатиры Буало.

Стих 383: возьми гремящу лиру и т. д. — т. е. пиши оды.

Стих 392: а ты Штивелиус... — Сумароков имеет в виду здесь Тредиаковского. Имя Штивелиус произошло от имени немецкого математика XVI в. Штифеля (Stiefel, латинская форма — Stifelius), известного своими неудачными предсказаниями. Имя это — Штивелиус — использовано немецким переводчиком комедии датского писателя XVIII в. Гольберга «Jacob von Tyboe» (в немецком переводе — «Bramarbas») для обозначения педанта. (Сам Гольберг называет именем Штивелиуса некоего педанта в своей автобиографии.) Заимствование Сумароковым имени Штивелиуса из Гольберга отметил еще сам Тредиаковский в критическом «Письме» о произведениях Сумарокова (1750). Штивелиусом назвал Тредиаковского в одной эпиграмме и Ломоносов. См. об этом имени —

в примечаниях М. И. Сухомлинова к Сочинениям М. В. Ломоносова изд. Академии Наук, т. II., 1893, стр. 391—399.

Стих 395: пой Ахиллесов гнев — Илиада начинается так: «Гнев, богиня (т. е. Муза. — *Ред.)*, воспой Ахиллеса, Пелеева сына...» (перевод Н. Гнедича). Гнев Ахилла на своих соратников, греческих вождей, в частности Агамемнона, служит исходным пунктом развития темы Илиады.

Стих 401: брани — войну.

Стих 403: страстям ругался — т. е. порицал, высмеивал страсти (пороки).

ЕПИСТОЛА К НЕПРАВЕДНЫМ СУДЬЯМ

Напечатана в «Трудолюбивой Пчеле» 1759 года в майском номере, потом в «Разн. стих.» 1769, и в «Нек. дух. соч.» 1774, — оба раза с названием «К неправедным судьям». Здесь — текст по «Трудол. Пчеле».

ЕПИСТОЛА ПАВЛУ ПЕТРОВИЧУ

Напечатана в брошюре «Речь, идиллия и епистола его императорскому высочеству государю великому князю Павлу Петровичу на день рождения его 1761 года сентября 20 числа. Сочинение Александра Сумарокова» (1761). Павлу Петровичу исполнилось в 1761 году семь лет.

Стих 55: Калигула и Нерон — римские императоры I века н. э.; в литературе эпохи классицизма их именами обозначали жестоких деспотов, царей-тиранов.

Стихи 79—80. — Римский император Тит Веспасиан (I в.); в литературе эпохи классицизма он изображался как образец идеального монарха. Распространен был рассказ о том, что он никого не казнил смертью.

Стихи 81—82. — В XVIII веке во всей Европе было распространено мнение, что императрица Елизавета Петровна никого никогда не казнила смертью. Это не помешало, конечно, и в ее царствование широко применять мучительства, как кнут и др. — часто приводившие к смерти обвиненного (не говоря уже о расправах с восставшими и т. д.).

САТИРЫ

ПИИТ И ДРУГ ЕГО

Издана впервые в сборнике «Сатиры Александра Сумарокова. Книга перьвая» (дальнейших «книг» не появлялось), напечатанном в 1774 году. «Пиит и друг его» открывает сборник.

Буквы «П» и «Д» в началах стихов обозначают собеседников: «Пиита» и «Друга».

Стих 10: жалостные драмы — так называемые «слезные драмы», новый драматический жанр, выдвинутый литературой воинствующей буржуазии — на западе Европы в XVIII веке. «Мещанская» драма пропагандировала идеалы буржуазной морали и общественности и в то же время часто выступала с критикой основ феодального строя. Ее художественный метод — изображение обыденного быта «средних людей», индивидуально-психологический анализ. Сентиментальная окраска не мешала ей вводить реалистическую манеру изображения жизни. «Слезная драма» достигла расцвета в середине XVIII века в Англии и во Франции, где после первых опытов Нивель де ла Шоссе и Детуша возникают такие произведения, как «Побочный сын» и «Отец семейства» Дидро (1757—1758), «Философ, не думающий быть философом» Седена (1765) и др. В Россию буржуазная драма проникает с 70-х годов. В 1770 году Н. Пушников издал перевод мещанской драмы Бомарше «Евгения». Он был поставлен на сцену и имел успех. Сумароков был потрясен этим. Его, строгого блюстителя «правил» дворянской классической литературы, возмущала в новой драме и ее идейная установка (прославление буржуазии за счет аристократии), и нарушение всех привычных эстетических норм. В предисловии к своей трагедии «Димитрий Самозванец» (1774) он обрушился и на «Евгению», и на ее переводчика, и на публику, не сошедшуюся с ним во вкусах. Он написал о волновавшем его вопросе Вольтеру, патриарху европейской литературы, и получил от него ответ, сдержанно осуждающий новый жанр. Этот ответ он напечатал в том же предисловии. Тут же, в предисловии, он жалуется на плохое поведение московской публики в театре вообще, на то, что она шумит, не слушает пьесу и т. д. Эта тема также всплывает в сатире «Пиит и Друг его». Повидимому, эта сатира написана вскоре после появления «Евгении», т. е. около 1771 года.

Стих 12: здесь — т. е. в Москве, где Сумароков жил в 70-х годах почти все время.

Стих 43: со съезжей поберут людей за мостовую — т. е. потащат в полицию (съезжая — полицейский участок) твоих слуг (крепостных) якобы за неисправность мостовой перед домом.

Стих 44: Кащей. — Сумароков имеет в виду мужа своей сестры — А. И. Бутурлина, которого он изобразил также в комедии «Лихоимец». Бутурлин был отчасти причиною ссор и запутанных денежных отношений Сумарокова со своими родными.

Стих 50: Росская Паллада — Екатерина II.

Стих 62: екстракт — судебный документ, краткое изложение дела, на основании которого суд постановлял решение. Запутанность «екстрактов», делавшая их неудобопонятными, могла быть средством подготовить неправильное решение дела. К этому средству прибегали за взятки судебные чиновники («подьячие»).

Стих 94:ременный жгут — т. е. кнут, орудие пытки и казни в XVIII веке

О БЛАГОРОДСТВЕ

Напечатана впервые там же, где и предыдущее стихотворение. Убежденный крепостник, Сумароков тем не менее настаивал на обязательности для дворянина-помещика культуры и службы обществу.

Стих 31: Перикл, Алкивиад — государственные деятели древних Афин (V в. до н. эры).

Стих 34: Фридерик — Фридрих II, король Прусский (1712—1786), поднявший своей военной и гражданской деятельностью международное значение своей страны; Фридрих старался собрать вокруг своего двора писателей и ученых и сам писал стихи и прозу — по-французски.

Идеологам дворянской монархии он представлялся образцом «просвещенного государя».

Стих 74: Сей Павла воспитал — Н. И. Панин (1718—1783), один из виднейших дворянских государственных деятелей екатерининской эпохи. Он был воспитателем сына Екатерины Павла.

Стих 75: с Спиридовым валы Орловы пребегают. — Г. А. Спиридов (1713—1790), адмирал, принимавший участие в морском Чесменском сражении (1770), в котором турецкий флот был сожжен русским. В этом сражении флотом командовал А. Г. Орлов (1737—1807), брат фаворита императрицы. При флоте был и еще один брат Орлов — Федор Григорьевич (1741—1796).

Стих 77: А. М. Голицын (1718—1783) и П. А. Румянцов (1725—1796) генералы, начальники русских войск в турецкой войне 1768—1774. — Тюренн — знаменитый французский военачальник XVII века.

Стих 78: Панин — Мальборуг. — П. И. Панин (1721—1789), брат Н. И. Панина — один из начальников русских войск в турецкой войне 1768—1774 годов. В 1770 году войска под его командованием взяли турецкую крепость Бендеры.

Мальборуг (Мальборо) — английский полководец и государственный деятель XVII — XVIII века.

Стих 79: П. Д. Еропкин (1724—1805) — генерал, подавивший восстание в Москве во время чумы 1771 года.

Стих 80: Мегера — античное божество ада. Сумароков обозначает этим именем чуму или, вернее, «бунт», восстание.

События, о которых идет речь в ст. 74—80, определяют время написания этой сатиры — около 1771—1772 годов.

О ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Напечатана там же, где и предыдущие сатиры. Перенимая внешние формы жизни, моды, обычаи, литературу и даже иногда мировоззрение из Франции, русское столичное дворянство XVIII века увлекалось всем французским. Сатирическая литература того времени сохранила множество свидетельств о крайностях этого увлечения. В аристократических салонах французский язык вытеснял нередко русский. Молодые щеголи считали своим долгом, даже говоря по-русски, испещрять свою речь французскими выражениями. Сумароков, так же как большинство писателей его времени, боролся с пристрастием ко всему французскому.

Стих 8: соломy пальею. — По-французски солома — paille (пайль).

Обжектом вид зовет — французское objet (обже).

Стих 14: не на такой ноге я вижу это дело — дословный перевод французского оборота, с точки зрения Сумарокова не свойственный русскому языку.

Стих 30. — Екатерина любила щегольнуть любовью ко всему русскому, «национальному», в частности к русским сарафанам. Впрочем, придворный туалет в русском духе мало походил на подлинный крестьянский сарафан, являясь лишь своеобразной стилизацией его.

Стих: суп — слово, заимствованное из французского языка.

Стих 33: соус — слово заимствованное, — по-английски звучит как «соус», а по французски — как «сос».

Стих 35. — В печатном тексте явная опечатка: карпус — вместо картуз.

Стих 41: Тафты, парчи, обои, штофы — разного рода дорогие материи, модные во времена Сумарокова.

Стих 54: Колико их перо развратно ни вломало — т. е. сколько их ни сочинено беспутными писателями.

О ЧЕСТНОСТИ

Напечатана там же, где и предыдущие сатиры.

Стих 7: карты подобрав. — Имеется в виду плутовство в карточной игре.

Стих 8: реванж — т. е. реванш (франц.). Здесь — возможность отыграться.

Стих 17: оправив ябеду — т. е. оправдав ябедника, тяжущегося неправо.

Стихи 27—32. — Сумароков имеет в виду обычай продавать крепостных людей в солдаты — злоупотребления, возникавшие в связи с этим обычаем, а также продажу крепостных с аукциона поодиночке.

Стихи 35—42. Сумароков был лишь слегка затронут влиянием французских буржуазных философов-«просветителей»; материалистическая концепция мира была ему чужда.

НАСТАВЛЕНИЕ СЫНУ

Напечатана там же, где и предыдущие сатиры.

Стих 15: химеру — здесь: ложную мысль, пустое представление.

Стих 36: случайных — т. е. находящихся и милости у двора и вельмож в силе.

Стих 83: епанча — плащ.

Стих 85: подбирать — речь идет о шулерстве в картежной игре.

Стих 109: смучай — т. е. сей смуту.

ОДА ОТ ЛИЦА ЛЖИ

Это стихотворение замыкало сборник «Сатиры Александра Сумарокова» 1774 года.

Стих 80: «крюк», т. е. судейские плутни, дела.

Стих 99. — Ср. стихотворение «Апреля перьвое число»; здесь на стр. 283.

Стих 104: Минерва Росская — Екатерина II.

Стих 109: Но мать и сына воспитала — т. е. Екатерина II — Павла.

ПРИТЧИ

Сумароков был самым плодовитым из русских баснописцев. Он оставил более трехсот семидесяти пяти «притчей». Впрочем, термин «притча» у Сумарокова несколько шире обычного понятия «басни». Среди сумароковских притч мы найдем и небольшие размышления в стихах, и стихотворные анекдоты (типа эпиграмм), и др. В журналах притчи Сумарокова стали появляться с 1755 года. В 1762 году вышли две книги их отдельными сборниками («Притчи Александра Сумарокова»; при первой книге — посвящение «Его императорскому высочеству государю цесаревичу Павлу Петровичу»). В 1769 году появилась третья книга «Притчей». Новиков, извещая публику в начале 1780 года о предстоящем выпуске Полного собрания сочинений Сумарокова, («Моск. Ведом.», № 3, от 8 янв., см. Губерти. Материалы для русск. библиогр. II том, 1881, стр. 90) обещал, между прочим, поместить в нем «Притчи, состоящие в шести книгах; из них три напечатаны прежде особо; две совсем новые, а последняя состоит из разных притчей, покойным сочинителем в сии пять книг [не] внесенных». В самом деле в Полн. собр. соч. дано шесть книг притчей. Из новиковского объявления можно, повидимому, заключить, что IV и V книги были написаны Сумароковым между 1769 и 1777 годами и самим поэтом собраны (может быть даже приготовлены к печати). Что же касается VI книги, то она собрана Новиковым, главным образом, из притчей, бывших ранее напечатанными Сумароковым в журналах и не вошедших в первые пять книг (из всех шестидесяти трех притчей VI книги таких сорок восемь); сюда же вошли две притчи, изданные отдельными листками, несколько до сих пор вовсе неизданных притчей, некоторые даже не совсем отделанные автором (судя по пропускам в новиковском тексте) [1]. Каждая из трех «Книг» притчей Сумарокова построена по определенному плану. Сводя в настоящем издании притчи из всех книг в единую группу, мы стремились сохранить сумароковский принцип их расположения.

САТИР И ГНУСНЫЕ ЛЮДИ

Напечатана в «Притчах» 1769, книга III, притча I. В этой притче Сумароков изобразил отношение к себе русского столичного «света». В виде сатира он изобразил себя, в виде пастухов («гнусных людей») — дворянское общество. Пан должен был представлять, скорей всего, императрицу Екатерину, на поддержку которой Сумароков надеялся (не всегда успешно).

[1] Кроме того, несколько басен было напечатано Новиковым в IX томе Полн. собр. соч. 1781 г.

Последние два стиха этой притчи были взяты эпиграфом к новиковскому сатирическому журналу «Трутень» на 1770 год.

ОСЕЛ И ХОЗЯИН

Напечатана в «Притчах» 1762, кн. I, притча 6. Заимствована из басни Лафонтена «L'Ane et le petit Chien», в свою очередь заимствованной у Федра «Asinus domino blandiens»

КОШКА

Напечатана в «Притчах» 1762, кн. I, притча 8. Заимствована из басни Лафонтена «La Chatte metamorphosée en Femme» («Кошка, превращенная в женщину» [1], в свою очередь заимствованной у Эзопа).

Стих 17: фижбейная юбка — т. е. широкая юбка на каркасе из китового уса (немецк. Fischbein — китовый ус).

Стих 23. — то же.

ЯЙЦО

Напечатана в «Притчах» 1762, Кн. I. притча 10. Заимствована из басни Лафонтена «Les Femmes et le Secret» («Женщины и тайна»).

Стих 26: Болкливой — т. е. болтливой.

СПОРЩИЦА

Напечатана в «Притчах» 1762, кн. I, притча 15.

Стихи 1—5 — пародия слога и обычной формулы начала («приступа») героической эпопеи (эпической поэмы) — призывания музы и прошения поведать о подвигах героя поэмы.

Стих 13: внутренна — т. е. внутренность, нутро.

Стих 14: пылит — т. е. злится (ср. в пылу гнева, ссоры; пылкий).

ДВОР У ЛЬВА

Напечатана в «Притчах» 1762, кн. I, притча 17, заимствована из басни Лафонтена «La cour du Lion» («Двор Льва»), в свою очередь заимствованной у Федра.

Стих 15: Наместо портупей имеют кушаки. — Смысл: вместо перевязи для шпаги носят еще кушак; шпаги имели право носить только дворяне; поэтому портупея здесь признак дворянина, так же как кушак — признак купца, одевающегося в «русское», купеческое, платье. Сумароков метит здесь в богатых купцов, занимавшихся крупными торговыми операциями, бравших у правительства откупа и добивавшихся дворянства.

[1] См. К. Заусцинский, Басни Сумарокова. «Варшавские Университетские Известия» 1884, № 5. Там же ряд других указаний на источники басен Сумарокова.

МЫШЬ И КОШКА. БОЯРИН И БОЯРЫНЯ

Напечатана в «Притчах» 1762, книга I, притчи 20—21. Аналогичный мотив использован в комедии Сумарокова «Пустая ссора» (представлена впервые ок. 1750 г.) — в явлениях VIII — XI.

Стих 1. — В «Притчах» — явная опечатка: в чулане вм. в чулан.

ОТСТРЕЛЕНАЯ НОГА

Напечатана в «Притчах» 1762, кн. I, притча 23.

Стих 12: Читали ль надпись вы у черного орла — прусский орден Черного орла, на звезде которого — латинская надпись («Каждому свое») «Suum cuique».

БЕЗНОГИЙ СОЛДАТ

Напечатана в журнале «Трудолюбивая Пчела» за июль 1759 года потом в «Притчах» 1762, кн. II, притча 4. — Здесь — текст журнала.

Стих 37: пятница и среда — постные дни недели.

Стих 48: Копал из ряды — т. е. подрядившись, по найму.

БОЛВАН

Напечатана в журнале «Праздное время в пользу употребленное», в номере от 25 ноября 1760 г., потом в «Притчах» 1762, кн. II, притча 6. Здесь — текст журнала.

Стих 17: Мошны искусно слабят — т. е. ослабляют, опустошают кошельки (мошны) людей, поклоняющихся идолу.

ОДНОКОЛКА

Напечатана в «Притчах» 1762, кн. II, притча 7.

Стихи 7—8: не знает он аза в глаза — т. е. не знает ничего.

ЛИСИЦА И ТЕРНОВОЙ КУСТ

Напечатана в журнале «Праздное время в пользу употребленное», в номере от 18 ноября 1760 года; потом в «Притчах» 1762, кн. II, притча 20. Здесь — текст журнала; вольно заимствована из басни Эзопа «Лиса и Терновник».

Стих 2: Машейничать — т. е. мошенничать.

Стих 6: науку о крючках — т. е. науку судебных плутней.

ГОЛОВА И ЧЛЕНЫ

Напечатана в «Притчах» 1762, кн. II, притча 25; заимствована у Лафонтена — «Les Membres et l'Estomac».

ПРОТОКОЛ

Напечатана в «Притчах» 1762, кн. II, притча 33.

Стих 34: Его поймать — т. е. чорта.

Стих 37: Справок ты не умножай — т. е. не умножай

судебных поисков, допросов и т. под. (Справка — документ судебного и административного процесса.)

КИСЕЛЬНИК

Напечатана в журнале «Полезное Увеселение», в мае 1761 года, (№ 19) потом в «Притчах» 1762, кн. II, притча 37. Здесь — текст журнала. Заимствована из проповеди Феофана Прокоповича. (Феофана Прокоповича... «Слова и речи», ч. I, 1760, стр. 263. Ср. у Заусцинского, назв. соч., стр. 110).

Стихи 1—2: Гороховой кисель мужик носил и конопляно масло — т. е. торговал в разнос с лотка гороховым киселем и конопляным маслом.

Стих 10: в олтарь — в церковь, в алтарь.

ЮПИТЕР, СОКОЛ И ЩУКА

Напечатана в журнале «Праздное время в пользу употребленное», в номере за 14/X 1760 г.; потом в «Притчах» 1762, кн. II, притча 38 под названием «Мост». Здесь — текст журнала.

Стих 3: На откуп... вытер — повидимому, взял на откуп, уплатил казне за эксплоатацию моста известную сумму и получил право брать за переход через него плату.

Стих 12: ременный жгут — кнут, орудие пытки и казни в XVIII веке.

ВОЛЯ И НЕВОЛЯ

Напечатана в «Притчах», 1762, кн. II, притча 39; заимствована из Лафонтена «Le Loup et le Chien».

ЗМЕИ ГОЛОВА И ХВОСТ

Напечатана в «Притчах» 1769, кн. III, притча 19; заимствована из Лафонтена «La Tête et la Queue du Serpent».

ВЫСОКОМЕРНАЯ МУХА

Напечатана в «Притчах» 1769, кн. III пр. 23. К теме этой Сумароков возвращался неоднократно; ср. Притчи «Услужливый комар», «Комар», «Муха и Карета», «Тяжелый комар». Эти притчи (как и «Высокомерная муха») все более или менее связаны с баснями Лафонтена «Le Cocher et la Mouche» («Кучер и Муха») и Федра «Musca et Mus» («Муха и Лошак»).

Стих 7. — «взрючено» — т. е. взвалено.

СОЛОВЕЙ И КУКУШКА

Напечатана в «Притчах» 1769, кн. III, притча 26.

Вероятно, Сумароков имел в виду в этой притче самого себя (Соловей). Мотив соловьев и кукушек, — вероятно имея в виду напомнить именно эту свою притчу, — Сумароков положил в основу эпиграммы «На место соловьев кукушки здесь кукуют» (Полн. собр. соч., 1781, IX, стр. 134), написанной по поводу его ссоры с

московским главнокомандующим гр. П. С. Салтыковым; эта ссора, связанная с постановкой трагедии Сумарокова «Синав и Трувор», вызвала ядовитое письмо Екатерины II к Сумарокову. (Ср. также притчу «Кукушка и Ребята», Полн. собр. соч., 1781, т. VII, стр. 223.)

АРАП

Напечатана в «Притчах» 1769, кн. III, притча 29. — Мотив заимствован из басни Эзопа «Эфиоп» (см. К. Заусцинский, указ. соч.). Притча посвящена приятелю Сумарокова Г. В. Козицкому (ум. в 1775 году), ученому и литератору, секретарю Екатерины II.

Сумароков ставил высоко вкус Козицкого и его понимание языка и литературы. В 1769 году Козицкий принимал участие в редактировании сатирического журнала «Всякая всячина», руководителем которого была императрица. Он облегчал также сношения Сумарокова с Екатериной.

Арап — т. е. негр.

Стих 4: Сатиру чтя — т. е. читая сатиру.

Стих 11: покров — покровительство, опора.

ПОРЧА ЯЗЫКА

Напечатана в «Притчах» 1769, кн. III, притча 30 (непосредственно вслед за предыдущей). — Притча посвящена Н. Н. Мотонису (ум. 1787 г.), другу Г. Козицкого (см. предыдущее стихотворение) и Сумарокова, филологу и литератору (он служил в Академии Наук). Когда Сумароков жил в Москве, Мотонис вместе с Козицким читал корректуры его произведений, издаваемых в Петербурге. В 1760 году Мотонис напечатал в журнале «Праздное время в пользу употребленное» (№ от 21/X) латинское стихотворение «к образу Петра Великого», при стихотворном же переводе Сумарокова. Еще в 1759 году Мотонис, так же как Козицкий, сотрудничал в «Трудовой Пчеле» Сумарокова.

Стих 5: которые ругаются собою. — Смысл, по-видимому, таков: которые издеваются над самими собою, отрекаясь от своего достояния (например, от «отечественного» языка).

ЧИНОЛЮБИВАЯ СВИНЬЯ

Напечатана в «Притчах» 1769, кн. III, притча 38.

Стихи 3—4. — Римский император Кай Калигула (I в.) так любил свою лошадь, что, как говорят, хотел даже назначить ее консулом. Ср. ниже притчу «Калигулина лошадь» (стр. 275).

Стих 6: припадки — т. е. фавор; припадочный человек — фаворит, человек в «милости» у двора.

ПТИЧНИК И СКВОРЕЦ

Напечатана в «Притчах», 1769, кн. III, притча 49; заимствована из басни Летранжа «Птицелов и Скворец» (Заущинский, стр. 115).

Стих 1: народен — т. е. многолюден.

ИСТИННА

Напечатана в «Притчах» 1769, кн. III, притча 60.

Стих 5: Семь тысяч лет — т. е. с самого основания мира; по церковному счету начало нашей эры падает на 5508 г. с основания мира, т. е. в 1769 г. прошло с основания мира 7277 лет.

ПУЧОК ЛУЧИНЫ

Напечатана впервые в Полн. собр. соч. 1781, т. VII, притчи, книга IV, притча 7. Основной мотив заимствован из басни Лафонтена «Le Vieillard et ses Enfants» (Старик и его дети), в свою очередь заимствованной у Эзопа. Сумароков применил этот мотив к русской истории удельного периода (средние века). Он считает, что победа татар, подчинивших Россию своему «игу» в XIII столетии, объясняется междоусобиями князей, владевших отдельными уделами — частями страны.

ОСЬ И БЫК

Напечатана в журнале «Всякая Всячина» 1769, стр. 34, без названия, которое дано в Полн. собр. соч. 1781, ч. VII, Притчи, кн. IV, пр. 17.

Стих 12: тяглo... тянет — смысл: работает на него на барщине, чтобы доставить ему деньги на игру в карты. Тяглo — экономическая единица крепостной эксплоатации — крестьянская семья, затем — экономическая повинность семьи; отсюда — вообще экономическая повинность.

МЫШАЧЬЯ ПРОСЬБА

Напечатана впервые в Полн. собр. соч. 1781, т. VII, Притчи, кн. IV, притча 56. Эта басня приближается по содержанию к басне Лафонтена «Les grenouilles qui demandent un roi»; ср. ниже басню «Голуби и Коршун».

Стих 12. — Юпитер в римской мифологии соответствовал Зевесу — в греческой; поэтому Сумароков называет царя богов обоими этими именами безразлично (ср. ст. 3).

ВОРОНА И ЛИСА

Напечатана впервые в Полн. собр. соч. 1781, т. VII, Притчи, книга V, притча 6; заимствована из басни Лафонтена «Le Corbeau et le Renard» (Ворона и лисица), имеющей прообразы и у Эзопа и у Федра. Это — вторая басенная обработка той же темы. Первая редакция той же по существу басни была напечатана в журнале «Праздное время в пользу употребленное», в номере за 23 сент. 1760 года («Ворона и Лисица») и потом, в сильно сокращенном виде, в «Притчах» 1762, т. II, притча 30. — И. А. Крылов заимствовал кое-что из сумароковской притчи для своей общеизвестной басни.

КУЛАШНЫЙ БОЙ

Напечатана впервые в Полн. собр. соч. 1781, т. VII, Притчи, кн. V, притча 11.

В XVIII веке уличные кулачные бои были еще бытовым явлением.

ГОЛУБИ И КОРШУН

Напечатана впервые в Полн. собр. соч., 1781, т. VII, Притчи, кн. V, притча 28.

Заимствовано из басни Федра «Milvus et Columbae».

НЕДОСТАТОК ВРЕМЕНИ

Напечатана впервые в Полн. собр. соч. 1781 году, т. VII, Притчи, кн. V, Притчи 30.

Стих 17: П р и л о г — приложенье, прибавка.

Стих 45: К л о б — клуб.

ЕДИНОВЛАСТИЕ

Напечатана впервые там же. Притчи книга V, пр. 68.

Ст. 15 — неполный стих — так напечатан у Новикова в Полн. собр. соч. Возможно, что Новиков не разобрал этого места в рукописи. Может быть также,что притча не была окончательно обработана Сумароковым.

КОРШУН В ПАВЛИНЬИХ ПЕРЬЯХ

Напечатана в журнале «Праздное время в пользу употребленное», в номере от 14 октября 1760 г.

Заимствована из басни Федра «Graculus superbus et Pavo».

ОБЕЗЬЯНА СТИХОТВОРЕЦ

Напечатана в журнале «Свободные Часы» за апрель 1763 года. Эта басня представляет собой памфлет против Ломоносова.

Стих 2: к о т о р ы е о н а К а с т и л ь с к и м з в а л а. — У Ломоносова в оде 1739 года, в стихе 17 (в изданиях 1751 и 1757 годов) напечатано: «умой росой кастильской очи» — ошибочно, вместо — кастальской. Сумароков высмеял эту опечатку и в пародии на оду Ломоносова. (См. здесь стр. 302.)

Стих 4: ч т о в м е с т о Г р е ц и и в И с п а н и и б ы л а. Древняя Греция — в понимании писателей эпохи классицизма — родина искусств, страна высокого процветания литературы. Здесь у Сумарокова опять намек на ту же опечатку (к а с т и л ь с к и е вместо к а с т а л ь с к и е; К а с т и л и я — часть Испании).

Стихи 12—16. — Пародия на стихи Ломоносова. Ср. у Ломоносова в оде на день восшествия на престол Елисаветы Петровны (1746 года): «Что вихри в вихри ударялись, И тучи с тучами спирались, И устремлялся гром на гром» (строфа 9) и «Там грозный злится исполин... Он ревом бездну возмущает, Лесисты с мест бугры хватает, И в твердь сквозь облака разит...» (строфа 10) или — в оде на прибытие Елисаветы Петровны из Москвы в Петербург 1742. — «Огня ревущего удары.... тяжких гор сердца трясут» (строфа 16), «Но холмы и древа, скачите»... (строфа 26). В заметке Сумарокова «Рассмотрение од г. Ломоносова» (Полн. собр. соч. 1781, т. X) строфа десятая первой из указанных од и строфы шестнадцатая и двадцать шестая — второй отнесены к строфам, «по моему мнению требующим большого исправления». Что же касается строфы 9 оды 1746 года, она признана «хорошей».

Стих 18: п у х л ы й п е в е ц — т. е. надутый, напыщенный поэт.

ОВЦА

Напечатана в «Притчах» 1762, кн. I, притча 40.

Стих 15: Ч е л о б и т ь е — прошение; П р и к а з — канцелярия, правительственное учреждение.

ШЕРШНИ

Напечатана в «Притчах» 1762, кн. I, пр. 41. Мотив заимствован из басни Эзопа «Осы в меду» (К. З а у с ц и н с к и й, назв. соч.).

СОВА И РИФМАЧ

Напечатана в «Притчах» 1762, кн. I. притча 44. Вероятнее всего в этой притче имеется в виду Тредиаковский.

СОБОЛЬЯ ШУБА

Напечатана в «Притчах», 1762, кн. I, притча 46.

КОЛОВРАТНОСТЬ

Напечатана в «Притчах» кн. I, притча 48.

К о л о в р а т н о с т ь — значит круговращение, превратность.

КРОКОДИЛ И СОБАКА

Напечатана в «Притчах» 1762, кн. II, притча 50; заимствована из басни Федра «Canis et Crocodilus» (Собака и крокодил).

СТАРИК И ОСЕЛ

Напечатана в «Притчах» 1762, кн. II, притча 53; заимствована из басни Федра «Asinus ad Senem» (Осел — старику).

ДЕВКА

Напечатана в «Притчах» 1762, кн. II, притча 58.

ЛЕВ И КЛОП

Напечатана в «Притчах» 1762, кн. II, притча 59.

КАЛИГУЛИНА ЛОШАДЬ

Напечатана в «Притчах» 1769, кн. III, притча 55.

Римский император Кай Калигула (I в.) так любил свою лошадь, что, как говорят, хотел даже назначить ее консулом и посадить в качестве такового в Сенат.

Стихи 7—13. В «Притчах» — опечатка — р ж а н ь е вместо р ж а н и е, исправленная Новиковым в Полн. собр. соч., т. VII.

Стих 8: П о п р е с т а в л е н и и — т. е. по смерти.

Стих 10: П а т р и ц и й — аристократ (в древнем Риме).

Стих 12: Н е в т о н — т. е. Исаак Ньютон, великий английский ученый (1643—1727), всю жизнь провел в бедности.

СТРЯПЧИЙ

Напечатана в «Притчах» 1769, кн. III, притча 56.

С т р я п ч и й — судебный делец.

Стих 6: Д ь я к — судебный чиновник.

БЛОХА

Напечатана (без названия) в журнале «Всякая Всячина» 1769, стр. 34. Название придано в «Полн. собр. соч.» 1781, т. VII, Притчи, кн. V, притча 67.

Стих 3: Н а в о е в о д с т в о п р о с и т — т. е. просится на воеводство. Воевода — в старой Руси — должность правителя края или города.

ФИЛЛИДА

Напечатана в «Притчах» 1762, кн. I, притча 55.

Тема взята из древнегреческой легенды, обработанной в «Героиде» Овидия — «Филлида Демофонту» (см. Овидий. Баллады — Послания, перев. Ф. Зелинского, М. 1913, стр. 57—63). Корабли афинского царевича Демофонта были занесены ветрами во Фракию. Здесь Демофонта гостеприимно встретила молодая царица Филлида. Они полюбили друг друга. Демсфонт уехал в Афины, обещав вернуться, но надолго был задержан на родине. (Далее, по легенде, Филлида повесилась, и боги превратили ее в миндальное дерево, — по гречески — «Филлис». Когда Демофонт, наконец, приехал за ней, ему указали сухое дерево; он обнял дерево, и оно покрылось листьями. См. там же.)

Ломоносов обработал ту же тему в трагедии «Демофонт» (1752). У него Демофонт изменил Филлиде (царевне Фракийской) ради троянской царевны Илионы, но ему не удается уехать из Фракии, он погибает так же, как Филлида.

Сумароковская притча восходит к стихотворению Овидия, а не к ломоносовской версии.

КОМАР

Напечатана в «Притчах» 1762, кн. I, притча 56.

О теме этой притчи см. выше в примечании к притче «Высокомерная муха».

Стих 10: т р у д н я й и з в о з ч и к о в а к л и к а. — Смысл: гора более трудна, чем крики извозчика, т. е. гора более задерживает движение лошади, чем крики извозчика понукают ее.

ПРОХОЖИЙ И РЕКА

Напечатана в журнале «Полезное Увеселение» за май 1761 года, потом — в «Притчах» 1769, т. III, притча 65, под названием «Любовь».

НАДПИСИ

К СТАТУЕ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Напечатана в журнале «Ежемесячные Сочинения к пользе и увеселению служащие» за июль 1756 года.

РАЗБИТ ВИЗИРЬ...

Напечатана впервые в Полн. собр. соч. 1781, т. I.

Надпись написана по поводу побед русских войск во время турецкой войны 1768—1774 годов (вероятнее всего по поводу победы П. А. Румянцева при Кагуле — 21 июля 1770 года). Сумароков написал всего восемь таких крестообразных надписей (они требуют особого набора)

РАЗНЫЕ МЕЛКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

МАДРИГАЛ

Напечатан в журнале «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие» за март 1756 года.

Стихотворение является м а д р и г а л о м (поэтическим комплиментом, похвалой) Карестини, итальянскому оперному певцу. В начале его Сумароков излагает свои взгляды на оперу («драма» — в ст. 1).

АПРЕЛЯ ПЕРЬВОЕ ЧИСЛО

Напечатано в журнале «Трудолюбивая Пчела» за май 1759 года.

СПРАВКА

Напечатана в журнале «Трудолюбивая Пчела» за июнь 1759 года.

Стихотворение представляет собою эпиграмму — пародию на канцелярские бумаги как по содержанию, так и по слогу. «И м е е т б ы т ь», «к а з е н н ы й и н т е р е с», «п о н е ж е» (поскольку, так как) «п о м я н у т о й» и др. — типические формулы канцелярской речи.

СЛАВА

Напечатана в журнале «Трудолюбивая Пчела» за август 1759 года.

ДИКОВИНКА

Напечатана в журнале «Трудолюбивая Пчела» за октябрь 1759 года.

Сумарокова, как истого дворянина с феодальными замашками, возмущает, что подьячий, т. е. канцелярист, не-дворянин (у Сумарокова чаще всего — судебный чиновник, взяточник) едет цугом,

тогда как цуг — т. е. упряжка кареты в несколько лошадей попарно — являлся привилегией и признаком дворянина немалого чина. Сумароков предполагает, что «подьячий» может добиться цуга (и права на него) только плутовством.

ЕРМОЛКА

Напечатано в журнале «Праздное время в пользу употребленное», в номере за 18 ноября 1760 года.

Повидимому — это эпиграмма на определенное лицо (скорей всего купца-откупщика или может быть судейского чиновника).

ДВАДЦАТЬ ДВЕ РИФМЫ

Напечатано в 1774 году в отдельной листовке (вместе с «Песней, подраженной Горацию»; перепечатано в Полн. собр. соч. 1781, т. VIII, песня 34).

Это стихотворение адресовано к Г. А. Потемкину (фавориту имп. Екатерины), впоследствии светлейшему князю, как раз в это время бывшему в первой поре своего придворного успеха. Потемкина, человека не чуждого образованности и литературных интересов, знатока древних языков, долго занимал вопрос о создании на русском языке стихов без рифм. Сумароков обещал ему написать трагедию без рифм (Ср. его письмо к Потемкину от 10 июля 1775 года «Я... воздам Вашему Сиятельству сочинением новой трагедии без рифм, как вы мне приказывать изволили»). В 1774 году он издал в отдельной листовке эпиграмму на некоторые явления современной поэзии и, между прочим, на перевод трагедии Корнеля «Смерть Помпеева», сделанный Я. Б. Княжниным в стихах без рифм (издан в 1779 году). Обругав перевод (может быть именно из-за отсутствия в нем рифм), Сумароков в то же время опубликовал тут же «Уведомление», где давал уклончивый отзыв на «заказ» Потемкина: «обещал я, по требованию некоторого знатного господина и искусного в российском языке и в словесных науках человека, сочинить трагедию без рифм. Сей род писания у нас с лучшим успехом, нежели у французов быть может: но кто, не проникая, поверит тому, что сочинять стихи без рифм еще труднее, нежели с рифмами? Рифмы, когда они хороши и непринужденны, суть подпора бедным рифмачам, хотя рифмы и лишнего труда стоят: а хорошим стихотворцам, ежели они при том и хорошие стопослагатели рифмы труда мало приносят. Положенное вместо рифмы слово должно, не рифмуя, толико же сильно быти, сколько рифма; а это требует весьма искусного писателя»... и т. д. (Полн. собр. соч. 1781, т. IX, стр. 178). Тогда же Сумароков написал оду «Григорию Александровичу Потемкину» (1774) — без рифм и — также без рифм — оду на мир с Турцией 1775 года.

В ряду этих высказываний и произведений Сумарокова и стихотворение «Двадцать две рифмы» приобретает характер существенного теоретического выступления. Сумароков защищает рифму и соображениями, высказанными в стихотворении, и самой формальной структурой его, нанизывая под ряд двадцать две рифмы.

Напомню, что и В. Петров, друг Потемкина, вводил в свои оды безрифменные куски, именно с 1776 года: см. оду «На новые учреждения для управления губернией» (1776); или оду Г. А. Потемкину (именно ему) 1778 года; оду, петую «в маскераде на озерках» 1780 (Сочинения В. Петрова, ч. I, 1811). В 1774 году Державин написал оду на смерть Бибикова без рифм и — без рифм — оду на приобретение Крыма (1784); между тем, главным руководителем дела приобретения Крыма был именно Потемкин. В 1788 году Державин написал «Осень во время осады Очакова», в котором половина строф — без рифм. Осаждал Очаков именно Потемкин, воспетый в этой оде.

Стих 11: П и с ц ы — т. е. писатели.

Стих 23: Смысл: И считают, что их хижина подобна целому городу.

ОТВЕТ НА ОДУ В. И. МАЙКОВА

Напечатано в журнале «Собрание разных сочинений и новостей» на май 1776 года и (повидимому тогда же) в брошюре «Ода о вкусе Александру Петровичу Сумарокову» В. М [айкова] — без года и места. В «Собр. Новостей» «Ответ» также следует за одой Майкова.

В. И. Майков (1728—1778), поэт, автор ирои-комической поэмы «Елисей, или раздраженный Вакх», принадлежал к кругу учеников Сумарокова. В «Оде о вкусе», адресованной ему, он усиленно хвалит его и признает, что:

Твоей прелестной глас свирели,
Твоей приятной лиры глас
Моею мыслью овладели,
Пути являя на Парнасс:
Твоим согласием пленяясь,
Пою и я, воспламеняясь.

И се твоим приятным тоном
И жаром собственным влеком,
Спознался я со Аполлоном,
И Музам сделался знаком;
К Парнассу путь уже мне сведом,
Твоим к нему иду я следом.

И так, как тихому зефиру,
Тебе во след всегда лечу...

Далее он излагает свои требования к поэтическому стилю, совпадающие с сумароковскими:

Всегда мне вкус один приятен,
Который важен, чист и внятен.
. . . . . .
Не пышность — во стихах приятство;
Приятство в оных — чистота,
Не гром, но разума богатство
И важны речи — красота.
Слог должен быть и чист и ясен:
Сей вкус с природою согласен...

(Сочинения и переводы В. И. М а й к о в а, 1867, стр. 152—154.)

Еще раньше В. Майков в «Сонете к М. Н. Муравьеву» (напечатан в 1775 году) указывал пример Сумарокова как образец, которому

нужно подражать. В том же 1775 году была напечатана «Ода о суете мира, писанная к Александру Петровичу Сумарокову» В. Майкова. В 1777 году Майков написал хвалебную «Надгробную надпись Александру Петровичу Сумарокову».

Сумароков, кроме «ответа на оду В. И. Майкова», посвятил ему же басню (Полн. собр. соч. 1781, т. IX, стр. 239).

В своем «ответе» на оду о вкусе Сумароков развивает основные положения своей поэтики.

Стих 3: Гора — Парнас.

ЖАЛОБА

Напечатана впервые в Полн. собр. соч. 1781, т. IX. Другой вариант этого стихотворения напечатан в Полн. собр. соч. 1781, т. VII, среди притч (книга VI, пр. 45)

Стихи I и сл. — Во Франции сперва стихи писал машейник... и т. д. — Сумароков говорит здесь о знаменитом французском поэте XV века Франсуа Вильóне (François Villon); Вильон был замешан в ряде уголовных дел (грабеж, драки, убийства), неоднократно был судим, сидел в тюрьме, из которой был освобожден королем Людовиком XI; наконец, присужденный к повешению (у Сумарокова: «заслужил... ошейник»), он обратился с просьбой о помиловании к парламенту (высшее судебное учреждение), который заменил смертную казнь изгнанием.

Стихи 14—16. — В последние годы жизни Сумароков находился в очень стесненном материальном положении.

ЖАЛОБА

Напечатана впервые в Полн. собр. соч. 1781 т. IX, в числе «отрывков».

ЕПИГРАММЫ

КОТОРА ЛУЧШЕ ЖИЗНЬ...

Напечатана в журн. «Трудолюбивая Пчела» за июль 1759 года.

ГРАБИТЕЛИ КРИЧАТ: БРАНИТ ОН НАС...

Напечатана впервые в Полн. собр. соч. 1781, т. IX, Епиграмма 61 Ювенал — знаменитый римский сатирик I — II века.

ХОЧУ СКАЗАТЬ...

Напечатана в журнале «Праздное время, в пользу употребленное» в номере на 26 авг. 1760 года.

НЕ ВОЗНЕСЕМСЯ МЫ...

Напечатана в журнале «Ежемесячные Сочинения к пользе и увеселению служащие» за сентябрь 1756 года

Конь Калигулин — любимая лошадь римского императора Кая Калигулы (I в.), которую он собирался, по преданию, объявить консулом и посадить в качестве такового в Сенате.

БРАТ БЫЛ ИГРОК...

Напечатана в журн. «Ежемесячные Сочинения к пользе и увеселению служащие» за июнь 1755 года. Эта эпиграмма была переработана (позднее) Сумароковым в притчу (Полн. собр. соч. 1781, т. VII, Притчи, кн. IV, притча 26).

КЛЕОН ПРОГНЕВАЛСЯ...

Напечатана в том же журнале за апрель 1756 года.

КЛАВИНА СМОЛОДУ...

Напечатана там же. Эта эпиграмма заимствована с французского; она является вольной переделкой эпиграммы поэта XVII века Монтрейля (Montreuil, см. Р. Томашевская, К вопросу о французской традиции в русской эпиграмме, Поэтика, «Временник отдела слов. искусств Института истории искусств», т. I, 1926, стр. 99). Может быть и среди других эпиграмм Сумарокова имеются заимствованные — скорей всего у французских поэтов.

Я ОБЕСЧЕЩЕНА...

Напечатана в том же журнале за июнь 1756 года. Ту же тему Сумароков обработал (позднее) в притче «Генрих IV и вдова» (Полн. собр. соч. 1781, Притчи, кн. IV, притча 6.) Повидимому, тема эта заимствована с французского.

ТЫ БУДУЩЕЙ СЕБЯ...

Напечатана в журн. «Трудолюбивая Пчела» за июль 1759 года

КОТОРА ЛЮБИТСЯ...

Напечатана впервые в Полн. собр. соч. 1781, т. IX, эпиграмма 67.

НЕ РАЗ ТЫ МНЕ ЖЕНА...

Напечатана в журнале «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие» за сентябрь 1756 года.

НАГНАЛА БАБУШКА...

Напечатана в журнале «Трудолюбивая Пчела» за май 1759 года

ЧТО СКОРО РОДИЛА...

Напечатана в журн. «Трудолюбивая Пчела» за июнь 1759 года.

НЕ МНОГОЕ ЧИСЛО...

Напечатана там же

НА ТО ЛИШЬ БЫТИЕ...

Напечатана в том же журнале за июль 1759 года.

ТЫ СКАЗЫВАЕШЬ МНЕ...

Напечатана там же.

НАПРАСНО, МУЖ, ГРУСТИШЬ...

Напечатана там же.

ВЕСЬ ГОРОД Я СПРОШУ...

Напечатана в том же журнале за август 1759 года.

НА ЧТО СТОЯТИ МНЕ...

Напечатана в журнале «Праздное время в пользу употребленное», в номере от 4 марта 1760 года.

СОЖИТЕЛЬНИЦУ ХАМ...

Напечатана впервые в Полн. собр. соч. 1781, т. IX, эпиграмма 66.

Конечно, Хам — здесь не бранное слово, а имя собственное, имеющее, впрочем, иронический характер.

ОТРЕКСЯ МИРОВ-ТЫ И МИРА...

Напечатана впервые в Полн. собр. соч., 1781, т. IX, Епиграмма 95.

ТАНЦОВЩИК ТЫ БОГАТ...

Напечатана в журнале «Трудолюбивая Пчела» за июль 1759 года.

ОПАСНО ДЕВКЕ ТО...

Напечатана впервые после смерти Сумарокова в журнале «Модное ежемесячное издание» за февраль 1779 года.

РАЗБОЙНИК ПОГУБИТ...

Напечатана впервые в Полн. собр. соч. 1781, т. IX, Епиграмма 89.

МУЖИК НЕ ПОЗАБУДЕТ...

Напечатана впервые в журнале «Трудолюбивая Пчела» за сентябрь 1759 года.

За красное сукно — т. е. за судейский стол (вообще на административный пост).

ЕПИТАФИИ

Эпитафия — надгробная надпись. В XVIII веке, и в частности у Сумарокова, кроме подлинной эпитафии, относившейся к «важным» родам поэзии, эпитафия применялась и как сатирическое или нравоучительное произведение, как частный случай эпиграммы.

НА МЕСТЕ СЕМ ЛЕЖИТ...

Напечатана в журнале «Ежемесячные Сочинения к пользе и увеселению служащие» за июнь 1755 года.

ПРОХОЖИЙ, ОБЩА ВСЕМ...

Напечатана там же.

ТОМУ, КТО ЗДЕСЬ ЛЕЖИТ...

Напечатана в том же журнале за июнь 1756 года.

ТОТ, ЧЕЙ ТЫ ВИДИШЬ ГРОБ...

Напечатана впервые в Полн. собр. соч. 1781, т. IX, эпитафия 16.

ПОД КАМНЕМ СИМ ЛЕЖИТ ФИРС ФИРСОВИЧ ГОМЕР...

Напечатана впервые в Полн. собр. соч. 1781, т. IX, эпитафия 17.

Это — эпиграмма против Ломоносова, написанная, по всей вероятности, около 1761 года (во всяком случае еще при жизни Ломоносова, т. е. до 1765 года). В 1756 году Ломоносов начал работать над поэмой «Петр Великий». К 1761 году он написал две песни ее, которые и были тогда же изданы (см. Сочинения М. В. Ломоносова, изд. Акад. Наук, с примечаниями. М. И. Сухомлинова, т. II, 1893, Примечания, стр. 277). Эту-то поэму, или вернее начало ее, так и не получившее продолжения, имеет в виду Сумароков в своей эпиграмме-эпитафии.

Позднее, уже после смерти Ломоносова, на «Епитафию» Сумарокова, повидимому, известную писателям по спискам, — ответил Державин. Он написал «Вывеску» (редактор академического издания сочинений Державина, Я. К. Грот, правильно указывает, что самая форма этой эпиграммы была заимствована у Сумарокова, который написал «Вывеску» на «писаря Саву» — см. Сочинения Державина, изд. Акад. Наук, т. III, 1866, стр. 247; текст которой пародирует текст «Епитафии» Сумарокова:

Терентей здесь живет Облаевич Цербер,
Который обругал всех в свете выше мер,
Святыне плесть хулу порока в виде тщился,
Отважился, дернул, зевнул и подавился;
Хулил он, наконец, дела почтенна мужа,
Из моря чтоб сей был ему подобна лужа.

Я даю здесь неизданную до сих пор редакцию «Вывески» — по рукописи Публичной библиотеки. В указанном издании Я. К. Грота (стр. 247—248) Грот относит «Вывеску» Державина к 1768 году. При жизни обоих поэтов она не была напечатана. В первом стихе «Вывески»: Цербер — адский пес античной мифологии. В восьмом стихе имеются в виду некоторые места в комедии Сумарокова «Опекун».

Отношения между Сумароковым и Ломоносовым, дружественные до конца 40-х годов, решительно испортились, когда Сумароков

окончательно овладел своим творческим методом и когда выяснилась глубокая враждебность их мировоззрений, социальной и литературной позиции. До самой смерти Ломоносова они оставались соперниками и врагами. Они обменивались злыми эпиграммами, полемическими тирадами и т. д. Некоторые стороны этой борьбы освещены в книге Гр. Гуковскго «Русская поэзия XVIII века», 1927.

ПАРОДИИ

ОДА (ГРОМ, МОЛНИИ И ВЕЧНЫ ЛЬДИНЫ)...

Напечатана впервые в Полн. собр. соч. 1781, т. II, в отделе «Оды вздорные».

Это — пародия на оды Ломоносова, написанная по всей вероятности около 1759 года (смотри мою статью: Из истории русской оды XVIII века в сборн. «Поэтика», т. III, 1927). Сумароков написал не менее четырех од-пародий на Ломоносова. Когда он издавал журнал «Трудолюбивая Пчела» (1759), он попытался напечатать их в нем. Сохранился в делах Академии Наук (в типографии ее и под ее цензурой издавался журнал) лоскуток бумаги с распоряжением Ломоносова к сведению академических цензоров журнала: «Его сиятельство (т. е. президент Академии) вздорных од вносить не приказал. Что велеть исполнить Барсову» (цензору). См. П. П е к а р с к и й, История Академии Наук, т. II, стр. 653. «Вздорными одами» назвал оды-пародии Сумарокова и Новиков, поместив их в Полн. собр. сочинений Сумарокова во II томе. Едва ли сам Сумароков мог называть так свои пародии. Во всяком случае, на это нет никаких указаний.

Пародируя весь стиль, весь художественный метод Ломоносова, его слог, словарь, словоупотребление, манеру строить свое произведение и т. под., Сумароков иногда прямо намекал на определенные места его од. Как принципиальный противник, исходивший в своем творчестве от социального и художественного мировоззрения, враждебного ломоносовскому, почти всю жизнь боровшийся с ломоносовским течением в литературе, Сумароков использовал пародию как сильное орудие в этой борьбе. Мы укажем здесь лишь некоторые параллели к сумароковской пародии из од Ломоносова. Читатель может сам сопоставить стиль этих од с пародиями.

Стих 8: Е ф е с г о р и т, Д а м а с к п ы л а е т. — Ср. у Ломоносова Ф и с с о н ш у м и т, Б а г д а д п ы л а е т,— ода Петру Федоровичу, 1743, строфа 10).

Э ф е с — город в Малой Азии. Д а м а с к — древний город в Сирии.

Стих 9: Ц е р б е р — трехголовый пес, по греческой мифологии охранявший вход в жилище мертвых.

Стих 11: П е р с е п о л ь — одна из столиц древней Персии.

Стих 12: Ф а е т о н. — Ср. у Ломоносова ода 1742 года, строфа 9: «Т а м в и д я в ы ш е г о р и з о н т а Х о д я щ е Г о т ф с к а Ф а е т о н т а...» Ф а е т о н — герой греческой легенды, сын Гелиоса-солнца, взявшийся управлять конями колесницы отца, не сумевший этого, едва не сжегший вследствие этого вселенную и убитый Зевесом с неба.

Стих 15. — Г и г а н т ы — по греческой мифологии — чудовища, воевавшие с богами. — Ср. у Ломоносова в оде 1750 года (благодарение за милость в Сарском селе) — строфа шестнадцатая.

Стих 20: Г е р к у л е с — герой греческой легенды, убивший гидру, чудовище — многоголового змея.

Стих 22: П и к о — остров в группе Азорских островов в Атлантическом океане. (На нем большая гора — вулкан.) — Т и т а н ы — в греческой мифологии — божества-исполины, воевавшие с олимпийскими богами. Ср. у Ломоносова в оде 1742 года стр. 22.

ОДА (СРЕДИ ЗИМЫ, В ЧАСЫ МОРОЗА...)

Напечатана в Полн. собр. соч., 1781, т. II. Это — тоже пародия на оды Ломоносова. См. примечание к предыдущему стихотворению.

Стих 1. — В изд. 1781 года — явная опечатка: в ч а с м о р о з а.

Стих 13: Г и г а н т — см. примечание к предыдущему стихотворению — стих 15.

Стих 14: Е т н а — Этна, вулкан в Сицилии. Ср. у Ломоносова в оде на восшествие на престол 1746 года, стр. 10: К а к Э т н а в я р о с т и д ы м и т с я.

Стих 18: К р ы л а т ы й к о н ь — Пегас, в греческой мифологии — символ вдохновения.

Стих 19: Б у р н ы м и н о г а м и — выражение, дважды встречающееся в одах Ломоносова. (Ода 1742: «Т а м к о н и б у р н ы м и н о г а м и», и ода 1750: «И т о п ч е т б у р н ы м и н о г а м и»).

Стих 21: — П е к и н г о р и т и Р и м п ы л а е т. — Ср. примечание к предыдущему стихотворению, к стиху 8.

Стих 23: Т р о я н с к и с т е н ы. — Осада малоазиатского города Трои греками описана в Гомеровой Илиаде, а взятие его и разрушение — в Энеиде Виргилия.

Стих 28: Н а р ц и с с — по греческой легенде влюбился в собственное изображение в воде и умер от любовной тоски, после чего был превращен в цветок.

Стих 30: П ы л а й... Р и м. — По легенде, римский император I века Нерон поджег Рим, чтобы любоваться зрелищем пожара и слагать стихи о нем.

Стих 37: О р ф е ю-А м ф и о н у. О р ф е й — легендарный певец, поэт и мудрец древней Греции. А м ф и о н — тоже легендарный первый музыкант древней Греции.

Стих 40. — Явно испорченный (неполный) стих.

Стих 46: д и т и р а м б ы — т. е. дифирамбы — гимны, первоначально в честь античного бога Диониса; в терминологии эпохи классицизма дифирамб — вообще восторженное торжественное лирическое стихотворение.

Стих 47: Б а х у с — Вакх.

Стихи 65 и 66: И т а л и ю — И н д и́ ю. — Подобное ударение

имеется и у Ломоносова, например в оде на восшествие на престол 1747 года — в стр. 15 — Индия.

Стих 66: Кастильски. — У Ломоносова в оде 1739 года ст. 17, в изданиях 175 и 1757 годов: «Умой росой Кастильской очи» была опечатка: вместо Кастальской. Сумароков парадирует здесь эту опечатку.

Стих 67: Амур-реку, т. е. сибирскую реку Амур.

Стихи 71 и 73: трава зеленою рукою... заря багряною ногою и сл. Ср. у Ломоносова начало оды 1748: «Заря багряною рукою От утренних спокойных вод Выводит с солнцем за собою Твоей державы новый год».

Стихи 75 и сл.: Вы, тучи, стучами спирайтесь... и т. д. — Ср. у Ломоносова в оде 1746 года на день восшествия на престол: «Что вихри в вихри ударялись, И тучи с тучами спирались»... и т. д.

ПЕСЕНКА; КРАСОТУ НА ВАШУ СМОТРЯ...

Напечатана в комедии «Тресотиниус» в 1750 (или 1756) году. Это первое издание комедии было нам недоступно. Поэтому текст воспроизведен по Полному собр. соч. 1781, т. VIII, и сверен с текстом комедии в 15 томе сборника «Российской феатр», в котором вообще даны первые печатные редакции помещенных в нем произведений. Эта песенка — пародия на Тредиаковского. В комедии Сумарокова эту песню читает в качестве своего сочинения педант Тресотиниус, в лице которого изображен именно Тредиаковский.

ПЕСНЯ

Напечатана впервые в Полн. собр. соч. 1781, в VIII томе, в числе песен (п. 11). Это — пародия на Тредиаковского.

Стих 17 — намек на «Песенку» Тредиаковского, в начале которой есть стихи: «Поют птички Со синички Хвостом машут и лисички». Об этой «песенке» Сумароков говорит кратко, но ядовито в § XI статьи «Ответ на критику» (т. е. критику Тредиаковского) (Полн. собр. соч., 1781, т. X).

ДИФИРАМБ ПЕГАСУ

Напечатан отдельно в декабре 1766 года.

Это пародия на В. П. Петрова-одописца (1736—1799), воскрешавшего отчасти лирическую традицию Ломоносова, в частности на первую оду Петрова «На карусель», написанную в том же 1766 году.

Сумароков, считая Петрова учеником Ломоносова, уделил в начале своей пародии несколько стихов (строфы 1—2) насмешке над ломоносовскими одами (напр. «бурными ногами», «Атлант горит, Кавказ пылает» и др. — ср. в примечаниях к одам-пародиям на Ломоносова, здесь — стр. 386—889), но, начиная с третьей строфы, он целиком направляет свои стрелы против указанного стихотворения В. Петрова.

«Дифирамб Пегасу» исследован в статье Г. А. Гуковского «Из

истории русской оды» (Сб. «Поэтика», III, 1927). О слове «дифирамв» см. в примечании к пародии-оде Среди зимы в часы мороза (здесь — стр. 389).

ХОР КО ПРЕВРАТНОМУ СВЕТУ

В начале 1763 года в Москве по случаю коронации Екатерины II было организовано огромное уличное зрелище, театрализованное шествие «Торжествующая Минерва». План шествия принадлежал «первому актеру придворного театра» Ф. Г. Волкову, он же был режиссером. Хоры для зрелища написал Сумароков. Один из хоров назывался «хором ко превратному свету»; он имел 14 стихов (и заумный припев). Все хоры вместе с планом и объяснением шествия и с стихотворным описанием его, сочиненным М. М. Херасковым, были напечатаны тогда же в особой брошюре: «Торжествующая Минерва — общенародное зрелище, представленное большим маскерадом в Москве, 1763 года, генваря (30 и февр. 1 и 2) дня».

Перепечатывая в VIII томе Полн. собрания соч. (1781) Сумарокова его хоры к маскараду, Новиков присоединил к краткому «хору ко превратному свету» другую его редакцию, гораздо более длинную (93 стиха) и резко сатирическую. Можно предполагать, что эта более пространная редакция, написанная для маскарада, не могла быть введена в него по цензурным соображениям. Именно эту пространную редакцию мы и даем здесь.

В 1842 году, в анонимной статье «Хор ко превратному свету» («Русский Вестник», 1842, т. V, отд. Известий и смеси, стр. 23—28), было высказано предположение, что «хор» этот сочинен не Сумароковым, а Волковым. Аргументом в пользу этого предположения было то, что автор статьи нашел список хора с указанием авторства Волкова. На основании этого аргумента составитель статьи считает возможным приписать Волкову вообще все сатирические хоры, включенные в маскарад. Точку зрения анонимного автора 1842 года поддержал В. А. Филиппов (Факты и легенды в биографии Ф. Г. Волкова «Голос Минувшего» 1913, кн. 6, стр. 33—35).

Несмотря на недостаточность аргументации «Русского Вестника», мы не можем считать данную редакцию «хора ко превратному свету» несомненно сумароковским произведением, тем более что могут быть выставлены и идеологические соображения в пользу авторства Волкова. Поэтому мы помещаем «хор» в приложении к стихотворениям Сумарокова, как приписываемый ему. (В сборнике «XVIII век», издаваемом Пушкинским Домом Академии Наук, имеют появиться статьи П. Н. Беркова, подвергающего сомнению авторство Сумарокова относительно «Хора», и Г. А. Гуковского, безусловно отстаивающего это авторство.)

Стих 1: Прилетела на берег синица.

Стих 8: Сократы. — Сократ — греческий мудрец V в. до н. эры. Сократами Сумароков называет, повидимому, духовенство.

Стих 13: Дьяк там цуками не ездит. Цук — или цуг — упряжка в несколько лошадей попарно, составлявшая привиле-

гию чиновных людей. Сумароков возмущен тем, что судейский чиновник, канцелярист (д ь я к) ездит цугом, предполагая, что он может добиться этой чести только при помощи плутней и взяток. Ср. стихотворение Сумарокова «Диковинка» (здесь стр. 286).

Стихи 1—15: д ь я ч и х и, д ь я ч а т а — жены и дети канцеляристов, судейских (см. предыдущее примечание).

Стих 17: С а х а р п о д ь я ч и й п о к у п а е т — а не получает его в виде взятки.

Стих 21: О т к у п — порядок сбора налогов, согласно которому богатый человек (чаще всего купец) «откупал» определенную область налогов, платил казне известную сумму денег и собирал сам с населения соответственный налог, при чем все суммы, собранные им сверх уплаченного в казну, шли в его пользу. Система откупов была крайне обременительна для населения.

Стих 23. З а в т р е м т а м и с т ц а н е п и т а ю т — т. е. там не тянут до бесконечности разбирательство судебного дела, обещая истцу «завтра» все сделать.

Стих 32: Ч е т о к о н и х о т я н е н о с я т. Четки — признак внешней религиозности, ханжества.

Стих 35: Р о с т у з а к а з н о г о н е е м л ю т — т. е. не берут запрещенного (заказанного) указом процента, давая в долг. Ростовщичество было сильно развито в середине XVIII века.

Стих 38: Б р е д и т ь — к о л о б р о д и т ь. — смысл: чтобы болтать нелепицу, сплетничать, сеять ссоры.

Стих 41: Н е с м у ч а ю т — т. е. не вносят смуты.

Стих 45: П р е д б о л ь ш и х б о я р л а м п а д н е с т а в я т. — Смысл: не молятся на них как на иконы (перед которыми ставят лампады).

Стихи 53 и сл.: Т а м я з ы к о т ц о в с к и й н е в п р е з р е н ь и. — Сумароков имеет в виду моду говорить по французски, распространенную среди щеголей и «светских» людей XVIII века, вообще презиравших все «отечественное». Путешествие в Париж составляло предмет желаний всякого щеголя.

Стих 66: Я б е д ы — сутяжничество.

Стих 67: Л у ч ш е т а м д о с т о и н с т в о — н а у к а, т. е. наука там лучшее достоинство.

Стих 68: П р и к а з н ы й к р ю к — ухищрение, плутня судейских (и вообще правительственных) чиновников.

Стихи 69 и сл.: Х и т р о с т и с в о б о д н ы т а м, п о ч т е н н я й.... — Смысл, повидимому, таков: свободные соображения ума там почитаются больше, чем канцелярские судебные бумаги, затемняющие и запутывающие дело, — выписки, справки, экстракты (экстракт — краткое изложение дела).

Стих 73: Т а м к у п е ц... — повидимому, судя по размеру, не полный стих.

Стихи 84—85: К у д р и - п а р и к — нерасчесанные кудри, прическа «простых людей» (крестьян, купцов и т. д.). Парики с косами носили дворяне. — Б о л в а н — собственно, идол, статуя: бездушный, безмозглый человек.

Стих 89: М е т р е с с а — любовница (франц. maitresse)

ПРИЛОЖЕНИЕ

ОДА Ж. Б. РУССО «A LA FORTUNE» («ФОРТУНЕ», ИЛИ «К СЧАСТЬЮ») В ПЕРЕВОДЕ ЛОМОНОСОВА, СУМАРОКОВА И ТРЕДИАКОВСКОГО

Текст Ломоносова и Сумарокова по журналу «Полезное Увеселение» 1760, № 2, стр. 17—28, где читаем: «Ода господина Русо, Fortune de qui la main couronne, переведенная Г. Сумароковым и Г. Ломоносовым. Любители, знающие словесные науки, могут сами, по разных сих обеих пиитов свойству, каждого перевод узнать».[1]

Это состязание возникло из спора по поводу утверждения Ломоносова, что каждому из двусложных размеров, т. е. хорею и ямбу, свойственна специфическая эмоциональная окраска, предопределяющая обязательность сочетания его с определенной тематикой. Решение спора предоставлялось читателям. Имена поэтов даны, но каждый из переводов анонимен. Состязание 1760 года было верно понято читателями. Самый конструктивный принцип его был эстетически действен: оба перевода воспринимались вместе как одно произведение, вполне целостное. Ближайшие поколения читателей, повидимому, склонялись на сторону Ломоносова; им казалось, что в состязании точка зрения Ломоносова победила; именно его *точка зрения*, а не его дарование. Так, Державин заметил, что слог Сумарокова «не соответствует высокому содержанию подлинника». Евгений (Болховитинов) также высказался, что перевод Сумарокова кажется слабее по хореическому метру «противу ямбического Ломоносова. Ибо ямб в важных материях приличнее хорея». Ту же точку зрения поддерживал и автор «Словаря древней и новой поэзии» Остолопов.

Тредиаковский, принимавший и ранее участие в подобном состязании с Ломоносовым и Сумароковым, на этот раз взялся за перевод через пять лет после опубликования состязания 1760 года и выполнил его в шестистопных ямбах, сохранив в то же время строфу в десять стихов и рифмовку ее. (См. Г. А. Г у к о в с к и й, «К вопросу о русском классицизме. Состязания и переводы», в сборнике «Поэтика», 1928, стр. 128—130.)

Перевод Тредиаковского помещен в «Предуведомлении» к XII тому его перевода «Римской истории» Ролленя (Пб., 1765, стр. XXII — XXIX).

Ф о р т у н а — римская богиня сперва олицетворенной справедливости, награждающей добро и карающей зло, а потом, с развитием религиозного скептицизма, — слепой случайности. Ж. Б. Руссо, согласно с идеологией своей эпохи крепнущей буржуазии, прославляет в своей оде «силу разума», как это правильно подметил уже Тредиаковский (стр. XXI) и принцип «просвещенного абсолютизма».

Стих 25. — При переводе Ломоносова в «Полезном Увеселении» к этому стиху к слову т в о е м у сделано примечание: Т о е с т ь о т т е б я п р о и с х о д я щ е м у п о р о к у.

---

[1] Оба перевода были изданы и отдельно — см. С о п и к о в, Опыт русской библиографии, № 7230.

Стихи 41—50. — Сулла (136—78 до н. э.), вождь аристократической партии в Риме, расправившийся с неслыханной жестокостью с побежденными им демократами. Имя Аттилы, царя гуннов, вошло в поговорку для обозначения опустошителя: «Трава не вырастала там, где прошел его конь».

Стих 47: У Тредиаковского: по лакти — по локти.

Стихи 71—80. — Намек на битву 216 года до н. э. римлян с карфагенянами при гор. Канны в Апулии, где вождь карфагенян Аннибал нанес жестокое поражение римским военачальникам Варрону и Люцию Эмилию Павлу. Римские историки, принадлежавшие к аристократическому классу, особенно винили за это поражение консула-демократа Варрона.

Стихи 81—90. — Восхваляется римский император Тит Веспасиан (79—81 г. э.), о котором говорили, что он считал потерянным тот день, в который не сделал какого-либо доброго дела.

Стихи 91—100: Общий смысл таков: Государь философ, как афинский мудрец Сократ, никогда не дойдет до того, чтобы убить в припадке гнева, под влиянием опьянения, своего друга (Клита), как это сделал Александр Македонский.

Стихи 101—110. — Первый римский император Октавиан получил титул Августа (собственно «прибавитель», потом «прославленный») не за победы над своими противниками Антонием и Лепидом, а за водворение мира в государстве.

Стихи 121—130. — Тиберий, одержавший ряд побед над германцами, стал римским императором (I век н. эры). Римлянин Вар потерпел сильное поражение от германцев же (9 год н. э).

Стихи 141—150. — По римской легенде, легшей в основу сюжета «Энеиды» Виргилия, богиня Юнона, ненавидевшая троянцев, готовила смерть их царевичу Энею, но благодаря своей мудрости он остался невредим. Потомки Энея, римляне, впоследствии долго воевали с Карфагеном (городом, излюбленным Юноной), терпели от него много поражений, но наконец взяли его и разрушили (II в. до н. эры).

СТАТЬИ О ЛИТЕРАТУРЕ

КРИТИКА НА ОДУ

Напечатана впервые в Полн. собр. соч. Сумарокова 1781, т. X.

Статья содержит критический разбор оды Ломоносова на восшествие на престол Елизаветы Петровны 1747 года.

Статья написана до 1751 года, до издания Ломоносова, сделанного в этом году и скорей всего в 1747 году, так как на стр. 347 Сумароков говорит о своей трагедии так, что, повидимому, им написана еще всего одна трагедия, т. е. «Хорев».

Строфа II: в дательном, а не винительном — Сумароков ошибся; надо было сказать: «а не в родительном».

Имя Елисаветы (в цитате) — из боязни упомянуть царское имя в ругательной статье — заменено точками Сумароковым или, вернее, Новиковым, издателем Полн. собр. соч. Сумарокова. То же

и ниже, в стр. IV (слово «Петровы») и в стр. XIV (слово «монархия»).

Здесь ни в каком образе не представляется, т. е. не олицетворена в образе аллегорического персонажа.

Но в девятом стихе... — IX стих II строфы у Ломоносова читался так: «Но дух ее зефира тише». В изд. 1751 г. Ломоносов переделал его: «Душа ее зефира тише».

Строфа V: наш дух — есть перенос — т. е. enjambement, несовпадение синтаксического и стихового членения текста.

Строфа VII: Ето взято из моих стихов точно.— Сумароков приводит цитату из своей оды «На победы государя императора Петра Великого» (напечатанной только в 1755 году в «Ежемесячных Сочинениях»).

Строфа XV: «Имена свойственные» — т. е. собственные.

Строфа XVII: — Слово «роскошь» в XVIII веке значило — наслаждение, утеха и т. под.

Фузея — ружье.

ОТВЕТ НА КРИТИКУ

Напечатано в Полн. собр. соч. Сумарокова 1781, т. X.

Написано (судя по указанию на трагедию «Синав и Трувор», уже написанную, но еще не напечатанную) в 1750 году.

Статья представляет собой ответ на обширную работу Тредиаковского «Письмо, в котором содержится рассуждение о стихотворении поныне на свет изданном от автора двух од, двух трагедий и двух епистол (1750)», посвященную резко-враждебному разбору произведений Сумарокова. Статья Тредиаковского с некоторыми сокращениями перепечатана в нашем издании стихотворений.

Стр. 356, § III: Французская цитата из поэмы Буало «Поэтическое искусство»; перевод: «Прочь, робкие рифмачи, неповоротливый ум которых сохраняет и в исступлении школьный порядок, которые, воспевая блистательные успехи героя, подобно унылым историкам следуют хронологическому порядку». Цитата приведена с ошибкой в последнем стихе.

Стр. 356, § V: г. Л. — Ломоносов.

Стр. 357, § VIII: Французская цитата из «Поэтического искусства» Буало; перевод: «Ее (т. е. оды) бурный слог часто развивается наугад; в ней прекрасный беспорядок — результат искусства».

Стр. 357, § IX: кое трезвое пиянство... — первый стих оды Тредиаковского на взятие Гданска (по изданию его Соч. и переводов — 1752 г.), начало которой заимствовано из оды Буало на взятие Намюра (1693), первые стихи которой:

Quelle docte et sainte ivresse
Aujourd'hui me fait la loi?

т. е. какой мудрый и священный восторг (опьянение) повелевает мною сейчас.

Стр 358, § XI. — Песенка Тредиаковского, цитированная Сумароковым, помещена в сборнике стихов, приложенном к «Езде во

Остров любви» (см. Тредиаковский, Стихотворения); Оба трехстишия, которые приводит Сумароков, в тексте Тредиаковского отделены друг от друга рядом стихов.

Стр. 358, § XII. — Сумароков приводит цитаты из трагедии «Hermann» (1741) Z. E. Schlegel'я (1719—1749).

Стр. 359, § XIII. — Об окончаниях множественного числа прилагательных см. ниже, стр. 469—470.

Стр. 363, § XIX. — Терентий, т. е. Теренций, римский драматург-комик II в. до н. эры.

Стр. 363, § XX. — Сумароков не проставил количество стихов, заимствованных Расином у Еврипида.

Стр. 364, XXIV. — Трагедия «Синав и Трувор» представлена впервые в начале 1750 года (напечатана в 1751 году); в ней, действительно, всего четыре действующих лица (кроме «вестника» и пажа).

Стр. 364, § XXIV. — «Е д и п ы» — трагедии П. Корнеля «Oedipe» (1659) и Вольтера «Oedipe» (1718).

О ИСТРЕБЛЕНИИ ЧУЖИХ СЛОВ ИЗ РУССКОГО ЯЗЫКА

Напечатано в журнале Сумарокова «Трудолюбивая Пчела», январь 1759 г.

Для приводимых Сумароковым заимствований из французского и немецкого языков укажем соответственные иноязычные образцы

Frucht — (нем. фрукт).

Service — сервиз (нем. — фр.) servir служить, подавать на стол и т. п.

Antichambre — (фр.) передняя.

Kammer — (нем.) комната.

Wehen — (нем.) веять.) — отсюда веер.

Mantille — (фр.) мантилья.

Surtout — (фр.) сюртук, кафтан.

Soupe — (фр.) суп.

Gouvernante — (фр.) гувернантка, нянька.

Amante — (фр.) возлюбленная.

Atout, Roi, Dame, Valet —)фр.) козырь, король, дама, валет в картах.

Se moquer — (фр.) насмехаться.

Eloge — (фр.) похвала.

Prince, Prins — (фр., нем.) принц

Bourse — (фр.) кошелек.

Toilette. — (фр.) туалет.

Pensif — (фр.) задумчивый.

Correspondance — (фр.) корреспонденция.

Küchenmeister — (нем.) главный повар, Kuchen — пирог.

Feldscherer — (нем.) фельдшер.

Tome — (фр.) том.

Edition — (фр.) издание; editio — то же (лат.)

Génie — (фр.) остроумие, дарование, гений.

Bon sens — (фр.) рассудок.

Education — (фр.) воспитание.

Magnifique — (фр.) великолепный.

Delicat — (фр.) деликатный, мягкий.

Passion — (фр.) страсть.

Полунемецкая фраза, приводимая Сумароковым, значит: М о й муж п р и ш е л домой, п е р е л е з через забор и у п а л в грязь. Полуфранцузская фраза, следующая за ней, значит: Я р а с с т р о е н и в о т ч а я н и и (je suis en distraction et desesperé) моя в о з л ю б л е н н а я (amante) сделала мне н е в е р н о с т ь (infidelité) а я н е п р е м е н н о (a coup sur) против соперника (rival) своего буду (добиваться) у д о в л е т в о р е н и я (revanche; или — буду мстить — me venger).

С а р д е л л и — сардины (рыбки из Средиземного моря).

Ц и т р о н — лимон.

О СТИХОТВОРСТВЕ КАМЧАДАЛОВ

Напечатано в «Трудолюбивой Пчеле», январь 1759.

О НЕЕСТЕСТВЕННОСТИ

Напечатано в журнале Сумарокова «Трудолюбивая Пчела» за апрель 1759 года.

К ТИПОГРАФСКИМ НАБОРЩИКАМ

Напечатано в «Трудолюбивой Пчеле» за май 1759 года. В конце статьи помета «Продолжение впредь будет»; но продолжения не было.

О б о к о н ч а н и и м н о ж е с т в е н н о г о ч и с л а п р и л а г а т е л ь н ы х Сумароков полемизирует здесь с Ломоносовым, который предписывал писать прилагательные в им. пад. мн. ч. с окончанием *е* в муж. роде, и *я* — в женском и среднем, — и с Тредиаковским, предложившим три окончания: *и* для муж. рода, *е* — для женского, *я* — для среднего (на основании церковнославянских книг).

Стр. 576: Т о т а л м а з н е д е ш е в л е — м. б. ошибочно: вм. «не дороже».

Стр. 377: о пиррихии (стихотворная стопа, состоящая из двух кратких) в цезуре (пересечении стиха); о нападках за допущение такого метрического хода Сумароковым и ответ Сумарокова см. здесь, стр. 358.

Стр. 377: *ик* — буква v (ижица).

Стр. 378: с т р а н н а я л и т е р а — *э*.

Стр. 379: п о н е ж е т о ч и ю — т. е. так как (поскольку), только.

Стр. 379: Л е т а — т. е. слово «года», постоянно встречавшееся в датах в официальных бумагах.

ПИСЬМО О ЧТЕНИИ РОМАНОВ

Напечатано в журнале Сумарокова «Трудолюбивая Пчела» за июнь 1759 года.

Отрицательное отношение к авантюрно-любовным романам, завоевывавшим в XVIII в. все более широкую популярность в дворянской среде, характерно для всего круга, к которому принадлежал Сумароков; Херасков также нападал на них.

Телемак т. е. «Приключения Телемака» — политико-нравоучительный роман Фенелона.

Дон-Кихота Сервантеса Сумароков читал скорей всего во французском переводе.

К НЕСМЫСЛЕННЫМ РИФМОТВОРЦАМ

Напечатано в «Трудолюбивой пчеле», декабрь 1759.

Стр.: Сей новый и краткий сособ уже несколько воспринят — пародическое использование названия работы Тредиаковского о стихосложении: «Новый и краткий способ к сложению Российских стихов».

Всего более советую вам в великолепных упражняться одах — и т. д. — полемический выпад против Ломоносова.

Феофан Прокопович — ср. стр. 471.

Стр. 370: Сумароков, говоря о своих стихах, выпущенных от кадетского корпуса, имеет в виду две оды императрице Анне Ивановне, «от кадетского корпуса, сочиненные чрез Александра Сумарокова», изданные в 1740 году.

Стр. 370—371: о замене буквы *и* буквой *е* — намек на грамматику Ломоносова.

Стр. 371: Кирейки — намек на Кириака Кондратовича, поэта и переводчика, украинца по происхождению, получившего образование в Киевской духовной академии; он переводил книги с польского языка.

РАССМОТРЕНИЕ ОД Г. ЛОМОНОСОВА

Напечатано впервые в Полн. собр. сочин. Сумарокова 1781. т. X.

В этой своеобразной критической статье, состоящей почти из одних только цифр, счет од дан по изданию «Собрание разных сочинений в стихах и прозе... Михайла Ломоносова», кн. I. 1757 г.

Ода	I	этого	издания	соответствует	№	в	нашем	издании
»	II	»	»	»	№	»	»	»
»	III	»	»	»	№	»	»	»
»	IV	»	»	»	№	»	»	»
»	V	»	»	»	№	»	»	»
»	VI	»	»	»	№	»	»	»
»	VII	»	»	»	№	»	»	»
»	VIII	»	»	»	№	»	»	»
»	IX	»	»	»	№	»	»	»
»	X	»	»	»	№	»	»	»
»	XI	»	»	»	№	»	»	»
»	XII	»	»	»	№	»	»	»

В тексте Сумарокова отсутствие арабских цифр при римской цифре, обозначающей оду, показывает, что ни одна строфа данной оды не подведена под данную категорию.

О СТОПОСЛОЖЕНИИ

Напечатано впервые в Полном собр. соч. Сумарокова 1781, т. X. Статья написана между 1771 и 1777 годами. Текст ее, извлеченный Новиковым, редактором Полн. собр. соч. Сумарокова, из его бумаг, повидимому не совсем обработан.

Стр. 383—334. — Сумароков разошелся с Ломоносовым в средине сороковых годов (1745—1746 г.), когда литературно-социальная рознь сделала их врагами.

Стр. 387: Ломоносов в своей «Российской грамматике» (1755) отнес местоимения к «служебным частям слова» и отнес ряд наречий (прежде, внутри, близко, подле, около и др.) к предлогам; эти «предлоги суть купно и наречия» говорит он (§ 456).

Стр. 384: Кинольт — т. е. Кино (Quinault) — французский поэт XVII в., автор опер.

Стр. 384: Спондей — стопа в стихах, состоящая из двух долгих слогов.

Стр. 384: Н. Н. Поповский (1730—1760), ученик Ломоносова, поэт, профессор красноречия в Московском университете.

Стр. 384: О. Г. В. Козицком и Н. Н. Мотонисе см. стр. 448.

Стр. 384: то, что в моем было предприятии т. е. то, что я хотел, предполагал выразить.

Стр. » : Первая стихотворная цитата из «Героиды. Завлох к Оснельде», напечатанной в Полн. собр. соч. Сумаркова в IX томе; вторая — из оды Сумарокова на день рождения Екатерины II — 1768 г.

Стр. 387: В. Е. Ададуров (1709—ок. 1780) — литератор, учитель русского яз. Екатерины II, автор «правил росс. орфографии» (1768). Г. Н. Теплов (1717—1779)— политик и деятель Академии Наук, философ и музыкант. Г. А. Полетика (ок. 1725—1784) — писатель и общественный деятель.

Стр. 387: Лучшей... лучший. — Сумароков писал: «лутчей», «лутчий».

Стр. 388: но изображаются — В тексте ошибочно напечатано «не изображаются».

Разорати — т. е. распахать.

Стр. 389: Общество «Вольное Российское собрание» было основано в 1771 году в Москве для «исправления и совершения российского языка»; одной из его задач было составление словаря (лексикона) русского языка. Эта задача не была выполнена; был издан лишь словарь церковно-славянского языка, труд свящ. Алексеева.

Стр. 388: Бургавен — В. Бургав — знаменитый ученый врач (1768—1738).

Стр. 390: Князь К*** — А. Д. Кантемир.

» » Российский Цицерон — Феофан Прокопович (1681—1736), церковный и политический деятель, про-

поведник и писатель; он посвятил Кантемиру стихотворение с комплиментами ему.

Стр. 390: исправный министр. — Кантемир был. русским посланником (министром) в Англии и во Франции.

Стр. 390: П. Буслаев — поэт 30-х годов XVIII века. К. А. Кондратович (ок. 1703 — ок. 1790) — переводчик и поэт.

Стр. 390: стихотворная цитата из притчи Сумарокова «Филлида» (Притчи, кн. I, 1762).

Стр 391: первая стихотворная цитата из оды Ломоносова на день восшествия на престол Елисаветы Петровны — 1746 года; вторая — из оды Сумарокова на новый 1763 год.

Стр. 391—392: первая стихотворная цитата — из оперы Сумарокова «Альцеста» (1759), действ. II, явл. V; вторая — из притчи Сумарокова «Собака и Вор» (Притчи, кн. I, 1762); третья — из оперы Сумарокова «Цефал и Прокрис» (1755), действ. III, явл. VII; четвертая — из притчи Сумарокова «Вдова пьяница» («Ежемесячн. Сочин.», 1758, I).

Стр. 393: первая стихотворная цитата — из оперы Сумарокова «Цефал и Прокрис» (1755) — действ. III, явл. I; вторая — из притчи Сумарокова «Мужик с котомкой» («Ежемесячн. Сочин.» 1758. I)

Стр. 394: артикель — грамматический член.

Стр. 396: моносиллабы — односложные слова.

Стр. 397: Стих Петух взбег на крыльцо и т. д. взят из первой басенки Тредиаковского в ряду «Нескольких Эзоповых басенок для опытка гексаметрами иамбическим и хореическим составленных», — «Петух и Жемчужина» (Соч. и пер. Тредиаковского, 1752).

Стр. 397: 1-я ода Ломоносова (по изданию 1757 года) — ода на прибытие Елизаветы Петровны в Петербург 1742 года. «Шуми и веди» и т. д. — ломоносовские рифмы и выражения.

Стр. 398: Утреннее и вечернее размышления о величестве божием; см. Ломоносов, Стихотворения.

Стр. 398: Счет од дан по изданию «Собрания разн. соч. М. Ломоносова», кн. I. 1757. Сличение со счетом настоящего издания см. здесь на стр. 470.

Стр. 398: Письмо к г. Шувалову «о пользе стекла» см. Ломоносов, Стихотворения.

Стр. 400: о слове «нередко»: Сумароков считает, что отрицание не здесь следует писать отдельно.

СЛОВАРЬ

МИФОЛОГИЧЕСКИХ ИМЕН, НАЗВАНИЙ, СЛАВЯНСКИХ И УСТАРЕЛЫХ СЛОВ И ИМЕН ПИСАТЕЛЕЙ, ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ТРЕДИАКОВСКОГО, ЛОМОНОСОВА И СУМАРОКОВА

Примечание: Мифологические имена греческой мифологии обозначены буквами *Гр.*, а римской — буквой *Р.*

Август — первый римский император (I в. до н. э. и I в. н. э.). Время его правления считалась наиболее блестящим периодом («золотым веком») римской литературы.

Авзония — Италия. Авзоны — древнейшие жители Италии.

Аврора — (Avpopa) — богиня утренней зари. *(Р.)* — (Заря).

Австр — дождливый южный ветер. *(Р.)*

Аквилон — северный ветер. *(Р.)*

Актеон *(Гр.)* — охотник, увидевший купающуюся Диану, за что она превратила его в оленя, и он был растерзан собственными собаками.

Александр Великий (IV в. до н. эры) — царь Македонский, знаменитый завоеватель, покоривший Персию.

Алкать — хотеть есть, быть голодным.

Алкид (Алцид) — Геркулес *(см.)*

Амфион — легендарный фиванский царь, под музыку и пение которого камни сами громоздились один на другой при постройке фиванского кремля. *(Гр.)*

Амфитрита — богиня моря, жена Посейдона — Нептуна. *(Гр.)*

Анакреон — греч. поэт VI в. до н. эры. Его именем в XVIII в. обозначали главным образом сборник стихотворений его позднейших подражателей.

Антей — один из гигантов, сыновей Земли, которые, желая свергнуть богов с неба, громоздили горы одну на другую. *(Гр.)*

Аполлон — бог солнца, света, поэзии и искусства.

Ариосто (Ариост) — Лодовико, итальянский поэт (1474 — 1533), написавший поэму «Неистовый Роланд».

Аристофан — греческий драматург, автор комедий (V в. до н. эры).

Астрея — богиня справедливости. *(Гр.)*

Атлас (Атлант) по греч. мифол.—гигант, поддерживавший на своих плечах небо (или даже небо и землю.)

Афродита — богиня любви и красоты. *(Гр.)*

Ахиллес — герой греческих легенд и «Илиады».

Багряница — царская пурпурная одежда.
Бакх — см. Вакх.
Беллона — богиня войны. *(Р.)*
Бельт — Балтийское море.
Бессер И. — (1654—1729) — немецкий поэт.
Блато — болото *(Слав)*.
Боало — Буало.
Болван — истукан, статуя, идол.
Борей — северный ветер (и божество этого ветра). *(Гр.)*
Брань — война. *(Слав.)*
Брокес Б. Г. (у Тредиаковского — Брокс, 1680—1747) — немецкий поэт.
Буало (Николай Буало-Депрео, 1636—1711) — французский писатель, автор поэмы «Поэтическое искусство», сатир, эпистол (посланий в стихах).

Вакх — бог вина. *(Гр.)*
Вакханка (Вакханта) — женщина, преданная культу Вакха, находящаяся в вакхическом исступлении.
Вал — волна.
Венера — богиня любви и красоты. *(Р.)*
Вертоград — сад. *(Слав.)*
Веста — богиня домашнего очага. *(Р.)*
Виргилий (Публий Виргилий Марон, 70—19 до н. э.), римский поэт, автор эпической поэмы «Энеида» и др.
Виссон — драгоценная ткань (у древних).
Вольтер (Франсуа Мари Аруэ де Вольтер, 1694—1778) — Франц. поэт, драматург, философ, публицист, ученый, общественный деятель. Глава писателей — идеологов предреволюционной буржуазии.
Восток — восток.
Вуатюр Винцент (1598—1648) — франц. писатель.
Вулкан — бог огня и металлургии. *(Р.)*
Выя — шея. *(Слав.)*

Галл (Корнелий Галл, 69 — 26 до н. э.) — римский поэт.
Геенна — ад.
Геликон — гора, местопребывание Аполлона и муз. *(Гр.)*
Геркулес — герой греческих легенд, обладавший необычайной силой и совершивший ряд подвигов.
Гимен — античный бог брака.
Гинтер — см. Гюнтер.
Голиаф — библейский великан.
Гомер — полулегендарный греч. поэт, считаемый автором «Илиады» и «Одиссеи».
Гораций (Квинт Гораций Флакк, I в. до н. эры) — римский поэт.
Грации (три) — богини красоты. *(Р.)*
Гюнтер (Иоганн-Христиан, 1695 — 1723), немецкий поэт.

Давид — библейский царь — поэт.
Давнус — легендарный царь Апулии (родины Горация).

Демокрит — греч. философ V в. до н. эры. Древние изображали его постоянно смеющимся над человеческой глупостью.
Денница — диавол. *(Библ.)*
Денница — утренняя заря.
Депрео — см. Буало.
Десница — рука (собственно, правая рука). *(Слав.)*.
Диана — богиня охоты. *(Р.)*
Довлеть — долженствовать; довлеют — должны.
Дриады — нимфы лесов.

Еврипид — греч. драматург-трагик V в. до н. эры.
Егид — см. Эгид.
Едém — рай *(евр.* сад*)*.
Еклога — см. Эклога.
Елена — в греч. легендах знаменитая красавица, из-за которой возгорелась троянская война; сестра Кастора и Поллукса.
Елисейские поля — посмертное жилище блаженных, рай.
Енцелад — один из гигантов (см. *Антей)*; пораженный молнией Зевеса, он был завален горой Этной.
Еол — см. *Эол*.
Епанча — плащ.
Есоп — см. Эзоп.
Етна — см. Этна.
Ефир — см. Эфир.
Ешилл — см. Эсхил.

Железы — оковы, цепи. *(Слав)*.
Живот — жизнь. *(Слав.)*

Зразы — прелесть, очарование.
Зевес (Зевс) — верховный бог, царь богов. *(Гр.)*
Зеницы — зрачки, глаза.
Зефир — легкий ветерок (собственно — западный теплый ветер); божок этого ветра. *(Гр.)*
Зоил — греч. грамматик IV до н. эры, жестоко бранивший Гомера. Отсюда имя его стало обозначать вообще завистливого и пристрастного критика.
Золотой век — в античных легендах — эпоха полного блаженства человечества.
Зрак — взор, глаз, глаза. *(Слав.)*

Ида — гора в Малой Азии. В мифологии местопребывание Кибелы, матери богов.
Илион — Троя
Инде — кое-где, в некоторых местах.
Иовиш — то же, что Юпитер (польск. произнош.)
Иппокрена — источник на Парнассе, посвященный музам. *(Гр.)*
Ифака (Итака) — остров в греч. архипелаге, на котором было царство Одиссея, героя «Одиссеи», отца Телемака.

Кадм — мифический финикийский царевич, введший в Греции алфавит и письмо, основатель города Фив.
Камоенс (Луис де-Камоенс) 1525—1580 — португальский поэт, автор поэмы «Лузиады».
Каниц Ф. Р. Л. (1654—1699). — нем. поэт.
Кастальский источник — источник на Парнассе, посвященный музам.
Кастальские рощи — рощи на Парнассе, Парнасс.
Кимвал (кимвалы) — древний музыкальный интрумент — литавры.
Кино (1635—1688) — франц. поэт-драматург, автор опер.
Киприда (Афродита) — от острова Кипра, где был распространен ее культ.
Класы — колосья.
Корнель Пьер (1606—1684) — франц. драматург, трагик.
Коровод — хоровод.
Красный — прекрасный.
Крез — полулегендарный царь древней страны Лидии (в Малой Азии VI в. до н. эры), богатства которого вошли в поговорку.
Крин — лилия.
Купидон (Купидо, Купидин) — бог любви. *(Р.)*
Купно — вместе, вместе с тем.

Ласкать — льстить.
Лафонтен (Жан де Лафонтен, 1621—1695) — франц. поэт, автор знаменитых басен и сказок в стихах.
Лексикон — словарь.
Лик — хор. *(Слав.)*
Лопе де Вега (у Сумарокова и Тредиаковского — Лоп) — 1562—1635, испанский драматург.

Малерб (Мальгерб, Франсуа, 1555—1628) — франц. поэт.
Марс — бог войны. *(Р.)*
Марциал (43—104) — римский поэт, автор эпиграмм.
Махина — машина, орудие.
Менандр — греч. драматург-комик IV — III в. до н. эры.
Мильтон Джон (1608—1674) — англ. поэт, автор поэмы «Потерянный рай».
Минерва — богиня мудрости. *(Р.)*
Минос (Миной) — легендарный мудрый царь — судья на острове Крите.
Мольер (Жан-Батист-Поклен де Мольер, 1622—1673) — знаменитый франц. драматург-комик.
Музы — богини искусств; муз считалось девять.

Натура — природа.
Невтон — см. *Ньютон.*
Нейкирк, Б (1665—1729) — немецкий поэт, переведший в стихах «Телемака» Фенелона.
Неймейстер Э. (1671—1756) — нем. религиозный поэт.

Нектар — напиток богов. *(Гр.)*
Нептун — бог морей. *(Р.)*
Нестор — старейший по возрасту герой «Илиады».
Нимфы — божества, олицетворявшие силы природы.
Нисейская дубрава — местность, связанная с культом Вакха, помещаемая учеными в разных странах, даже в Индии.
Ньютон (Исаак, 1642—1727) — знаменитый англ. ученый, математик, астроном, философ и др.

Овидий — Публий Овидий Назон — римский поэт I в. до н. э.— I в. н. э.
Одр — постель. *(Слав.)*
Опиц Мартин (1597—1639) — нем. поэт и теоретик литературы.
Ореады — нимфы гор.
Орфей — полулегендарный поэт и мудрец древней Греции.

Паллада (Афина) — богиня мудрости. *(Гр.)*
Пан — лесное божество древних.
Панегирик — похвала; речь, заключающая похвалу, прославление кого-нибудь.
Парнасс — гора в Греции, посвященная Аполлону и музам. Символ поэзии и искусств.
Паство — стадо.
Пафос (Паф) — город на Кипре, знаменитый культом Венеры.
Пегас — крылатый конь; символ вдохновения. *(Гр.)*
Пени — жалобы.
Перл — жемчуг.
Пермесс — река в древней Греции (в Беотии), у горы Геликон, воды которой, по легенде, вдохновляли поэтов; символ поэзии.
Перси — грудь, груди.
Персий — римский поэт-сатирик I в. н. э.
Перун — главный бог языческих славян. Гром. Молния.
Пиит — поэт.
Пинд — гора в Греции, посвященная Аполлону и Музам.
Пиндар — греч. поэт одописец, V—IV в. до н. эры.
Плавт (Тит Макций Плавт) — римский драматург-комик III—II в. до н. э.
Плутон — бог подземного царства. *(Гр.)*
Подьячий — чиновник, канцелярский служащий, служащий в правительственных, главным образом судебных, учреждениях.
Позорище — зрелище.
Полденный — южный.
Полночь — север.
Полночный — северный.
Помона — богиня плодов. *(Р.)*
Понт — море.
Поп, Александр (1688—1744) — англ. поэт.
Порта — турецкое государство.
Порфира — царская мантия, красная и подбитая горностаем.

Приам — в античных легендах царь Трои, погибший при взятии этого города греками.
Прозерпина — богиня подземного царства, похищенная Плутоном, когда она собирала цветы.
Проперций (52—16 г. до н. э.) — римский поэт-лирик.

Рамо, рамена — плечо, плечи. *(Слав.)*
Расин (Жан — 1639—1699) — франц. драматург-трагик.
Раченье — старанье, усердие.
Рдиться — краснеть.
Ренье (Матюрен, 1573—1613) — французский поэт-сатирик.
Рифей — Уральский горный хребет.
Руссо (Жан-Батист, 1671—1741) — франц. поэт, автор од, стихотворных переложений псалмов, эпиграмм и др.

Сатир — божество, полукозел, получеловек. *(Гр.)*
Сатурн — отец Юпитера. По мифологии, прогнанный Юпитером с неба, он поселился в Италии, где устроил полное блаженство людей, т. наз. золотой век.
Сафо — греч. поэтесса VII—VI в. до н. эры.
Сенека — римский драматург, трагик I в. (его различают от философа Сенеки той же эпохи).
Сице — так.
Скаррон Поль (1610—1660) — французский писатель и поэт, автор комической «перелицовки» Энеиды Виргилия.
Скорбь — болезнь.
Скудель — глина; земля, прах, тлен; нечто непрочное, преходящее.
Скюдери (Скудери, Мадлена (1607—1701) — франц. писательница и поэтесса.
Соломон — библейский царь евреев, обладатель несметных богатств.
Спрягать, сопрягать — соединять.
Стогны — площади.
Столп — колонна.
Стикс — мифологическая река подземного царства («стигийский муж» — Плутон).
Сюз, де ла Сюз, Генриетта (1618—1673) — франц. поэтесса, автор элегий.

Талия — муза комедии.
Тамо — там.
Тартар — ад *(античн.* обозначение).
Тассо (Торквато Тасс, 1544—1595) — итальянский поэт, автор поэмы «Освобожденный Иерусалим».
Тать — вор.
Теренций (у Сумарокова «Терентий») — римский драматург-комик II в. до н. эры.
Тибулл (ок. 54—19 до н. э.) — римский поэт-лирик.

Тимпан — бубны, литавры (в древности).
Тифис — один из участников мифического похода арготавтов (*см.* Язон); рулевой их корабля.
Тритон — морское божество.
Троил — сын Приама, еще юношей убитый в Троянской войне.
Троя — город в Малой Азии. Осада Трои греками описана в «Илиаде» Гомера.
Тук — жир.

Урания — муза астрономии (Астрономия).

Фавн — полевое и лесное божество, полукозел-получеловек. *(Р.)*
Феб — Аполлон, бог солнца и поэзии. *(Гр.)*
Федр (I в. до н. эры — I в. н. э.) — римский баснописец.
Феокрит — греч. поэт-идиллик, III в. до н. эры.
Флора — богиня цветов и весны. *(Р.)*
Фонтенель (1657—1757) — франц. писатель и поэт, автор эклог.
Фортуна — богиня счастья; счастье, успех, богатство. *(Гр.)*
Фурия — античное божество, мучащее грешников в аду.

Хаонийский лес — местность в Эпире, области северной Греции. Голуби этого леса плеском своих крыльев давали предсказания.
Химера — мифологическое чудовище.
Хлябь — пропасть, влажная бездна.

Цербер — адский пес. *(Гр.)*
Церера — богиня жатвы. *(Р.)*
Цесарь (Юлий Цезарь, 101—44 до н. э.) — государственный деятель, полководец и писатель древнего Рима.
Цимотоя — морское божество (в переводе — «бегущая волна»). *(Гр.)*
Цитерея — прозвище Венеры от острова Цитеры в Архипелаге, где она, по легенде, вышла из морской пены.

Чада — дети.

Шмолк (1672 — 1737) — немецкий религиозный поэт.

Эгида — наводящий ужас щит Афины (Минервы) с изображением головы чудовища Горгоны; щит.
Эзоп — полулегендарный греч. баснописец VI в. до н. эры, «отец басни».
Эклога — пастушеское стихотворение (воспевающее идеальную жизнь условных пастухов золотого века).
Элисейские поля — см. *Елисейские поля.*
Эол — бог ветров. *(Гр.)*
Эрата — муза лирики.
Эрикс — сын Венеры, убитый на горе его имени в Сицилии. *(Гр.)*

Э р о т — бог любви. *(Гр.)*
Э с х и л — греч. драматург-трагик VI—V в. до н. эры (у Сумарокова — Ешилл — согласно франц. произношению).
Э ф и р — воздух; газообразная материя, по понятиям XVIII века еще более легкая, чем воздух.

Ю в е н а л — римский поэт-сатирик I—II в.
Ю н к е р (Готлиб Фридрих Вильгельм, 1702—1746) немецкий поэт, работавший в России при Академии Наук.
Ю н о н а — жена Юпитера, богиня брака, семьи. *(Р.)*
Ю п и т е р — царь богов. *(Р.)*

Я з о н — предводитель мифических богатырей Аргонавтов, привезший из Колхиды в Грецию шкуру (руно) золотого барана. *(Гр.)*
Я з ы к — народ.

ОГЛАВЛЕНИЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ

Ода к М. М. Хераскову 7
Ода (Все в пустом лишь только цвете...) 9
Гимн солнцу 11
Противу злодеев. (На морских берегах я сижу...) 13
Противу злодеев.(Ты ямбический стих во цвете...) 14
Часы. 17
Из главы III Сираха. 18
Из 3 — 16 — 63 псалмов 19
Из 4 псалма 21
Из 17 псалма 22
Из 35 псалма 24
Из 61 псалма 25
Из 80 псалма 27
Из 145 псалма. 28

ОДЫ ТОРЖЕСТВЕННЫЕ

Ода Елизавете Петровне в день ея рождения 1755 г. 29
Ода Екатерине II на день тезоименитства 1762 г. 37
Ода Екатерине II на день ее рождения 1768 г. 40
Ода Екатерине II на восшествие ее на престол 1768 г. 44
Ода Павлу Петровичу в день его тезоименитства 1771 г. . . 48
Ода Екатерине II на день ее восшествия на престол 1772 г. . . . 54

РАЗНЫЕ ОДЫ И СТАНСЫ

Станс граду Синбирску на Пугачева 57
Стихи на Пугачева 60
Гимн Венере 61
Вторая ода Сафы 63
Ода сафическая 65
Ода горациянская 67
Ода (В разлуке мучася...) 69
Станс (Сам себя я ненавижу...) 71
Ода анакреонтическая (Пляскою своей любезна...) 74
Ода анакреонтическая (Завидны те мне розы...) 75
Ода анакреонтическая (Люблю тебя, Филлида...) 76
Ода анакреонтическая (Ежели бы можно было...) 77
Ода анакреонтическая к Е. В. Хараськовой. 78

СОНЕТЫ

Когда вступил я в свет, вступив в него вопил... 80
Не трать, красавица, ты времени напрасно... 81
О существа состав без образа смешенной... 82
Сонет на отчаяние. 83

ЕЛЕГИИ

Престанешь ли моей докукой услаждаться... 84
Уже ушли от нас играние и смехи... 85
Терпи, моя душа, терпи различны муки. 87
Другим печальный стих рождает стихотворство... 88
В болезни страждешь ты: в моем нет сердце мочи... 91
Отчаянье мой дух, как фурия терзает... 92
Страдай, прискорбный дух, терзайся, грудь моя... 93
К г. Дмитревскому на смерть Ф. Г. Волкова 95

ПЕСНИ

Сокрылись те часы, как ты меня искала... 96
Мы друг друга любим, что ж нам в том с тобою... 98
Уж прошел мой век драгой... 99
Тщетно я скрываю сердца скорби люты... 103
Успокой смятенный дух... 105
Ты сердце полонила... 106
Песня подраженная Горацию «Не терзай ты себя...» 107
О места, места драгие! вы уже не милы мне... 109
Прости, мой свет, в последний раз... 111
Ах! за что тобой, жестокой, я обманута была... 113
Я любовью жажду... 115
В радостях всегдашних я тобой была... 117
Кто мне мил, в тебе, дуброва... 119
Я в разлуке, жил, в тоске, в сердце жар любви храня... 121
Прекрасная весна на паство возвратилась... 122
Не плачь так много, дорогая... 126
Когда бесстрастна ты, мой свет, в очах другого... 128
Пременились рощи, чистые луга... 130
Прошли те дни, как был я волен... 131
Ничто не может больше мне в моей тоске утехи дать... 132
Ты рушишь покой, свободу отнявши... 133
Проходи скоро, светлый день... 135
Отчего трепещет сердце, отчего пылает кровь... 137
Летите, мои вздохи, вы к той, кого люблю... 139
Уже восходит Солнце, стада идут в луга... 140
Любовь, любовь, ты сердце к утехам взманя... 141
Ты сердце распалила... 143
Негде, в маленьком леску... 145
Не гордитесь, красны девки... 147
Прости, моя любезная, мой свет, прости... 148
Не грусти, мой свет, мне грустно и самой... 149

Где ни гуляю, ни хожу... 150
В роще девки гуляли... 152
О ты крепкой, крепкой Бендер град... 154
Благополучны дни... 156
Кто хулит франмасонов... 158
Лжи на свете нет меры... 159
Песенка Савушка грешен... 160

ИДИЛЛИИ

Пойте, птички, вы свободу... 161
Без Филисы очи сиры 163

ЕКЛОГИ

Клариса 164
Дамон 167
Делия 171
Юния 175
Парфения 177

ЕПИСТОЛЫ

Епистола, о русском языке. 179
Епистола II, о стихотворстве 183
Епистола к неправедным судьям 194
Епистола к Павлу Петровичу 195

САТИРЫ

Пиит и Друг его 198
О благородстве 202
О французском языке 205
О честности 207
Наставление сыну 209
Ода от лица лжи. 213

ПРИТЧИ

Сатир и гнусные люди 217
Осел и Хозяин 219
Кошка 221
Яйцо 222
Спорщица 224
Пир у льва 225
Мышь и Кошка. Боярин и Боярыня 229
Отстреленая нога 231
Безногий солдат 232
Болван 234
Одноколка 235
Лисица и Терновый куст 237
Голова и члены 238
Протокол 239

Кисельник 241
Юпитер, Сокол и Щука 242
Воля и неволя. 243
Змеи голова и хвост 244
Высокомерная муха 246
Соловей и кукушка 247
Арап 248
Порча языка 249
Чинолюбивая свинья 250
Птичник и Скворец 251
Истинна 252
Пучок лучины 253
Ось и Бык 254
Мышачья просьба 257
Ворона и Лиса 258
Кулашный бой 259
Голуби и Коршун 260
Недостаток времени 261
Единовластие. 263
Коршун в павлиньих перьях 264
Обезьяна стихотворец 265
Овца 266
Шершни 267
Сова и Рифмач 268
Соболья шуба 269
Коловратность 270
Крокодил и Собака 271
Старик и Осел 272
Девка 273
Лев и Клоп 274
Калигулина лошадь 275
Стряпчий 276
Блоха 277
Филлида 278
Комар 279
Прохожий и Река 280
Н а д п и с и. К статуи государя императора Петра Великого. 281

РАЗНЫЕ МЕЛКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Мадригал 282
Апреля перьвое число 283
Справка 284
Слава 285
Диковинка 286
Ермолка 287
Двадцать две рифмы 288
Ответ В. И. Майкову 290
Жалоба. (Во Франции сперва стихи...) 291
Жалоба (Мне прежде, Музы...) 292

ЕПИГРАММЫ

Котора лучше жизнь: в златой ли птичке клетке... 293
Грабители кричат «бранит от нас»... . . . . —
Хочу сказать... . . . . —
Не вознесемся мы великими чинами... 294
Брат был игрок: нельзя сестрице не крушиться... . . . . —
Клеон прогневался, и злобою безмерной... . . . . —
Клавина с молоду сияла красотою... . . . . —
«Я обесчещена», пришла просить вдова... 297
Ты будущей себя женою утешаешь... . . . . —
Котора любится, жар чувствуя в крови... . . . . —
«Не раз ты мне, жена, неверность учинила... 298
Нагнала бабушка пред свадьбой внучке скуку... . . . . —
«Что скоро родила тебе по свадьбе сына... . . . . —
Не многое число друзей собрать умеет... . . . . —
На то лишь бытие твое тебе дано... . . . . —
«Ты сказываешь мне, мой друг, твоя жена... 299
«Напрасно, муж, грустишь и сердцем унываешь... . . . . —
Весь город я спрошу, спрошу и весь я двор... . . . . —
На что стояти мне как будто пред богами... . . . . —
Сожительницу Хам имеет за врага... . . . . —
Отрекся миров ты и мира... 300
Танцовщик, ты богат, профессор, ты убог... . . . . —
Опасно девке то, когда змея шипит... . . . . —
Разбойник погубит того, кого зарежет.. . . . . —
Мужик не позабудет... . . . . —

ЕПИТАФИИ

На месте сем лежит превнатной дворянин.... 301
Прохожий, обща всем живущим часть моя... . . . . —
Тому, кто здесь лежит, сплесть должно похвалы... . . . . —
Тот, чей ты видишь гроб, свой прожил век изрядно... . . . . —
Под камнем сим лежит Фирс Фирсович Гомер... . . . . —

ПАРОДИИ

О д а. Гром, молнии и вечны льдины... 302
О д а. Среди зимы в часы мороза.. 303
(П е с е н к а). Красоту на вашу смотря распалился я, ей! ей!.. 306
П е с н я. О приятное приятство... 307
Дифирамв Пегасу 309
Хор ко превратному свету 312

ПРИЛОЖЕНИЕ

Три перевода оды Ж. Б. Руссо «К счастью»
I. Перевод Ломоносова 315
II. Перевод Сумарокова 320
III. Перевод Тредиаковского. 325

СТАТЬИ О ЛИТЕРАТУРЕ

Гр. Гуковский. Литературные взгляды Сумарокова . . 333
Критика на Оду 344
Ответ на критику 355
О истреблении чужих слов из русского языка 365
О стихотворстве камчадалов 368
О неестественности 369
К типографским наборщикам 371
Письмо о чтении романов 377
К несмысленным рифмотворцам 378
Рассмотрение од г. Ломоносова 381
О стопосложении 383

ПРИМЕЧАНИЯ

Биографическая справка 405
Примечания 407
Словарь мифологических имен, названий, славянских и устарелых слов, имен писателей, встречающихся в стихотворениях Тредиаковского, Ломоносова и Сумарокова. 473